

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

4

Июль — Август

1981

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **И. Л. Андреев**, **С. А. Арутюнов**,
С. И. Брук, **Н. Г. Волкова** (зам. главн. редактора), **Л. М. Дробижева**,
Т. А. Жданко, **А. А. Зубов**, **Р. Н. Исмагилова**, **Р. Ф. Итс**, **Л. Е. Куббель**
(зам. главн. редактора), **А. А. Леонтьев**, **Б.-Р. Логашова**, **Г. Е. Марков**,
А. П. Окладников, **А. И. Першиц**, **Н. С. Полищук** (зам. главн. редактора),
П. И. Пучков, **Ю. И. Семенов**, **В. К. Соколова**, **С. А. Токарев**,
Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: 117036 Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19
телефон 126-94-91

Зав. редакцией *Е. А. Эшлиман*

С. А. Арутюнов, Ю. И. Мкртумян

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ КУЛЬТУРЫ
(На примере армянской системы питания)

В комплексе систем жизнеобеспечения любого народа одно из ключевых мест принадлежит пище, которая составляет самую первую, основную и повседневную витальную потребность человека. В свойственных разным народам наборах пищевых продуктов, способах их обработки, типах блюд, в традициях пищевого предпочтения или избегания, в организации и ритуале трапез и в других аспектах культуры, прямо или косвенно связанных с пищей, отразилась этническая и культурно-историческая специфика народов, и изучение этих явлений имеет большой культурологический интерес.

Пища снабжает человека энергией (калориями) и веществами, необходимыми для его нормального физиологического функционирования. Калорийность обеспечивается всеми тремя основными компонентами пищи, т. е. белками, жирами и углеводами (крахмалом и сахаром). Однако в калорийном балансе пищи не только у народов, знакомых с земледелием, но даже, как показывают исследования, у большинства скотоводов и неспециализированных охотников и собирателей преобладает доля углеводов растительного происхождения, и прежде всего крахмала¹. Поэтому основные источники и форма потребления крахмала в большинстве случаев могут считаться ключевыми моментами для определения системы питания этноса.

Хотя в растительных продуктах наряду с крахмалом содержатся в немалом количестве белки, соли и другие вещества, тем не менее, как правило, всегда необходимы дополнительные источники белка, в частности животного, без получения определенного количества которого человеческий организм нормально функционировать не может. Поэтому общий профиль системы питания обычно задается характеристикой ее основных крахмалистых и белковых компонентов².

Прежде чем попасть на стол, пищевые продукты проходят в своей обработке ряд этапов. Среди них можно выделить несколько основных, условно обозначив их терминами сырье, полуфабрикат, снесь и блюдо. Полуфабрикат — это продукт, прошедший определенную обработку, но еще не готовый к употреблению в пищу. Снесь — продукт, вполне готовый к употреблению в пищу без какой-либо дальнейшей обработки, притом продукт, допускающий относительно длительное хранение. Наконец, блюдо — продукт, предназначенный к употреблению более или менее непосредственно по изготовлению и не допускающий длительного хранения. Так, зерно — сырье, мука и крупы —

¹ Майский И. М. Монголия накануне революции. М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 304; Woodburn J. An introduction to Hadza ecology.— In: Man the Hunter. Chicago, 1968, p. 51.

² Покишиевский В. В. Человечество и продовольственные ресурсы. М.: Знание, 1974, с. 44—47.

полуфабрикат, хлебные изделия — снедь, каши — блюдо; мясо — сырье, вяленое мясо — полуфабрикат, колбасы — снедь, жаркое — блюдо и т. д. Разумеется, как и во всех сферах материальной культуры, границы между этими условно выделяемыми категориями не абсолютны. Например, хотя сыры — это преимущественно снедь, тем не менее некоторые виды творожно-сырных изделий в основном могут служить полуфабрикатами при изготовлении блюд, а другие виды, предназначенные к непосредственному употреблению, скорее должны рассматриваться как блюдо.

Особый интерес с историко-этнографической точки зрения представляют встречающиеся почти у каждого народа специфические виды пищи и специальные блюда, непохожие на повседневные и имеющие праздничное или ритуальное назначение. Одни из них просто несут праздничную окраску и могут быть приготовлены по случаю любого праздника или трапезы, отличающейся от обычной большей торжественностью, присутствием почетных гостей и т. д. Другие четко приурочены к определенным календарным праздникам или моментам жизненного цикла: таковы новогодние блюда, церемониальные свадебные блюда, ритуальные похоронно-поминальные блюда, жертвенная пища и т. д. Специфический интерес, который представляет изучение этих блюд, заключается в том, что иногда среди них представлены архаические, уже вышедшие из употребления в повседневной жизни. Порой же, напротив, блюдо, первоначально ритуального, знакового содержания, в ходе истории постепенно превращается просто в праздничное, а затем даже в повседневное.

В соответствии с религиозными представлениями, поверьями и их пережитками, бытующими среди данного этноса, в системе его питания утверждается ряд правил, имеющих ритуально-культовый характер. С одной стороны, это могут быть предписанные традиционной нормой действия, с другой — запреты на какие-либо противопоказанные действия. Особенно наглядным проявлением таких ритуально-культовых ограничений являются постоянные или временные запреты на определенные пищевые продукты, а также посты, обычно включающие и ряд других предписаний помимо пищевых.

Каждому этносу присуща своя система питания, чем-то похожая на системы питания других этносов, а чем-то отличающаяся от них. Для упорядоченного сравнительного изучения разных систем питания необходимо выработать их классификацию. В данной работе такая попытка предпринята на основе анализа главным образом одного конкретного примера, а именно системы питания армян. Мы описываем и анализируем здесь традиционную систему питания в том виде, в каком она существовала у армянского сельского населения на рубеже XIX—XX вв. В наши дни она обогатилась в основном за счет взаимодействия с кухней других народов СССР, но в целом в значительной мере сохраняет свой традиционный облик.

Проблемы классификации в той или иной форме возникают в ходе любого этнографического исследования, ибо этнографическая наука имеет дело с такими явлениями, которые предполагают наличие определенной повторяемости. Уже сама по себе повторяемость явлений во времени и пространстве дает возможность их группировки и создания различных классификационных систем в зависимости от познавательных задач исследования.

В отдельных разделах этнографической науки создано немало удачных, детально разработанных, глубоко научно обоснованных классификационных схем. В советской этнографии к высшим и наиболее общим образцам таких классификаций принадлежат типология этнических общностей, выделение хозяйственно-культурных типов (ХКТ) и категорий историко-этнографических областей (ИЭО) и районов и др. Несмотря на наличие различных мнений в отношении числа выделяемых

типов, их соотношения, терминологии и других более частных вопросов, в общих принципах построения подобных классификаций советские этнографы, можно сказать, придерживаются весьма близких взглядов³. Что касается классификации конкретных явлений культуры, носящих более дробный и частный характер, то примеров подобных классификаций очень много: существуют классификации, созданные для различных явлений материальной и духовной культуры и их отдельных элементов, как, например, классификации средств транспорта, одежды, жилища и т. д.⁴.

Однако большинство имеющихся конкретных классификаций явлений и элементов отдельных сфер и подразделений культуры осуществлено в отрыве от типологических классификаций высшего уровня обобщения и не предусматривает их дальнейшей вписываемости в классификационные схемы, охватывающие более широкие культурные категории, вплоть до культуры отдельного общества и в конечном счете всего человечества.

Из работ, содержащих попытку дать общую классификацию явлений материальной культуры, надо отметить труд А. Леруа-Гурана, на примере которого, несмотря на все его достоинства, отчетливо видны и все недостатки формально-дескриптивного подхода к построению подобных классификаций, или классификационных схем⁵.

При создании классификационных схем не только в области материальной культуры, но и в значительной степени и в области духовной культуры нам представляется важным рассматривать подвергаемые классификации явления как составные части более сложного и емкого комплекса, а именно хозяйственно-культурного типа; нельзя упускать из вида, что начиная с момента сложения любого конкретного ХКТ и в дальнейшем ходе его функционирования и развития все составные элементы ХКТ находятся в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности.

Вопрос о группировке ХКТ и о принципах более дробной хозяйственно-культурной типологии все еще является предметом дискуссий, в ходе которых высказываются весьма различные мнения. В частности, нам представляется, что до сих пор еще не проводится достаточно четкого различия между родственными и конвергентными ХКТ. Так, если ХКТ мотыжных земледельцев тропических лесов Старого и Нового Света имеют самостоятельное происхождение и сходство их обусловлено лишь действием сходных факторов и общих закономерностей, то все ХКТ плужных земледельцев Старого Света (за возможным исключением Восточной и Юго-Восточной Азии) восходят к общему источнику и родственны между собой, несмотря на все их различия.

В каждом регионе ХКТ специализированных оседлых рыболовов — в Приамурье, на Камчатке, Северо-Западном побережье Северной Америки и др., направление хозяйства и связанные с ним культурно-

³ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 125; Андрианов Б. В. Чебоксаров Н. Н. Историко-этнографические области. — Сов. этнография, 1975, № 3; Их же. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования. — Сов. этнография, 1972, № 2.

⁴ Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы. М.: Наука, 1968; Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М.: Наука, 1979; Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1970; Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения). — Восточнославянский сборник. Т. 31. М.: Изд-во АН СССР, 1956 (Тр. Ин-та этнографии АН СССР); Чижикова Л. Н. Изучение сельского жилища восточных славян. Итоги и задачи классификации. — Сов. этнография, 1976, № 4; Вийрес А. О. История крестьянского транспорта в Прибалтике: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра истор. наук. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1979; Сычев Л. П., Сычев В. Л. Китайский костюм. Символика, история, трактовка в литературе и искусстве. М.: Наука, 1975.

⁵ Leroi-Gourhan A. Milieu et techniques. Paris, 1945; *Idem*. L'homme et la matiere. Paris, 1943.

бытовые особенности складывались самостоятельно, в отличие, например, от ХКТ оленеводов: таежное и тундровое оленеводство при всем многообразии своих вариантов имеет единые истоки и общий центр происхождения.

Последовательное различение конвергентных и родственных ХКТ, на наш взгляд, методологически очень важно именно при построении классификационных схем по образующим их отдельным компонентам культуры и хозяйства, ибо в случае родственных ХКТ желательно учитывать не только структурные, но и генетические параметры, при анализе же конвергентных ХКТ могут приниматься во внимание лишь структурные параметры, так как отсутствие генетических связей в данном случае принято за постулат.

Попытка типологизации такого рода, учитывающей не только структурные, но и генетические параметры, в данной работе предпринимается на примере системы питания как одной из важнейших составных жизнеобеспечивающего сектора культуры.

Традиционная культура армянского народа вписывается, как известно, в переднеазиатский культурный ареал.

Не предваряя во многом еще спорного вопроса о количестве первичных очагов становления производящего хозяйства, можно считать несомненным, что во всяком случае важнейшим из таких очагов был Переднеазиатский центр одомашнивания полезных растений и животных, который в расширенном понимании включает также территорию Армянского нагорья и Кавказа, особенно Южного⁶. Именно здесь сложился тот хозяйственный комплекс, варианты которого легли в основу целого ряда ХКТ, распространившихся затем по всей Евразии, кроме ее крайнего Севера, Востока и Юго-Востока. В то же время следует отметить, что за пределами Евразии до новейшего времени этот комплекс ХКТ и связанных с ним весьма специфических особенностей питания практически нигде, за исключением небольшой части Северной Африки, не получил распространения. Речь идет о хозяйстве, основанном на возделывании зерновых культур в неперменном сочетании с разведением крупного и мелкого рогатого скота и с использованием широкой гаммы получаемых от него продуктов, как мясных, так и молочных, при очень сложной и разнообразной ферментационной обработке последних (сыроварение, маслоделие и др.).

Мы не ставим себе здесь целью дать всеобъемлющую картину эволюции форм и компонентов системы питания у армян во все исторические эпохи. Ясно, что такая задача потребовала бы гораздо более обширного материала и фундаментального рассмотрения, чем то, которое можно произвести в рамках данной работы. Поэтому мы пойдем по пути последовательной классификационной дихотомизации, выделяя все более и более низкие классификационные таксоны, что в конечном итоге подведет нас к этнографически хорошо прослеживаемой ситуации рубежа XIX—XX вв., в которой, однако, представляется возможным выделить пласты, весьма различные по времени образования. Их ретроспективный анализ может способствовать не только познанию механизмов формирования и развития системы питания как общечеловеческой культурной категории, но и выявлению качественного своеобразия компонентов системы питания у армян и соседних с ними народов, имеющих во многом аналогичные пищевые традиции. Определение роли и места каждого из элементов данной конкретной системы питания в ее исторической и функциональной сбалансированности может иметь определенное теоретическое значение для понимания культуры как универсального адаптивно-адаптирующего механизма.

⁶ Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи. Л.: Наука, 1971; Синская Е. Н. Историческая география культурной флоры. Л.: Наука, 1969.

В качестве первого этапа такой дихотомизации мы выделяем два основных типа, критерием различения которых является способ получения растительного компонента пищи: собирательство или земледелие. Что касается мясной пищи, то способ получения ее (охота или скотоводство) не влияет, как правило, существенно ни на качественный состав потребляемого мяса, ни даже на удельный вес его в общей системе питания. Здесь возможны самые широкие вариации. Напротив, при переходе к земледелию существенно изменяются именно качественные показатели растительной пищи. Намечается резкое преобладание продуктов одного-двух видов культурных растений, и среди разных компонентов растительной пищи резко возрастает доля крахмального компонента.

Правда, иногда этот сдвиг опережает появление земледелия, так как в известной мере он присутствует уже в ХКТ «собирателей урожая», но про последних чаще всего можно сказать, что они находятся на пороге земледелия.

В конкретном применении к анализу армянской системы питания этот этап дихотомизации означает констатацию того, что основная масса растительного компонента пищи в традиционной армянской культуре получалась через земледелие; собирательство, как мы увидим ниже, присутствовало почти непременно, но имело сугубо вспомогательное значение. Такая ситуация сложилась на Армянском нагорье уже с периода неолита⁷.

На следующем этапе дихотомизации, в рамках земледельческого типа системы питания, можно выделить два подтипа в зависимости от того, какие культурные растения являются основным источником крахмала в пище — зерновые или незерновые (корнеплоды, клубнеплоды).

У армян среди всех земледельческих продуктов решительно преобладали зерновые, в основном пшеница и полба; в наиболее высокогорных районах с особо суровым климатом на первое место мог выступать ячмень, который, однако, неизменно воспринимался как вынужденный заменитель пшеницы.

Далее, вслед за типом и подтипом, можно выделить класс систем питания. В рамках зернового подтипа, каковым является система питания у армян, также можно выделить два класса в зависимости от характера основного источника мясной пищи. Во всех хозяйственно-культурных типах, основанных на зерновом земледелии, либо широко употребляется в пищу мясо домашнего скота, либо, если этого не происходит, основным источником животного белка становятся присваивающие отрасли хозяйства, а среди них, как правило, рыболовство и, значительно реже, охота. В армянской системе питания мы встречаемся с классом, который можно назвать зерново-скотоводческим.

На исторической территории армян почти столь же рано, как и земледелие, фиксируется разведение и крупного и мелкого рогатого скота, которое сохраняло свое большое значение во все последующие исторические эпохи⁸.

В рамках этого класса возможно подразделение на два подкласса: первый — с потреблением в пищу молока и молочных продуктов и второй — без такового. Деление это имеет очень существенное значение. Там, где нет доения скота или состав стада ограничен свиньями, забой скота является одним из центральных моментов во всей ценностной и ритуальной системе этноса (пример этого дает Юго-Восточная Азия,

⁷ См. *Еремян С. Т.* Естественнoисторические основы питания армянского народа. — Армянская кулинария. М.: Госторгиздат, 1960, с. 21; *Арутюнян Л. Б.* О некоторых особенностях питания армянского народа. — Там же, с. 29.

⁸ *Арутюнян Л. Б.* Указ. раб., с. 30, 31; *Мартirosян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1964.

Меланезия и др)⁹. Но с началом использования молока, во-первых, развивается особая ценностная и ритуальная система, ориентированная на доение скота и изготовление молочных продуктов, а во-вторых, определяется тенденция к максимальному ограничению убоя скота. Своего крайнего развития эта тенденция достигла в Индии, где коровье масло окружено ореолом сакральности, убой коров категорически табуирован и во многих слоях общества имеется тенденция к полному вегетарианству¹⁰. Что касается армянской системы питания, то она принадлежит к развитым формам первого подкласса. Ей присущи весьма сложные методы обработки молочных продуктов и ряд связанных с ними ритуально-ценностных ориентаций. Однако мясной компонент скотоводческой продукции сохраняется в ней в полной мере. Ценностные ориентации, связанные с мясом, не только весьма детализированы, но и доминируют по сравнению с ориентациями, соотносимыми с молоком. Большое число ритуалов предполагает обязательный забой мелкого, а иногда и крупного рогатого скота.

Следующий уровень дробности классификации требует уже выделения большого видового и подвидового разнообразия систем питания, определяемого по целому ряду признаков. В рамках интересующего нас здесь зерново-мясо-молочного подкласса эти признаки будут включать как доминирование тех или иных форм обработки зерновых продуктов, так и способы приготовления и хранения мяса, и еще в большей степени наличие и распространенность всевозможных форм обработки молочных продуктов (различные культуры молочных заквасок, варианты сыроварения и т. д.). Выделение всех или хотя бы только ведущих видов систем питания в границах данного подкласса составляет задачу большой сложности, не выполнимую в рамках данной работы, и мы ограничимся лишь констатацией того, что традиционная армянская система входит в переднеазиатскую локальную группу видов, в рамках зерново-мясо-молочного подкласса, в который укладываются системы питания обширной группы родственных ХКТ, широко распространенных в большей части Евразии. Очевидно, в связи с тем, что к Передней Азии восходят истоки формирования этой группы ХКТ, основанной на сочетании пашенного зернового земледелия с многоотраслевым животноводством, именно в переднеазиатской группе видов и, в частности, в армянском виде системы питания практически все специфические и определяющие черты этого комплекса выражены с наибольшей полнотой.

Других видов, соотнесенных с теми или иными этносами в данной группе, вероятно, столько же, сколько этносов (по другим параметрам культуры те же этносы, возможно, будут группироваться иначе). Субэтнические различия мы должны рассматривать в большинстве случаев как подвидовые.

Вопрос о соотношении видового уровня системы питания и этноса должен, по всей вероятности, решаться, как правило, однозначно: вид соответствует этносу и наоборот. Дело в том, что объективное существование этноса как коммуникационного сгустка¹¹ сопряжено с субъективным фактором самосознания, и свободный поток информации внутри этноса, связанный с его языковым и, шире, вообще знаковым единством, здесь может быть противопоставлен препятствиям для инфосвязей на межэтнических границах. Поэтому, например, хотя по материальному

⁹ Народы Австралии и Океании (серия Народы мира. Этнографические очерки). М.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 399.

¹⁰ Народы Южной Азии (серия Народы мира. Этнографические очерки). М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 261; Боги, брахманы, люди. М.: Наука, 1969, с. 399.

¹¹ Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества.— Расы и народы. Вып. 2. М.: Наука, 1972.

содержанию восточногрузинская система питания гораздо ближе к армянской вообще и североармянской в особенности, нежели к западно-грузинской, тем не менее она может быть объединена с последней на правах подвидов в рамках одного вида уже хотя бы в силу единого этнически специфичного терминологического оформления ее компонентов¹². По этой же причине свободы внутреннего взаимодействия подразделения видового и подвидового уровня образуют обычно компактные ареалы (случаи дисперсного расселения этноса, как отдельная проблема, должны рассматриваться особо). Что же касается таксономически более высоких подразделений, то в силу исторических причин они могут иметь и дизъюнктивный (разорванный) ареал.

Анализируя армянскую систему питания, мы можем выделить в ней три наиболее существенных пласта: основной пласт, который связан с ведущим хозяйственно-культурным типом и непосредственно укладывается в вышеназванный зерново-мясо-молочный комплекс; пласт субстратного характера, связанный с рудиментами дрезного ХКТ, предшествовавшего становлению производящего хозяйства и основанного на собирательстве, охоте и рыболовстве; наконец, пласт адстратно-суперстратного характера, являющийся отражением формирования историко-этнографических областей на Кавказе и во всей Передней Азии, развития межэтнических контактов и культурных заимствований, последующего усложнения, развития и обогащения структуры и спектра производящего хозяйства. При этом следует иметь в виду, что выделенные пласты не изолированы друг от друга, а порождают многочисленные явления смешанного и синтетического порядка.

В рамках первого пласта (хронологически являющегося вторым) следует прежде всего выделить зерновые продукты и основанные на них блюда.

Именно зерновые продукты являются основой традиционного комплекса питания. Они не только дают, по ориентировочным подсчетам, значительно более половины общего количества калорий, но и входят в качестве основного или существенного дополнительного компонента в большую часть всевозможных блюд, зафиксированных у армян в интересующий нас период.

Даже если мы возьмем лишь те изделия, которые имеют в своей основе исключительно зерновые продукты, а все прочие продукты включают как второстепенные добавки, и то получим весьма внушительный список блюд, снеди и полуфабрикатов.

По технологии изготовления они укладываются в определенный эволюционный ряд (опять-таки с большим числом ветвлений и сочетаний), отражающий историю становления и развития зернового хозяйства. Древнейшим в этом ряду представляется непосредственное употребление в пищу зерна, в сыром или обжаренном виде, а затем муки (в тех же видах)¹³. Ряд таких блюд дошел до наших дней. Они готовятся либо всухую, либо на масле, либо разбавляются водой или молоком. В качестве примера можно привести *эги* или *харухарн* — зерно, вымолоченное из обожженных на костре свежесорванных колосьев, употребляющееся в импровизированной трапезе, как детское лакомство и т. д., или *ахандз* — обжаренные зерна пшеницы (иногда полбы) в смеси с льняным, кунжутным либо иным масличным семенем, подающиеся как новогоднее лакомство. Из обжаренной муки на молоке, масле или меде делается различного рода затирухи *похинд* — блюдо, фигурирующее на многих праздниках календарного цикла. Каша-затируха *хашил* замешивается

¹² Народы Кавказа (серия Народы мира. Этнографические очерки), II. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 305—307.

¹³ Арутюнян Л. А. Некоторые фрагменты из истории питания армян. Ереван: Минздрав, 1971, с. 8.

вается на горячей воде с добавлением растопленного коровьего масла, *асуда* и *хавиц* — со сладкими сиропами.

Более сложным способом приготовления является варка различным образом обработанного зерна или муки; сюда мы относим многочисленные формы каш, галушек и лапшевидных изделий. Среди каш особенно распространен *коркот*, который варят из обрушенного зерна, нередко с различными мясными или овощными добавками. Это преимущественно зимнее блюдо. Более праздничный характер носит *ариса*. Для ее приготовления пшеничную крупу (либо полбенную) длительное время варят вместе с мясом или птицей до полного разваривания последних. Рисовые *плав*ы различных видов, ныне ставшие повседневной пищей, в прошлом были исключительно праздничными и высоко престижными блюдами. Из крутого мучного теста делают *ыришта* — домашнюю лапшу, употребляемую для заправки многих блюд, а в поджаренном виде даже для приготовления плава.

Третьим способом обработки зерновых продуктов выступает печеное тесто в самых различных технологических вариантах. Варьируют как виды самого теста (наиболее архаическое пресное, сдобное и кислое), так и техника выпечки (на углях, на камнях, на специальной утвари и приспособлениях). На металлическом противне садж выпекали просяные лепешки *чат*. Это была малопrestiжная пища беднейших слоев населения. Различные виды пресного пшеничного хлеба, выпекаемые на камнях или в очаге, имели преимущественно ритуальное значение, равно как и сдобная *гата*. Для гаты использовались наиболее высокие сорта пшеничной муки, из которой готовили и тесто, и начинку, а также мед, яйца, топленое масло, орехи и другие вкусовые добавки. Вершиной армянского хлебопечения является лаваш, допускающий практически неограниченное, длительное хранение и самое разнообразное употребление. Архаичные формы часто продолжают фигурировать в качестве специфической ритуальной пищи, а с потерей ими сакральной функции остаются в общей системе культуры как детская забава или лакомство. Характерно также, что наиболее древний и основной злак, т. е. пшеница, заполняет все или почти все ячейки приводимой здесь классификационной схемы (только в ряде высокогорных областей, где пшеница не вызревает, она заменяется различными сортами ячменя). Дополнительный же характер других злаков выражается в том, что они представлены лишь в отдельных ячейках, а расширение их употребления связано с кризисными ситуациями (см. табл. 1).

Таблица 1

Классификация хлебно-зерновых продуктов

Технология обработки	Без ферментации	С ферментацией
Термическая обработка цельного зерна	Обжаренное зерно (<i>эзи, харухарн, ахандз</i>): пшеница, редко ячмень	Солод: пшеница
Механическая обработка зерна на муку и крупу	Получение муки: пшеница, полба, ячмень, просо Обрушивание крупы: пшеница, полба, ячмень, просо, рис	Квасообразный напиток из мучного теста (<i>махох</i>): ячмень с добавкой пшеницы
Термическая и безводная обработка муки	Блюда из обжаренной муки (<i>похинд, хашил, асуда, хавиц</i>): пшеница, полба, редко ячмень	Нет
Термическая водная обработка крупы	Кашеобразные блюда (<i>коркот, плав, кашови</i>): пшеница, полба, рис, реже ячмень, просо	Солодовые блюда (<i>ацик</i>): пшеница
Термическая обработка мучного теста на воде	Лапшеобразные изделия (<i>ыришта</i>): пшеница. Пресные лепешки и сдобные печенья (<i>чат, клоч, чалаки, гата, бахарч</i>): пшеница, полба, реже ячмень, просо	Дрожжевой хлеб (<i>лаваш, помби</i>): пшеница, полба, реже ячмень

Следует отметить, что с появлением кислого теста в переработку зерновых продуктов вносится качественно новое начало: к термическим и механическим способам обработки добавляется ферментационный.

Сущность ферментационного способа заключается в том, что биологическая активность микроорганизмов создает в среде крахмала (разумеется, при наличии белка и других веществ, имеющихся в зерне) и новую физическую пористую структуру, и модифицирует химический состав массы, сообщая ей лучшую усвояемость. Другой путь ферментации — это проращивание зерна для получения солода.

Побочным результатом или ответвлением этой инновации является возникновение ряда хлебных солодовых и дрожжевых блюд и напитков. В армянской кухне к ним относятся *махох* и *ацик*. *Махох* — это квасообразный прохладительный напиток, приготовляемый настаиванием воды на дрожжевом ячменном тесте. *Ацик* представляет собой разваренный растертый пшеничный солод с добавлением пшеничной муки.

Напитки типа пива в этнографически известной армянской системе питания не представлены. Однако в древности, по свидетельству античных источников¹⁴, армяне изготовляли и пили ячменное пиво в больших количествах. Видимо, по мере все большего развития виноградарства пиво было полностью вытеснено вином к началу средневековой эпохи, когда мы уже о нем не имеем свидетельств.

Продукты скотоводства в балансе и рационе питания армян стоят на втором месте вслед за продуктами земледелия. В наибольшей степени это относится к молочным компонентам питания. По сравнению с ними любые фруктово-овощные и даже мясные добавки в пищу являлись не столь значительными и обязательными. В этом отношении показательно, что сыр считается у армян едва ли не столь же необходимым компонентом пищи, как хлеб, а с другой стороны, наличие хлеба и сыра позволяет считать, что минимальные требования к ассортименту достаточной и достойной пищи удовлетворены.

Как и зерновые, молочные продукты подвергаются тем же трем способам обработки — термическому, механическому и ферментационному, но соотношение между ними тут несколько иное. На первом месте по роли в формировании ассортимента молочных продуктов стоит ферментация: спонтанная молочнокислая, культурная молочнокислая и сычужная (простокваша, мацун, сметана, сыр, творожистые массы). Далее идет механическая сепарация жирового компонента (сливки и масло), а затем уже изготовление с помощью термической обработки различных творожистых масс (шор, лор и др.).

Весьма показательно, что у армян все без исключения молочные продукты употребляются в пищу вместе с продуктами зернового хозяйства, прежде всего с хлебом, с которым сочетается все, начиная от парного молока и кончая сырами самой сложной технологии. Это наводит на предположение, что время становления молочного хозяйства у армян нужно, по-видимому, отнести к той эпохе, когда культура хлебопечения уже занимала господствующее положение в системе питания. Кроме того, молочные продукты — и твердые, и жидкие — широко выступают как добавки к различным мучно-крупяным блюдам или служат субстратом для их приготовления: масло для *похинд*, мацун для *танов апур* (кисломолочного супа) и др.

Общая классификационная схема молочных продуктов в армянской системе питания может быть представлена следующим образом: 1) кисломолочные продукты спонтанной и культурной ферментации; 2) цельномолочные продукты механической сепарации (сливки, сливочное масло); 3) продукты комбинированной ферментации и механической

¹⁴ См. Еремян С. Т. Указ. раб., с. 27; см. также: Ксенофонт. Анабасис. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1951, кн. IV, гл. 5, § 25—27.

Классификация молочных продуктов

Технология обработки	Продуценты				
	коровы	буйволыцы	овцы	козы	кобылы, ослицы
Без обработки (потребление сырого или кипяченого молока)	Часто	Редко	Нередко	Часто	В лечебных целях
Кисломолочная ферментация	Мацун	Мацун (престижно)	Мацун	Мацун (редко)	Нет
Механическая сепарация	Сливки, сливочное масло	Сливочное масло (престижно)	Сливочное масло	Практически нет	Нет
Кисломолочная ферментация с сепарацией	Сметанное масло, отжатый мацун, творог	Отжатый мацун (престижно)	Сметанное масло, отжатый мацун	Практически нет	Нет
Плесневая и сычужная ферментация	Сыры	Сыры (редко)	Сыры (престижно)	Сыры (престижно)	Нет
Ферментация (сыворожка) и осаждение кипячением	Лор (непрестижно)	Лор (редко)	Лор	Лор	Нет

сепарации (жировой компонент, масло из сметаны и мацуна, белковый компонент — отжатый мацун и различные виды творога); 4) продукты плесневой и сычужной ферментации (сыры); 5) жидкие ферментированные продукты, сепарированные и осажденные. Становится ясным, что здесь возможно построение решетки на основе технологии, а если ортогонально наложить на нее другую, исходящую из видового разнообразия продуцентов, то можно начертить таблицу, где нашли бы отражение объем, масштабы, а возможно и генетическая последовательность и означенность (имеется в виду ритуально-престижная означенность) разных продуктов в соотношении с видовым составом (см. табл. 2).

Мясные продукты по распространенности уступают молочным. В способах обработки мясных и молочных продуктов есть существенное различие: если большинство молочных продуктов рассчитано на более или менее длительное хранение и в то же время на непосредственное употребление, т. е. выступает в форме снеди, то из мясных абсолютно преобладают блюда, предназначенные только для непосредственного употребления, и сравнительно небольшое место занимают специфические формы снеди, рассчитанные на особо длительное хранение. Поэтому в обработке и приготовлении мясных продуктов мы выделяем такие основные способы приготовления блюд, как жарение на углях, жарение на сковороде, варка, а с другой стороны, специфические способы консервации — посол, отжим, сушка, покрытие мацуном (так называют и специальную смесь из пряностей). Промежуточное положение занимает *тыал* или *каурма*, по технологии приготовления подобная блюду, но предназначенная для сравнительно длительного хранения. Характерно, что в качестве ритуальной выступала исключительно вареная мясная пища и что жарение на углях мяса в отличие от других кулинарных приемов является почти всецело мужской прерогативой¹⁵.

Переходя ко второму, генетически древнейшему пласту в системе питания армянского народа, надо отметить и его богатство, и его повсеместное распространение. В дореволюционное время во многих горных и засушливых районах фруктово-овощной компонент был представлен весьма незначительно. В этих условиях дикорастущие растения

¹⁵ О всеобщем значении этого явления см.: *Levi-Strauss C. Le Triangle culinaire.* — L'Arc. Paris, 1967, № 26.

становились важнейшим источником витаминов и других биологически необходимых дополнительных компонентов питания. Способы и употребления, и обработки, и консервации здесь были, пожалуй, наиболее разнообразными. Они параллельны или соотнесены с большинством видов обработки зерновых, молочных и мясных продуктов.

Дикорастущие травы, плоды, орехи широко употреблялись в пищу непосредственно в сыром виде, а некоторые после предварительного обжаривания. Многие из них были объектами варки или жарения на масле для приготовления различных блюд, как из дикорастущих, так и в сочетании с различными продуктами производящего хозяйства. Разнообразны были и способы их консервации: сушка, соление, квашение. В то же время нельзя выделить такие способы, которые были бы специфичны только для продуктов собирательства. Наоборот, многие методы использования последних, как, например, добавление в тесто, в сыр, невозможны иначе, как на фоне производящего зерново-мясо-молочного хозяйства. Субстратное присваивающее направление хозяйства в армянской системе питания уже полностью инкорпорировано и преобразовано производящим направлением. Соответственно и система его классификации является не автономной, а отражающей систему классификации продуктов основного направления хозяйства.

Суперстратный пласт в традиционной армянской системе питания оказывается очень многообразным и неоднородным. Это пласт, связанный прежде всего с влиянием других, иноэтнических цивилизаций, представляющий заимствования, с которыми, как правило, по крайней мере вначале, были сопряжены относительно высокопрестижные коннотации. Сюда же могут быть отнесены такие инновации в культуре питания, которые были созданы самостоятельно в рамках данного региона и этноса, не зависели непосредственно от заимствований и внешних влияний, но появились относительно поздно, уже в эпоху развитого классового общества, и органически не были связаны с исходным зерноводческо-скотоводческим направлением хозяйства. Тем не менее полностью отрицать эту связь нельзя, так как в суперстратной сфере питания отразились и были использованы и преобразованы те навыки обработки исходных продуктов и приготовления пищи, которые ранее были отработаны на продуктах, органически свойственных данному ХКТ.

В качестве одного из важнейших компонентов этого пласта следует выделить пищевые припасы и блюда, приготовляемые из овощей и фруктов. Часть овощей и фруктов несомненно была самостоятельно введена в культуру на месте, другая же часть — через заимствование. Однако, независимо от происхождения, огородничество и садоводство, особенно в горных районах, явились более поздним пластом в хозяйстве, дополнительным по отношению к исконному для данного ХКТ зерноводческо-скотоводческому направлению.

На обработку и способы приготовления фруктово-овощных продуктов были частично распространены приемы, выработанные для дикорастущих съедобных растений — трав и плодов. Показательно, что корнеплоды почти не были представлены среди местных дикорастущих и вплоть до самого позднего времени занимали в питании мало места, а использование культурных корнеплодов шло в основном аналогично использованию травянистых растений. В этом отношении наблюдается большой контраст, скажем, с системой питания Юго-Восточной Азии, где корнеплоды играют огромную роль и были объектом собирательства в субстратном ХКТ. Помимо потребления в сыром виде, формы приготовления овощей включают в основном ферментацию (квашение) и термическую обработку (варение, жарение), производимую по тем же принципам, что и термическая обработка мяса, например, жарение на вертеле, на углях. Механическая обработка (очистка от кожуры, шинковка, резка) в данном случае обычно не играет решающей роли

и выступает чаще всего как вспомогательная операция, предшествующая ферментационной или термической обработке.

К суперстратной категории продуктов кроме овощных мы относим и фруктовые. Рассматриваемый регион явился центром одомашнивания многих садовых культур, таких как груша, айва, алыча, гранат. Другие, например, яблоня, черешня, абрикос, тутовник, обрели здесь свою вторую родину и важнейший очаг сортообразования. Свидетельства достаточно широкого использования в питании фруктов на исторической территории Армении имеются уже начиная с урартской эпохи и даже ранее, а в античное время садоводство и обработка его продуктов достигают весьма высокого уровня развития.

Из способов обработки фруктов помимо сушки следует отметить приготовление сиропов (тутового, виноградного) и изделий на основе этих сиропов (например, *чучхел*), а также упаривание фруктового взвара до твердой консистенции (*лаваш тту*). С сиропом (*дошабом*) по вкусовой функции в традиционной кулинарии смыкается мед, несомненно, один из самых ранних продуктов собирательства и достаточно рано введенный в культуру продукт. Но все-таки наиболее архаичным источником сладкого вкуса в данном ХКТ представляется солод, роль которого постепенно отмирает.

Сам принцип приготовления твердых продуктов из жидких в переработке фруктов взят, очевидно, из практики молочного хозяйства, по аналогии с сыро-творожными изделиями. Эта связь прослеживается и в терминологии (для ряда растительных продуктов пасто- и кашеобразных применяется термин *мацун*), и в использовании высушенных продуктов как основы для супов.

Таким образом, в значительной степени овощные продукты выступают как субститут мясных, а фруктовые как субститут молочных, и показательно, что наибольшее их распространение падает именно на районы, бедные продуктами животноводства.

Другой компонент суперстратного пласта в армянской системе питания — это те блюда, формирование которых связано не столько с данными ХКТ, сколько с переднеазиатской ИЭО. Из продуктов в этом компоненте нужно прежде всего отметить рис, затем различные привозные пряности, а из блюд — блюда сложного состава, включающие в себя компоненты как из основного обусловленного исконным ХКТ субстрата, так и из суперстрата. К ним относятся различные *плав*ы, мясные шарики *кюфта*, голубцы *толма*, *ариса* и др. Сложная кулинария, связанная со всеми этими блюдами, сформировалась уже в условиях высокоразвитой городской переднеазиатской цивилизации и отсюда «спустилась» в крестьянскую культуру, причем показательно, что до недавнего времени все эти блюда в состав повседневных не входили.

Такова в самых общих чертах классификационная схема, предлагаемая нами для армянской системы питания. Генетически-дихотомический принцип, применявшийся для ее построения, выделение субстрата, аналогии в технологии обработки продуктов разных категорий, на наш взгляд, могут быть применены и при анализе других систем питания. Следующим этапом построения классификации явится, возможно, систематизация тех аспектов питания, которые лежат вне рамок кулинарной технологии и ассортиментного набора видов пищи. Одним из важнейших среди этих аспектов может быть, например, классификация трапез. Трапезы делятся по распорядку (утренние, дневные, вечерние), по ситуации (домашние, полевые, общественные), по осмыслению и престижности (повседневные, праздничные, ритуальные). Параметрами каждой трапезы являются набор ее участников, характеристика лица, которое готовит эту трапезу, и ее материальный состав. Сопоставление этих параметров позволяет выявить социально-знаковую и материально-

потребительскую роль различных компонентов в этнически специфической системе питания.

Другой аспект питания — поведенческий, так как даже одно и то же действие, имеющее одну и ту же цель, например нарезка овощей для маринования, можно произвести кардинально различными способами, которые никак не отразятся на качестве конечного продукта, но для проведения границ этнокультурных ареалов могут иметь решающую роль. Такая же роль будет принадлежать и поведенческим нормам принятия пищи (например, рукой, ложкой или вилкой), даже если в самом составе блюд и продуктов и не обнаружится существенного различия.

Мы полностью отдаем себе отчет в том, что предложенная здесь классификационная модель является сугубо предварительной. Так же как и в линнеевской классификации живой природы, все многообразие культурных форм нельзя выявить через единую систему индикаторов, которые необходимо должны разниться в различных типах и классах явлений. Единым может быть лишь общий принцип последовательности классификации, обусловленный ступенчатым характером прогрессивного развития.

THE PROBLEM OF CULTURE CLASSIFICATION AS EXEMPLIFIED BY THE ARMENIAN FOOD SYSTEM

The authors propose a classification of food systems linked to the economic-cultural type of each ethnos and to the historically accumulated strata of which it is composed. In the case of the Armenian food system, it is classified with the Near East group of systems belonging to the milk subclass of the grain-and cattle class of the grain subtype within the agricultural type. For this group the «starch-protein» axis takes the form of «grain-milk». Meat products are limited to prestigious and ritual consumption and are clearly distinguished along the «roasted-boiled» axis correlated with the «profane-sacred» axis. Vegetable products serve largely as substitutes or analogues of meat products and fruit products as substitutes of milk ones.

В. К. Соколова

К ИССЛЕДОВАНИЮ ОБРЯДОВОГО ФОЛЬКЛОРА (На примере восточнославянского материала)

Обрядовый фольклор очень сложен и разнороден по своему составу. В него входят произведения, различающиеся по времени создания и жанровым признакам,— от простейших языковых формул, отдельных слов и восклицаний, не являющихся еще собственно фольклором, до таких сложных высокохудожественных поэтических форм, какими являются многие обрядовые песни и отдельные заговоры. Чтобы разобраться во всем этом многообразии, обрядовый фольклор должен исследоваться в разных аспектах, на разных уровнях с применением в зависимости от целей исследования как этнографических, так и филологических методов¹.

Основной, общий для всех произведений обрядового фольклора признак, по которому они выделяются в особый раздел (в отличие от фольклора необрядового),— неразрывная связь их с магическими действиями, в совокупности с которыми они составляют единый обряд, выполняющий одну и ту же функцию. Время и характер исполнения обрядового фольклора всегда строго регламентированы. Обряды были приурочены к определенным периодам, отмечавшим переход природы и человека из одного состояния в другое (как об этом говорил А. ван Геннеп), наиболее важным датам сельскохозяйственного календаря, к ответственным моментам личной и семейной жизни (рождение, свадьба, смерть), а также к стихийным бедствиям, болезням и т. п.; в неурочное время или без соответствующего повода обряды и входившие в них вербальные тексты исполняться не могли. Благодаря этому обрядовый фольклор гораздо теснее, нежели разные жанры необрядового фольклора, был связан с бытом народа, являясь в прошлом неотъемлемым и весьма существенным его элементом. Обряд в целом выполнял, таким образом, важную социальную функцию: он во многом регламентировал общественную и семейную жизнь, санкционировал переход человека из одной группы в другую, создавал определенный настрой.

Органическая связь слова и действия в ритуале требует, чтобы обрядовый фольклор записывался и изучался в контексте с теми действиями, которые он сопровождал, чтобы весь обряд рассматривался как единое целое. Не зная места и значения в обряде того или другого вербального текста, не всегда можно правильно понять его суть, семантику отдельных его образов; а слова в свою очередь нередко объясняют назначение обряда, его смысл². Требование изучать обряд как единое целое явля-

¹ Представление о возможных аспектах изучения обрядового фольклора дают статьи в сборниках: *Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор*. Л.: Наука, 1974; *Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции*. М.: Наука, 1978.

² См. *Левинтон Г. А.* К вопросу о функциях словесных компонентов обряда.— В кн.: *Фольклор и этнография*, с. 162—170.

ется аксиомой. При собирании обрядового фольклора, которому сейчас уделяется большое внимание, фольклорные экспедиции обязательно записывают и обряд в целом, отмечая место и роль в нем фольклорного текста. Но при изучении обрядовой поэзии связь ее с действием еще не всегда учитывается в должной степени.

Поскольку слово и действие в обряде тесно связаны, взаимно дополняют и объясняют друг друга, перед исследователем встает задача выяснить особенности этой связи, установить, как типы вербальных текстов соотносятся с типами обрядовых действий и как это соотношение менялось в ходе развития обрядов. Это имеет значение и для разработки типологии обрядового фольклора, выработки критериев для выделения типов, о чем будет сказано дальше.

Обряды призваны были воздействовать на окружающий мир в желательном для человека направлении, доминантная функция составлявших их действий и слов была магическая. Ослабление, а затем и утрата этой функции неизбежно вызывали разрушение обряда, а фольклорные произведения или переходили в разряд необрядовых и приобретали новые функции, или же забывались, причем могли забываться, исчезать из живого бытования даже целые жанры, как это произошло, например, с заговорами, которые не смогли существовать с утратой веры в их силу. Магическая функция в обрядовом фольклоре — основная, без нее он не может существовать в своем первоначальном качестве. Это всегда надо иметь в виду при определении, является ли рассматриваемое произведение фольклора обрядовым или нет.

Утрата обрядовым фольклором магической функции — показатель существенных изменений в мировоззрении народных масс, обусловленных всем ходом исторического процесса. Поэтому важно установить, когда и как, при каких обстоятельствах совершался переход обрядового фольклора в необрядовый и какие изменения в нем при этом происходили. Здесь намечается важный аспект изучения обрядового фольклора — мировоззренческий.

Как источник по изучению истории народного мировоззрения обрядовый фольклор очень важен. Являясь наиболее древней формой словесного творчества, он с самого начала и на протяжении всего своего развития был связан с особо важными сторонами жизни, с хозяйственной деятельностью, выражал отношение к окружающему миру и заветные стремления трудовых масс, фиксировал коренные изменения, происходившие в их сознании в разные эпохи. Благодаря своей специфике (вера в магическую силу слова требовала точного запоминания и воспроизведения вербальных текстов) обрядовый фольклор оказался наиболее устойчивой, консервативной частью традиционного фольклора. Несмотря на все последующие, часто весьма существенные, коренные изменения и переосмысления, он порой сохранил почти до наших дней отдельные реликты, дающие возможность заглянуть в глубь веков и раскрыть такие древние пласты народных воззрений, о которых другие источники не дают представления.

На эту сторону обрядового фольклора и было обращено преимущественное внимание, как только в XVIII в. он стал объектом научного изучения, — в нем видели пережитки древних языческих, «поганских», как тогда выражались, верований и мифов. В XIX в. исследования обрядового фольклора были расширены и углублены. Особенно много в этом направлении сделали представители мифологической школы, систематизировавшие и интерпретировавшие со своих позиций огромный фактический материал. Исследования в этом плане ведутся и сейчас, но на новой основе, причем интерес к обрядам и обрядовому фольклору (изучение их ведется с целью реконструкции архаических религиозных пред-

ставлений и мифов) в последние годы заметно возрос³. Работы в этом направлении, несомненно, будут продолжаться, так как нерешенных проблем, «темных» мест здесь еще достаточно.

Изучение обрядов и обрядового фольклора в мировоззренческом аспекте представляет не только историко-познавательный, но и актуальный практический интерес. Некоторые архаические обряды и теперь еще иногда соблюдаются отдельными представителями старшего поколения. Правда, исполняются они чаще в силу традиции, на всякий случай, потому что родители и деды так делали, но это свидетельствует о живучести пережитков, которые встречаются порой и у отдельных представителей молодежи. Чтобы успешнее бороться с ними, надо знать, какие обряды сохранились, где, кем и при каких обстоятельствах исполняются, знать их корни и смысл. Однако этой, так сказать, негативной стороной практическое значение исследования обрядов не ограничивается.

Традиционная народная обрядность должна обязательно учитываться при разработке новых гражданских и семейных ритуалов, чему сейчас уделяется большое внимание. А чтобы правильно их использовать, отобрать то, что было в них ценного, необходимо знать, какую мировоззренческую нагрузку несли отдельные их элементы, атрибуты и символы, как они воспринимались и переосмыслились, трансформировались. Массовые праздничные обрядовые действия уже в XIX в. все больше утрачивали свой первоначальный аграрно-магический смысл и превращались в развлечение, игру, театрализованное представление. При этом они пополнялись новыми элементами, уже необрядового происхождения. Задача состоит в том, чтобы отобрать из обрядовых действий все, что было в них художественно ценного: разнообразные песни, игры, остроумные шутки и прибаутки, красочное оформление. Значительная работа в этом направлении проводится на Украине, в Белоруссии, в Прибалтийских республиках и др. Введение в современные ритуалы традиционных, привычных для народа элементов будет способствовать их более быстрому и широкому внедрению в быт, а также придаст каждому празднику особый колорит, издавна присущий народным празднествам, которого так часто недостает нашим современным праздникам, в своей обрядовой части похожим один на другой.

Обрядность каждого народа, как календарная, так и семейная, очень своеобразна и справедливо признается одним из наиболее ярких этнических признаков, служит своего рода национальным знаком. Специфические национальные обрядовые комплексы (и их областные варианты) явились результатом длительного исторического развития в особых естественногеографических и исторических условиях. В то же время в обрядности разных, в том числе и неродственных народов, обнаруживается сходство, порой весьма значительное. Оно проявляется прежде всего в самой сути обрядов, их функциональной направленности, в характере магических приемов, которые должны были обеспечить жизненное благополучие. Конкретное воплощение обрядов, их формы у каждого народа свои, особые; ярче всего национальное своеобразие проявляется в обрядовой поэзии, хотя и в ней можно обнаружить общие закономерности. Сходство в обрядности разных народов прежде всего типологическое, объясняемое сходством социально-экономических условий и образа мышления на определенных стадиях развития общества. Но в обрядовой поэзии явственно, порой даже более отчетливо, чем в других элементах культуры, прослеживаются генетическое родство народов и их

³ Из наиболее значительных работ можно назвать: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974, и другие их работы; *Толстые Н. И. и С. М.* Заметки по славянскому язычеству.— В кн.: *Славянский и балканский фольклор; их же.* Вызывание дождя в Полесье.— Там же (другие части этого исследования находятся в печати), и др.

более поздние историко-культурные контакты. Показать всю многогранность обрядности каждого народа, выявить в ней специфические и общие элементы, ее связи с обрядностью других, прежде всего родственных и соседних, народов — значит выполнить одну из основных и, пожалуй, самую сложную задачу, стоящую перед исследователем обрядового фольклора.

Наряду с национальными комплексами обрядности сложились и более широкие, региональные межэтнические обрядовые общности, охватывающие соседние народы, жившие в сходных природных и социальных условиях и длительное время взаимодействовавшие между собою. Давно, например, отмечено своеобразие культуры, в том числе и обрядовой, русских европейского Севера. Присущий русской календарной обрядности аграрный характер здесь выражен значительно слабее, многие аграрные обряды не встречались, зато большую роль приобрели обряды животноводческие и промысловые, которые особенно типичны для Севера, где земледельческая обрядность была мало развита. В то же время современные исследования все больше раскрывают значительную близость в формах обрядов и обрядовой поэзии русских и финно-угорских народов северо-востока Европы. Как установлено исследованиями К. В. Чистова и др., для них характерны специфические формы похоронных причитаний. Только у карел, мордвы, коми, ижорцев и эстонцев-сету есть свадебные причитания, характерные для русского свадебного обряда (у других славянских народов свадебных причитаний нет)⁴. Например, значительное сходство в области обрядовой поэзии обнаруживается у народов Прибалтийского региона. Основные особенности, определяющие обряды и обрядовый фольклор таких ареалов, и самые их границы выявлены еще недостаточно. Для их выявления обязательно должно быть применено картографирование.

Большое значение картографирования обрядов, как и других элементов духовной культуры, общепризнано. Оно выдвигается и в качестве основной задачи изучения обрядности⁵. Но сделано в этой области еще очень немного, в сущности почти не разработана и методика такого картографирования⁶. Можно назвать лишь карты в нескольких работах, показывающие распространение отдельных элементов обрядов и входящих в них поэтических произведений⁷. Исследования по картографированию следует всемерно расширять и углублять, учитывая при этом зарубежный опыт и имеющиеся у нас некоторые работы по картографированию необрядового фольклора⁸.

Картографирование может помочь выяснению ряда существенных моментов, связанных с обрядовым фольклором, оно наглядно покажет распространение разных его типов, их общие и локальные особенности и межэтнические связи. Тем самым открываются широкие возможности

⁴ Чистов К. В. К проблеме свадебных причитаний. — В кн.: Етнографски и фолклористични изследованиа. В чест на Христо Вакарелски по случай 80-годишнината от рождението му. София, 1979, с. 276—281; *его же*. Причитания у славянских и финно-угорских народов. — В кн.: Симпозиум-79 по прибалтийско-финской филологии 22—24 мая 1979 г. Тезисы докладов. Петрозаводск, 1979, с. 13—20.

⁵ См., например, *Сабурова Л. М.* Об изучении народных обрядов. — В кн.: Фольклор и этнография, с. 7, 8.

⁶ См. *Чистов К. В.* Проблемы картографирования обрядов и обрядовой поэзии. — В кн.: Проблемы картографирования в языкознании и картографии. Л.: Наука, 1974.

⁷ Например, карты распространения типов русских колядок — *Чичеров В. И.* Зимний период русского народного календаря XVI—XIX веков. М.: Наука, 1956; карты распространения основных типов масленичных обрядов — *Носова Г. А.* Картографирование русской масленичной обрядности (на материалах XIX — начала XX в.). — Сов. этнография, 1969, № 5; карты в статьях А. Ф. Журавлева и А. В. Гуры в сб. «Славянский и балканский фольклор» и др. Интересный опыт картографирования обрядности проводят фольклористы и лингвисты, работающие под руководством Н. И. Толстого.

⁸ Например, *Дмитриева С. И.* Географическое распространение русских былин. М.: Наука, 1975.

использования обрядового фольклора в исследованиях по этногенезу и этнической истории.

В последние годы фольклор все чаще привлекается в историко-этнографических исследованиях. Проблема использования его как источника при изучении этнической истории и современных этнических процессов ставится как в теоретическом плане, так и на примере анализа отдельных произведений или их групп⁹. Но к обрядовому фольклору при этом обращаются еще мало. Так, в содержательном и важном в методологическом отношении сборнике «Этническая история и фольклор», как отмечают редакторы Р. С. Липец и С. Я. Серов, «использованы главным образом эпические жанры фольклора как в прозаической, так и в песенной форме, так как основная функция произведений этих жанров заключается в освещении исторического прошлого народа»¹⁰.

Слов нет, исторические жанры фольклора много дают для познания прошлого, помогают в ряде случаев уточнить отдельные факты, раскрывают народные взгляды на описываемые события. При этом «история» в этих жанрах нередко лежит на виду, что и привлекает к ним в первую очередь исследователей. С обрядовой поэзией в этом отношении сложнее, но, как уже отмечалось, при изучении этногенеза и ранних стадий этнического развития, а также последующих этнических контактов она может явиться более ценным источником. Почти не затрагивается этнический аспект и в статьях сборника «Фольклор и этнография», в которых обрядовый фольклор рассматривается с разных сторон, хотя во вступительной статье Л. М. Сабурова отмечает, что «всестороннее изучение обрядов, анализ их зависимости от времени и места поможет разрешению многих вопросов, касающихся происхождения обрядов, форм их бытования, их обусловленности этническим развитием и этнической спецификой, укажет на определенные этногенетические связи»¹¹. Все это — дело дальнейших исследований.

Особый интерес представляет обрядовый фольклор для истории фольклора в целом и даже шире — для истории искусства слова вообще. Восходя генетически к истокам словесного творчества, он может в известной степени послужить материалом для реконструкции наиболее ранних форм устного народного творчества. Еще в XVIII в. один из основоположников русской филологической науки В. К. Тредиаковский считал, что начало стихотворства надо искать в обрядовой поэзии: «Вероятно по всему, что и наши поганские жрецы были первыми у нас стихотворцами»¹².

Обрядовый фольклор во многом послужил базой, на основе которой складывались и развивались национальные устные, а затем и письменные поэтические стили. Изучение его не только дает возможность лучше понять семантику многих поэтических образов и символов, но в некоторых случаях помогает раскрыть генезис ряда поэтических приемов. В обряде слово, как и действие, имело сугубо практическое значение. «Слово было дело», и отдельные приемы, которые впоследствии стали восприниматься как элементы поэтики, предназначены были для оказания воздействия на окружающий мир. Тип вербального обрядового текста обычно соответствовал типу производившихся при этом магических действий. Например, многие обрядовые действия были основаны на магии по сходству, пояснявшие же и закреплявшие их тексты строились соответственно в форме сравнения, второй член которого был условным, желаемым: как — так бы, сколько — столько бы. Так, в Тюменском уезде, чтобы скотина на пастбище не разбредалась и не потерялась, ее перед первым выгоном кормили хлебом, положенным на заслонку от

⁹ Например, *Елатов В. И.* Песни восточнославянской общности. Минск, 1977.

¹⁰ Этническая история и фольклор. М.: Наука, 1977, с. 7.

¹¹ Фольклор и этнография, 1974, с. 5.

¹² *Тредиаковский В. К.* Стихотворения. Л., 1936, с. 412.

печи со словами: «как заслонка от пода не отстанет, так бы и хрестова скотинушка не отставала бы от моего двора»¹³. Подобные заговорные формулы часто встречаются в обрядовом фольклоре разных народов. И может быть, именно в них надо искать истоки поэтических сравнений. На основе сравнения-уподобления развился, как то убедительно показал А. Н. Веселовский, распространенный прием фольклорной поэтики — психологический параллелизм.

Практическое значение в обрядовом фольклоре имели и эпитеты. Они употреблялись, когда нужно было выделить или точно определить те явления и предметы, на которые хотели воздействовать или которые хотели получить. Так, призывая богатый урожай, требовали, чтобы рожь выросла не какая-нибудь, а высокая, густая, ужинистая и т. п. Желая уберечь скотину от хищных зверей и других напастей, в заговоре перечисляли все виды скота, находившиеся в стаде, все их масти и пр.— такого рода перечисления особенно характерны для более сложных поздних заговоров.

Желание получить как можно больше жизненных благ потребовало гиперболы. Урожай должен быть необыкновенным: сколько звезд на небе, столько копен в поле, «...с колосу осьмина, из зерна ему коврига, из полужерна пирог»¹⁴. Гиперболизация обычно сочеталась с идеализацией; все, о чем говорилось, в том числе и реальные люди, которым желали всяческого добра, оказывалось самым лучшим, самым красивым, богатым и пр.— изображаемое должно было претвориться в действительное.

Большинство поэтических особенностей обрядового фольклора не является его исключительной принадлежностью, они встречаются и в произведениях необрядового фольклора. Но именно обрядовый фольклор может помочь выяснить их генезис и первоначальную семантику. Важно также установить, есть ли какое-либо своеобразие в употреблении одних и тех же или сходных приемов в обрядовом фольклоре и необрядовом. Отличается ли, например, гиперболизация и идеализация в обрядовом фольклоре от идеализации и гиперболизации, широко применяемой в героическом эпосе и сказках, в чем суть этих различий? Установить это можно только путем сравнительного анализа обрядового и необрядового фольклора, что дает возможность выяснить, в чем состоит художественная специфика обрядового фольклора, т. е. ответить на один из кардинальных вопросов, встающих перед его исследователями.

Само собой разумеется, что формы и поэтические особенности обрядового фольклора, записанного в XIX—XX вв., далеки от первоначальных, они — результат длительного развития и взаимодействия обрядового и необрядового фольклора, которые развивались в одном русле, подчиняясь общим закономерностям. Сравнительное изучение обрядового и необрядового фольклора поможет лучше понять эти закономерности. Следует учитывать также отдельные случаи воздействия на обрядовый фольклор письменной литературы.

Привлекать при анализе обрядового фольклора необрядовый заставляет и то, что в произведениях необрядового фольклора, особенно в крупных эпических жанрах — героическом эпосе, сказках, встречаются описания обрядов и отдельных магических действий с сопровождавшими их словами — заклинаниями, причитаниями, песнями и пр., приводимыми в отрывках, а иногда и полностью. Так, в былине о Соловье Будимировиче широко представлена свадебная символика, в ряде былин (а также в сказках) встречаются заклинания оружия — меча, стрел

¹³ *Городцов П. М.* Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда. — Ежегодник Тюменского музея, 1915, вып. 26, с. 39.

¹⁴ *Шейн П. В.* Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. Т. I, вып. 1—2, № 1032. СПб., 1898.

(«ты лети, лети, калена стрела...») и т. д., а в некоторых вариантах былины о Добрыне и Маринке полностью описан колдовской обряд с заговором: чтобы приворожить к себе Добрыню, Маринка вынимала его следы и бросала их в печку с приговором: «как эта печка топится, так бы у Добрыни сердце по мне кипело»¹⁵. Это типичная закликательная формула, построенная по принципу уподобления. Особенно много произведений обрядового фольклора содержится в крупных эпосах, в частности, у восточных народов¹⁶.

Подобные включения иногда сохраняют обрядовые произведения в более древнем, уже забытом виде, порой они могут послужить хронологическим ориентиром. Так, Р. С. Липец, детально изучив описания похоронных обрядов и похоронные причеты, встречающиеся в эпосах тюрко-монгольских народов, пришла к выводу, что в эпосе отражен древний обряд; более поздние элементы, явившиеся результатом развития обряда и разных этнических контактов, в эпос не вошли. Это может послужить также дополнительным аргументом в пользу положения, что эпос в основе сложился в период военной демократии; вместе с этим проявляются и некоторые моменты этнической истории народов, у которых расматриваемый эпос бытовал.

Характерные для каждой эпохи особенности литературно-художественного стиля в известной степени проявлялись и в обрядовом фольклоре. Поэтому определить период появления отдельных его видов в некоторых случаях помогает сопоставление образности и стиля с идейно и стилистически близкими произведениями необрядового фольклора и письменной литературы. Так, М. М. Плисецкий, изучив образность и стилистику — общие места, традиционные формулы, эпитеты, лексику и др. — группы восточнославянских героических колядок (они наиболее характерны для украинцев), установил их большую идейно-стилистическую близость с былинами и воинскими повестями периода Киевской Руси. Отсюда он делает вывод, что колядки этого типа сложились еще в Киевской Руси, когда создавались былины и развивалось летописание.

Одним из основных итогов исследования обрядового фольклора должно стать определение его жанрового состава и создание его типологии. Детальная ее разработка — дело дальнейших исследований. Здесь кратко выскажу лишь некоторые соображения относительно типологии восточнославянского обрядового фольклора¹⁷.

Можно со значительной долей уверенности предполагать, что первичным видом обрядовых текстов были отдельные восклицания императивного характера и краткие закликательные формулы. В них связь слова и действия выступает особенно явственно, слово и действие адекватны. Со временем словесный текст усложнялся, появились разные типы заклинаний, соответствующих разного типа обрядовым действиям. Среди них можно выделить: 1) формулы императивного характера, обращенные непосредственно к объекту, на который пытались воздействовать, и формулы-просьбы, мольбы, обращенные к какому-то посреднику; 2) заклинания, входившие в обряд с жертвоприношением; это двучленные формулы: вот тебе..., а ты дай (сделай) то-то; 3) формулы-сравнения, сопровождавшие действия, основанные на магии по сходству, также чаще двучленные (примеры их приводились выше).

На основе закликательных формул, главным образом третьего типа, развились заговоры, в своей классической форме более поздние и более

¹⁵ Былины Севера. Т. I. Мезень и Печора. Записи, вступительная статья и комментарии А. М. Астаховой. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1938, с. 152.

¹⁶ Об обрядовом фольклоре в составе необрядового см. Русское народное поэтическое творчество. Т. II, ч. I. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1954, с. 459—466.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М.: Наука, 1979; *ее же*. К типологии обрядового фольклора. — В кн.: Фольклор, язык и народная свдьба. София, 1979, с. 59—66.

сложные поэтические произведения с определенной, строго выдерживавшейся композицией и специфической образностью и стилистикой. Увеличение и усложнение в заговорах вербальной части приводило к тому, что на нее стал переноситься центр тяжести, действие же сокращалось и даже совсем отпадало (хотя во многих текстах оно описывается).

Из первоначальных заклинаний развились и характерные для обрядовой поэзии песни-благопожелания, имевшие вначале также магическую функцию. Выделяется группа этих песен, которые и на позднем этапе сохраняли специфику заклинаний, например колядка «А дай бог тому, кто в этом дому, ему рожь густа, рожь ужиниста» и т. д.; заклинанием является и концовка подблюдных песен «кому вынется, тому сбудется» и др. Такой тип песен-заклинаний имеется в календарном обрядовом фольклоре многих народов. Л. Н. Виноградова, проанализировав некоторые заклинательные формулы в календарных песнях разных славянских народов, показала, что по типу они полностью совпадают с заклинаниями, сопровождавшими некоторые магические обряды, и генетически восходят к ним¹⁸. Это же отметила Я. Дарбинiece среди латышских новогодних и купальских песен, например:

Подуй, подуй, сиверко	В амбар надуй ячмень, рожь,
В рождественский вечерок,	На конюшню гнедых ¹⁹ .

Можно считать, что для обрядового фольклора специфичны именно заклинательные жанры, в необрядовом же фольклоре подобных жанров нет²⁰.

Но в большей части песен-благопожеланий, календарных и свадебных, заклинание выражено не так прямолинейно, а посредством художественного изображения желаемого как действительного²¹. Эти песни явились результатом длительного развития, поэтические образы и средства, используемые в них, очень богаты и разнообразны, они переходят и в необрядовую поэзию. Эстетическая функция в песнях-благопожеланиях выражена уже отчетливо, тогда как магическая затухает, а со временем и совсем отпадает. С определенными обрядовыми действиями такие песни были связаны слабо, они могли исполняться и без действия. Таким образом, можно наблюдать общую закономерность в развитии обрядовой поэзии — с усложнением поэтических форм, с появлением разных жанров связь ее с действием все больше ослабевает.

Для сложных торжественных ритуалов характерен тип песен, приуроченных к узловым моментам действия и как бы комментировавших их. Они организовывали обряд, говорили, что в данный момент происходит, указывали, что должны делать участники обряда. Этот тип обрядовых песен достаточно поздний, он создавался в процессе сложения обрядовых комплексов и стоит на периферии обрядового фольклора. Магическая функция для подобных песен не определяющая (она могла отсутствовать с самого начала), их основное назначение — организовывать обряд и украшать его; по своим идейно-художественным особенностям они близки к необрядовой лирике и постоянно взаимодействовали с нею. С разрушением обряда они могли отрываться от него и исполняться

¹⁸ См. Виноградова Л. Н. Заклинательные формулы в календарной поэзии славян и их обрядовые истоки. — В кн.: Славянский и балканский фольклор, с. 7—26.

¹⁹ Дарбинiece Я. Жанровая специфика латышских народных календарных обрядовых песен в свете сравнительного анализа. — В кн.: Фольклор и этнография, с. 93.

²⁰ О том, что обрядовый фольклор — заклинание, говорил А. И. Никифоров. Он отмечал, что, хотя обрядовый фольклор представляет собой не один жанр, а систему жанров, сущность его едина — пожелание, заклинание (см. об этом Виноградова Л. Н. Указ. раб., с. 7).

²¹ Так, А. А. Потебня считал, что колядка — величальная песня, «целью которой является создание той идеальной обстановки, о которой поется в песне». (Потебня А. А. Объяснения малорусских и сходных народных песен. Т. 2. Колядки и шедровки. Варшава, 1887, с. 58).

как необрядовые. В то же время на поздних этапах развития в обряды все больше и больше включались разнообразные лирические песни, близкие к ним по смыслу и тематике. Исполнителями такие песни могли квалифицироваться как обрядовые — «троицкие», «купальские» и т. п., под этими рубриками они нередко и публиковались в классических сборниках народных песен. Выделить среди подобных песен обрядовые по происхождению не всегда легко. Здесь особенно необходимо сотрудничество фольклористов-словесников и музыковедов, так как мелодический строй и ритмика песен часто лучше сохраняют древнюю обрядовую основу, нежели постоянно варьирующиеся тексты. Мелодика раскрывает нередко и этнические связи — генетические, контактные²².

Особый тип составляют пока еще недостаточно изученные хороводные и игровые песни. Основа многих этих песен обрядовая, аграрно-магическая, и показательно, что, когда они стали уже развлечением, их по традиции исполняли в то же время, к которому они были изначально приурочены. Древнее происхождение хороводных песен подтверждается и их широким распространением. Например, известную весеннюю песню «А мы просо сеяли» знают все славянские народы. Хороводы и игры — наиболее синкретические виды обрядового фольклора, их историческое развитие и типология могут быть глубоко изучены только совместными усилиями этнографов и фольклористов-словесников, музыковедов и хореографов.

Здесь высказаны только некоторые общие соображения о типологии обрядового фольклора, их необходимо уточнить и развить на основе конкретного материала. Только путем сравнительного сопоставления типологии обрядового фольклора разных народов можно будет установить, какие типы являются общими для большинства народов, а какие — достоянием отдельных народов или групп их. Можно предположить, что многие типы обрядового фольклора у разных этносов окажутся сходными, так как они были обусловлены общими закономерностями развития общества и человеческого сознания. Но подтвердить это должен фактический материал.

Возросший в последнее время интерес к обрядности сказался и на расширении собирательской работы. Много ценных записей сделали студенческие фольклорные экспедиции: кафедры фольклора филологического факультета МГУ²³, кафедры русской литературы Горьковского университета²⁴, Вологодского и Омского пединститутов²⁵ и др. Разнообразный материал собрали экспедиции Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР. Почти все дореволюционные этнографы отмечали, что белорусы дольше, чем русские и украинцы, сохраняли обряды в их архаическом виде, современные же записи показывают, что обрядовые песни и сейчас еще бытуют в Белоруссии довольно широко, но уже в новом качестве, как ценное художественное наследие²⁶.

²² Из работ фольклористов-музыковедов, рассматривающих мелодику обрядовых песен в этом плане, прежде всего см. *Земцовский И. И.* Мелодика календарных песен. Л.: Музыка, 1975 (в книге приведена большая библиография).

²³ Часть материалов опубликована в кн.: *Обрядовая поэзия Пинежья. Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970—1972 гг.)* (Под ред. Савушкиной Н. И. М.: Изд-во МГУ, 1980).

²⁴ См. Библиографический указатель материалов фольклорного архива кафедры русской литературы Горьковского ун-та. Вып. II, ч. I и II. Обряды и обрядовая поэзия. Горький, 1977.

²⁵ О материалах по обрядовому фольклору, собранных в Омской области, см. статьи Л. В. Новоселовой в сборниках «Фольклор и литература Сибири». Вып. I, Омск, 1974; вып. 2, Омск, 1975.

²⁶ Материалы эти широко используются в соответствующих томах свода «Беларуская народная творчасць»: *Зимовыя песні (калядкі і шчадрокі*. Мінск, 1975; *Жніўныя песні*. Мінск, 1974) и др. Широко используются архивные, в том числе и современные записи в томах, посвященных обрядовому фольклору, в украинском своде «Українська народна творчість».

Новые записи не только показывают состояние обрядов и обрядовой поэзии, но и дают возможность уточнить границы распространения отдельных видов и типов обрядов. Так, например, экспедиции Московского университета обнаружили, что в Пинежском районе бытует дожиночный обряд — завивание «бороды» — с соответствующими песнями, раньше здесь живные песни не фиксировались. Эти же экспедиции показали, что на русском Севере широко бытовали «проводы» масленицы с зажиганием костров (раньше высказывалось мнение, что в северном масленичном обряде этот центральный компонент отсутствовал).

Но суть не только в том, что новые материалы расширяют и уточняют представления об обрядовой поэзии. Обрядовый фольклор все еще остается составной частью современной устно-поэтической культуры, и надо знать, какое место он занимает в ней, каков его удельный вес в фольклорном репертуаре разных мест и поколений; где, когда, кем и при каких обстоятельствах он исполняется и какие функции сейчас выполняет.

Как можно видеть, аспекты изучения обрядового фольклора разнообразны, он интересен с разных точек зрения и не только для познания далекого прошлого, но и для разрешения ряда современных проблем.

TO THE STUDY OF RITUAL FOLKLORE (ON EAST SLAV MATERIAL)

Ritual folklore is a complex phenomenon that has evolved in the course of the millennia. Its study is of value both in the historical plane and in solving certain present-day problems; it should consequently be conducted in different aspects. Some of these, though not as yet sufficiently developed, are outlined in the paper.

One of the main problems is that of studying ritual folklore history in correlation with the history of the people's world outlook and with the development of verbal arts in general, the reconstruction of their early forms, the elucidation of the place and role of verbal texts in rituals of different periods, the elaboration of a typology of ritual folklore.

One of the results to be achieved by the study is the ascertainment of the specificity of ethnic (and regional) complexes of ritual folklore. Inter-ethnic ritual complexes should also be elicited; an important role in this is played by mapping.

Ritual folklore still remains a component part of oral poetic culture; consequently it is necessary to establish the place it occupies in the folklore repertory of different localities and different generations, at what times and under what circumstances it is executed and what functions it bears at present.

М. М. Громыко

ОБЫЧАЙ ПОМОЧЕЙ У РУССКИХ КРЕСТЬЯН В XIX в.

**(К проблеме комплексного исследования
трудовых традиций)***

I

Среди обычаев, связанных непосредственно с трудовыми процессами, существенное место в русской деревне занимали так называемые помочи (помочь), или толока. Обычай этот был широко распространен территориально и очень устойчиво сохранялся в различных социальных ситуациях, тем не менее он не был еще предметом специального этнографического изучения¹. Между тем исследование этой своеобразной формы коллективного труда во всех ее проявлениях не только проливает свет на ряд вопросов хозяйственной и социальной внутриобщинной жизни, но несет также информацию о системе этических традиций и некоторых элементах древних ритуалов.

Данное исследование основано преимущественно на материалах, собранных во второй половине XIX в. по программам научных обществ. Специальный пункт о помочах был включен в «Программу для собирания сведений о сельской поземельной общине», разработанную в 1877—1878 гг. III Отделением Вольного экономического общества и принятую Русским географическим обществом (VI раздел, вопрос 100)². Ответы на программу, начавшие поступать с осени 1878 г., частично опубликованы в разных изданиях. Неопубликованные использовались нами в рукописных оригиналах³. Специальные пункты о помочах (163 и 164) вошли и в программу В. Н. Тенишева. Описание отдельных видов помочей (в частности, дожинок) есть в рукописях Этнографического отдела Об-

* Статья состоит из двух частей. Вторая часть будет опубликована в следующем номере журнала.

¹ Краткую характеристику помочей у русских см.: *Семевский В. И.* Домашний быт и нравы крестьян во второй пол. XVIII в.— Устои, 1882, № 2, СПб., с. 87; *Zelenin Dmitrij.* Russische (Ostslavishe) Volkskunde. Berlin und Leipzig, 1927, S. 335—337; Народы Европейской части СССР (серия Народы мира. Этнографические очерки). Т. I. М.: Наука, 1964, с. 408; *Семенов Ю. И.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община.— Становление классов и государства. М.: Наука, 1976, с. 59. Ссылки на публикации, освещавшие помочи в отдельных районах, см. ниже.

² Программа опубликована в кн.: Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Т. I. СПб., 1880, с. 1—36. (Далее: Сборник материалов...). Об обследовании общины, предпринятом Всероссийским экономическим обществом, см.: *Кучумова Л. И.* Сельская поземельная община Европейской России в пореформенный период (60—70-е годы XIX века).— Дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1978.

³ Центральный Государственный исторический архив (далее: ЦГИА), ф. 91 (Вольное экономическое общество), оп. 2, д. 768—784. Это наиболее концентрированный массив ответов; но отдельные материалы обследования общины, включающие иногда и сведения о помочах, встречаются в фондах (по губерниям) Архива Географического о-ва (далее АГО).

щества любителей естествознания, антропологии и этнографии и в некоторых личных фондах собирателей⁴.

Вслед за источниками мы будем в изложении оперировать административно-территориальными единицами (губерния, уезд, волость). Поэтому оговорим сразу же, что привлекаются, разумеется, данные лишь по русскому населению того или иного региона⁵.

СТРУКТУРА, РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ТИПЫ ПОМОЧЕЙ

Помочи — сложный по своей структуре обычай, основу которого составляет совместный неоплачиваемый труд крестьян для аккордного завершения какого-либо срочного этапа работ у отдельного хозяина. В рассматриваемый период характерными, но не обязательными признаками помочей являлись проведение их в праздник или воскресенье и угощение, выставляемое хозяином. «Помочи бывают к различным полевым работам в жнитве, распахке и пр., если кто захочет поскорее управиться или у кого нет скота или рабочих рук, ставит вино в праздничный день и созывает на помочь, это делают и богачи и бедняки», — писал в 1878 г. информатор из Новоузенского уезда Самарской губернии⁶.

В состав обычая входило несколько взаимосвязанных разнородных элементов хозяйственно-трудового, бытового, праздничного, фольклорного, а иногда ритуального характера. Каждый из них мог иметь варианты. При всей разнородности и многовариантности помочи представляли собой вполне законченный и цельный обычай, выделяемый в сознании крестьянства в самостоятельное явление. В самой общей форме, без учета специфики отдельных видов сельскохозяйственных работ, структура помочей может быть представлена в таком виде (см. схему).

Начинались помочи с приглашения хозяина. Уже на этом этапе возможен вариант: вместо приглашения самим хозяином — принятие общинной решения о проведении помочей в пользу какого-либо лица, нуждавшегося в коллективной поддержке. В некоторых общинах получение помочи через решение схода считалось делом обычным. Так, в Мураевенской волости Данковского уезда Рязанской губернии (волость состояла из 20 общин бывших владельческих крестьян) в 70-х годах «для получения помочи крестьянин (...) обращается к сельскому сходу, который и постановляет приговоры о помочи». Но иногда крестьянин сам обходил своих односельцев, приглашая на помочь⁷. Здесь исключением считалось скорее приглашение без участия общины. В большинстве же описаний помочь по решению схода представлена лишь как мера исключительная: при строительстве погорельцев; в случае внезапной болезни хозяина; для поддержки хозяйства вдов, сирот и семейств рекрутов; если у хозяина внезапно пала лошадь⁸. Решением общины могли определяться также поочередные помочи, о которых речь пойдет ниже.

Как правило, хозяин, затевавший помочь, обходился без согласия схода и адресовался не ко всей общине, а лишь к части односельчан —

⁴ Архив Ин-та этнографии АН СССР (далее АИЭ), ф. 22 (ОЛЕАЭ); ЦГИА, ф. 1024 (В. И. Покровского).

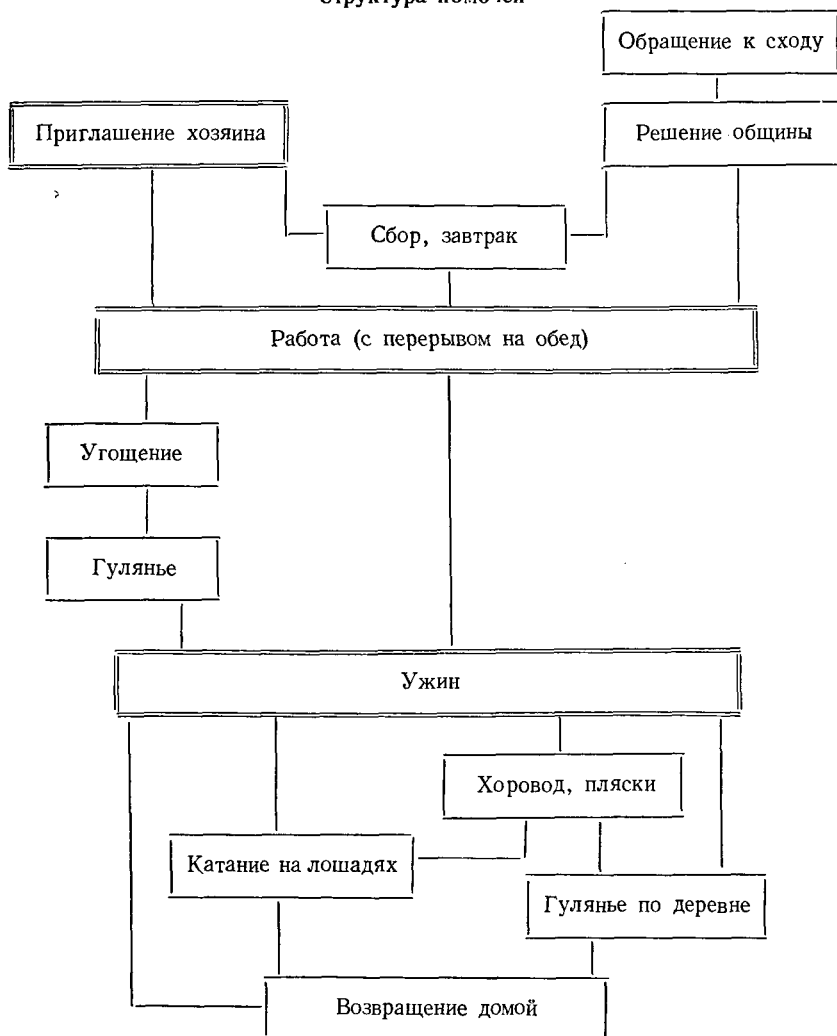
⁵ В информациях, поступающих в научные общества, указывалось, о каком населении идет речь; материалы с неопределенным этническим адресом нами не использовались.

⁶ ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 770, л. 7 об. (Дергачевская вол.).

⁷ Сборник материалов..., с. 129. Автор информации о Мураевенской вол. — известный исследователь П. П. Семенов (впоследствии — Тянь-Шанский), который был знаком с описываемыми им общинами более 30 лет (см. там же, с. 38).

⁸ Сборник статистических сведений по Московской губернии (отдел хозяйственной статистики). Т. IV, вып. 1. — Формы крестьянского землевладения в Московской губернии. (Далее: Сборник статистич. свед.). М., 1879, с. 267—270; Сборник материалов..., с. 291 (Новгородская губ.); Годичное заседание Тульского Губернского Статистического Комитета 28 июля 1880 г. (Далее: Годичное заседание ...). Тула, 1880, с. 69—71; ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 768, л. 43 об. (Ярославская губ.), и др.

**Схема
Структура помочей ***

* Двой.ыми линиями выделены основные элементы обычая.

родственникам и соседям. Если предстояло выполнить большой объем работы, приглашали желающих и из соседних селений. С этой целью хозяин или члены его семьи обходили накануне ближние деревни⁹ и как бы уговаривали помочан: «Пожалуйте к нам кушать хлеба-соли; винца и пивца для гостей будет довольно; только сделайте милость, не оставьте просьбы нашей: помогите нам сравняться с прочими православными в работах наших»¹⁰.

При большой помочи, включавшей жителей нескольких селений, помочане поутру собирались к дому хозяина «подеревенно», артелями; их сажали за стол, кормили, обносили пивом и просили пожаловать на работу¹¹. Сходились или съезжались нередко и прямо к месту работы (в лесу, в поле, на лугу).

⁹ Государственный музей этнографии народов СССР (далее: ГМЭ), ф. 7 (В. Н. Тенишева), оп. 1, д. 1456, л. 13; д. 643, л. 2; ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 784, л. 214 об., 223; д. 774, л. 47.

¹⁰ Архангельский А. Село Давшино Ярославской губернии Пошехонского уезда.— Этнографический сборник ГО. СПб., 1854, с. 26.

¹¹ ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 784, л. 47 об. (Устюжский у. Новгородской губ.).

Когда работали на дальних лугах или полях, помочан возили туда и обратно на хозяйских лошадях. Это особенно было принято при широком разбросе соседних деревень и их угодий (если самый вид работ не предполагал участие помочанина со своей лошадью — на перевозке леса, навоза и пр.)¹². При сравнительно позднем начале работы (в 9—10 часов) каждый завтракал у себя дома¹³. Если же к работе приступали рано и не завтракали у хозяина перед ее началом, то часов в 8—9 на поле привозили от него завтрак (например, теплый пшеничный хлеб, огурцы, мед или патоку, для желающих — водку)¹⁴.

Продолжительность работы на помочах в одних районах была четко определена обычаем, в других — менялась в зависимости от обстоятельств. В Тверской губ. (русские деревни по р. Тверце) было принято на почешине (так назывались здесь помочи) работать не более полдня¹⁵; аналогичные сведения о работе до полудня или до двух часов пополудни есть по Владимирской, Симбирской и другим губерниям¹⁶. В Сарapulьском уезде считалось, что помочан «должно быть столько, чтобы дела им хватило до вечера»¹⁷. Весь день работали помочане и в ряде районов Орловской, Рязанской, Калужской, Ярославской, Пермской, Архангельской и других губерний. Приглашение помочан на весь день не исключало и более раннего завершения помочей (если закончен весь объем работ)¹⁸. В Козельском (Калужская губ.), Вытегорском и Каргопольском уездах (Олонецкая губ.) помочи чаще всего устраивались в праздничные дни после обеда¹⁹. Если помочь продолжалась с утра до вечера, обед, как правило, доставлялся хозяином к месту работы²⁰.

По описаниям многих наблюдателей, во время работы звучали песни, шутки, затевались игры и шалости. Четкой грани между трудовой и праздничной частью помочей не было. На завершающем этапе отдельных видов работ (последний сноп на дожинках, подъем матицы при строительстве дома — на них мы остановимся специально в следующем разделе) в трудовой процесс впитался традиционный обряд.

Иногда ужину, которым хозяин угощал всех помочан у себя дома, предшествовали устраивавшиеся сразу же после окончания работы предварительные угощение и гуляние²¹. Но, как правило, в описаниях речь идет сразу об ужине (иногда — это поздний обед, но продолжается он до ночи)²².

¹² Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и иногородцев Западной Сибири. Вып. 1. СПб., 1888, с. 166—167. (Далее: Материалы для изучения экономического быта...).

¹³ Там же.

¹⁴ Сведения относятся к страде во Владимирской губ.; И. Х. Помочь.—Русское богатство. Вып. 1, 1879, с. 72.

¹⁵ ЦГИА, ф. 1024, оп. 1, д. 20, л. 20.

¹⁶ Сборник материалов..., с. 368; И. Х. Указ. раб., с. 72.

¹⁷ Тихонов В. П. Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарapulьского уезда Вятской губернии. Ч. 1.—Известия Императорского общества любителей естествознания, археологии и этнографии (далее: ИОЛЕАЭ). Т. XIX. М., 1891, с. 25 (Труды Этногр. отдела. Т. XI, вып. 2).

¹⁸ ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 779, л. 295; Пузырев Н. Помочи.—Этнографическое обозрение (далее ЭО), 1892, № 2—3, с. 235, и др.

¹⁹ ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 532, л. 44; Куликовский Г. И. Олонецкие помочи.—Олонецкий сборник. Вып. 3. Петрозаводск, 1894, с. 396.

²⁰ ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 774, л. 47; д. 779, л. 343 об., 356.

²¹ ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 1131, л. 7—8 (Орловская губ., Орловский у., 90-е годы); ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 779, л. 295 об. Арханг. губ., Холмогорский у., Ломоносовская вол., Куростровская община (конец 70-х годов); Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко (далее Материалы по этнографии...). Ч. I. Известия ИОЛЕАЭ. Т. XXX, с. 134—135 (Пинежский уезд).

²² ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 117, л. 4; ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 770, л. 7 об.; д. 784, лл. 54 об., 197, 205, 214 об., 223, 252; д. 779, лл. 115, 128, 137 об., 201 об., 295, 321 об., 343 об., 356, 424 об., 480; «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пермская губерния (Далее: Пермская губерния...). Ч. II. СПб., 1864, с. 539—540; Сборник материалов..., с. 368; Материалы для изучения экономического быта..., с. 166; Этнографический сборник, с. 25.

Ряд источников упоминает катанье на лошадях как неперенный элемент развлечений, присущих помочам. В описании помочей в Кочотской общине (Архангельский уезд) отмечается: «По окончании стола девушки катаются — хотя бы и ночью — с песнями по деревне на лошадях хозяина...»²³ В Ульбинской общине Усть-Каменогорского уезда (Семипалатинская обл., 80-е годы) всех помочан угощали, а женщин и девушек, кроме того, катали на лошадях по селению²⁴. В Забайкалье помочи по строительству дома завершались катаньем на лошадях с песнями; катались все — хозяева и помочане²⁵.

Катанье на лошадях — естественная форма сельского развлечения. Но есть основание предполагать, что генетически этот элемент обычая помочей носил ритуальный характер. Достаточно вспомнить масленичное катанье с обязательным участием молодоженов, сменой возрастных групп катающихся в течение дня²⁶ и, по-видимому, магическим характером круга, по которому двигались лошади²⁷. В некоторых вариантах свадьбы на следующий день после сговора жених устраивал катанье девушек с парнями. Такое же катанье «с песнями, криком и хохотом» проводилось и в тот день свадьбы, когда девушки ходили за веником и мылом для мытья невесты в бане²⁸. Возможно, катанье на помочах также связано с ритуалом, призванным освятить завершение важного вида работ.

В других описаниях сразу после ужина упоминаются «хороводы, пляска и песни в знак благодарности хорошо угостившим хозяевам»²⁹ или гулянье помочан по деревне, тоже непременно сопровождавшееся песнями и продолжавшееся всю ночь³⁰. После катанья или гулянья по селению все расходились по домам.

Выявленные нами факты бытования у русских обычая помочей касаются 70 уездов (29 губерний). Эти данные сведены в таблицу.

При отсутствии массового статистического материала, при необходимости опираться на факты, разбросанные в различных источниках, особое значение приобретают вопросы территориальной репрезентативности хронологически сопоставимых данных и степени надежности источников. Таблица отражает географическое распределение наших материалов по территории расселения русских, датировку сведений, указания на источники, а также виды сельскохозяйственных работ, упоминаемых в них.

²³ ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 779, л. 443 об.

²⁴ Макаренко А. Ульбинская община. Общинное землевладение в поселке Ульбинском, Усть-Каменогорского уезда, Семипалатинской области.— Восточное обозрение, 1887, № 42.

²⁵ Лебедева А. А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX — начало XX в.).— В кн.: Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М.: Наука, 1969, с. 178.

²⁶ Городцов Н. А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда.— Ежегодник Тюменского Государственного музея. Вып. XXVI. Тюмень, 1915, с. 16—17; Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975, с. 115.

²⁷ Соколова Г. А. Народные верования и христианский календарь.— Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л.: Наука, 1970, с. 137.

²⁸ Михеев М. Е. Описание свадебных обычаев и обрядов в Бузулукском уезде Самарской губернии.— ЭО, 1899, № 3, с. 144, 150.

²⁹ ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 779, л. 295 об., Холмогорский уезд Архангельской губ.: д. 784, л. 214 об., Устюжский уезд Вологодской губ.

³⁰ ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 1131, л. 7.

Помочи у русских крестьян. Отражение в письменных источниках второй половины XIX в.

Губерния, уезд (у), волость * (в)	Дата наблюдений	Виды работ **, упоминаемые в источнике	Источник
Курская губ. Курский у. Щигровский у. Льговский у. Фатежский у.	80-е годы	«Большая часть полевых работ»	Добротворский Н. Саяны. Историко-этнографический очерк.— Вестник Европы, 1888, № 9, с. 211—212
Орловская губ. Орловский у.	1899	Жатва, вязка снопов, уборка конопли, возка леса и др.	ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 1096, л. 19, 26
»	1899		ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 1101, л. 1
»	1899		» д. 1103, л. 8—9
»	1899	Жатва	» д. 1131, л. 7—8
»	1899	Молотьба, возка леса, посадка овощей	» д. 1177, л. 11
Болховский у.	1899		» д. 917, л. 2—3
»	1899	Уборка сена, жатва, молотьба, возка леса	» д. 928, л. 15—17
Карачаевский у.	1899	Жатва	» д. 1020, л. 17
»	1899		» д. 1024, л. 7
Тамбовская губ. Козловский у.	70-е годы	Строительство новых изб	И. Х. Указ. раб., с. 68
Калужская губ. Медынский у.	70-е годы	Перевозка леса и др.	Труды ИВЭО ***. Т. III, вып. 2. 1879, с. 139
Жиздринский у. Дулевская в.	1899		ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 485, л. 43
Овсорокская в. Козельский у.	1899	Сенокос и др.	» д. 510, л. 4
Бетовская в.	1899	Перевозка леса, сенокос, уборка картофеля и др.	» д. 532, л. 43—45
Тульская губ. Тульский у.	70-е годы	Перевозка леса для новой избы	Годичное заседание..., с. 40
Архангельская в.	70-е годы	Жатва	ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 780, л. 39
Хрушевская в.	70-е годы		Там же, л. 31 об.
Сергиевская в. Новосильский у.	70-е годы		Годичное заседание..., с. 69—70
Кашенская в.	1878	Жатва, молотьба	Сборник материалов..., с. 201
Чернский у. Бредихинская в.	70-е годы	Постройка дома, пахота, жатва, вывоз леса	ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 1736, л. 19—20
Одоевский у. Глининская в.	1898	Возка кирпичей и др.	» д. 1737, л. 21
Стрелецкая в. Козюлькинская в.	1899	Жатва, возка леса и др.	» д. 1740, л. 5
Рязанская губ. Рязанский у.	70-е годы	Перевозка леса, кирпича; жатва, косьба, уборка сена	Сборник материалов..., с. 168, 171
Солотчинская в.	70-е годы		Там же, с. 129
Данковский у. Мураевенская в.	70-е годы	Перевозка строительных материалов и др.	ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 1444, л. 19—20
Пронский у. Юраковская в.	1899	Возка леса	

Таблица (продолжение)

Губерния, уезд (у), волость * (в)	Дата наб- людений	Виды работ **, упоминае- мые в источнике	Источник
<i>Скопинский у.</i> Маклаковская в.	1899	Возка хлеба с поля, воз- ка леса, покрытие кры- ши	ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 1456 л. 13—15
» »	1899	Жатва, возка леса, пере- ножка построек, мо- лотьба	» д. 1461, л. 61—6
Нижегородская губ. <i>Нижегородский у.</i> Борисовская в.	70-е годы		Нижегородский сборни вып. IV. Нижний Но город, 1877, с. 174, 18
<i>Горбатовский у.</i> <i>Васильсурский у.</i> Корвин-Круковская в.	1899	Вывозка навоза в поле, сенокос, вывоз хлеба и сена с поля, молотьба, возка леса, рубка капу- сты и др.	ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 64 л. 1—3
Московская губ. Губерния в целом	70-е годы		Сборник статистич. свед., с. 267—270
Губерния в целом	1899	Перевозка нового сруба, «мшение» избы, вывоз- ка бревен, покос, жат- ва, обработка льна, вы- возка навоза в поле	ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 633, л. 26—30
<i>Можайский у.</i> Корженьская в.		Уборка льна с поля, мятье льна и др.	ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 776, л. 20, 20 об., 21, 22
Смоленская губ. Губерния в целом	70-е годы		Отечественные записки, 1876, № 9, с. 39
дер. Моравщина Тверская губ. Губерния в целом	70-е годы 1883	Вывозка навоза на поле Косьба, жатва. и др.	И. Х. Указ. раб., с. 66 ЦГИА, ф. 1024, оп. 1, д. 20, л. 20
<i>Осташковский у.</i> Самушинская в.	1879— 1880-е годы	Жатва, возка бревен на избу, сечка капусты	Сборник материалов..., с. 252
<i>Вышневолоцкий у.</i>	80-е годы		Сборник статистич. сведе- ний о Тверской губ. Т. III Вышневолоцкий у. Тверь, 1889, с. 78—79
<i>Бежецкий у.</i>	70-е годы		Сборник материалов для статистики Тверской гу- бернии. Вып. 2. Тверь, 1874, с. 113
Псковская губ. <i>Псковский у.</i> Славковская в.	70-е— начало 80-х го- дов	Обработка льна	Статистические очерки Вып. 2. Псков, 1883, с. 9—11
<i>Порховский у.</i> Березовская в.	1879	Вывозка навоза на поля, вывозка леса, построй- ка избы и др.	Сборник материалов..., с. 315—316, 323—324
Новгородская губ. <i>Устюженский у.</i>			

Губерния, уезд (у), волость * (в)	Дата наблюдений	Виды работ **, упоминае- мые в источнике	Источник
Охоно-Федовская в.	70-е годы	Вывозка навоза, сев, па- хота, косьба, жатва, возка бревен и дров, сборка и перевозка изб, битие печей, трепанье и мятые льна и пеньки	ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 774, л. 47
Тесовский у.	1878		Русское богатство. Вып. 1. СПб., 1879, с. 68
Крестецкий у. Заозерская в.	1879	Жатва, сенокос, построй- ка избы и др.	Сборник материалов..., с. 291
Боровичский у. Левочская в.	90-е годы	Постройка дома	Живая старина. Вып. IV, 1899, с. 40
Ярославская губ. Ярославский у. Лаптевско-Поповская в.	1878	Полевые работы	ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 769, л. 43 об.
Курбско-Камынин- ская в. Пошехонский у. Уезд в целом	1878	Перевозка леса, полевые работы	Там же
Село Давшино	90-е годы		ЦГИА, ф. 381, оп. 47, д. 1475, л. 8
Щетинская в.	50-е годы		Этнографич. сб. ГО, СПб., 1854, с. 26
Ростовский у. Сулотская в.	80-е годы		Ярославские губ. ведо- мости, 1890, № 5
Владимирская губ. Губерния в целом	80-е годы		Титов А. А. Юридические обычаи села Никола- Перевоз. Ярославль, 1888, с. 93
Подольская в.	70-е годы	Жатва, постройка изб	Труды ИВЭО, 1874, сен- тябрь. И. Х. Указ. раб., с. 68, 72
Юрьевский у. Спасская в. } Глумовская в. }	70-е годы		Сборник материалов..., с. 168
	80-е годы	Пахота	Пругавин В. С. Сельская община, кустарные про- мыслы и земледельче- ское хозяйство Юрьев- ского уезда. М., 1884, с. 125
Вязниковский у.	60-е годы	Рубка капусты, чистка лука	Гольшиев И. Богоявлен- ская слобода Мстера. Влад. губ. Вязников- ского у. Владимир, 1865, с. 49, 51
Костромская губ. Губерния в целом	60—70-е годы	Прядение льна и др.	Материалы для геогра- фии и статистика Рос- сии. Костромская губ. СПб., 1861, с. 516. Ма- териалы для стати- стики Костромской губ. Вып. 3. Кострома, 1875, с. 10
Кинешемский у. Тезинская в.	1878	«Самые разнообразные работы»	Сборник материалов..., с. 235
Казанская губ. Губерния в целом	90-е годы	Заготовка капусты	Этнографическое обозре- ние, 1907, № 1—2, с. 72—73

Таблица (продолжение)

Губерния, уезд (у), волость* (в)	Дата наблюдений	Виды работ **, упоминаемые в источнике	Источник
<i>Лаишевский у.</i>	80-е годы		Известия ИОЛЕАЭ, XIX. М., 1891, с. 25
Симбирская губ. <i>Симбирский у.</i> Ундорская в.	70-е годы	Перевозка и сборка изб, жатва, уборка конопли, льна, толчение кудели, прядение, рубка капу- сты и пр.	Сборник материалов..., с. 367—368, 381
Самарская губ. <i>Самарский у.</i>	50-е годы	Жатва, перевозка изб и др.	Самарские губ. ведомо- сти, 1857, № 22
»	70-е годы		Самарские епархиальные ведомости, 1876, № 22
<i>Новоузенский у.</i> Дергачевская в.	1878	Жатва, пахота и пр.	ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 770, л. 7 об.
<i>Богурусланский у.</i> Сосновская в.	60-е годы		Памятная книжка Са- марской губ. Самара, 1864, с. 123
Вятская губ. Губерния в целом	1845	Вывозка навоза	Вятские губ. ведомости, 1845; № 30
<i>Вятский у.</i>	80-е годы	Жатва, сенокос и др.	Волжский вестник, 1886, № 171
<i>Сарапульский у.</i>	80-е годы	Жатва и др.	Материалы для изучения обычного права крестьян Сарапульского у. Известия ИОЛЕАЭ, Т. XIX. М., 1891, с. 26—27
<i>Орловский у.</i> Пинюжская в.	70-е—на- чало 80-х годов	Почти все работы	Вятские губ. ведомости, 1883, № 6
Пермская губ. Губерния в целом	60-е годы	Жатва, обработка льна, заготовка капусты и др.	Пермская губ., с. 539— 540
<i>Пермский у.</i>	60-е годы	Заготовка капусты	АГО, р. 29, оп. 1, д. 24, л. 9
<i>Оханский у.</i>	70-е годы		Пермские губ. ведомости, 1877, № 92
<i>Шадринский у.</i>	50-е годы		АГО, р. 29, оп. 1, д. 57;
»	50-е годы		Пермский сборник. Кн. 1, М., 1859, с. 40
»	70-е годы	«Почти все работы потя- желее», прядение льна, рубка капусты, стриж- ка шерсти	Сборник материалов..., с. 24
Вологодская губ. <i>Вологодский у.</i> Фетиньинская в.	1898 г.		ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 117, л. 4—5
Спасская в.	1879 г.	Преимущественно жатва и возка леса на по- стройку	ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 784, л. 205
<i>Вельский у.</i> Усть-Вельская в.	70-е годы	Вывоз с полей хлеба, се- на, вывоз на поля на- воза	ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 784, л. 196 об., 197
»	1899	Жатва	ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 100, л. 2
Кунайско-Покровская в.	1899	Вывозка навоза	» д. 113, л. 3

Губерния, уезд (у), волость * (в)	Дата наблюдений	Виды работ **, упоминаемые в источнике	Источник
<i>Устюжский у.</i> Цепляковская в.	1879	Жатва, косьба, вывоз навоза, обработка льна	ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 784, л. 214 об.
Усть-Алексеевская в.	70-е годы	Жатва, косьба, вывоз на- воза, уборка сена, об- работка льна	ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 784, л. 223
<i>Грязовецкий у.</i> Панфиловская в.	70-е годы	«Преимущественно жат- ва»	» » л. 54 об.
Семеновская в.	70-е годы	Пахота, сенокос, жатва	» » л. 252
Ново-Никольская в.	70-е годы		» » л. 284
Олонекская губ. <i>Каргопольский у.</i> } <i>Вытегорский у.</i> }	80-е годы	Косьба, жатва, пахота, кладка сруба на фун- дамент, возка бревен, печebитье и пр.	Олонецкий сб., с. 394— 396
Петербургская губ. <i>Лужский у.</i>	60-е годы	Обработка капусты	Записки ГО по отд. этно- графии. Т. 4, 1871, с. 244—245
Архангельская губ. <i>Архангельский у.</i> Лявленская в.	70-е годы	Уборка хлеба с полей, возка сена с островов, возка леса на построй- ку домов	ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 779, л. 172
Петракеевская в.	70-е годы	Вывозка навоза на поля	» » л. 385 об.—386
Кохотская в.	70-е годы	Жатва, косьба	» » л. 443—443 об.
<i>Мезенский у.</i> Лешуконская в.	1880	Расчистка леса под паш- ню, жатва, косьба и пр.	ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 779, л. 343—343 об., 356
»	80-е годы	Жатва	Сельская поземельная община в Архангель- ской губ. Вып. 3. Ар- хангельск, 1886, с. 15, 40.
<i>Онежский у.</i> Мардинская в.	70-е годы	Жатва	ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 779, л. 180
Кокоринская в.	70-е годы	Вывозка леса для строй- ки	» » л. 514—515 об.
<i>Пинежский у.</i> Уезд в целом	70-е годы	Жатва, сенокос	Известия ИОЛЕАЭ. Т. XXX, с. 133—135
Никитинская в.	70-е годы	Жатва, сенокос	ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 779, л. 321—321 об.
<i>Холмогорский у.</i> Ломоносовская в.	70-е годы	Жатва, перевозка построй- ек, расчистка под луг, сенокос	» » л. 128, 295— 295 об.
Медведовская в.	1880	Жатва	» » л. 105—105 об.
Емецкая в.	1880	Жатва, сенокос, перевоз- ка построек и леса	» » л. 115, 128, 137 об.
Григоровская в.	70-е годы	Жатва, сенокос	» » л. 369 об.
Яковлевская в.	1879	Жатва	» » л. 424 об.
<i>Шенкурский у.</i> Великониколаевская в.	70-е годы	Жатва, привоз во двор леса, вывоз навоза со двора	» » л. 201 об., 229

Таблица (продолжение)

Губерния, уезд (у), волость * (в)	Дата наблюдений	Виды работ **, упоминаемые в источнике	Источник
Усть-Падомская в.	1880	Жатва, вывозка навоза, рубка дров, расчистка «полян и чищанин»	ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 779, л. 470 об.— 480
Тобольская губ. Губерния в целом	80-е годы		Очерки порядков посе- мельной общины в Тоб. губ. Литературный сборник. СПб., Изда- ние Восточного обозре- ния, 1885, с. 110
Тюменский округ	80-е годы	Косьба, метание стогов	Материалы для изучения экономического быта..., с. 166—167
Тарский округ	50-е годы	Заготовка капусты на зи- му	АГО, р. 61, оп. 1, д. 24, л. 9
Тюкалинский округ	80-е годы	Жатва и др.	Восточное обозрение, 1887, № 15
Томская губ. Губерния в целом	70-е годы	Жатва и др.	Костров Н. Юридические обычаи крестьян-старо- жилов Томской губ. Томск, 1876, с. 49—50
Барнаульский округ	80-е—на- чало 90-х годов	Жатва	Этнографическое обозре- ние, 1892, № 2—3, с. 235—236
Енисейская губ. Губерния в целом	60-е годы		Кривошапкин М. Ф. Ени- сейский округ и его жизнь. Т. 1. СПб., 1865, с. 39
То же	1851	Жатва	Костров Н. А. Онские се- ления. Москвитянин. 1851, № 24—25, с. 255
»	80-е— 90-е годы	Заготовка капусты на зи- му	Макаренко А. А. Сибир- ский народный кален- дарь. СПб., 1913, с. 109, 111
Иркутская губ. Иркутский у.	50-е годы		Иркутские губ. ведомо- сти, 1858, № 16
Верхотенский у. Верхотенская в.	1840		ЦГИА, ф. 1589, оп. 1, д. 509, л. 81 об.
Нижнеудинский у. Тулуновская в.	90-е годы	Жатва, обработка шер- сти	Виноградов Г. С. Мате- риалы для народного календаря старожи- льского населения Сибири. Иркутск, 1918, с. 27—29
Семипалатинская обл. Усть-Каменогорский у. Ульбинская община	80-е годы	Жатва, косьба, прополка, возка леса и др.	Восточное обозрение, 1887, № 42

* Сведения по разным общинам одной волости в таблице объединены.

** Пропуск в таблице означает отсутствие в источнике указаний на виды работ.

*** Императорское Вольное экономическое общество.

Сведения эти отнюдь не исчерпывающие. Отсутствие данных о помо-
чах для многих волостей и целых уездов не дает еще оснований считать,
что обычая там не было. Наличие описаний или упоминаний о нем по
разным волостям, а также их число определяются нередко тем, кто со-
бирал материал и насколько активно и последовательно он это делал.
Кроме того, существующие описания выявлены (особенно в архивах)
еще не полностью, и в этом смысле таблица отражает лишь определен-
ный этап исследования.

Уже из этих данных видно, что *помочи в XIX в.* (таблица охватывает
преимущественно 70—90-е годы) *присущи были русской деревне всех*
трех обычно выделяемых этнографических зон — северной, средней и
южной.

Все многообразные проявления помочей, бытовавшие у русских, мо-
гут быть сведены к трем типам этого обычая.

В описании Ундоровской общины (крестьяне — бывшие крепостные)
Симбирского уезда, поступившем в Вольное экономическое общество,
отмечалось: «Крестьяне (...) смотрят на помочь как на обычай, установ-
ленный исстари их дедами с целью взаимной помощи друг другу, в ра-
ботах, не терпящих отлагательства. (...) В Ундоровской общине и доны-
не можно встретить стариков, которые помнят то время, когда личный
наем встречался очень редко, так как все работы, требующие скорого
исполнения, производились помочами»³¹. Подобные воспоминания со-
хранились в сравнительно недавно освоенных районах, где в ходе зем-
ледельческой колонизации возрождались некоторые стадияльно более
ранние общинные порядки. В Тюкалинском округе, например, в 80-х го-
дах XIX в. рассказывали, что «раньше», когда земля признавалась «воль-
ною», уборка хлеба производилась не иначе как сообща, помочью всей
деревни, которая переходила от одного хозяина к другому, пока не был
убран весь хлеб, и хозяин поля не выставлял никакого угощения, каждая
семья приносила в поле свой обед»³². Источники XVIII в. свидетельству-
ют, что в недавно освоенных районах Сибири получает широкое рас-
пространение помочь за угощение, выставляемое хозяином³³.

Поочередная помощь всем общинникам в основных сельскохозяйст-
венных работах — пахоте, севе, жатве не встречается в XIX в., но при-
меняется при вывозке навоза на паровые поля, разминании льна, пряде-
нии и пр., представляя собой в рассматриваемый период один из типов
помочей. Такие помочи, проводимые многими (если не всеми) членами
общины последовательно у каждого из участников по определенному
виду работ, обозначим как тип I.

Для второго типа помочей, как и для первого, характерно участие
всей или почти всей соседской (территориальной, или сельской) общи-
ны в работах, но в хозяйстве лишь одного из общинников, оказавшего-
ся по той или иной причине в исключительно неблагоприятных условиях
(тип II). Устраивались такие помочи для пахоты, сева, косьбы, жатвы,
стройки и других видов работ.

Третий тип — помочи, затеваемые по инициативе одного хозяина.
Как бы многочисленны они ни были (в отдельных случаях — до 100 чело-
век)³⁴, охватывая значительную часть крестьян своего селения и даже

³¹ Сборник материалов..., с. 368.

³² Марусин С., Швецов С. П. Очерк форм пользования землею у крестьян Тюка-
линского округа. Восточное обозрение, 1887, № 15.

³³ Центральный государственный архив древних актов, ф. 517, оп. 1, ч. 1, д. 691,
№ 1—46 (1763 г.); Государственный архив Новосибирской обл., ф. 105, д. 2, л. 264
(1735 г.). Государственный архив Алтайского края, ф. 1, оп. 1, д. 224, л. 318 (1760 г.),
Кн. Костров, Онские селения. — Москвитянин, 1851, № 24—25, с. 255—256.

³⁴ Третьяков Анд. Шадринский уезд Пермской губернии в сельскохозяйственном
отношении. — Журнал Министерства государственных имуществ. Ч. XLV. СПб., 1852,
№ 10—12, с. 192.

соседних деревень,— они с общиной как таковой не имеют прямой связи. Общинными они являются лишь генетически и по социально-психологической своей основе (тип III).

Русскому обычаю помочей находим соответствие в аналогичных обычаях украинцев и белорусов³⁵.

THE «POMOCHI» CUSTOM AMONG 19th CENTURY RUSSIAN PEASANTS. [TO THE INTEGRATED STUDY OF WORK TRADITIONS]

The study is based principally upon materials gathered in the 19th century according to programmes developed by various scientific societies (V. N. Tenishev's Ethnographic Bureau, the Geographical Society, the Unofficial Economic Society, etc.). Facts as to the occurrence of the custom have been elicited in 61 *uyezds* (districts) in 29 *gubernias* (provinces). The author concludes that the *pomochi* (village communal aid) custom was characteristic of the 19th century Russian village in all three ethnographic zones: the northern, the middle and the southern. The structure of the custom is analyzed. Three types of *pomochi* are distinguished: the aid of the whole *obshtchina* (community) to each of its members in turn; the aid of the whole (or almost the whole) *obshtchina* to one of its members who has fallen into particularly unfavourable circumstances; *pomochi* organized on the initiative of one particular head of a household.

³⁵ Рыльский Ф. Р. К изучению украинского народного мировоззрения (экономические отношения).— Киевская старина, 1903, № 5; Нежинский уезд. Статистико-экономическое описание с проектами оценки недвижимых имуществ уезда. Киев, 1980, с. 107—108; Сборник материалов..., с. 216; Сержпутовский А. Очерки Белоруссии. IV (Талака).— Живая Старина. Вып. 3—4. СПб., 1907, с. 210.

Г. М. Афанасьева, Ю. Б. Симченко

О БРАЧНЫХ СИСТЕМАХ АВТОХТОННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Брачные системы автохтонных народов Северной Азии по внешним признакам можно разделить на три типа. Первый характеризуется билинейно-родовой экзогамией, второй — кольцевой брачной связью с определенными нормами гилацкого типа, третий — отсутствием родовой организации.

Настоящая работа ставит целью анализ этих основных брачных систем, отличающихся более или менее широким распространением у северных охотников и оленеводов¹.

В качестве объекта исследования избраны брачные системы нгансан, энцев, юкагиров, нивхов, чукчей, коряков, эскимосов. Обособленность этих народов на протяжении длительной истории освоения высоких широт способствовала лучшей сохранности у них традиционных брачных отношений.

При исследовании комплекса норм, регулирующих брачные отношения, мы предприняли ряд последовательных этапов анализа. Основная задача заключалась в выявлении амплитуды кровнородственной близости возможных браков. Минимальная дистанция — предел кровнородственного сближения — определяется отношением предполагаемых половых партнеров к общему предку, обусловленным брачной нормой. Максимальное удаление от этого предела (максимальная дистанция) зависит от численности конкретного эндогамного коллектива.

Для выяснения отношения возможных половых партнеров к общему предку мы сочли целесообразным ввести единицу измерения — *степень*, равную поколению по восходящей линии «потомки — предки». Степень устанавливается отсчетом числа поколений от эго (см. рис. 1). Так, для эго по мужской линии отец будет предком первой степени (I), дед (отец отца) — предком второй степени (II); прадед (отец отца отца) — предком третьей степени (III) и т. д.; отношение к общему предку определяет и степень кровнородственной близости сиблингов. Люди, имеющие предка первой степени, будут сиблингами первой степени, имеющие предка второй степени — сиблингами второй степени и т. д. С помощью этих двух понятий можно записать любое отношение к эго, введя дополнительно определение пола.

Следующим этапом анализа было установление брачных возможностей братьев и сестер (сиблингов) какой-либо одной степени, т. е. брачных возможностей эго по отношению к группе сиблингов, рассматриваемых в качестве потенциальных половых партнеров. Эти отношения управляются дополнительными факторами, в частности преимуществом счета родства по одной из линий.

¹ В этнографической литературе по преимуществу разрабатывалась проблема типологии систем родства и связи их с порядком регулирования отношений между полами вообще. Наиболее полный обзор работ по данной проблеме и критику основных концепций см. *Крюков М. В.* Система родства китайцев. М.: Наука, 1972, с. 6—66.

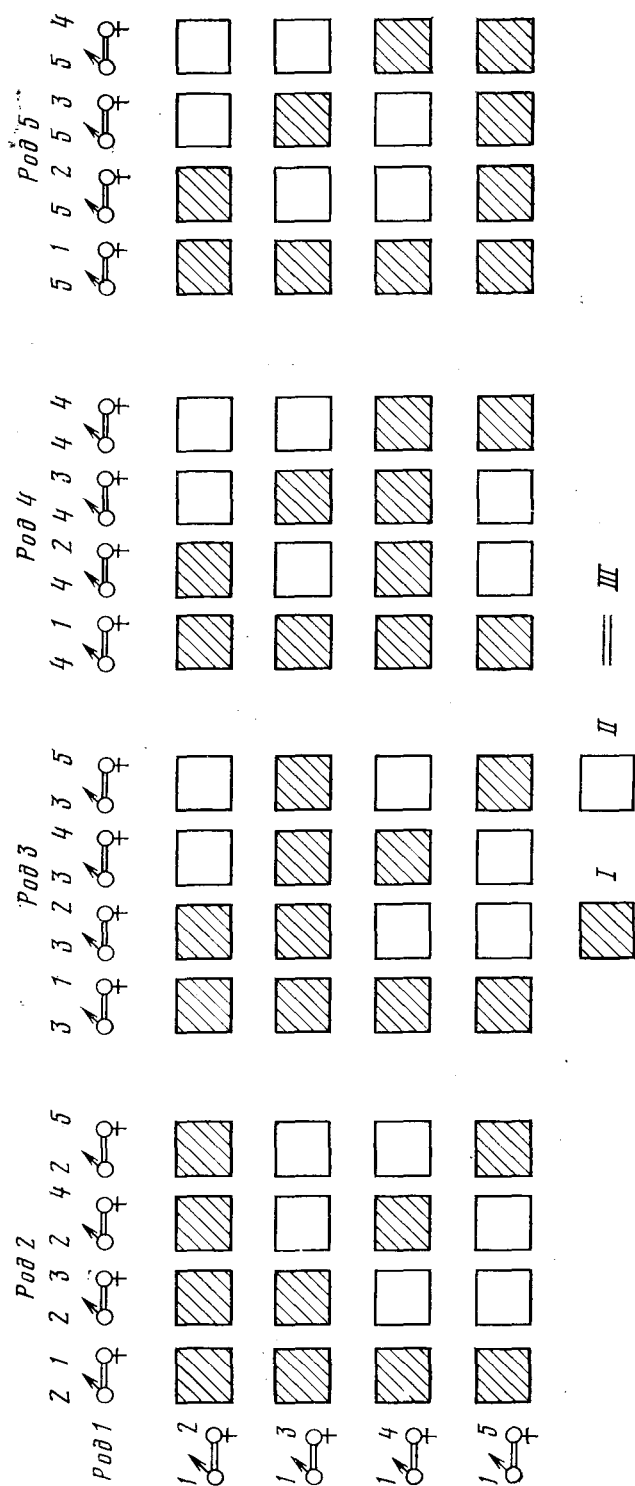

Рис. 2. Билинейная экзогамная система нгансан (по кн. Симченко Ю. Б. Культура охотников на олених Северной Евразии. М.: Наука, 1976, с. 205): I — наблюдение; II — возможность вступить в брак; III — брачная связь

Сущность установки при билинейной экзогамии можно охарактеризовать как соблюдение «правила предка третьей степени».

Далее, при той же установке для деда (отца отца) жены эго брачные возможности должны ограничиваться женщинами, родителями которых являются мужчины из рода 1, женщины из рода 3 или, наоборот, мужчины из рода 3 и женщины из рода 1. Минимальная дистанция кровнородственной близости и в этом случае будет равна трем поколениям.

Как следует из приведенного примера, эта минимальная дистанция предполагает существование системы из не менее чем четырех экзогамных коллективов.

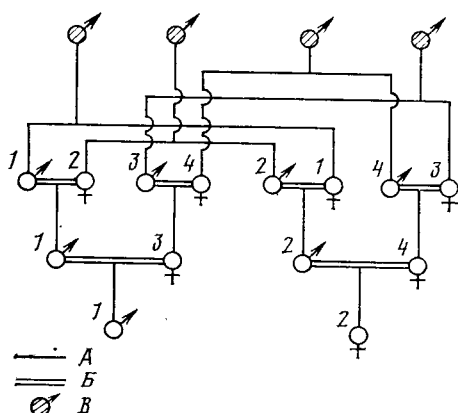

Рис. 3. Минимально допустимая кровнородственная близость (*степень общего предка*) при заключении брака (по брачным нормам нганасан): А — кровнородственная связь; Б — брачная связь; В — общий предок; 1, 2, 3, 4 — принадлежность к роду. В последующих рисунках кровнородственная и брачная связь обозначены так же, как на этом рисунке

Максимальная дистанция кровнородственной близости, следовательно, предусматривает большее число родов.

Таким образом, при нганасанской билинейной родовой экзогамии минимальная дистанция кровнородственной близости не определяется их патриодовой системой. Минимальная дистанция всегда будет не ближе предка третьей степени⁴. Следствием этого является иллюзорность, номинальный характер представлений о кровнородственной близости бесконечной цепочки поколений по отцовской линии.

Необходимо подчеркнуть, что отнесение эго к какому-либо экзогамному коллективу могло иметь основой именно минимальную дистанцию кровнородственной близости. Практически с позиций эго экзогамный коллектив, к которому он принадлежал, должен был состоять из круга людей соответственных степеней родства, ограниченного запретом полового партнерства лиц, имеющих общего предка данного поколения (степени). Следовательно, вряд ли справедливо рассматривать экзогамный коллектив типа традиционного нганасанского рода, члены которого формально считают его бесконечной цепью кровнородственных поколений, как изначальный регулятор соблюдения минимальной дистанции кровнородственной близости.

Можно предположить, что представлениям о кровнородственной близости бесконечной цепочки поколений (и соответственной модели) предшествовали представления об экзогамном коллективе, ограниченном определенным числом поколений. Число поколений здесь рассматривается в качестве признака родственной близости. Тогда понятие экзо-

⁴ Эта теоретическая модель расчета минимальной дистанции кровнородственной близости при заключении браков подтверждается результатами исследований архивных материалов XVIII—XIX вв., содержащих сведения о нганасанских браках. См.: Материалы I ясачной комиссии 1761 г.— ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648; Материалы ревизии 1782 г.— Гос. архив Красноярского края, ф. 910, оп. 1, № 2; Материалы ревизии 1796 г.— Там же, № 6; Материалы ревизий 1832 и 1853 гг.— Там же, № 164.

гамного коллектива не могло быть некоей постоянной. Для каждого члена данного общества принадлежность к конкретному экзогамному коллективу обуславливалась его принадлежностью к определенному поколению.

Нганасанская система характеризуется неравнозначностью экзогамных установлений по мужской и женской линиям в роде отца и асимметрией экзогамной структуры рода отца и рода матери (см. рис. 4). Так, из круга брачных партнеров для мужчины (потомка первого поколения брачной пары из родов 1 и 2) будут исключены дочери как брата, так и сестры отца. Для потомка второго поколения в линии брата его деда (отца отца) не будет возможных брачных партнеров, однако в линии сестры деда (отца отца) в данном поколении он уже сможет найти жену. Для потомка третьего поколения брачные партнеры возможны и в линии дочери брата его прадеда. В линии сына того же человека брачный партнер возможен только для праправнука его брата — потомка четвертого поколения.

В роде матери — женщины из рода 1 — экзогамное установление для ее детей распространяется практически лишь на сиблингов второй степени, иными словами — на потомков одного поколения. Внуки данной женщины, согласно нганасанским брачным нормам, могут найти половых партнеров уже в числе внуков ее брата и ее сестры.

Неравнозначность установления минимальной дистанции кровнородственной близости по отношению к потомству по мужской и женской линиям особенно хорошо выявляется при рассмотрении брачных возможностей мужчины среди женщин-сиблингов третьей степени в роде отца и матери (см. рис. 5).

Так, в роде отца среди сиблингов третьей степени будет исключена из круга возможных брачных партнерш дочь сына брата деда (отца отца), в роде матери — дочь сына брата деда (отца матери).

Это установление допустимо рассматривать как один из возможных факторов, определяющих направленность брачного выбора и регулирующих сохранение постоянной минимальной дистанции кровнородственной близости.

Билинейная экзогамная модель практически и предусматривает оптимальное число экзогамных коллективов. Это положение вытекает из анализа вариантов выбора брачного партнера для эго.

Согласно билинейной экзогамной установке, если мужчина рода 1 женился на женщине рода 2, то женами отцов данной брачной пары могли быть только женщины родов 3 и 4 и лишь при условии, что они не из одного рода (см. рис. 6).

Возьмем за основу случай, когда прадед (предок третьей степени) эго женат на женщине из рода 3, а прадед (предок третьей степени) одной из возможных брачных партнерш («А») эго женат на женщине из рода 4. В этом случае женой отца (предка первой степени) эго могут быть женщины из родов 3 и 4.

Рассмотрим вариант, когда мать эго из рода 4. Тогда для него в группе сиблингов третьей степени будут следующие брачные возможности: при обменном браке в поколении деда эго и его предполагаемой жены «А» (мужчина рода 1 и женщина рода 2, мужчина рода 2 и женщина рода 1) эго может жениться на женщине «А», если ее матерью будет женщина из рода 3; на женщине «Б», если ее отцом будет мужчина из рода 3 (в данном случае условие брака эго предусматривает в свою очередь обменный брак — мужчины рода 2 и женщины рода 3 и мужчины рода 3 и женщины рода 2); брак с женщиной «В» невозможен потому, что дедом ее (предком второй степени) мог быть либо мужчина рода 1, тогда эта женщина принадлежала к роду эго, либо дедом был мужчина рода 3, а бабкой — женщины родов 2 или 4, тогда мать эго и данной женщины принадлежали к одному роду. Аналогична ситуация

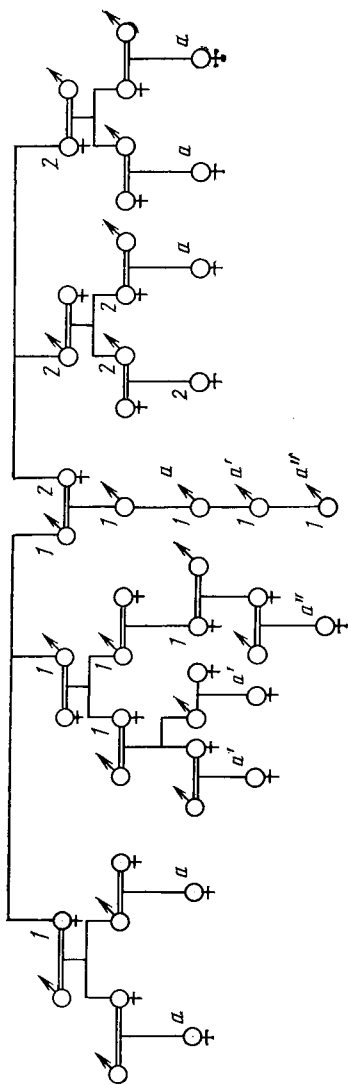

Рис. 4. Возможность заключения браков (по брачным нормам нганасап) в различных поколениях между потомством одной брачной пары и потомством их братьев и сестер (с учетом родства по отцовской линии): a, a', a'' — браки допустимы; $1, 2$ — родовая принадлежность

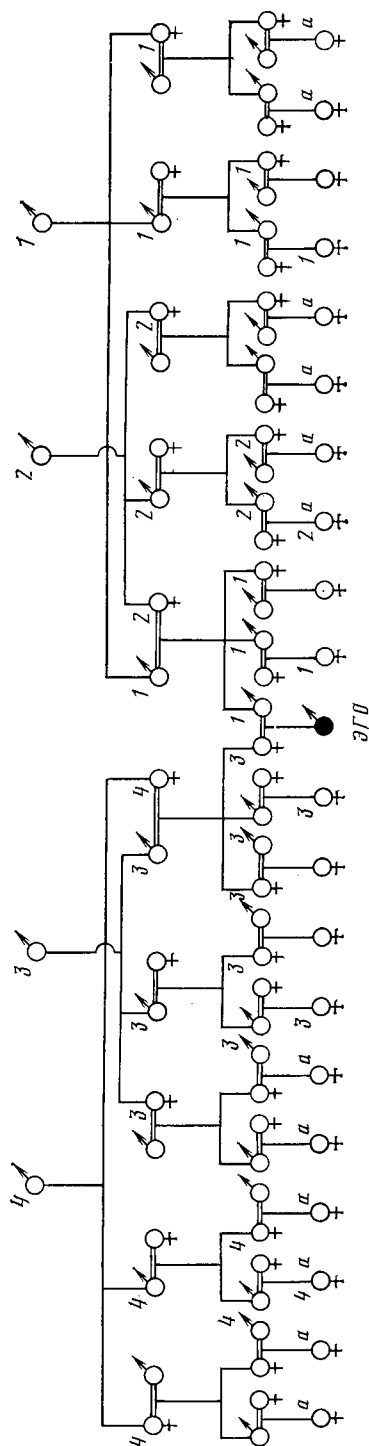

Рис. 5. Брачные возможности эго среди сиблингов третьей степени (при учете родства по отцовской линии): 1 — отец отца отца эго; 2 — отец матери отца эго; 3 — отец отца матери эго; a — брак с данными женщинами для эго допустим

по отношению к женщине «Г», если отец ее был из рода 1 или из рода 4: в первом случае она относилась бы к роду отца эго, во втором — к роду его матери.

Таким образом, при существующей билинейной установке для популяции, состоящей из четырех экзогамных групп, брачные возможности среди сиблингов третьей степени крайне ограничены. Заключение браков при таких обстоятельствах было строго направлено. На практике такая система вряд ли могла существовать. Для того чтобы браки в группе сиблингов третьей степени были возможны, необходим оптимум из пяти родов, не допускающий тупиковых ситуаций.

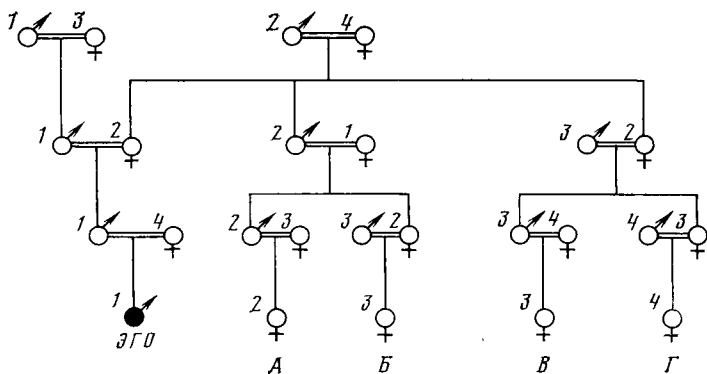

Рис. 6. Исключение части возможных брачных партнеров эго из числа его сиблингов третьей степени (при наличии четырех экзогамных коллективов и соблюдения брачных норм нганасан): А, В, Г — возможные брачные партнеры эго; 1, 2, 3, 4 — принадлежность к роду

Особенно благоприятные условия создаются при обменном браке, когда вариативность брачных связей представлена с максимальной полнотой и с большей эффективностью могут использоваться брачные возможности сиблингов третьей степени.

Тупиковое положение возникает в том случае, когда кузены (сиблинги второй степени) берут себе жен в одном роду — при этом (если в жены взяты родные сестры) их потомство определяется в качестве сиблингов второй степени, брак между которыми исключен.

Подводя итог, сущность билинейной экзогамии можно определить как соблюдение «правила предка третьей степени» — регулятора минимальной дистанции кровнородственной близости.

2

Л. Я. Штернберг характерными особенностями брачной системы нивхов (гиляков) считал кольцевую брачную связь и две нормы: 1) мужчина женится на дочери брата матери, а женщина выходит замуж за сына сестры отца и 2) запрещается отдавать женщин в род «тестя второй степени», т. е. отца матери жены.

Необходимо сразу же оговорить, что при упоминаемом Л. Я. Штернбергом трехродовом союзе не может быть реализован запрет отдавать женщин в род тестя второй степени, поскольку кольцевая связь предполагает брак женщин именно в этом роде (см. рис. 7). Таким образом, данная система брачных связей может существовать только при наличии четырех, как минимум, экзогамных коллективов. При четырех родах, состоящих в кольцевой брачной связи, определяющим моментом служит вторая норма — не отдавать женщин в род тестя второй степени.

Л. Я. Штернберг полагал, что эта норма явилась позднейшим установлением в истории формирования гиляцких брачных норм. «В исто-

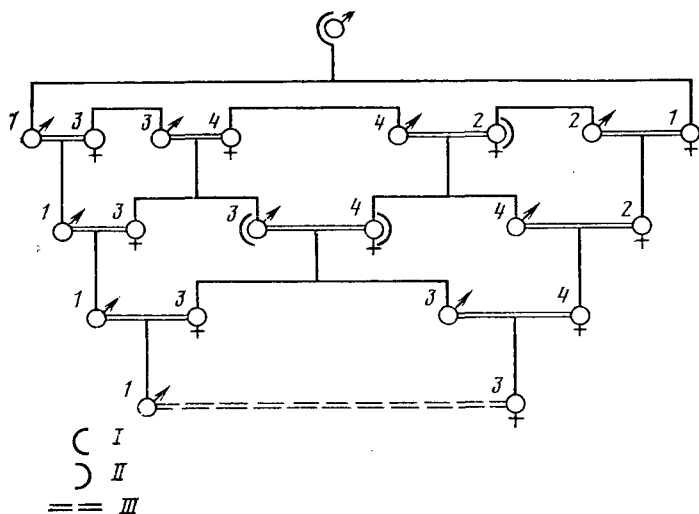

Рис. 7. Вероятность заключения браков у нивхов (гиляков) при наличии общих предков соответствующих степеней родства (кольцевая брачная связь); I — общий предок, принимающийся во внимание при заключении брака (брак допустим); II — общий предок, не принимающийся во внимание при заключении брака; III — брак допустим; 1, 2, 3, 4 — принадлежность к роду

рии происхождения этого запрета, — писал он, — кроется и вся дальнейшая эволюция гиляцкой семьи и рода. Каким образом мог возникнуть этот распространительный запрет? Мы видели, что боязни браков в близких степенях у гиляков не было. Значит, причина должна была быть другая. Дело в том, что при неизбежности случаев, когда оказывалось невозможным брак жен из рода матери, гиляк, сообразуясь с религиозным императивом, естественно должен был считать... наиболее подходящим родом тот, откуда, по крайней мере, род его матери брал жен, и за невозможностью брать их у него, он переходил к тому роду, у которого этот последний брал жен, т. е. переходил постепенно к ахмальк'ам (тесть. — Авт.) дальних степеней родства, точно так же, как внутри рода матери, за отсутствием дочерей у родного брата матери, он переходит к дочерям двоюродного, троюродного брата матери и т. д. Таким образом, дальние роды — ахмальки являлись как бы *запасными* родами матери, но естественно, что распространить запреты на ахмальков всех степеней было практически неудобно, да и редко приходилось идти дальше ахмальк'а 2 степени, которым запрет и ограничился. Но с появлением этого запрета трехродовая фратрия перестала удовлетворять новым условиям регламентации»⁵.

С этим заключением трудно согласиться. Как видно из табл. 7, у каждой пары, для которой половое партнерство допустимо, есть четыре общих предка. Так, для мужчины рода 1 и женщины рода 3 (рассматриваются представители последнего поколения) имеются общие предки второй степени — брачная пара, предок третьей степени (женщина) и предок пятой степени (мужчина). Как уже говорилось, гиляцкая модель называет две нормы, которые практически учитывают для возможных половых партнеров только предков-мужчин, в данном случае соответственно третьей и пятой степени. Таким образом, прежде всего выявляется асимметрия, неравнозначность учета общих предков по линии отца и по линии матери при определении условий полового партнер-

⁵ Штернберг Л. Я. Гиляки. — Этнографическое обозрение. М., 1905, кн. 60, 61, 63, стр. 36—37.

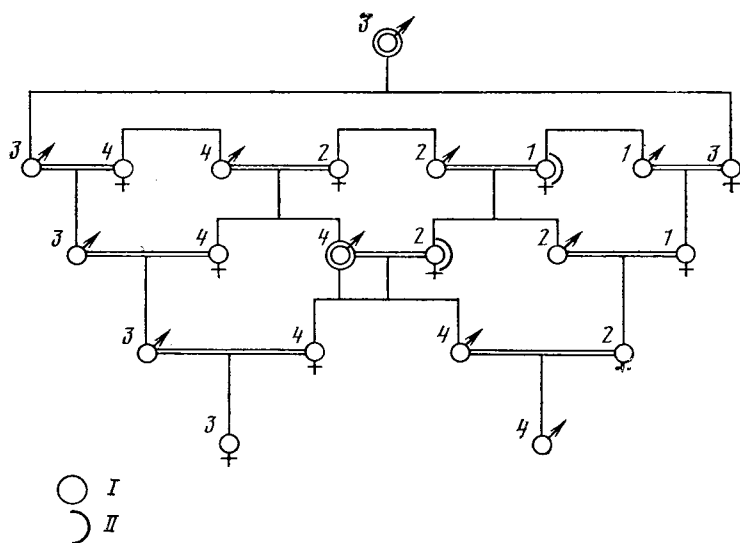

Рис. 8. Вероятность заключения браков у нивхов (гиляков) при наличии общих предков соответствующих степеней родства (рассматривается теоретический вариант обратной кольцевой брачной связи): *I* — общий предок, принимающийся во внимание при заключении брака (брак недопустим); *II* — общий предок, не принимающийся во внимание при заключении брака; 1, 2, 3, 4 — принадлежность к роду

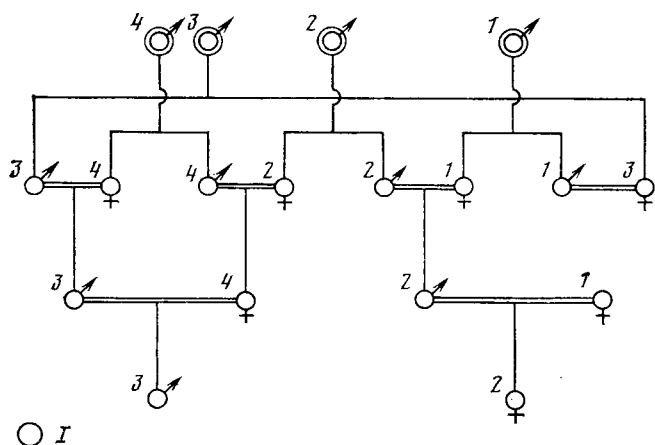

Рис. 9. Вероятность заключения браков у нивхов (гиляков) при наличии общих предков соответствующих степеней родства (рассматривается теоретический вариант перекрестной брачной связи): *I* — общие предки, принимающиеся во внимание при заключении брака (брак недопустим); 1, 2, 3, 4 — принадлежность к роду

ства. У мужчины с возможной супругой по линии отца общий предок может быть только в пятом поколении по восходящей, а по линии матери — в третьем; у женщины с возможным супругом общий предок по отцовской линии — в третьем поколении, а по материнской линии — в пятом, т. е. по отношению к мужскому представлен зеркальный вариант.

Весьма характерным является и то, что у мужчины общий предок пятой степени учитывается только по прямой мужской линии, а у женщины — по прямой женской линии. В первом случае счет родства ведется по линии мужчин — представителей одного рода, а во втором — в каждом поколении женщина представляет разный род. Общий же пре-

док третьей степени для мужчин учитывается по материнской, а для женщин — по отцовской линии⁶.

Таким образом, минимальная дистанция кровнородственной близости в брачной системе гиляков имеет двойственный характер. С одной стороны, супруги являются по матери мужа и отцу жены сиблингами второй степени, а с другой — по отцу мужа и матери жены — сиблингами четвертой степени.

В то же время гиляцкая система подразумевает для каждого мужчины группу женщин, равноценных (с позиций модели) его супруге (см. рис. 8), половое партнерство с которыми исключено (обратная кольцевая связь).

Варианты, когда брачные отношения недопустимы, характеризуются тем, что для женщины предок пятой степени учитывается по прямой мужской линии, а для мужчины — по переменной. В то же время предок третьей степени для мужчины учитывается по прямой мужской линии, а для женщины — по переменной.

Это позволяет сделать вывод о сохранении в гиляцкой системе элементов билинейного учета. Нормы его, бесспорно, проявляются в традиции не отдавать женщин замуж ни в род отца, ни в род матери. Мужчины же при этом могут брать жен из рода своей матери. Данная ситуация могла возникнуть при становлении счета родства преимущественно по отцовской линии. Подобно нганасанской брачной системе, у гиляков недопустима половая связь эго с женщиной, мать которой была из рода его отца.

Еще один факт в пользу того, что билинейная экзогамия могла предшествовать системе, охарактеризованной Л. Я. Штернбергом, — запрет браков в ситуации, которая анализируется нами ниже. На рис. 9 рассмотрен вариант не кольцевой, а перекрестной брачной связи между четырьмя родами. В этом случае дочь приходилось бы отдавать в род тестя второй степени, что согласно брачным нормам нивхов запрещено, но здесь тестем второй степени (т. е. дедом жены) является отец ее матери, а не отец отца как при обратной кольцевой связи. Этот факт, по нашему мнению, можно объяснить тем, что в прошлом у нивхов бытовал запрет брать жен из рода матери.

Представления об определении минимальной дистанции кровнородственной близости дает корреляционная таблица (рис. 10), где учтены брачные возможности людей, имеющих определенные сочетания общих предков. Во всех случаях, когда браки возможны, допустимая дистанция кровнородственной близости для представителей всех четырех родов определяется по предкам пятой и третьей степени родства по прямой и переменной линиям.

3

Чрезвычайный интерес представляет собой система брачных связей камчатских чукчей (ачайваймско-пахачинская группа)⁷. У них, как и у коренного населения Чукотского полуострова, нет никаких признаков родовой организации. Так, у камчатских чукчей отсутствуют представления о родственных связях некоей бесконечной цепочки поколений, имеющей соответственный этноним и являющейся экзогамной группой.

Фольклор ачайваймско-пахачинских чукчей содержит множество свидетельств о том, что при заключении браков важнейшую роль играли социальные факторы. Относительно недавно предпочтительными считались браки между лицами, принадлежащими к одной социальной категории. «Равенство» брачащихся определялось размерами оленьих

⁶ Далее линии, в которых чередуются мужчины и женщины, будут именоваться переменными.

⁷ Данные приводятся по материалам экспедиционного обследования, проведенного Симченко Ю. Б., Лебедевым В. В. и Афанасьевой Г. М. в 1977—1978 гг.

стад их родителей. В произведениях устного народного творчества немало рассказов о заключении таких браков, равно как и об удачных парнях, которые силой добывали себе невест у их родителей-богачей, или же о малоимущих богатырях, вынужденных по много лет «отрабатывать» за невесту в хозяйстве тестя и т. п. Имущественное расслоение придавало всей брачной системе данной группы населения определенную направленность.

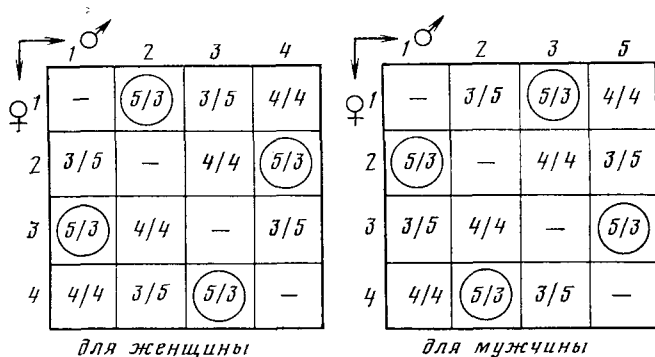

Рис. 10. Брачные возможности (допустимые и не допустимые) в пределах 4-х родового союза в брачной системе нивхов (гиляков); числитель — степень (поколение) общего предка по прямой мужской и женской линиям; знаменатель — степень (поколение) общего предка по переменной линии; окружение дроби означает возможность брака, в остальных случаях брак невозможен; 1, 2, 3, 4 — принадлежность к роду

Вместе с тем имущественные отношения никоим образом не влияли на представления о кровнородственной близости и на традиционный порядок репродукции. При осуществлении брачных отношений прежде всего учитывалась минимальная дистанция кровнородственной близости и возрастные ограничения.

Принципиальной установкой у ачайваямско-пахачинских чукчей было уже описанное правило предка третьей степени. Отсчет при этом велся равнозначно как по отцовской, так и по материнской линии. Для эго-мужчины исключались как брачные партнеры сестры отца и матери, дочери сиблингов первой степени родителей и дочери собственных сиблингов первой и второй степени. Для эго-женщины экзогамная общность включала сиблингов родителей, сыновей сиблингов отца и матери, а также сыновей собственных сиблингов первой и второй степени. Таким образом, минимальная дистанция кровнородственной близости у чукчей совершенно идентична нганасанской. Если в нганасанской системе правило предка третьей степени является следствием билинейной экзогамии, то в данном случае оно принято за постулат.

Соблюдение правила предка третьей степени обеспечивалось определенными этическими установлениями. Так, представители старшего поколения могли говорить о брачных возможностях только своих правнуков. Потомки более отдаленных поколений считались уже чужими людьми, не родственниками. Прерогатива определять их положение в экзогамной системе чукотского общества принадлежала, в соответствии с обычаем, детям этих стариков.

Чукотская этика предусматривала достаточно действенные меры, чтобы «правило предка третьей степени» не нарушалось. Так, на каждом празднике старшие, испрашивая благополучие, всегда перечисляли всех родственников, начиная со старейшин и кончая новорожденными младенцами. Умершие родственники, точнее, те люди, которые согласно

традиционным воззрениям, находились в потустороннем мире, также тщательно учитывались. Для этого к связкам идолов — «гычгыйгыр-гыр» привязывался ремешок, на котором делались узлы, означавшие покойных предков. Если кто-либо из них «возрождался» в младенце, то нужный узелок развязывался⁸. Во время праздников предки также поминались в соответствии с родственной номенклатурой, и младшее поколение было хорошо осведомлено о них.

Тенденция необходимости учета предков до четвертого поколения особенно ярко выявилась при составлении нами генеалогий: подавляющее большинство людей обнаружило осведомленность о родственниках по восходящей линии именно в названных пределах⁹.

С самого раннего детства каждый человек ставился в известность, в какой степени родства он состоит с каждым из живущих сородичей. Более того, традиционными были постоянные разговоры о том, с кем могут вступить в брак те или иные юноши и девушки.

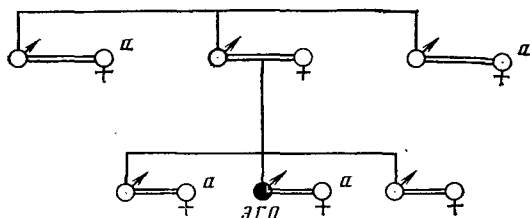

Рис. 11. Возможные половые партнерши (а) эго (согласно чукотским представлениям)

В прошлом бытовал весьма любопытный обычай. Принимая приезжих, которых видели впервые, обязательно узнавали имена их родителей, братьев и сестер родителей, родителей родителей, чтобы определить возможность гостеприимного гетеризма. Порой соблюдение этого обычая преследовало определенные цели. Так, когда на праздник приезжали из отдаленных мест борцы, их стремились «обольстить» женщиной и этим обеспечить победу своим соплеменникам. В одном из бытовых рассказов известный борец, прежде чем направить свою дочь к приезжему гостю, неведомому «противнику», спрашивает его, кто он, дабы учесть самое отдаленное родство. Такие расспросы, по утверждению информаторов, предотвращали недопустимую половую связь с кем-либо из близких родственников, откочевавших в свое время из этих мест.

Важным моментом, характерным для брачной системы ачайваемско-пахачинских чукчей, является возможность половых связей эго-мужчины с половыми партнерами сиблингов отца и матери и собственных сиблингов, а для женщины — половых связей с сиблингами мужа и сыновьями братьев и сестер мужа.

Так, мужчины имели брачные права на жен братьев отца и братьев матери независимо от их возраста и на жен своих старших сиблингов первой, второй и третьей степени. В первом случае выступает единственная категория поколения: жены всех братьев отца и матери являются половыми партнерами данного человека. Во втором случае круг его половых партнеров ограничивается только женами тех сиблингов, которые родились раньше его, т. е. здесь принимается во внимание лишь категория возраста (см. рис. 11).

Жена данного человека, согласно этому установлению, является половым партнером всех братьев своего мужа — сиблингов трех степеней,

⁸ Об этом нам рассказал Иван Яковлевич Вантулян, 63-х лет, пос. Ачайваем. См. Полевые материалы авторов. 1977—1979 гг. — Архив Ин-та этнографии АН СССР.

⁹ Полевые материалы авторов. 1977—1979 гг.

родившихся после него, и сыновей всех сиблингов своего мужа независимо от возраста.

Эти возможности осуществлялись двояко. При жизни мужей данной группы женщин — потенциальных половых партнеров определенного мужчины, этические нормы предписывали реализацию половых отношений всякий раз, когда люди встречались. Так, по приезде братьев, муж должен был уйти в стадо, чтобы они могли вступить в связь с его женой. В случае смерти данного человека обычное право предписывало его младшим сиблингам реализовать левиратные отношения, беря на себя заботу о потомстве как своих старших братьев, так и потомстве сиблингов родителей.

Таким образом, для эго-мужчины экзогамный круг включал не только перечисленных выше женщин трех степеней родства, но и женщин в возрастной группе своих младших братьев, и детей братьев и сестер до третьей степени.

Для женщины в экзогамную общность входили все мужчины — братья родителей мужа и все сиблинги мужа старше его, а в круг половых партнеров соответственно включались все сиблинги мужа, родившиеся после него и все мужчины — дети его сиблингов.

Таким образом, возможности полового общения для состоящих в браке мужчин и женщин осуществлялись в разных возрастных группах: для мужчин в возрастной категории своей жены и женщин старшего поколения, а для женщины — в возрастной группе своего мужа и мужчин младшего поколения.

В соответствии с этим правилом для мужчины на протяжении всего репродуктивного периода круг половых партнеров постоянно уменьшался. Максимум возможностей приходился на начало половой жизни, а минимум — на конец ее. Сужение круга половых партнеров мужчины определялось постоянным выбыванием представительниц старших возрастных групп, в то время как половые партнеры женщины «рекрутировались» из представителей младшего поколения. Таким образом, для женщины минимум возможностей полового общения приходится на начало репродуктивного периода, а максимум — на конец. Этот порядок обеспечивал женщине постоянное половое партнерство в период ее способности к деторождению и в то же время исключал какие-либо геронтократические тенденции мужской филиации в сфере воспроизводства.

Описанный порядок полового партнерства не нашел никакого отражения в чукотской родственной номенклатуре, в терминологии родства. Между тем терминологически ему соответствует номенклатура нганасанского типа, в которой объединяются представители разных поколений: отец отца и старший брат отца, младший брат отца и старший брат эго, младший брат эго и все младшие по нисходящей. Подобная номенклатура полностью соответствует порядку полового партнерства чукотского типа.

В то же время о возможном существовании подобного установления у народов, сохранивших билинейную родовую экзогамию, говорят лишь косвенные данные, интерпретация которых весьма спорна.

Необходимо отметить еще одну особенность чукотской брачной системы, тождественной с системой нганасан, энцев, кетов и др., — предпочтительность обменных браков. Именно брак путем обмена предпочитается иным формам браков, когда возможность для обмена существовала.

* * *

Рассмотренные материалы позволяют сделать следующие выводы. Порядок воспроизводства населения в каждом конкретном случае определялся принятым минимумом кровнородственной близости. В ка-

честве универсального выступало «правило предка третьей степени т. е. половые отношения были возможны между лицами, имеющими общего предка не ближе третьего восходящего поколения.

Непременным условием всех проанализированных в данной работе систем было взаимодействие как минимум четырех экзогамных коллективов.

Такой порядок воспроизводства населения был, видимо, характерен для нерасширяющихся популяций, ограниченных в численности состоянием биологического равновесия и трудностью контактов с другими популяциями.

ON THE MARRIAGE SYSTEMS OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF NORTHERN ASIA

The marriage systems of the indigenous peoples of Northern Asia (hunters and reindeer breeders of the Tundra and Taiga zones, i. e. the Nganasans, Enets, Yukaghirs, Kets, Nivkhs, Chukchee, Koryaks, Eskimos) may be classified into three types. The first is characterized by a bilineal clan exogamy, the second by a circular marriage chain having certain Gilyak-type elements, the third — by the absence of a clan organization.

The reproduction order is in each case determined by a commonly accepted level of closeness of blood ties. This is true of non-expanding populations, of societies limited in their numbers by a state of biological equilibrium and by the difficulties in contacting other populations.

The principal condition maintained in all the systems examined in the present paper is the interaction of a minimum of four exogamous groups. A universal phenomenon is the «third ancestor rule», i. e. the count of blood tie closeness through the ancestor three times removed. The above order of reproduction apparently represents a necessary condition of survival for relatively closed and numerically limited societies.

В. П. Алексеев

К ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Первая публикация краниологических материалов из Луговского могильника ананьинской культуры привлекла к себе пристальное внимание, так как она ввела в научный оборот научные данные, свидетельствующие о своеобразном морфологическом облике древнего населения Прикамья скифского времени¹. Оказалось, что ананьинская культура принесена людьми, относившимися в целом к монголоидной расе, но отличавшимися весьма своеобразной особенностью, не свойственной монголоидам, — низким лицом, которое характерно для представителей европеоидной расы. Особенность эта не могла быть объяснена только европеоидной примесью, которая в составе ананьинцев, несомненно, была, так как по всему комплексу остальных признаков черты монголоидной расы были выражены достаточно отчетливо. Т. А. Трофимова справедливо сделала вывод, что антропологический тип населения ананьинской культуры сформировался, хотя и не без участия европеоидной примеси, но на основе какого-то монголоидного типа, отличавшегося известным своеобразием при сравнении с другими типами монголоидной расы и принесенного из лесных и лесостепных районов Западной Сибири. Однако вторая публикация материалов по палеоантропологии ананьинской культуры, содержавшая описание краниологической серии из Гулькинского могильника, не подтвердила этого предположения, так как черепа из этого могильника отличались не только низким лицом, но и другими европеоидными особенностями². Низколицесть в сочетании с другими европеоидными особенностями, следовательно, можно было объяснить в данном случае в рамках гипотезы о значительном участии европеоидного компонента в формировании ананьинского населения Прикамья.

Повторная и более полная публикация серии из Луговского могильника подтвердила, что монголоидные особенности в антропологическом комплексе этнической группы, оставившей Луговской могильник, все же преобладают, хотя лицевой скелет оказался очень низким³. Опираясь на археологические данные, Т. А. Трофимова высказала предположение, что этот своеобразный комплекс мог появиться в Прикамье еще в предананьинское время.

Исследование черепов из могильника Маклашеевка II, более раннего, чем Луговской и Гулькинский, показывает, что в период существова-

¹ Трофимова Т. А. Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры. — Уч. зап. МГУ. Вып. 63. М.: Изд-во МГУ, 1941.

² Трофимова Т. А. Черепа из Гулькинского могильника ананьинской культуры. — Материалы и исследования по археологии СССР (далее МИА), № 42. М.: Изд-во АН СССР, 1954.

³ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР (далее ТИЭ), т. IV. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Первая публикация этого материала: Чугунов С. М. Черепа Ананьинского могильника. — Приложения к протоколам заседаний о-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те, № 228. Казань, 1904.

ния этого могильника физический тип населения Прикамья отличался заметно более европеоидными чертами — более длинной черепной коробкой, сильнее выступающим носом и т. д.⁴ Правда, Г. Ф. Дебец визуально отметил неоднородность серии из Маклашеевского могильника и даже пришел к выводу о том, что появление нового населения, принесшего собственно ананьинскую культуру, не привело к заметному изменению антропологического состава населения Прикамья. Основанием

Рис. 1. Географическое положение могильников ананьинской культуры, давших палеоантропологический материал

для такого вывода послужило то обстоятельство, что в составе серии из Луговского могильника также были отмечены длинноголовые черепа с сильно выступающей носовой областью, сближающиеся, как и аналогичные черепа в серии из Маклашеевского могильника, с сериями из могильников срубной культуры. Но в целом луговская и гулянская серии, несомненно, более монголоидны, чем маклашеевская. Таким образом, складывалось впечатление, что появление ананьинской культуры связано все же со значительным увеличением доли монголоидного компонента. Поэтому любой новый материал по палеоантропологии ананьинской или более ранней культуры, который может дать новые данные для освещения этих вопросов, представляет значительный интерес.

Новый материал, находящийся в моем распоряжении, получен при раскопках могильника Полянка II (рис. 1), который раскапывал А. Х. Халиков в 1962 г.⁵ Он датируется первыми веками I тысячелетия до н. э. и, таким образом, синхронен второму Маклашеевскому могильнику. Эта датировка определяет и значение полученного из него краниологического материала для решения вопроса о древности монголоидного компонента в Прикамье.

⁴ Трофимова Т. А. Еще раз о черепах из Луговского могильника ананьинской культуры (в связи с вопросом о низколицем монголоидном типе в Сибири). — В кн.: Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968.

⁵ Халиков А. Х. Второй Полянский могильник. — Уч. зап. Пермского государственного ун-та, № 148. Пермь, 1967; *его же*. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969; *его же*. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII—VI вв. до н. э. М.: Наука, 1977.

Небольшая серия из 12 черепов (шесть мужских и шесть женских) потребовала серьезной реставрационной работы, которая была мастерски произведена М. М. Герасимовой. Пол определялся краниоскопически, т. е. визуально по черепу, а во избежание ошибок результаты контролировались многими специалистами, спорные случаи особенно придирчиво обсуждались. Это нужно особо отметить, потому что по величине многих признаков женские черепа не уступают мужским, чему, однако, трудно придавать какое-либо значение и что, вероятно, связано со случайностью выборки. Определение возраста не встретило затруднений — все черепа принадлежат взрослым людям, преимущественно 30—40 лет. Трем индивидуумам было по 18—20 лет, но у них уже прорезались зубы мудрости, поэтому они включены в подсчет.

Антропологический тип исследуемой серии весьма своеобразен (табл.). По соотношению диаметров черепной коробки мужские черепа не отличаются от мужских черепов центральноазиатских монголоидов; по уплощенности лица и носа они сходны с южносибирскими и уральскими монголоидами. Но по высоте лица они резко отличаются и от тех и от других, даже от европеоидных серий, образуя особую низколициую группу, высота лицевого скелета в которой абсолютно не гармонирует с общим довольно сильно выраженным монголоидным обликом. Таким образом, перед нами та же комбинация признаков, что и в Луговском могильнике. Вопрос о раннем появлении низколицих монголоидов в Прикамье в эпоху, предшествующую собственно ананьинской культуре, разрешается, следовательно, положительно. Таким образом низколицих монголоидный тип был характерен для населения Прикамья еще в доананьинское время и появился, видимо, не позже первых веков I тысячелетия до н. э.

Следующая не менее существенная проблема — происхождение низколициго монголоидного типа. Исследователи, работавшие над ней до сих пор, связывали происхождение этого типа с Западной Сибирью. Палеоантропологические материалы как будто позволяют поддержать такую точку зрения. Так, низколицие монголоидные черепа были найдены в могильниках большереченской культуры на Северном Алтае⁶, а также в Козловском и Перейминском могильниках на Оби⁷. В какой-то мере этот же тип представлен и в ранних, по-видимому, гунно-сарматских погребениях Усть-Тартасского могильника⁸. Все эти материалы относятся к несколько более позднему времени, чем могильник Полянка II, но они свидетельствуют о том, что сходный морфологический комплекс был действительно свойствен древнему населению Западной Сибири. В Южной Сибири этот комплекс отмечен при исследовании черепов таштыкской культуры Минусинской котловины⁹ и скифского времени с территории Тувы¹⁰. Наконец, та же комбинация была зафиксирована в серии из Фофановского могильника¹¹ и из плиточных могил Забай-

⁶ Алексеев В. П. Палеоантропология лесных племен Северного Алтая. — Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР (далее КСИЭ). Вып. XXI. М.: Изд-во АН СССР, 1954.

⁷ Золотарева И. М. Черепа из Перейминского и Козловского могильников (Средняя Обь). — МИА, № 58, М.: Изд-во АН СССР, 1957.

⁸ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР; Дремов В. А. Антропологические данные о древнем населении Обь-Иртышского междуречья (Усть-Тартасский могильник). — В кн.: Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1978.

⁹ Алексеев В. П. Палеоантропология Хакасии эпохи железа. — Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР (далее Сб. МАЭ), т. XX. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

¹⁰ Алексеев В. П. Основные этапы истории антропологических типов Тувы. — Сов. этнография, 1962, № 3.

¹¹ Гохман И. И. Материалы по антропологии древнего населения низовьев Селенги. — КСИЭ. Вып. XX. М.: Изд-во АН СССР, 1954.

Индивидуальные измерения и средние исследованных черепов

Признаки	Номер погребения							$\sigma^2 \bar{x} (n)$	Номер погребения							$Q \bar{x} (n)$
	1	3	4	13	18	27			4	15a	21	25	27	80		
1. Продольный диаметр	176	173	179	162	186?	193	178,2 (6)	181	165?	191	174	176	183	178,3 (6)		
8. Поперечный диаметр	138	148	159	146	141?	156	148,0 (6)	138	143?	132	138	142	140	138,8 (6)		
17. Высотный диаметр (ba-br)	133	128	126?	128	132	135	130,3 (6)	132	145?	142	125	124	—	126,6 (5)		
20. Высотный диаметр (ro-br)	111	108	111	108	116	119	112,2 (6)	109	108	—	108	103	112	108,0 (5)		
5. Длина основания черепа	97	89?	92?	98	97	111	97,3 (6)	—	—	112	98	94	—	101,3 (3)		
9. Наименьшая ширина лба	96	95	96	96	100?	98	96,8 (6)	93	93?	97?	92	91	95	93,5 (6)		
10. Наибольшая ширина лба	113	115	122	116?	—	120	117,2 (5)	117	117	—	108	112	115	113,8 (5)		
44. Ушиная ширина	144	125?	137	134?	122?	133	127,5 (6)	131	123	114?	119	123	119	121,5 (6)		
42. Ширина затылка	105	113	118	102?	—	118	111,2 (5)	117	104	—	111	110	—	110,5 (4)		
29. Лобная хорда	142,0	107,0	100,5	102,0	—	119,0	108,1 (5)	—	—	—	103,5	103,0	107,5	104,7 (3)		
32. Высота изгиба лобной кости	27,5	28,0	25,0	17,0	—	31,5	25,8 (5)	—	—	—	23,0	28,0	27,0	26,0 (3)		
Угол лба (па-me)	89	86	89	—	86	—	87,5 (4)	—	—	78?	86	90	92	86,5 (4)		
Угол лба (gl-me)	85	82	87	—	82	—	84,0 (4)	—	—	75?	82	84	85	81,5 (4)		
Общий вид сверху (norma ventralis)	Ov.	Rhomb.	Sphen.	Sphen.	Ov.	Ov.	—	Ov.	Spha- er.	Ov.	Ov.	Ov.	Pent.	—		
Надбровье (1—6 по Мартину)	2	2	1	2	2	2	1,83 (6)	2	—	2	2	2	2	2,00 (5)		
Сосцевидный отросток (1—3)	1	2	3	1	3	2	2,00 (6)	1	1	1	1	—	2	1,20 (5)		
Черепной указатель	78,4	85,5	88,8	90,1	75,8?	80,8	83,3 (6)	76,2	86,7?	69,1	79,3	80,7	76,5	78,1 (6)		
17:1. Высотно-продольный указатель	75,6	74,0	70,4?	79,0	71,0?	70,0	73,7 (6)	72,9	69,7?	74,3	71,8	68,8	—	71,5 (6)		
17:8. Высотно-поперечный указатель	96,4	86,5	79,3?	87,7	93,6?	86,5	90,0 (6)	95,7	80,4?	107,6	90,6	85,2	—	91,5 (5)		
9:8. Лобно-поперечный указатель	69,6	64,2	60,4	65,7	70,9?	62,8	65,6 (6)	67,4	65,0?	73,5?	66,7	64,1	67,9	67,4 (6)		
9:10. Лобный указатель	85,0	82,6	78,7	82,8?	—	81,7	82,2 (5)	79,5	79,5?	—	85,2	81,2	82,6	81,6 (5)		
9:12. Лобно-затылочный указатель	91,4	84,1	81,4	94,1?	—	83,4	86,6 (5)	79,5	89,4?	—	82,9	82,7	82,6	83,6 (4)		
Указатель высоты изгиба лоб- ной кости	24,5	26,2	24,9	16,7	—	26,5	23,8 (5)	—	—	—	22,2	27,2	25,1	25,2 (3)		
Длина основания лица	99	82?	91?	—	96	—	92,0 (4)	100	—	105?	100	86	—	97,8 (4)		
40. Верхняя ширина лица	102	99	107	106	106?	105	104,2 (6)	102?	—	101?	101?	101	102	101,4 (5)		
43. Скуловая ширина	128	128?	145	140?	—	—	135,2 (4)	133?	—	—	127?	126?	128	128,5 (4)		
45. Средняя ширина лица	98	91?	103	—	—	—	97,3 (3)	—	—	—	—	86?	99	92,5 (2)		
46. Полная высота лица	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100?	—	103	101,5 (2)		
47. Верхняя высота лица	60	64?	70?	—	71	—	66,2 (4)	64?	—	67	64	62	61	63,6 (5)		
48. Максиллофронтальная хорда (mf — mf)	16,5	—	21,5	—	—	—	19,0 (2)	—	—	19,0	19,0	18,0	19,0	18,8 (4)		
Ширина орбиты от mf (лев.)	45,0	—	47,0?	—	—	—	46,0 (2)	40,5	—	41,0	40,0	40,5	38,5	40,1 (5)		
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	42,0	—	43,0?	—	—	—	42,5 (2)	—	—	38,5	38,5	39,0	36,5	38,1 (4)		
52. Высота орбиты (лев.)	29,0	34,5	35,0	—	37,5	—	34,0 (4)	37,0	—	33,5	32,5	32,5	31,0	33,3 (5)		

54.	Ширина носа	26	—	29	—
55.	Высота носа	45	50	56	—
	Форма нижнего края груше- видного отверстия	anth.	anth.	anth.	—
	Передне-носовая ость (1—5 по Броку)	3	—	2	—
	Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	3,5	—	4,5	—
62.	Длина нёба	45	—	—	—
63.	Ширина нёба	44	42	—	44
43 (1).	Биорбитальная ширина (fmo— fmo)	98,0	92,5	101,0	100,0
JOW sub.	Высота назиона над биорби- тальной шириной	17,5	16,5	17,0	15,5
	Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	96,5	—	102,5	—
	Высота субспинале над зиго- максиллярной шириной	21,0	—	20,5?	—
DC.	Дакриальная хорда	18,7	—	—	—
DS.	Дакриальная высота	11,1	—	—	—
SC.	Симотическая хорда	10,3	12,2?	13,1	—
SS.	Симотическая высота	3,1	5,7	4,7	—
72.	Угол профиля лица общий —	81	86?	84	—
73.	Угол профиля средней части лица	82	88	86	—
74.	Угол профиля альвеолярной части лица	77	79	74	—
75.	Угол носовых костей к гори- зонтالي	63	45	65	—
75 (1).	Угол носовых костей к линии профиля	18	41?	19	—
77.	Назомаллярный угол (fmo—p— fmo)	141	141	143	145
	Зигомаксиллярный угол (zm'— ss—zm')	133	—	136?	—
40:5.	Указатель выступания лица	102,1	92,1?	98,9?	—
45:8.	Горизонтальный фациоцере- бральный указатель	92,8	86,5?	91,2	95,9?
48:17.	Вертикальный фациоцеребраль- ный указатель	45,1	50,0?	55,6	—
47:45.	Общий лицевой указатель	—	—	—	—
48:45.	Верхний лицевой указатель	46,9	50,0?	48,3	—

—	—	27,5 (2)	24	—	24	26?	25	22	24,2 (5)
52	—	50,8 (4)	48	—	54	49	49	45	49,0 (5)
inf.	—	—	anth.	—	—	anth.	anth.	anth.	—
2	—	2,33 (3)	2	—	—	2	—	3	2,33 (3)
—	—	4,0 (2)	—	—	5,0	5,0	4,0	6,0	5,0 (4)
—	—	45,0 (1)	43	—	—	44	—	44	43,5 (3)
42	—	43,0 (4)	39	—	39	39	38	38	38,6 (5)
—	95,0	97,3 (5)	—	—	—	96,0	92,5	95,0	94,5 (3)
—	15,0	16,3 (5)	—	—	—	18,0	16,0	16,0	16,7 (3)
—	—	99,5 (2)	—	—	—	—	87,0	95,0	91,0 (2)
—	—	20,8 (2)	—	—	—	—	15,0?	22,0	18,5 (2)
—	—	18,7 (1)	—	—	—	18,9	17,6	20,0	18,8 (3)
—	—	11,1 (1)	—	—	—	12,6	11,1	9,4	11,0 (3)
—	—	11,9 (3)	—	—	10,2	9,5	7,2	8,1	8,8 (4)
—	—	4,5 (3)	—	—	5,6	3,8	4,4	2,9	4,2 (4)
84?	—	83,8 (4)	—	—	88?	81	—	85	84,7 (3)
84?	—	85,0 (4)	—	—	—	81	93?	84	86,0 (3)
84?	—	78,5 (4)	—	—	—	81	—	89	85,0 (2)
63?	—	59,0 (4)	—	—	64?	57?	68?	62	62,8 (4)
21?	—	24,8 (4)	—	—	24?	24?	—	23	23,7 (3)
—	145	143,0 (5)	—	—	—	139	142	143	141,3 (3)
—	—	134,5 (2)	—	—	—	—	142	130	136,0 (2)
99,0	—	98,0 (4)	—	—	93,8?	102,0	91,5	—	95,8 (3)
—	—	91,6 (4)	96,4?	—	—	92,0?	81,7?	91,4	90,5 (4)
53,8	—	51,1 (4)	48,5?	—	47,2	51,2	51,2	—	49,5 (4)
—	—	—	—	—	—	78,7?	—	80,5	79,6 (2)
—	—	48,4 (3)	48,1?	—	—	50,4?	49,2?	47,7	48,8 (4)

(Таблица продолжение)

Признаки	Номер погребения							$\sigma \bar{x} (n)$	Номер погребения						$\bar{Q} \bar{x} (n)$
	Номер погребения								Номер погребения						
	1	3	4	13	18	27	4		15a	21	25	27	80		
52:54. Орбитный указатель от mlf (лев.)	64,4	—	74,5?	—	—	—	69,5 (2)	91,4	—	81,7	81,3	80,3	80,5	83,0 (5)	
52:54a. Орбитный указатель от d (лев.)	69,1	—	81,4?	—	—	—	75,3 (2)	—	—	87,0	84,4	83,3	84,9	84,9 (4)	
54:55. Носовой указатель	57,8	—	51,8	—	—	—	54,8 (2)	50,0	—	44,4	53,1?	51,0	48,9	49,5 (5)	
63:62. Небный указатель	97,8	—	—	—	—	—	97,8 (1)	90,7	—	—	88,6	—	86,4	88,6 (3)	
DS:DC. Дакриальный указатель	59,4	—	—	—	—	—	59,4 (1)	—	—	—	66,7	63,1	47,0	58,9 (3)	
SS:SC. Симотиеский указатель	30,1	46,7?	35,9	—	—	—	37,6 (3)	—	—	54,9	40,0	61,1	35,8	48,0 (4)	
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	28,0	—	—	—	—	—	28,0 (1)	—	—	—	—	—	24,1	24,1 (1)	
65. Бикондильярная ширина	—	—	130	—	—	—	130,0 (1)	—	—	—	—	—	119	119,0 (1)	
66. Вигоннальная ширина	—	99	111	—	99	105	103,5 (4)	—	—	—	—	—	93	93,0 (1)	
68. Длина нижней челюсти от углов	—	—	82	—	—	—	82,0 (1)	—	—	—	—	—	77	77,0 (1)	
68 (1). Длина нижней челюсти от мыщелков	—	—	106	—	—	—	106,0 (1)	—	—	—	—	—	95	95,0 (1)	
70. Высота ветви нижней челюсти	—	—	52	—	—	—	52,0 (1)	—	—	—	—	—	58	58,0 (1)	
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	—	—	33,0	—	35,0	38,0	35,3 (3)	34,5	—	—	34,0	—	37,5	35,8 (2)	
79. Угол ветви нижней челюсти	—	—	120	—	—	—	120,0 (1)	—	—	—	—	—	111	111,0 (1)	
Угол выступания подбородка (inf—po)	—	60	72	—	67	56	64,8 (4)	—	—	—	—	—	79	79,0 (1)	

калья¹². Большинство этих материалов либо позже второго Полянковского могильника, либо синхронны ему, и только Фофановский могильник относится к более раннему времени. Однако новый материал, полученный М. М. Герасимовой из Фофановского могильника, не подтверждает низколицесть фофановской серии и свидетельствует скорее о том, что первоначальная характеристика была основана на выборочных данных¹³. Поэтому она должна быть исключена из рассмотрения.

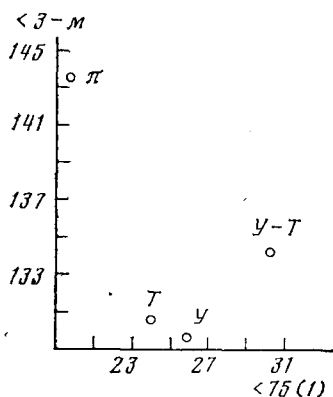

Рис. 2

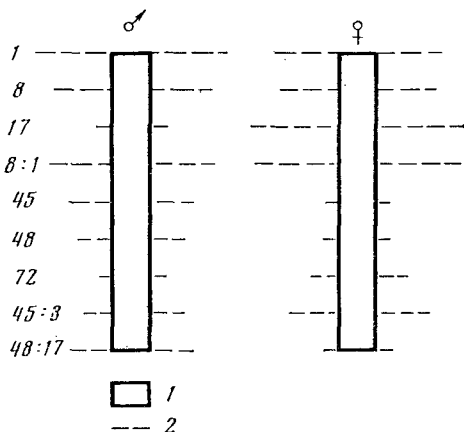

Рис. 3

Рис. 2. Межгрупповое соотношение зигмаксиллярного угла и угла выступания угла носовых костей к линии лицевого профиля в древнем населении Сибири. Мужские черепа. У—Т—Усть-Тартасский могильник, Т—таштыкские могильники Минусинской котловины, У—уюкские могильники Тувы, П—плиточные могилы Забайкалья

Рис. 3. Внутригрупповая изменчивость отдельных признаков в серии из второго Полянковского могильника, выраженная через стандартные квадратические отклонения. 1 — стандартное квадратическое отклонение, 2 — размах изменчивости признаков

Все эти материалы говорят о том, что низколицесть была характерным признаком населения многих районов Сибири в скифское и в более позднее время. Однако при их сравнении бросается в глаза заметная разница по многим признакам. В первую очередь это относится к уплощенности лица и носовой области (рис. 2). Черепа из плиточных могил Забайкалья не отличаются по уплощенности лица и носовых костей от бурятских и эвенских серий и, таким образом, могут считаться принадлежащими классическим носителям монголоидной расы. Характерным для центральноазиатских монголоидов признаком является и средняя по длине, очень широкая и низкая черепная коробка с узкой лобной костью — этот признак присущ серии из плиточных могил. В то же время остальные серии имеют гораздо менее уплощенный лицевой скелет и более выступающие носовые кости, что свидетельствует об их смешанном монголоидно-европеоидном облике. Поэтому и низколицесть этих серий нельзя рассматривать непременно как следствие особых расогенетических процессов, а можно объяснить как результат значительной европеоидной примеси. Поэтому же, основываясь только на палеоантропологических данных, трудно понять происхождение низколицевого монголоидного комплекса в составе древнего населения Прикамья, так как в Западной Сибири, откуда постулируется его движение на запад, он известен нам только уже в сильно смешанном виде после того, как

¹² Гохман И. И. Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья. — Сб. МАЭ, т. XVIII. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

¹³ Публикация этого материала подготовлена к печати М. М. Герасимовой, которая любезно ознакомила автора с результатами исследований.

подвергся метисации. Что же касается прямых связей населения Прикамья с населением, оставившим плиточные могилы в Забайкалье, то, конечно, их трудно отрицать полностью (как вообще на основании антропологических данных трудно отрицать полностью какие бы то ни было связи), но они, учитывая расстояние и отсутствие культурной близости, выглядят маловероятными.

К анализу проблемы происхождения низколицего монголоидного типа можно привлечь результаты антропологического изучения современного населения. Так низколицесть в сочетании с сильно выраженным комплексом монголоидных особенностей отмечена у чулымцев Западной Сибири¹⁴, у эвенков Подкаменной Тунгуски¹⁵, а также у тувинцев восточных районов и тофаларов¹⁶. При оценке собранных данных следует учитывать, что соматологическая методика в отличие от краниологической исключает полную унификацию и что соматологические данные собраны разными исследователями. Действительные различия могут быть преувеличены в одних признаках и преуменьшены в других. Так, явно несравнимы данные по высоте лица в двух группах чулымцев Западной Сибири. Особенно это касается морфологической высоты лица. Не лучше обстоит дело и с выступанием скул.

Даже по цвету волос и глаз, которые определяются с применением шкал, различия между подкаменно-тунгусскими эвенками и восточными тувинцами явно завышены. Но пользуясь преимущественно группами, изученными в поле одним исследователем, т. е. сопоставляя в первую очередь чулымских татар и подкаменно-тунгусских эвенков, изученных Г. Ф. Дебецом, можно отметить существенные различия между ними по нескольким признакам. Подкаменно-тунгусские эвенки в сравнении с чулымскими татарами заметно более круглолобые, высокочлицы, темноглазые и менее бородаты. Кроме этого, они отличаются более низким переносом, менее профилированным лицом и более жесткими волосами. Таким образом, восточные и западные варианты современного низколицего населения различаются целым комплексом признаков. Но характерно, что все они укладываются в рамки обычно наблюдаемой на территории Сибири корреляции между признаками, другими словами, отражают в меньшем масштабе те различия, с помощью которых обычно дифференцируются европеодные и монголоидные типы. Правда, с таким направлением межгрупповой корреляции не координируется черепной указатель.

Каково значение этих различий между эвенками Подкаменной Тунгуски и тюркоязычным населением Чулыма? Как коррелируют они с различиями, отмеченными в палеоантропологических материалах? Прежде всего, как мне представляется, они свидетельствуют против чрезмерного расширения ареала так называемого катангского типа, т. е. собственно монголоидного типа, характерного для средней Сибири¹⁷. Возможно, он представляет собой, как думают некоторые исследователи, реальную единицу расовой систематики, но ареал его если и заходил далеко на запад, то лишь в виде отдельных вкраплений. Комбинация антропологических признаков у чулымцев свидетельствует уже о наличии у них европеоидного компонента, и поэтому они не могут быть отнесены к катангскому типу. Это самостоятельный вариант уральского комплекса. Образовался ли он в результате метисации низколицых монголоидов

¹⁴ Дебеч Г. Ф. Селькупы (антропологический очерк).— ТИЭ, т. II. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1947; Розов Н. С. Антропологические исследования коренного населения Западной Сибири.— Вопросы антропологии. Вып. 6. 1961.

¹⁵ Дебеч Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области.— ТИЭ. т. XVII. М.: Изд-во АН СССР, 1951.

¹⁶ Левин М. Г. К антропологии Южной Сибири.— КСИЭ. Вып. XX, 1954.

¹⁷ Обсуждение проблемы см. Рычков Ю. Г. Материалы по антропологии западных тунгусов.— ТИЭ. Т. XXI. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Средней Сибири с какими-то европеоидами или имеет иное происхождение — сказать пока трудно.

Возвращаясь к палеоантропологическим материалам территории Прикамья, отметим, что низколицый монголоидный комплекс мог проникнуть сюда с территории Западной Сибири, возможно, из бассейна Чулыма, где он наиболее четко выражен и в настоящее время, но комплекс этот был уже метизированным, включившим в свой состав европеоидную примесь. Г. Ф. Дебеч в свое время писал, что уральский комплекс (основной антропологический комплекс среди народов Западной Сибири) сложился предположительно на рубеже н. э. в результате метисации местного древнего монголоидного населения Западной Сибири, восходящего, вероятно, к эпохе неолита, с европеоидным, пришлым с юго-востока, из степей Алтае-Саянского нагорья¹⁸. Но единственный неолитический череп, из всех до сих пор описанных с территории Западной Сибири, происходит из Усть-Куренгского могильника и вряд ли мог принадлежать более раннему времени, чем рубеж нашей эры¹⁹. Поэтому логично предположить, что европеоиды проникли в лесостепные и лесные районы Западной Сибири и даже далеко на север ранее рубежа нашей эры.

В Прикамье уже смешанный монголоидно-европеоидный тип попадает, как об этом свидетельствует палеоантропологический материал из второго Полянского могильника, на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа, т. е. раньше, чем предполагалось до сих пор, исходя только из палеоантропологических наблюдений. Таким образом, Луговской могильник, относящийся к более позднему времени, чем второй Полянский могильник, мог быть оставлен племенами не непосредственно переселившимися с территории Западной Сибири, а проживавшими уже в Прикамье на протяжении нескольких столетий. По-видимому, и смешение пришлых низколицых монголоидно-европеоидных групп с местным населением началось раньше, чем в середине I тысячелетия н. э., еще в доананьинское время, что подтверждается данными по серии Гулякинского могильника, отличающейся от собственно ананьинской большей выраженностью европеоидных особенностей.

На основании сходства большинства черепов из второго Маклашеевского могильника со срубными сериями раньше делался вывод о том, что европеоидное население, которое застали переселенцы из Западной Сибири в Прикамье, преемственно связано с населением срубной культуры. Однако в настоящее время палеоантропология Поволжья эпохи бронзы обогатилась новыми материалами. В частности, антропологические черты абашевских племен, на основании изучения единичных черепов²⁰, теперь могут быть реконструированы на основании гораздо более полной серии, полученной А. Х. Халиковым при раскопках Пепкинского кургана. Изучение этой серии, произведенное М. М. Герасимовой и Г. В. Лебединской²¹, показало, что по своему морфологическому типу она практически не отличается от серии срубной культуры. Весьма вероятно, что абашевские племена — это тот европеоидный компонент, который был основным в Прикамье до переселения с востока монголоидных групп. Во всяком случае, такая возможность ничуть не менее вероятна, чем его непосредственная связь с населением срубной культуры.

¹⁸ Дебеч Г. Ф. Проблема заселения северо-западной Сибири по данным палеоантропологии. — Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры АН СССР. Вып. IX. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

¹⁹ Алексеев В. П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы. — ТИЭ. Т. XXI. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

²⁰ Акимов М. С. Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР. — КСИЭ. Вып. XXIII. М.: Изд-во АН СССР, 1955.

²¹ Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М. Пепкинский курган (абашевский человек). — Труды Марийской археологической экспедиции, т. 3, Йошкар-Ола, 1966.

Еще одна проблема, встающая в связи с изучением черепов из второго Полянковского могильника, — о структурно-биологической гомогенности или гетерогенности оставившего этот могильник населения. А. Х. Халиков показал, что культурная атрибуция отдельных погребений могильника разнообразна и в нем представлены как собственно ананьинские комплексы, так и комплексы выделенной им приказанской культуры. Вариабельность отдельных морфологических признаков велика и в несколько раз превосходит стандартное квадратическое отклонение²² (рис. 3). В целом индивидуальная изменчивость всегда значительно больше групповой, но в данном случае разрыв в абсолютной величине вариаций больше обычного. Можно думать, что в полянской популяции сохраняются следы механического смешения между европеоидным и смешанным европеоидно-монголоидным населением, о котором говорилось выше. Но механическое смешение уже во втором поколении обычно переходит в биологическое и соответственно этому меняется характер внутригрупповой изменчивости признаков (они стремятся к нормальному распределению). Соотнося смешанный состав полянской ситуации с историческими событиями второй половины I тыс. до н. э., мы можем прийти к выводу, что он поддерживался на доананьинском или раннеананьинском этапах непосредственными и достаточно стабильными брачными контактами с европеоидным населением.

TO THE PALAEOANTHROPOLOGY OF THE ANANYINO CULTURE

The object of the study is the palaeoanthropological material from the Polyanka II cemetery located in the Kama River basin and dating from the early centuries of the first millenium B. C. The skulls have a combination of mongoloid features but are distinguished by a very low facial skeleton. The author comes to the conclusion that the low-faced mongoloid component infiltrated into the Kama River area in the period preceding the rise of the Ananyino culture.

²² См. таблицы, составленные Г. Ф. Дебецом в книге: *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.*

М. де Леперванш

ИММИГРАЦИЯ В АВСТРАЛИЮ В 1947—1979 ГОДАХ

Если не считать аборигенов, Австралия — это страна, заселенная недавними иммигрантами и их потомками. Однако период после 1947 г. представляет особый интерес в связи с разнообразием этнического происхождения иммигрантов и тем значительным вкладом, который они внесли в увеличение населения, накопление капитала, промышленное развитие и культурное многообразие страны¹. К 1971 г. из населения в 12,8 млн. почти каждый третий либо сам прибыл в послевоенный период, либо происходил из семьи послевоенных иммигрантов. К 1977 г. из 4 млн. иммигрантов первого или второго поколения более половины имели небританское происхождение.

В настоящее время в Австралии почти 100 национальных групп имеют свои организации; всего насчитывается 2,3 тыс. таких организаций²; все возрастает число австралийских учреждений и организаций, занятых вопросами иммиграции и этническими проблемами. Наряду с Министерством иммиграции и этнических проблем (и его многочисленными советами и комитетами) с этими вопросами имеют дело Федеральное министерство социального обеспечения, Управление общинных взаимоотношений и множество других ведомств, занимающихся улучшением быта иммигрантов, не говоря уже об их собственных разнообразных религиозных и этнических организациях.

В настоящее время передачи на национальных языках иммигрантов ведутся по радио и телевидению Сиднея и Мельбурна. В стране выходят различные издания по меньшей мере на 21 языке, не считая английского.

За последние годы опубликован ряд правительственных докладов, содержащих обширный материал об условиях существования и быте иммигрантов в австралийском обществе. Об иммиграции в Австралию существует также богатая литература; она отражена в серии превосходных библиографических справочников³. Здесь нет возможности дать даже краткий обзор материалов, использованных при подготовке нашей статьи.

После второй мировой войны следовавшие друг за другом австралийские правительства (как лейбористские, так и либеральные), вербуй иммигрантов из небританских источников, способствовали все больше-

¹ *Collins J.* The Political Economy of Post-War Immigration.— In: *Essays in the Political Economy of Australian Capitalism*/Ed. Wheelwright E. L. and Buckley K. V. 1. Sydney, 1975, p. 105—129.

² Australia. Department of Immigration and Ethnic Affairs. *Directory of Ethnic and National Group Organizations in Australia 1978—1979*. Canberra, 1979.

³ *Price C. A.* (ed.). *Australian Immigration: A Bibliography and Digest*. № 1—3. Canberra, 1966—1976 (№ 3 with Martin J. I.). Четвертый выпуск этой серии находится в печати.

му усилению этнического разнообразия в стране. Была провозглашена задача ежегодно за счет иммиграции увеличивать численность населения страны на 1%. Это должно было способствовать повышению обороноспособности страны, росту промышленности и более эффективной эксплуатации природных ресурсов, смягчить нехватку рабочей силы и содействовать расширению рынков сбыта. До 70-х гг. предполагалось, что все иммигранты, и британские и небританские, будут усваивать «австралийский образ жизни».

Когда в 1945 г. лейбористское правительство учредило Федеральное министерство иммиграции и провозгласило плановую иммиграционную политику, предусматривающую, в частности, финансовую помощь иммигрантам, это означало крутой поворот в традиционной политике рабочих организаций. В XIX и начале XX в. рабочие боролись против оказания помощи даже британским иммигрантам, поскольку иммиграция угрожала снизить уровень жизни и увеличить безработицу⁴. Но вторая мировая война многое изменила в настроениях австралийского общества, изменились и социальные условия. Во время войны на Тихом океане австралийцы остро почувствовали свою уязвимость, и даже профсоюзы согласились с тем, что по стратегическим соображениям надо приветствовать иммигрантов, заселяющих страну. К тому же Австралия в первые послевоенные годы испытывала острый недостаток в рабочей силе (особенно молодежи), возникший из-за низкой рождаемости в период кризиса и депрессии 30-х годов. Массовая иммиграция предоставляла возможность заполнить эти пробелы. Вместе с тем проявлялась все же забота о том, чтобы сохранить традиционные особенности населения страны. Поэтому общественное мнение и правительственная политика сходились в вопросе о необходимости иммиграции; но предпочтение отдавалось иммигрантам из Англии или в крайнем случае из Северной Европы.

Когда в 1945 г. лейбористское правительство приступило к выполнению своей иммиграционной программы, перспективы промышленного развития и полной занятости выглядели благоприятными. Либеральная оппозиция, представлявшая круги, заинтересованные в снижении расходов на рабочую силу, росте промышленности и расширении рынков, поддерживала эту программу; на 1947 г. было намечено принять 70 тыс. иммигрантов. К 1975 г. задача увеличения населения на 1% потребовала бы повысить годовую квоту до 130 тыс. чел. Однако планы не всегда выполнялись, а к концу 70-х годов безработица в стране заставила очередное лейбористское правительство резко сократить приток новых переселенцев. Нынешнее либеральное правительство планирует на 1978—1981 гг. въезд 70 тыс. иммигрантов в год, но этот план подвергается критике со стороны лейбористских и иных деятелей, указывающих на нецелесообразность въезда новых людей в такое время, когда многие австралийцы, особенно выпускники средней школы и недавние иммигранты, не имеют работы. Один из доводов в пользу продолжения иммиграции заключается в том, что Австралия нуждается в квалифицированных рабочих, которые не займут места безработных средней и низкой квалификации. Противники этой точки зрения считают, что правительству следует организовать обучение своей собственной молодежи, каких бы затрат это ни потребовало.

За последние 30 лет взгляды коренных австралийцев на иммиграцию изменились. Причины этого — не только изменение экономической конъюнктуры, но и усилившаяся вербовка иммигрантов из небританских стран, а также классовая структура австралийского общества и появление в нем бросающейся в глаза этнической стратификации. Пока глав-

⁴ *Lepervanche de M.* Australian Immigrants 1788—1940: Desired and Unwanted — In: *Essays in the Political Economy of Australian Capitalism*. V. 1.

ным источником иммиграции в Австралию служила Великобритания, при публичном обсуждении вопросов иммиграции неизменно подчеркивались культурная однородность австралийской нации и ее родственные и дружеские связи с Британией; широко распространено было представление о культурной непрерывности и единстве, а в спорах оно намного перевешивало роль классовых различий. Такое настроение в первое время сохранялось и при усилившемся притоке небританских иммигрантов.

Правда, эта приверженность к «англоконформизму» порой нарушалась даже до второй мировой войны: вражда между католиками и протестантами в Австралии оказалась связанной с противоречиями между ирландскими рабочими—католиками, поддерживавшими лейбористскую партию, с одной стороны, и протестантскими элементами, к которым принадлежали собственники из господствующего класса, сторонники британских имперских интересов, — с другой⁵. Однако упор на задачу ассимиляции иммигрантов, ясно выраженный в министерских заявлениях и трудах исследователей, лишь в самые последние годы уступил место поддержке плюрализма и культурного многообразия.

Прежде чем подробнее рассмотреть эти изменения в идеологии, остановимся на породивших их реальных обстоятельствах.

СТРАНЫ ВЫХОДА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИММИГРАНТОВ

Конец 40-х — начало 50-х годов

В соответствии со своим стремлением получать британских иммигрантов Австралия в 1946 г. заключила договор с Великобританией, и в 1947 г. вступил в силу план иммиграции, предусматривающий, в частности, правительственную помощь переселенцам. Несколько ранее, в 1938 г., Австралия согласилась принять 15 тыс. евреев, преследуемых Гитлером, но к началу войны, т. е. к 1939 г., прибыло только 7,5 тыс. беженцев. После войны Австралия снова дала согласие на въезд некоторого числа перемещенных лиц из Европы, и за 1947—1954 гг., по совместному плану австралийского правительства и Международной организации по делам беженцев, их прибыло около 170 тыс. В те же годы получили денежную помощь 120 тыс. британских иммигрантов, около 10 тыс. иммигрантов-мальтийцев, а также еще 10 тыс. других иммигрантов, в том числе много голландских граждан, вынужденных покинуть Индонезию. За этот же период без денежной поддержки от правительства в Австралию въехало примерно 70 тыс. британцев, 15 тыс. евреев (им помогали религиозные благотворительные организации), 30 тыс. итальянцев, 10 тыс. греков и киприотов, 10 тыс. голландцев и 25 тыс. прочих иммигрантов⁶.

При приеме перемещенных лиц им ставилось условие, чтобы они два года проработали там, куда сочтет нужным их послать австралийское правительство. Новостройки, например ГЭС в Снежных горах, извлекали из этого дешевого иммигрантского труда определенную пользу; для некоторых же из самих приезжих этот тяжелый физический труд, особенно в безлюдных местах, нанес удар по их самоуважению, вызвал их социальную отчужденность. Среди иммигрантов имели место случаи психических заболеваний.

⁵ *Encel S. Class and Status.*— In: *Australian Society*/Ed. Davies A. F. and Encel S. Melbourne, 1970. В романе Фрэнка Харди «Власть без славы» дано художественное отображение вражды между ирландцами и британцами и ее классовой подоплеку в Австралии.

⁶ *Kunz E. F. The Genesis of the Post-War Immigration Programme and the Evolution of the Tied-Labour Displaced Persons Scheme.*— In: *Ethnic Studies*, 1977, v. 1, № 1; *Martin J. Refugee Settlers: A Study of Displaced Persons in Australia.* Canberra, 1965; *Price C. A. Overseas Migration to Australia 1947—70.*— In: *Price C. A. (ed.). Op. cit.*, № 2, p. A4.

Возрастание доли небританских переселенцев в то время не вызвало беспокойства в общественном мнении принимающего общества, потому что в условиях усиленно развивающейся экономики перед австралийцами еще не стояла угроза безработицы. Более того, они все в большей мере занимали должности надсмотрщиков или конторских служащих, в то время как иммигранты неевропейского происхождения оказывались на низших ступенях социально-экономической системы. Эта этносоциальная прослойка существует и поныне, но с усилением в 70-х годах безработицы стали ощутимее связанные с ней напряженные отношения, которые в более ранний послевоенный период мало замечались. К тому же, в 70-х годах из среды самих иммигрантов стали появляться более откровенные, чем в 50-х годах, высказывания по поводу их приниженного положения.

На открывшиеся перед австралийской экономикой перспективы роста правительства (как лейбористские, так и либеральные) ответили увеличением планов иммиграции до 170 тыс. чел. в 1949 г. и до 200 тыс. в 1950 г. и расширенной вербовкой переселенцев в небританских странах. В связи с этим были заключены соглашения с Нидерландами и Италией в 1951 г. и с ФРГ в 1952 г.; кроме того, австралийское правительство достигло договоренности с Межправительственным комитетом по европейской миграции (ICEM) и с Австрией, Бельгией, Грецией и Испанией. А после 1954 г. Организация помощи переселенцам предоставила материальную помощь лицам, принадлежащим к широкому кругу национальностей, до того не охваченных планами помощи национальных или беженских организаций. Но в начале 50-х годов снизились цены на шерсть, и тут раздались голоса протеста против массовой иммиграции; в связи с этим правительство снизило план приема иммигрантов на 1952 г. до 127 тыс. и на 1953 г. до 80 тыс. чел. Это вызвало раздражение европейских правительств, чьих граждан до того зазывали в Австралию. Столь резкое сокращение иммиграции было не в интересах и самой Австралии: ведь бывает, что одновременно, скажем, в Сиднее безработица, а в Перте не хватает рабочей силы. Поэтому в конце 50-х годов было решено поддерживать размеры иммиграции на уровне годового прироста населения на 1%, отступая от этой нормы лишь в случаях крайней необходимости.

1950-е годы

Влияние европейской иммиграции на этнический состав Австралии можно оценить, сравнив цифры за десятилетие 1951—1961 гг. с данными за предшествующий период. В 50-х годах 33,1% всей чистой иммиграции (т. е. всей иммиграции за вычетом реэмиграции) шло из Южной Европы; это было несколько больше чистой иммиграции британцев (32,6%). Среди прибывших в то десятилетие было также 15 тыс. венгров, 7 тыс. русских (бывших белоэмигрантов) из Китая, а чистая иммиграция немцев и голландцев составила в среднем соответственно 7 и 8 тыс. в год. Приток выходцев из континентальной Европы вызвал некоторую тревогу у тех австралийцев, которые все еще отстаивали требование преобладания британцев; поэтому правительственная помощь была сокращена, а условия поручительства сделаны более жесткими, так что живущие в Австралии южноевропейцы могли вызывать к себе только самых близких родственников.

Итак, к 1961 г. состав стран — источников иммиграционных движений уже сильно изменился по сравнению с намечавшимся на 1947 г. Число иммигрантов из Великобритании вообще было недостаточным, и, кроме того, на родину возвратилось некоторое число уже поселившихся в Австралии англичан. По имеющимся оценкам, из 550 тыс. британцев, въехавших в Австралию за 1947—1961 гг., 95 тыс. (17%) снова выехали на постоянное жительство либо в Соединенное Королевство, либо в Но-

Чистая иммиграция в Австралию за 1947—1961 гг.

Страны происхождения	I.VII.1947—I.VII.1951 г.			I.VII.1951—30.VI.1961 г.		
	число иммигрантов		% к итогу	число иммигрантов		% к итогу
	всего	в среднем за год		всего	в среднем за год	
Британская и ирландская иммиграция	192 541	48 135	41,4	271 316	27 132	32,6
в том числе Великобритания и Ирландия	174 508	43 627	37,6	252 301	25 230	30,3
Новая Зеландия	6 761	1 690	1,4	13 206	1 321	1,6
Северная Европа	34 938	8 735	7,5	219 188	21 918	26,3
в том числе Нидерланды	20 013	5 003	4,3	87 443	8 744	10,5
ФРГ	4 111	1 028	0,9	71 433	7 143	8,6
Восточная Европа	173 359	43 339	37,3	41 352	4 135	5,0
в том числе Польша	68 708	17 177	14,8	7 026	702	0,8
Югославия	21 793	5 448	4,7	12 107	1 211	1,5
Венгрия	12 662	3 165	2,7	13 628	1 363	1,6
Прочие	18 724	4 681	4,0	5 226	523	0,6
Южная Европа	53 508	13 377	11,5	275 841	27 585	33,1
в том числе Италия	32 003	8 001	6,9	171 720	17 172	20,6
Греция, Кипр	9 462	2 366	2,0	70 618	7 062	8,5
Мальта	11 653	2 913	2,5	29 556	2 956	3,6
Азия	7 271	1 818	1,6	19 364	1 936	2,3
в том числе Ливан, Сирия	1 500	375	0,3	4 600	460	0,6
Израиль	200	50		3 500	350	0,4
Индия, Пакистан, Цейлон	1 000	250	0,2	1 500	150	0,2
Китай, Гонконг, Сингапур, Малайзия	3 600	900	0,8	6 300	630	0,8
Африка	450	113	0,1	1 200	120	0,2
в том числе ЮАР	200	50		500	50	0,1
Америка	2 238	560	0,5	3 868	387	0,4
в том числе США	2 138	535	0,4	3 568	357	0,4
Всего	464 355	116 089	100,0	832 529	83 253	100,0
Эмиграция уроженцев Австралии	22 910	5 728		50 192	5 019	
Чистая иммиграция	441 445	110 361		782 337	78 234	

Примечание. Источник: Price C. A. (ed.) Australian Immigration: A Bibliography and Digest № 2 (1970). Canberra, 1971, p. 82.

вую Зеландию или США. В тот же период число выезжавших небританских поселенцев редко превышало 8%.

Если в период 1947—1951 гг. правительственная помощь оказывалась примерно 66% иммигрантов, то в период 1951—1961 гг. доля получавших помощь составляла только 59%, но для выходцев из Великобритании она достигала примерно 80%; это показывает, насколько власти стремились привлечь британский элемент. В то же десятилетие (1951—1961 гг.) вся чистая иммиграция составляла в среднем всего лишь 78 тыс. чел., или 0,8% населения в год, против намечавшегося правительством 1% или выше. Уменьшавшийся приток иммигрантов вызвал разочарование составителей планов, но зато успокоил тех, кто жаловался на инфляционные последствия массовой иммиграции и связанную с ней перегрузку общественных учреждений сферы обслуживания.

Начиная с 1947 г. ограничения на въезд европейцев постепенно ослаблялись, но это было не единственной переменной в иммиграционной политике Австралии в 1950-х годах. Потребность в рабочей силе как

квалифицированной, так и неквалифицированной, привела к более существенным изменениям, которые затронули политику «Белой Австралии».

В 1952 г. был разрешен въезд (сперва с пропусками, действительно на пять лет) японкам — женам австралийских военнослужащих. В 1956—1957 гг. неевропейцы, прожившие в Австралии 15 лет, получили право оставаться на постоянное жительство и вслед за тем подавать заявление о приобретении австралийского гражданства. Соответствующий период для европейцев составлял всего пять лет; таким образом, они по-прежнему имели привилегии по сравнению с другими иммигрантами. Но в то же время была введена новая категория — «выходящий выходец из Азии высокой квалификации», позволившая принимать неевропейцев высшей квалификации. Супруги австралийских граждан, получившие разрешение на временное проживание в стране, также смогли подавать заявления о приеме их в гражданство. В 1956 г. были введены также послабления для оптовых торговцев и их домашней прислуги, для престарелых родителей живущих в Австралии выходцев из Азии и для учащихся. В 1958 г. новый миграционный акт отменил одиозный тест-диктант, на основании которого с 1901 г. отказывали в допуске нежелательным выходцам из Азии; к 1960 г. были допущены к постоянному жительству в стране по меньшей мере 1785 неевропейцев; в том же году стали гражданами 516 выходцев из Азии⁷. Однако эти реформы еще не позволяли проводить активную вербовку иммигрантов в Азии.

1960-е годы

В начале 60-х годов в связи с финансовыми затруднениями правительство пересмотрело свою иммиграционную политику: общие планы не были снижены, но была уменьшена доля мужчин-работников; центр внимания был перенесен на иммиграцию женщин и детей (членов семей ранее приехавших иммигрантов. — *Ред.*). К середине 60-х годов экономическое положение страны улучшилось и иммиграция усилилась: в 1965/1966 гг. она составила 142 тыс. чел. при плане на 1966 г. 145 тыс. чел.

До середины 60-х годов на характер иммиграции влияли следующие факторы: 1) конкуренция со стороны созданного в 1957 г. Европейского экономического сообщества (ЕЭС), которое оттягивало иммигрантов из стран, традиционно поставляющих переселенцев в Австралию: число немцев и голландцев, въезжающих в Австралию, снизилось в среднем с 8—10 тыс. в год в 1951—1961 гг. до 3,2 и 2,2 тыс. в год в 1961—1966 г.; 2) между Австралией и Италией возникли несогласия и конфликты по вопросу об иммигрантах и о признании их квалификации; число получающих помощь иммигрантов из Италии снизилось с 3 тыс. в год в 1956—1961 гг. до всего лишь 200 в год в 1962—1966 гг.; 3) заметно выросло число британских иммигрантов — с 36 тыс. в 1961 г. до 78 тыс. в 1965 г.; они составили более половины всех въезжающих, но это потребовало помощи правительства 87% из них; 4) при снижении числа итальянских иммигрантов число греческих возросло с 7,5 тыс. в 1961 г. до 17,2 тыс. в 1965 г.; увеличилось и число прибывающих югославов — с 4,3 тыс. в 1961 г. до 8 тыс. в 1966 г.; 5) в этот период изменился состав людей, покидающих Австралию; большое число выезжающих вызвало беспокойство планирующих организаций. Если прежде больше уезжали из Австралии британцы, возвращавшиеся в Соединенное Королевство, то теперь стало покидать страну больше североевропейцев и

⁷ Rivett K. (ed.). *Immigration: Control or Colour Bar?* Melbourne, 1962, p. 33—35; Palfreeman A. C. *The Administration of the White Australia Policy*. Melbourne, 1967, p. 157—161; Rivett K. *Australia and the Non-White Migrant*. Melbourne, 1975, p. 25—28.

итальянцев. К 1966 г. уехало свыше 20% всех послевоенных немецких переселенцев, а также около 18% голландских и 13% итальянских.

За пятилетие 1961—1966 гг. чистая иммиграция в среднем за год составила 79 тыс. чел., т. е. был обеспечен годовой прирост населения на 0,8% против поставленной задачи обеспечить 1% роста (110 тыс. чел.). Некоторые были разочарованы столь слабым темпом; другие, как, например, Верноновский комитет по экономическим исследованиям, учрежденный в 1963 г., считали, что страна может без ущерба для себя поглощать не более 100 тыс. чел. в год и что следует рассмотреть вопрос о мерах снижения иммиграции. Предприниматели же добивались от правительства увеличения числа иммигрантов, что и было сделано в конце 60-х годов: в 1969/1970 гг. число их дошло до 175 тыс. Однако несмотря на то, что в 1968 и 1969 гг. план был превзойден, в 1966—1970 гг. въезжало в среднем 153 тыс. чел., а чистая иммиграция за это пятилетие составила всего лишь 103 тыс., т. е. оставалась ниже прироста на 1% (120 тыс.).

Усилившийся выезд при уменьшении числа въезжающих из традиционных стран эмиграции побудил правительство в конце 60-х годов предпринять новые усилия для привлечения иммигрантов. Были смягчены условия для въезда иммигрантов из Южной Европы. Вводилась специальная программа помощи иммигрантам из Скандинавии, Швейцарии, Франции и американских стран; были заключены новые соглашения с Югославией и пересмотрены соглашения с Испанией и Грецией. Были также учреждены миграционные представительства в Турции и Португалии. Эти изменения в иммиграционной политике, произведенные в конце 60-х годов, вытекали из потребности Австралии в переселенцах. Турция впервые трактовалась как полностью европейская страна; соглашение с ней, заключенное в 1967 г., предусматривало помощь лицам из Малой Азии, согласным поселиться в Австралии и проработать в ней длительный срок. За 1968—1970 гг. их прибыло 5,5 тыс.; несколько сотен приехало, даже не воспользовавшись помощью.

В 1966 г. ряду высококвалифицированных неевропейцев из Южной и Юго-Восточной Азии было позволено поселиться в стране, а тем из них, кто имел временное разрешение, стало легче получить разрешение на постоянное жительство. Всего за 1966—1971 гг. прибыло 44 521 неевропейцев и полуевропейцев.

В конце 60-х годов продолжалась значительная британская иммиграция (в среднем 73 тыс. чел. в год), но голландцев и немцев приезжало мало, ослабел и поток из Италии, Греции и Мальты. В этот период въехало 5,5 тыс. чехов, а число иммигрантов-югославов за период 1966—1970 гг. возросло в среднем до 13,7 тыс. в год.

1970-е годы

В этом десятилетии рост австралийского населения замедлился; все более снижался уровень иммиграции. Это было отчасти вызвано экономическим кризисом в западном мире. К тому же лейбористское правительство в 1972—1975 гг. даже в большей мере, чем либералы в начале 70-х годов, вело политику сознательного снижения иммиграции. В 1970/1971 гг. первоначально было запланировано принять 170 тыс. иммигрантов, но затем план был снижен до 140 тыс.; в 1972 г. — со 140 до 110 тыс. чел. в год, а к 1974 г. — до 80 тыс. чел. В 1975/1976 гг. прибыло 52,5 тыс. иммигрантов — самое низкое число с 1947 г. Несмотря на растущую безработицу, либеральное правительство, пришедшее к власти в 1975 г., увеличило план приема иммигрантов на 1976/1977 гг. до 70 тыс.; в 1977/1978 гг. прибыло только 75 732, а в 1978/1979 гг. — 68 749 чел.

Помимо снижения общего размера иммиграции лейбористское правительство в 1973 г. ввело и другие изменения в иммиграционную политику. Была отменена всякая дискриминация при разрешении на въезд на основании расовой принадлежности, цвета кожи и национальности; оказываемая помощь распространялась на всех иммигрантов; отменялся статистический учет по признаку расовой принадлежности; срок ожидания разрешения на натурализацию сокращался с пяти лет до трех; отменялись особые привилегии, предоставлявшиеся британским иммигрантам. Все это поставило всех приезжающих в равные условия. Но к 1974 г. в связи с ухудшением экономического положения правительство ввело для иммигрантов новые ограничительные условия, связанные с родом их занятий. Отныне иммигрантам разрешался въезд (при условии их приемлемости в остальных отношениях) лишь на основании следующих критериев: 1) объединение семей; 2) владение профессией, требующейся в Австралии; 3) статус беженца; 4) другие исключительные случаи, касающиеся лиц с особыми данными или с капиталом, который они готовы инвестировать в Австралии. В июне 1978 г. в законодательство были введены дальнейшие изменения, была установлена система многофакторной оценки (NUMAS), вступившая в действие с января 1979 г. По этой системе желающий иммигрировать получает баллы за грамотность и знание английского языка, за профессиональную квалификацию и «перспективность успешного устройства» в Австралии. Эта система особенно благоприятна для иммигрантов из США, Южной Африки и Родезии; в последние годы, однако, быстро повысилась доля въезжающих из стран Азии — с 12,9% в 1971/1972 гг. до 37,1% в 1976/1977 гг. Это, вероятно, объясняется трудностью вербовки людей с подходящей квалификацией, вследствие чего увеличилась доля лиц, принимаемых в порядке воссоединения семей, и беженцев.

Между тем в 1977 г. был опубликован доклад «Иммиграционная политика и население Австралии», подготовленный Австралийским советом по народонаселению и иммиграции. В нем содержалась рекомендация правительству установить скользящий трехгодичный план приема иммигрантов. В период между 1978/1979 и 1980/1981 гг. должно было въезжать 90 тыс. иммигрантов в год, при этом чистое увеличение населения за счет иммиграции планировалось в размере 70 тыс. в год. Но, как уже отмечалось выше, эту цифру опротестовывают лейбористы, считающие, что прежде чем вербовать иммигрантов, следует заняться переподготовкой австралийских безработных. Критики правительства, указывая также на то, что наличие резерва безработных позволяет использовать его для «дисциплинирования» рабочих и подавления волнений в промышленности, подчеркивают, что это в интересах одних лишь капиталистов⁸.

Что касается первоначальных послевоенных программ иммиграции, то ряд содержащихся в них обещаний был выполнен. Население возросло с 7 579 358 чел. в 1947 г. до 13 548 448 чел. в 1976 г. в значительной мере благодаря иммиграции. За 1947—1976 гг. прибыло более 3,3 млн. иммигрантов, из них 42% из Соединенного Королевства и 58% из небританских стран. Свыше 2,2 млн. этих переселенцев (62%) получили материальную помощь; из них 1,12 млн. (55%) прибыло из Соединенного Королевства и 0,9 млн. (45%) из других стран. Таким образом, если учитывать всех въехавших, численность населения с 1947 г. увеличилась на 25% благодаря иммиграции. Если же исходить из данных о чистой иммиграции, эта цифра будет равна лишь 17%. Но если принять во внимание всех родившихся в Австралии детей иммигрантов, можно сказать, что на иммиграцию падает 59% всего послевоенного прироста населения (см. табл. 2 и рисунок). О вкладе иммиграции в культурное разно-

⁸ Collins J. The Political Economy of Post-War Immigration, p. 118.

Таблица 2

Вклад иммиграции в увеличение численности населения за период 1947—1973 гг., тыс. чел.

Группы иммигрантов	Всего	В том числе:		% иммиграционного компонента
		естественный прирост населения 1947 г.	иммигранты и их потомство	
Общее увеличение численности	5612	2285	3327	59,3
в том числе по возрасту				
0—14 лет	1845	708	1137	61,6
15—24	1081	489	592	54,8
25—64	2178	662	1516	69,7
65 и старше	508	426	82	16,1

Таблица 3

Иммиграция в Австралию по регионам выхода иммигрантов (по годам, начинающимся с 1 июля)

Страна последнего местожительства	Годы				
	1947—1970	1970—1971	1971—1972	1972—1973	1973—1974
Британские острова	1 064 424	65 535	55 760	48 681	46 372
Северная Европа	214 755	24 996	14 327	10 152	8 434
Южная Европа	728 971	36 351	23 518	16 560	17 597
Прочие регионы	677 289				
в том числе Африка		4 521	4 063	3 658	3 114
Северная Америка		8 264	9 904	6 130	5 596
Ближний Восток *		9 269	7 266	6 086	7 707
Другие районы Азии		8 998	8 893	7 328	9 135
Океания и Новая Зеландия		6 364	5 383	5 330	7 111
Неизвестные	—	—	—	—	—
Всего:	2 685 439	170 011	132 719	107 401	112 712

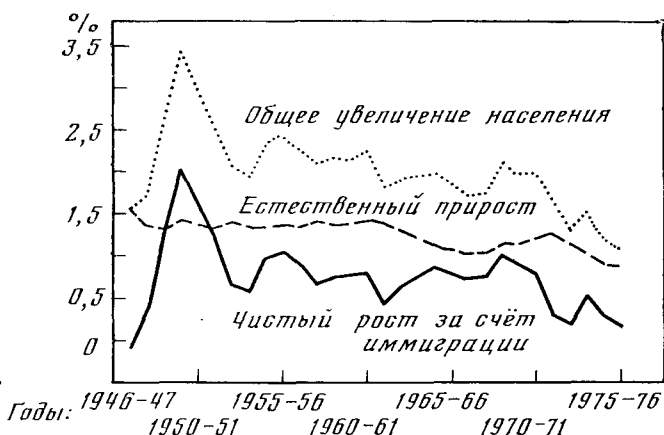
Страна последнего местожительства	Годы				
	1974—1975	1975—1976	1976—1977	1977—1978	1978—1979
Британские острова	38 313	17 550	18 714	21 540	13 107
Северная Европа	6 181	3 199			
Южная Европа	11 837	8 465	9 002	10 161	5 823
Прочие регионы					
в том числе Африка	2 720	1 574	2 925	3 901	4 081
Северная Америка	5 101	2 530	2 287	2 171	2 323
Ближний Восток *	4 811	3 021	16 047	4 294	2 714
Другие районы Азии	9 098	7 490	10 263	16 512	20 214
Океания и Новая Зеландия	4 996	5 293	7 587	11 219	14 237
Неизвестные	—	—	292	25	
Всего:	89 147	52 748	70 916	75 342	68 749

* Кипр, Израиль, Ливан, Турция.

Примечание. Источники: Australia, APIC: Immigration Policies and Australia's Population: a Green Paper. Canberra, 1977, p. 52; Australian Bureau of Statistics: Overseas Arrivals and Departures, July 1976 — June 1978, Canberra.

образии Австралии говорят таблицы, показывающие страны выхода иммигрантов и меняющееся соотношение между странами — источниками иммиграции (см. табл. 3 и 4). Вклад иммигрантов в послевоенное развитие и преуспевание Австралии весьма значителен. Это становится особенно ясным при рассмотрении их занятий в стране нового местожительства.

Надежды составителей первых планов на увеличение рабочей силы посредством иммиграции оправдались. Иммигрантский компонент рабочей силы вырос с 7,3% в 1947 г. до 25,8% в 1971 г. Однако значение иммигрантов для развития капитализма в Австралии становится ясным лишь при учете их распределения по роду занятий и по отраслям промышленности. Хотя на иммигрантов приходится более 60% общего прироста численности рабочей силы за период с 1947 г., они внесли значительно больший вклад в контингент занятых малопrestiжной работой, чем в профессии «белых воротничков»⁹.

Темпы прироста населения с 1946/1947 до 1975/1976 гг.
(источник: Australia, APIC. Immigration Policies and Australia's Population: A Green Paper, Canberra, AGPS, 1977, р. 11).

В первые послевоенные годы при широком обсуждении вопросов иммиграции всегда подчеркивалась потребность страны в квалифицированных работниках. Однако уже на конференции правительств штатов, созванной в 1946 г. Федеральным правительством для обсуждения мер по абсорбции новых поселенцев и выяснения потребности штатов в трудовых кадрах, стало ясно, что, несмотря на декларацию о важности квалифицированных кадров, штаты особенно нуждались в рабочих, занимающих нижние ступени социально-экономической лестницы, в тех, кто сможет «снять с местного населения кое-что из жизненных тягот...»¹⁰ Любопытно, что это замечание фигурировало только в сноске, хотя тот же автор в обзоре австралийского населения на 1975 г. также отметил, что «современные индустриальные общества, по-видимому, все еще нуждаются в подпорке из рабочих, занимающих нижнюю часть шкалы видов деятельности»¹¹.

Впрочем, иммигранты в Австралии, безусловно, не все были бедны, слабообразованны, не все принадлежали к рабочему классу. Да и не каждый, кто прибыл с малым достоянием, остался на низком общественном уровне. Некоторые британские, как и небританские переселенцы работают в университетах; любая аудитория на камерном музыкальном

⁹ Collins J. Migrants: The Political Void.— In: Australian Politics: a Fourth Reader/Ed. Mayer H., Nelson T. H. Melbourne, 1976, p. 181—184.

¹⁰ Borrie W. D. Immigration: Australia's Problems and Prospects. Sydney, 1949, p. 24, 25.

¹¹ Australia, National Population Inquiry (1975). Population and Australia: A Demographic Analysis and Projection. First Report. V. 1. Canberra, 1975, p. 128.

Иммиграция в Австралию. Доля важнейших стран выхода иммигрантов в 1968—1969
и в 1978—1979 гг.

Страна выхода	1968—1969 гг.		1978—1979 гг.	
	место в порядке важности	% всей иммиграции	место в порядке важности	% всей иммиграции
а) Первый десяток стран в 1968—1969 гг.				
Великобритания и Ирландия *	1	45,9	2	18,5
Италия	2	7,5	5	2,9
Греция	3	6,5	14	1,4
Югославия	4	4,9	10	1,9
Новая Зеландия	5	4,5	1	18,5
Австрия	6	3,6	31	0,6
ГДР и ФРГ	7	2,6	13	1,4
США	8	1,9	9	2,0
Нидерланды	9	1,7	19	1,2
Индия	10	1,7	23	0,9

б) Первый десяток стран в 1978—1979 гг.

	1978—1979 гг.		1968—1969 гг.	
Новая Зеландия	1	18,5	5	4,5
Великобритания и Ирландия *	2	18,5	1	45,9
Малайзия	3	13,6	25	0,5
ЮАР	4	4,3	23	0,5
Италия	5	2,9	2	7,5
Гонконг	6	2,8	24	0,5
Вьетнам	7	2,8		
Филиппины	8	2,1	35	0,1
США	9	2,0	8	1,9
Югославия	10	1,9	4	4,9

* Для 1978—1979 гг. — без Ирландии.

Примечание. Источник: Australia. Department of Immigration and Ethnic Affairs: Review of Activities to 30 June 1979. Canberra, p. 45.

концерте имеет в своем составе заметную примесь неанглосаксов; некоторые европейские поселенцы уже не зависят от работы по найму, а приобрели собственные магазины, предприятия или фермы; существуют итальянские, греческие, китайские капиталисты, нанимающие рабочих, а в северной части побережья Нового Южного Уэльса группа индийских поселенцев основала фермерскую общину. Иммигранты Австралии — это не единая категория. Среди выходцев из Великобритании, Канады, США, Новой Зеландии, Северной Европы, а в последнее время и из Азии многие имеют высокую или хотя бы среднего уровня профессиональную подготовку. С другой стороны, Мальта, Греция, Италия, Югославия и Турция поставляют преимущественно рабочих неквалифицированных и средней квалификации; многие выходцы из стран Среднего Востока довольно широко используют возможности вызова родственников, предоставляемые планом воссоединения семей. В результате с появлением в капиталистической экономике Австралии работников сравнительно низкой квалификации, говорящих на неанглийских языках, в стране возникла этническая стратификация¹².

При обследовании в 1960-х годах иммигрантов высокой квалификации оказалось, что доля урожденных австралийцев всего выше в следующих областях деятельности: 1) научные работники и инженеры; 2) преподаватели и 3) люди свободных профессий, включая практикую-

¹² См., например: Lever C. Migrants in the Australian Workforce. Melbourne, 1975; Rivett K. Australia and the Non-White Migrant, p. 50—54.

щих врачей. В 1966 г. из числа лиц свободных профессий лишь 20% были уроженцами иностранных государств; из них только 2/3 въехало в Австралию после войны. В группе «научные работники и инженеры» доля иностранных уроженцев была всего выше среди ученых, занимающихся науками о земле (47,3%). На втором месте стояли университетские преподаватели (40,1%), среди которых многие были выходцами из Соединенного Королевства. Ниже всего была доля иммигрантов среди юристов: в их числе в 1966 г. было только 10%, родившихся за границей. В целом в 1966 г. среди лиц, получивших университетское образование, 70% были уроженцами Австралии и 20% — послевоенными иммигрантами. Но чистый рост числа иммигрантов высокой квалификации следует рассматривать, сопоставляя иммиграцию с «перекачкой мозгов» из самой Австралии¹³.

За последнее время не появлялось новых детальных исследований по иммигрантам интеллигентного труда, но в переписи 1976 г. было учтено 269 989 чел., имеющих дипломы о высшем образовании, степень бакалавра или более высокую научную степень; из них 189 161 чел. (70%) родились в Австралии, а 78 828 (30%) — за ее пределами.

К середине 1970-х годов менее половины работников-мужчин, родившихся в Австралии, принадлежали к категории «синих воротничков», тогда как среди мужчин-иммигрантов из средиземноморских стран более 2/3 были заняты в обрабатывающей и строительной промышленности на малопrestiжной и низкооплачиваемой работе. Среди работающих женщин из средиземноморских стран доля принадлежащих к категории «синих воротничков» в 5—6 раз больше, чем среди работниц — уроженок Австралии¹⁴.

Многие из иммигрантов, обладающих низким статусом, — выходцы из тех же районов, которые поставляют такого рода работников в страны ЕЭС. Поэтому, несмотря на успехи отдельных переселенцев, обладающих капиталом, образованием или иными ресурсами, помогающими им повысить свое положение, послевоенная иммиграция в Австралию не должна рассматриваться изолированно от роли межгосударственных трудовых миграций вообще и их вклада в капиталистическое хозяйство. В самом деле, в истории послевоенного расселения в большинстве западноевропейских стран (а также в Австралии) проявляется общая тенденция: иммигранты из относительно менее развитых стран снабжали развитые государства дешевой рабочей силой, и от этого выигрывали как некоторые из трудящихся, уроженцев принимающих стран, так и капиталисты¹⁵.

Иммигранты особенно много дали различным отраслям австралийской обрабатывающей промышленности. К 1966 г. иммиграция обеспечила 49,48% рабочей силы в швейной промышленности, 44,7% — в текстильной, 40,6% — в нефтеперерабатывающей и 40,3% — в других отраслях обрабатывающей промышленности. Хотя иммиграция послевоенных лет давала менее половины ежегодного прироста населения, на ее долю пришлось 69,3% увеличения численности рабочих обрабатывающей промышленности за 1947—1961 гг. За пятилетие между переписями 1961 и 1966 гг. иммигранты дали 122,1% прироста численности рабочих обрабатывающей промышленности, из чего вытекает, что коренные австралийцы из нее уходили; это имеет некоторое отношение к увеличению в Австралии прослойки рабочей аристократии¹⁶.

¹³ *Salter M. J. Studies in the Immigration of the Highly Skilled. Canberra, 1978, p. 98—100.*

¹⁴ *O'Malley P. Australian Immigration Policies and the Migrant Dirty-Worker Syndrome.— In: Birrell R., Hay C. (eds.). The Immigration Issue in Australia. Bundoora, Victoria, 1978, p. 47.*

¹⁵ *См. Castles S., Kosack G. Immigrant Workers and Class Structure in Western Europe. Oxford, 1973.*

¹⁶ *Collins J. The Political Economy of Post-War Immigration, p. 111—113.*

В самой обрабатывающей промышленности в 1966 г. почти половину (48,8%) работающих в ней иммигрантов составляли рабочие разного уровня квалификации; только 29,9% принадлежали к специалистам высшей категории, инженерным, административным или конторским служащим или работникам сбыта. Иммигранты были преимущественно сосредоточены в производстве кузовов автомобилей, станкостроении и швейной промышленности; эти три отрасли в 1966 г. охватывали треть всех работающих по найму иммигрантов. В частности, в швейной промышленности было много выходцев из Италии, Греции и Югославии¹⁷.

В переписях 1971 и 1976 гг. снова была выявлена сильная концентрация иммигрантов в сфере занятий, сгруппированных под рубрикой «работники торговли, производственные рабочие и чернорабочие» (см. табл. 5). К этой категории в 1971 г. были отнесены 52,2% работающих

Таблица 5

Занятия выходцев из важнейших стран в % к занятому населению в возрасте 15 лет и старше (данные переписи 1971 г.)

Род занятий	Страны рождения								
	Велико-британия и Ирландия	Италия	Греция	ФРГ и ГДР	Югославия	прочие	всего рожденных в Австралии	Австралия	всего
Специалисты, инженеры и т. п.	11,2	1,8	1,0	10,5	2,2	12,2	9,2	10,6	10,2
Управляющие, администраторы, менеджеры	6,7	4,2	5,0	6,1	1,8	7,0	6,0	6,9	6,7
Клерки	15,7	4,6	2,4	13,7	2,6	12,2	11,5	17,5	15,8
Занятые в оптовой торговле	8,1	5,5	9,1	6,3	2,1	6,2	6,8	8,5	8,1
Фермеры, рыболовы, охотники, лесорубы и т. п.	2,9	8,2	2,2	2,4	3,4	3,0	3,5	9,2	7,7
Шахтеры, рабочие каменоломен и т. п.	0,7	0,4	0,2	0,8	0,9	0,6	0,6	0,7	0,7
Работники транспорта и связи	5,0	3,5	3,1	3,6	2,3	4,0	4,1	6,1	5,5
Промышленные рабочие, чернорабочие, лица, занятые в розничной торговле	36,5	57,2	59,5	42,9	68,1	41,2	44,2	27,6	32,1
Работники обслуживания, спорта, рекреации	8,6	7,2	8,6	8,7	7,8	8,4	8,4	7,0	7,4
Военнослужащие	1,4	0,2	0,1	1,4	0,1	0,6	0,9	1,4	1,2
Неизвестные	3,2	7,2	8,8	3,6	8,7	4,6	4,8	4,5	4,6
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание. Источник: National Population Inquiry (1975). First Report. V. 1. Canberra, 1975, p. 129.

мужчин — уроженцев зарубежных стран против 36,3% мужчин, родившихся в самой Австралии. Данные 1976 г. показывают, что среди мужчин — уроженцев Австралии к этой категории относятся 44,5%, тогда как для некоторых групп приезжих этот процент значительно выше: для немцев — 53,0%, для итальянцев — 77,7%, для югославов — 80,2%. Довольно высока доля этой категории и среди женщин, рожденных за границей: среди гречанок к «синим воротничкам» относятся 63,5%, среди итальянок — 53,3%, среди югославок — 62,0%, между тем как среди уроженок Австралии они составляют всего 10,5%. При этом в непрестижных текстильной и швейной промышленности иммигранты пред-

¹⁷ Там же, с. 113; O'Malley P. Op. cit., p. 47.

ставлены примерно в три раза выше, чем можно было бы ожидать, судя по их доле в рабочей силе в целом ¹⁸.

Такое характерное для иммигрантов распределение между отраслями — это не просто временное устройство новоприбывших. Во введении к докладу Австралийского совета по народонаселению и иммиграции (APIC) за 1976 г. указывается, что многие иммигранты остаются на этих низкооплачиваемых работах в течение довольно длительного времени. Данные Лёвера также показывают, что доля иммигрантов в числе занимающихся малопrestижными и низкооплачиваемыми видами труда скорее растет, чем снижается ¹⁹.

Два доклада, опубликованные APIC в 1976 и 1977 гг. (первый при лейбористском, второй при либеральном правительстве), не углубляются в проблемы этнической стратификации. Доклад 1976 г., отметив неблагоприятное положение иммигрантов, рекомендует для улучшения жизненных условий меры социального обеспечения. Второй же доклад предлагает ввозить в страну иммигрантов с низкой квалификацией, принадлежащих к разнообразным этническим группам. Доклад 1977 г. даже указывает на Азию и южную часть Тихого океана как на возможные новые источники неквалифицированной рабочей силы и временных рабочих. Учитывая прошлое Австралии, такие меры, несомненно, привели бы к возрождению политики поддержки «Белой Австралии».

Итак, в целом, хотя некоторые иммигранты прибыли, имея профессиональную подготовку, и заняли престижные должности, а некоторые смогли подняться по социальной лестнице и сами стали нанимателями, огромное большинство приезжих вошло в состав австралийского рабочего класса. Перемещенные лица первого послевоенного периода, а в дальнейшем выходцы из Южной Европы показали себя относительно послушными и легко перемещающимися работниками в городском строительстве, сборе фруктов, в горной и обрабатывающей промышленности и мало затронули интересы местных австралийских рабочих ²⁰. Хотя иммигранты по-разному распределяются между отраслями, больше всего их сосредоточено «в отраслях обрабатывающей промышленности с наихудшими условиями работы и с самой низкой зарплатой — там, где труд наиболее тяжел физически и связан с выполнением наиболее презируемых заданий» ²¹. В некоторых областях деятельности иммигрантам случалось соглашаться на зарплату более низкую, чем согласились бы получать местные австралийцы. Исследования показали также, что многие из новоприбывших женщин-иммигранток заняты в особо неблагоприятных для труда областях деятельности ²². Таким образом, иммигранты составили резервную армию для промышленности; они образуют группу, к которой местные рабочие относятся в известной мере враждебно, поскольку многие иммигранты не говорят по-английски и незнакомы с политикой профсоюзов в области заработной платы и с профсоюзными обычаями. Социальная дискриминация иммигрантов, таким образом, естественно вырастает из их экономической роли. С точки зрения системы в целом, можно сказать, что иммиграция амортизирует циклические колебания в промышленности и разъединяет рабочий класс. Еще одно последствие этнической стратификации заключается в том, что в

¹⁸ Australian Bureau of Statistics. *Migrants in the Labour Force 1972—1976*. Canberra, 1977, p. 35; *O'Malley P.* Op. cit., p. 48.

¹⁹ *Lever C.* Op. cit., passim.

²⁰ *Appleyard R. T.* Immigration and the Australian Economy.— In: *Wilkes J.* (ed.). *How Many Australians?* Sydney, 1971, p. 16.

²¹ *Ford G. W.* A Study of Human Resources and Industrial Relations at the Plant Level in Seven Selected Industries.— In: Australia. Committee to Advise on Policies for Manufacturing Industry. *Policies for Development of Manufacturing Industry: A Green Paper*. V. 4. Canberra, 1976, p. 20.

²² *Collins J.* The Political Economy of Post-War Immigration, p. 118, 124.

периоды спада экономики и безработицы новоприбывшие более других подвержены увольнению и далеко не всегда могут добиться принятия на имеющиеся рабочие места. Если же им удастся попасть на работу, это вызывает раздражение безработных коренных австралийцев. В 1972 г., еще до того, как стала расти безработица, доля безработных в Австралии составляла в целом 2,1%, но среди вновь прибывших иммигрантов она достигала 10,9%²³.

РЕАКЦИЯ ИММИГРАНТОВ

Не все иммигрантские группы как следует изучены. Мало опубликовано работ о русских, украинцах, мальтийцах, турках, ливанцах, югославах, голландцах и немцах, прибывших в Австралию в послевоенное время. Некоторые небольшие группы (например, латышская) выпустили много публикаций на своем родном языке, тогда как русских изданий вышло очень мало. С другой стороны, о греческих, итальянских, китайских и еврейских иммигрантах имеются капитальные труды; определенное внимание было уделено и беженцам²⁴.

В 1950-х и 1960-х годах очень немногие из иммигрантов выступали с изложением своих взглядов, и, за исключением отдельных лиц, иммигранты принимали мало участия в австралийской общественной жизни в целом; вместе с тем в некоторых иммигрантских общинах усиливались внутригрупповые конфликты и политическая борьба. Но в середине 60-х годов рабочие-иммигранты сыграли видную роль в классовых столкновениях на рудниках Маунт-Айза в штате Квинсленд. Рабочие-европейцы, особенно финны, поддерживали воинствующих активистов, настаивавших на забастовке вопреки руководству Союза австралийских рабочих; иммигранты также присоединились к протестам против решения правительства штата Квинсленд направить в Маунт-Айза полицию для подавления забастовки²⁵. В 1973 г. снова имело место выступление некоторых недовольных иммигрантов: бросив вызов своему профсоюзу, они приняли активное участие в крупной забастовке на предприятии Форда в Бродмедоу в штате Виктория. Эти действия завершились бунтом; стало ясно, насколько иммигранты обособлены от основного потока профсоюзного движения в стране и вместе с тем насколько их раздражает такая обособленность. После этого инцидента в Мельбурне и Сиднее были созваны первые конференции рабочих-иммигрантов, с тем чтобы попытаться интегрировать иммигрантов в рабочий класс Австралии. Ныне все большее число иммигрантов начинает активно участвовать в работе профсоюзов, политических партий и местного управления, особенно в крупных греческих и итальянских общинах Мельбурна, где многие из них поддерживают лейбористскую партию Австралии²⁶.

Но, как отмечалось выше, отнюдь не все иммигранты входят в рабочий класс или симпатизируют лейбористской партии. Французы, например, как правило, люди умственного труда или имеют ту или иную высокую квалификацию и в результате получают в австралийском обществе относительно высокий статус. Они поддерживают свою культурную исключительность при помощи таких организаций, как *Alliance Française*; в общественном и политическом отношении они консервативны и ориентированы на истеблишмент. В 1973 г., когда в Австралии начались выступления против французских ядерных испытаний на Тихом океане, ни одна французская ассоциация и ни один комитет, существующие в Австралии, не выразили своего протеста. В противовес другим этниче-

²³ Там же, с. 117, 120, 126.

²⁴ См. Price C. A. (ed.). Op. cit., passim.

²⁵ Sheldon C. Industrial Siege: The Mount Isa Dispute. Melbourne, 1965.

²⁶ Collins J. The Political Economy of Post-War Immigration, p. 126; Brennan N. (ed.). The Migrant Worker (Proceedings and Papers of the Migrant Workers' Conference, October 1973). Melbourne, 1974; Allan L. Ethnic Politics — Migrant Organisation and the Victorian ALP. — Ethnic Studies, 1978, v. 2, № 2.

ским группам, протестовавшим в 1977 г. против прекращения радиопередач для этнических групп, французы вежливо промолчали²⁷.

Среди других давно проживающих общин китайская, члены которой в течение последних нескольких десятилетий начали овладевать занятиями среднего класса и селиться в его жилищных зонах. Как и французы, они не участвуют активно в политической или экономической борьбе, но некоторые из них начинают занимать более видное место в общественной жизни страны; в 60-х годах мэром города Дарвина был выбран китаец, а в Мельбурне один китаец был избран членом городского совета²⁸. Давно обосновавшиеся в Австралии еврейские общины также проявляют тенденцию к консерватизму; в них имеется немало влиятельных деловых людей и лиц свободных профессий; в настоящее время генерал-губернатор Австралии — еврей. К числу других иммигрантов высокого статуса принадлежат поселившиеся здесь в послевоенные годы американцы, канадцы, южноафриканцы, а с конца 60-х годов многие индийцы и пакистанцы. Эти люди нередко участвуют в управлении компаниями, заняты в сфере свободных профессий, являются техническими экспертами. Среди поляков, венгров, итальянцев, греков, ливанцев, китайцев и евреев-сефардов имеется немало консервативно настроенных мелкобуржуазных лавочников и мелких предпринимателей.

В общем иммигранты, подобно урожденным австралийцам, как правило, осознают и выражают свои общественные интересы в соответствии со своей классовой принадлежностью, хотя и не в классовых терминах. В частности, тенденция членов национальных групп апеллировать к своему этносу варьирует в зависимости от их социального положения в австралийском обществе. Группы с большим числом членов, принадлежащих к буржуазии и занимающих высокое положение в обществе, не так активно организуются по этнической принадлежности, как некоторые иммигранты-рабочие, хотя иммигранты с высоким положением часто оказывают поддержку культурным ассоциациям и религиозным организациям, в том числе школам²⁹. Тем не менее правительство в последние годы поощряло группировку по этническому признаку, и некоторые ученые пропагандировали в печати концепцию многокультурного общества, в котором этничность служит основным принципом организации. Пока не ясно, останутся ли иммигранты, имеющие высокий статус, по-прежнему в стороне от этнических организаций или будут открыто оспаривать англосаксонскую гегемонию. В настоящее время дело обстоит так, что австралийские буржуа все более перенимают французскую кухню, пользуются скандинавской мебелью, покупают дорогую итальянскую одежду и путешествуют за границей. Иммигранты с повышенным социальным статусом не нуждаются в том, чтобы утверждать свою этничность как таковую; их влияние, основанное на классовой принадлежности, уже приводит к постепенным изменениям внешних параметров многих культурных ценностей и обычаев в стране.

РЕАКЦИЯ ПРИНИМАЮЩЕЙ СТОРОНЫ

До середины 60-х годов австралийцы большей частью относились к иммигрантам равнодушно либо проявляли тенденцию к выработке этнических стереотипов. В течение 60-х годов выявились различные трудности, порожденные противоречием между иммиграционной политикой.

²⁷ Rosenberg J. A Steady Ethnic Group: Role of the French in Australia.— *Ethnic Studies*, 1978, v. 2, № 3.

²⁸ Choi C. Y. Chinese Migration and Settlement in Australia. Sydney, 1975; Rivett K. Australia and the Non-White Migrant, p. 195.

²⁹ Евреи основали в Сиднее несколько религиозных школ, японцы тоже имеют там свою школу. Некоторые итальянцы, имеющие высокий социальный статус, создали Общество Данте Алигьери, немцы — Институт Гете, а панджабцы, живущие в Сиднее, — Сикхское культурное общество.

приема переселенцев из всех регионов мира и требованием усвоения ими «англоконформизма». Многие иммигранты принадлежали у себя на родине к низшим, беднейшим слоям общества, и им трудно давалось приспособление к новой культуре и новым обычаям. Часто они были малообразованны, и способность адаптироваться к социальным изменениям была у них не столь велика, как у высокообразованных переселенцев, имевших хорошую профессиональную подготовку и опыт жизни в разных странах. Тем самым неравноправие, вытекающее из места рабочего класса в австралийской социальной системе, у многих из них усугублялось незнанием англо-австралийских обычаев, языка и законов.

Трудности, испытываемые иммигрантами, часто называли «проблемами ассимиляции»; их слишком часто рассматривали как задачу, которую должны решать сами иммигранты. Появился даже спрос на ученые труды, создающие более совершенные и более общие теории ассимиляции. К концу 60-х годов ученые начали выражать свое разочарование политикой и перспективами иммиграции, высказывая сомнения по поводу того, проявляет ли правительство достаточную заботу о быте, образовании и устройстве иммигрантов, однако сама система классового неравенства в 60-х годах не часто подвергалась критике. Популярны публицисты склонны были изображать австралийское общество как преимущественно зажиточное, однородное и счастливое³⁰. Выходило, что менее удачливые виноваты сами или же им не повезло.

К концу 60-х годов не только было вскрыто (в «Исследовании бедности»³¹) тяжелое положение многих из новоприбывших, но и избиратели-иммигранты превратились в силу, с которой приходилось считаться; усилилась общая критика иммиграционной политики. Министерство иммиграции (при либеральном правительстве) взяло на себя дополнительные обязательства в отношении устройства иммигрантов и заботы об их благосостоянии; в 1968 г. оно выделило фонды на субсидии, выдаваемые этническим общинам на предмет найма специальных служащих для помощи иммигрантам. В ответ на разрастающуюся дискуссию по поводу тяжелого положения детей иммигрантов, особенно в штате Виктория, это министерство учредило программу по их обучению, а также ряд научно-исследовательских программ по изучению положения иммигрантов. Концепция ассимиляции к тому времени стала неприемлемой, и в течение 70-х годов в среде принимающего общества поляризовались две точки зрения, одна из которых предусматривала консервативное, другая — радикальное решение иммиграционной проблемы.

Консервативно настроенные ученые приняли идеологию плюрализма и культурного многообразия и создали литературу, обогащенную новыми, не очень определенными понятиями «структурный плюрализм», «культурный плюрализм», «выхолощенный плюрализм», «здоровый плюрализм», «многокультурное (multicultural) общество»; все эти термины, подчеркивая этнические и культурные различия, продолжали затемнять классовую природу австралийского общества³². К середине 70-х годов набрало силу радикальное течение: некоторые добровольные благотворительные группы и научные работники низового уровня, недовольные плюралистическим истолкованием проблемы, привлекли внимание к роли иммиграции и иммигрантов в классовой структуре австралийского

³⁰ Horne D. *The Lucky Country*. Sydney, 1964; McGregor C. *Profile of Australia*. London, 1966; Rowse T. *Australian Liberalism and National Character*. Victoria, 1978, Chapter 5.

³¹ Australia. Commission of Inquiry into Poverty (1975). *First Main Report. Poverty in Australia*. Canberra, 1975.

³² Martin J. I. *Migration and Social Pluralism*.— In: *How Many Australians?*/Ed. Wilkes. Sydney, 1971; idem. *Ethnic Pluralism and Identity*.— In: *Melbourne Studies in Education*/Ed. Murray-Smith S. Melbourne, 1976; idem. *The Migrant Presence: Australian Responses 1947—1977*. Sydney, 1978; Zubrzycki J. *Towards a Multicultural Society in Australia*.— In: *Australia 2000: The Ethnic Impact*/Ed. Bowen M. Armidale, 1977.

общества. В Мельбурне итальянская организация *Federazione Italiana Lavoratori Emigrati e Famiglie* (FILEF), а также Центр урбанистических исследований и мероприятий высказывались весьма откровенно. В Сиднее Якубович и Бакли в своем докладе «Мигранты и юридическая система» острокритически трактовали саму социальную систему; то же относится к ученым, занимавшимся условиями работы женщин-иммигранток на заводах Сиднея³³. Одно из наиболее сжатых изложений радикальных взглядов было опубликовано в 1975 г., когда вышла из печати работа Коллинза, проанализировавшего политико-экономические аспекты послевоенной иммиграции. На его работу оказали сильнейшее влияние труды Кастлза и Козака о месте иммигрантов в классовой структуре западноевропейских стран. С этого началась непрерывная дискуссия по проблеме иммиграции в Австралии³⁴.

Лейбористское правительство ответило на растущую критику начала 70-х годов учреждением программ социального обеспечения и поощрением терпимого отношения к этническим различиям. Министр иммиграции А. Дж. Грасби стал откровенным сторонником культурного многообразия и критиком политики приспособления к англосаксонскому конформизму. В 1974 г. в штатах Виктория и Южная Австралия, а в 1975 г. и в штате Новый Южный Уэльс были образованы первые советы этнических общин (ЕСС). Эти организации не исчезли со сменой федерального правительства, а укрепили свои позиции и в последние годы стали положительным примером для других этнических начинаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

До самого недавнего времени публицисты и официальные лица были склонны изображать австралийское общество как однородное и по преимуществу британское. Еще в 1947 г. 97% белого населения страны имело британское происхождение. К 1971 г. британский компонент снизился до 88,3%, но население было все еще на 98% европейским³⁵. На 1976 г. соответствующие данные — 88,1% британцев и 97% европейцев. Но такого рода утверждения имеют определенную идеологическую подоплеку. Аборигены в них не принимаются в расчет, а подчеркивание слова «британский» подкрепляет представление о культурной общности с белыми завоевателями страны. К тому же, поскольку от иммигрантов ожидалось, что они усвоят британско-австралийский образ жизни, подобная политика побуждала австралийцев верить в то, что социальная однородность и возможна, и желательна. Тем самым затемнялась классовая структура австралийского общества.

Англосаксонская гегемония проявлялась и в других областях. Как ни странно, хотя упор на ассимиляцию был очень силен, ни Консультативный совет по вопросам иммиграции, ни Совет по планированию иммиграции не имели сколько-нибудь значительного представительства от этнических групп, и это несмотря на то, что обе организации были созданы именно для иммиграционного (т. е. этнического) планирования. Но, может быть, более серьезное значение имеет неясность юридического статуса иммигрантов. Верховный суд последовательно отличает критерии иммигрантского статуса и гражданства и «специально объявил, что иммигрант и при наличии австралийского гражданства остается иммигрантом и, следовательно, может подлежать депортации»³⁶. До сих пор

³³ *Jakubowicz A., Buckley B.* Migrants and the Legal System. Canberra, 1975; *Cox F. et al.* We Can Not Talk Our Rights — Migrant Women 1975. Sydney, 1975.

³⁴ *Collins J.* The Political Economy of Post-War Immigration; *Birrell R., Hay C.* (eds.) Op. cit.

³⁵ Australia. National Population Inquiry (1975). First Report. V. 1, p. 15.

³⁶ *Bartholomew G.* The Legal Position of Immigrants in Australia. — In: *New Faces/Ed. Stoller A.* Melbourne, 1966, p. 176.

отсутствует ясное и сжатое юридическое определение того, когда иммигрант становится поселенцем («settler») и, следовательно, правительство теряет право его выселить. В настоящее время имеются два противоположных взгляда на этот вопрос: один из них можно сформулировать просто как «иммигрант — всегда иммигрант»; согласно второму, более распространенному взгляду, право государства депортировать иммигранта прекращается, когда он «абсорбирован в общество». Предполагается, что этот процесс занимает около пяти лет, но не существует четкого критерия того, что составляет абсорбцию. Поэтому, если иммигрант приобретает право гражданства, прожив в стране три года, он (или она) потенциально подвержен возможности депортации в течение остающихся двух лет или до тех пор, пока абсорбция не считается завершенной³⁷.

Все же в некоторых других отношениях общественные условия 70-х годов, способствовавшие отходу от ассимиляционной идеологии, принесли иммигрантам ряд облегчений. Поощрение этничности оказало, например, положительное влияние в таких сферах, как преподавание в школах иностранных языков помимо традиционных французского и немецкого и поощрение представителей, выступающих от имени иммигрантов, выражать свои взгляды на разного рода общественные проблемы. Идеология культурного многообразия, возможно, также способствует терпимому отношению к этническим различиям в среде австралийцев и, таким образом, помогает ослабить национально-расовые предубеждения.

Все последствия поощрения этничности правительством и прославления учеными культурного многообразия и плюрализма требуют тщательного рассмотрения. Разумеется, важно предоставить иммигрантам лучшие возможности; приезжие внесли существенный вклад в рост населения и экономики страны, и надо считать с их присутствием и с их голосами. Но в обществе, где этнические деления пересекают классовые границы, неравенство в классовых отношениях продолжает маскироваться подчеркиванием этнических различий. Поэтому структурные причины этнической стратификации и природа связи между классом и этносом остаются в тени. Таким образом, идеология культурного многообразия и плюрализма, как и идеология ассимиляции, несет функцию поддержания классовых отношений в австралийском обществе. Упор на этнос способствует также укреплению традиционализма в иммиграционных общинах. Там, где организации, созданные по этническому признаку, управляют пожилыми мужчинами, это нередко ведет к сохранению неравноправного положения женщин и молодежи.

Не одна Австралия характеризуется подъемом интереса к этничности в последние годы. То же явление наблюдается в континентальной Западной Европе, в Великобритании и в США³⁸. Во всех этих странах послевоенные межгосударственные миграции связаны с передвижением рабочей силы для обслуживания капитала, а также с «обменом мозгами». Поэтому, вероятно, неудивительно, что выросла сходная в идеологическом отношении практика.

Ясно, однако, что теории ассимиляции, культурного многообразия и этничности несут частный характер и игнорируют структурные детерминанты интернационализации рынка труда и соответствующие изменения в процессе накопления капитала. Поэтому, например, предложения о вербовке Австралией рабочей силы в Азии и на островах Океании должны рассматриваться не только в связи с особенностями развития

³⁷ Martin J. I. *The Migrant Presence: Australian Responses*, p. 18.

³⁸ Castles J., Kosack G. Op. cit.; Glazer N., Moynihan D. P. (eds). *Ethnicity: Theory and Experience*. Harvard University Press, 1975.

австралийского капитализма, но и в неменьшей мере в свете интернационализации разделения труда³⁹.

Социальный статус некоторых иммигрантов, уже обосновавшихся в Австралии, связан также со стремлением владельцев капитала автоматизировать процесс труда или размещать промышленные предприятия в странах, где труд дешев, а политические условия относительно устойчивы (например, Тайвань, Гонконг и Южная Корея). Обе эти тенденции имеют важные последствия для австралийцев и иммигрантов низкой квалификации, особенно для занятых в обрабатывающей промышленности или ставших безработными из-за закрытия предприятий.

Об устройстве иммигрантов в Австралии имеется множество превосходных эмпирических исследований. Однако сейчас требуется широкий синтез, построенный на основе недавних исследований положения иммигрантов в структуре классовых обществ⁴⁰. Проблема иммиграции в Австралии всегда была центральной в отношениях между собственниками средств производства и неимущими. В XIX в. ее стержнем была взаимосвязь между землей, трудом и капиталом⁴¹. В XX в., особенно после 1947 г., иммиграция оказалась решающим фактором индустриального развития Австралии. В обоих столетиях споры об иммиграции были областью, в которой выражалась борьба классовых интересов.

В капиталистических обществах производственные отношения в значительной мере определяют классовый опыт индивидуумов, а классовое сознание может быть определено как «способ, которым этот опыт проявляется в культуре: воплощается в традициях, системах ценностей, идеях и общественных институтах»⁴². Поэтому, хотя и важно зафиксировать документально эти традиции, системы ценностей и общественные институты, что и делалось во многих этнографических исследованиях иммигрантов в Австралии, важно вместе с тем социологически изучить структурные отношения, в которых участвуют иммигранты как в стране, так и в международном масштабе. Сосредоточение внимания исключительно на культурных проявлениях поведения иммигрантов отвлекает от изучения детерминантов их общественного положения. При этом природа принимающего общества слишком часто рассматривается как нечто само собой разумеющееся и остается неисследованной.

AUSTRALIAN IMMIGRATION 1947—1979

Since the second world war over three million immigrants have arrived in Australia, and 58% of them have come from non-British sources. The majority have been destined for Australia's working class and many have taken jobs Australians do not want. While economic expansion prevailed the ethnic composition of new settlers created little social tension, and many were upwardly mobile. But by 1975, after the economic crisis in the Western world, and the rise of unemployment in Australia, immigrants expressed their dissatisfaction more frequently, and Australians increasingly criticized immigrants. The change in social conditions from 1947 to the mid-1970s was paralleled by changes in government policy from programmes of assimilation to those promoting multiculturalism. Academic thought also moved away from assimilation theory, and by 1975 had polarized into a conservative and a radical response to immigration. The former includes theories of multiculturalism and pluralism; the latter examines immigration within the context of Australia's class system. The argument of this paper is that neither pluralist nor assimilationist theories explain the relation between ethnicity and class. Instead, they obscure the class nature of Australian society.

³⁹ *Nikolinakos C.* Notes Towards a General Theory of Migration in Late Capitalism.— *Race & Class*. V. XVII, № 1, 1975; *Sivanandan A.* Race, Class and the State.— *Ibidem*, V. XVII, № 4, 1976.

⁴⁰ *Bottomley G.* International Labour Migration and Australian Ethnic Studies.— *Ethnic Studies*, 1977, v. 1, № 2, p. 60.

⁴¹ *Lepervanche de M.* *Op. cit.*

⁴² *Thompson E. P.* *The Making of the English Working Class*. London: Penguin, 1968, p. 9, 10.

Г. Е. Марков

СКОТОВОДЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И КОЧЕВНИЧЕСТВО. ДЕФИНИЦИИ И ТЕРМИНОЛОГИЯ

В литературе неоднократно отмечалась необходимость уточнения и унификации этнографических понятий, а в отдельных случаях и введения новой терминологии¹. Недостаточно разработаны систематика и классификация многих явлений этнографии и истории первобытного общества. Решение этих проблем составляет насущную задачу нашей науки.

Что касается терминологии скотоводства и кочевничества, то здесь дело обстоит особенно неблагоприятно. Достаточно сказать, что отсутствуют общепринятая классификация типов и видов скотоводства и соответствующие дефиниции. Неодинаково понимаются и обозначаются одни и те же виды и формы хозяйственной и социальной жизни скотоводов. Большая часть терминов трактуется авторами различно, и одним термином обозначают разные явления.

Уже предпринимались попытки упорядочения систематики некоторых явлений, связанных со скотоводством, и терминологии, однако значительная часть проблем осталась нерешенной².

Прежде всего следует условиться, что надо понимать под скотоводством и животноводством. В специальной и справочной литературе нет единого определения этих видов хозяйственной деятельности. Так, в Большой Советской Энциклопедии указывается, что животноводство — это «отрасль сельского хозяйства, занимающаяся разведением сельскохозяйственных животных для производства животноводческих продуктов»³. Скотоводство определяется там же как «отрасль животноводства по разведению крупного рогатого скота для получения молока, говядины и кожсырья»⁴.

В исторической и этнографической литературе скотоводство не сводится обычно к разведению крупного рогатого скота как отрасли животноводства, а понимается в качестве самостоятельной формы хозяй-

¹ См., например, *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.

² См., например: *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках.— Географическое общество СССР. Материалы по этнографии. Вып. I. Л., 1961; *Периц А. И.* Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в.— Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 69. М.: Изд-во АН СССР, 1961; *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX в. Алма-Ата: Казгосиздат, 1971; *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев. М.: Наука, 1972; *Марков Г. Е.* Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии.— Сов. этнография, 1973, № 1; *его же.* Кочевники Азии. М.: Изд-во МГУ, 1976; *Симаков Г. Н.* Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов.— Сов. этнография, 1978, № 6; *Курылев В. П.* Опыт типологии скотоводческого хозяйства казахов.— В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979.

³ БСЭ. Т. 9. М., 1972, с. 190.

⁴ БСЭ. Т. 23. М., 1976, с. 523.

ственной деятельности, лежащей в основе определенных хозяйственно-культурных типов⁵.

Следуя за этой традицией, необходимо установить соотношение животноводства и скотоводства с хозяйственно-культурной классификацией.

Представляется, что термин «животноводство» охватывает все формы содержания животных, включая разведение крупного и мелкого рогатого скота и транспортных животных (скотоводство), оленеводство и звероводство. Вследствие этого на основе животноводческого хозяйства существуют многие хозяйственно-культурные типы.

Сложнее обстоит дело с дефиницией понятия «скотоводство» из-за многообразия форм скотоводческого хозяйства. Многие из них исследованы недостаточно, и их изучение продолжается. К тому же отдельные типы скотоводства сильно отличаются друг от друга, и в зависимости от этого наблюдаются принципиальные различия в социальных структурах.

По-видимому, скотоводством следует называть вид хозяйственной деятельности, основанной главным образом на более и менее экстенсивном разведении животных и либо целиком определяющей характер хозяйственно-культурного типа, либо составляющей один из важнейших его признаков.

В целом скотоводство можно рассматривать как форму хозяйства. Но соответственно с тем, является скотоводство основой или только одним из важнейших признаков хозяйственно-культурного типа, а также в зависимости от способа ведения хозяйства и социальной структуры того или иного общества скотоводов, его можно подразделить на два типа, имеющие между собой принципиальные различия. Один из них — «кочевое скотоводство», или «кочевничество»⁶, другой, при котором скотоводческое хозяйство составляет лишь одну из более или менее важных отраслей хозяйства, можно назвать предложенным уже ранее термином «подвижное скотоводство»⁷.

Кочевое скотоводство. Сразу следует подчеркнуть, что это понятие предполагает не только хозяйственную, но и социальную характеристику общества⁸.

Хозяйственную основу кочевого скотоводства (кочевничества) образует экстенсивное пастбищное скотоводство, при котором разведение животных представляет главный вид занятий населения и доставляет основную часть средств существования.

В литературе обычно указывается, что в зависимости от природных условий, политической ситуации и ряда других обстоятельств кочевое скотоводство может бытовать в двух видах: собственно кочевом и полукочевом. Но никаких принципиальных различий между этими видами хозяйства не существует, и на их основе складываются одинаковые социально-экономические отношения, социальные и племенные структуры. Отсутствуют универсальные признаки, по которым можно различать собственно кочевое («чистые» кочевники) и полукочевое хозяйство во всех областях распространения кочевничества. Различия между ними относительны и выявляются только в каждом отдельном, территориаль-

⁵ Так трактуют проблему авторы, перечисленные в сноске 2. В том же смысле употребляли термин «скотоводство» К. Маркс и Ф. Энгельс (см. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8, с. 568; т. 21, с. 161 и др.).

⁶ См. *Марков Г. Е.* Кочевники Азии.

⁷ Там же, с. 281.

⁸ См. *Марков Г. Е.* Кочевничество. — Советская Историческая Энциклопедия. Т. 7. М., 1965; *его же.* Кочевничество. — БСЭ, т. 13, М., 1973; *его же.* Кочевники Азии.

В настоящей статье не рассматриваются весьма специфические проблемы оленеводства. К тому же большая часть оленеводов не может быть отнесена к числу кочевников, так как основные средства существования они добывают посредством охоты и некоторых других видов занятий, тогда как олень служит им главным образом транспортным средством.

но ограниченном регионе. Таким образом, «полукочевое хозяйство» представляет лишь один из подтипов кочевничества.

В самом общем виде можно сказать, что при собственно кочевом скотоводстве пастбищное хозяйство ведется в подвижной форме, и амплитуда кочевания значительна для данных условий. Прimitивное мотыжное земледелие при этом или вовсе отсутствует, что встречается, впрочем, в исключительных случаях, или играет сравнительно небольшую роль в общем хозяйственном комплексе. Однако разведение животных никогда не составляло единственного занятия кочевников, и в зависимости от исторических условий, природной среды и политической обстановки средства существования доставляли также охота, военный промысел, сопровождение караванов, торговля.

В качестве примера «чистых» кочевников, не занимавшихся в прошлом земледелием, можно назвать бедуинов-верблюдоводов Центральной Аравии, некоторые группы казахов. Подавляющая же часть кочевников занималась в тех или иных размерах примитивным мотыжным земледелием.

Полукочевой подтип кочевнического хозяйства также основывается на экстенсивном пастбищном скотоводстве и, как уже говорилось, в принципе мало отличается от кочевого. Несколько меньше его подвижность. Большее место в хозяйстве занимают разного рода вспомогательные виды деятельности, прежде всего земледелие.

Амплитуда кочевания не может рассматриваться как решающий признак при отнесении той или иной разновидности скотоводческого хозяйства к кочевому или полукочевому подтипу. Дальность перекочевков — явление относительное, оно не представляет собой универсального критерия и специфично для определенных природных условий, политической ситуации.

В такой же мере в разных областях и в разные эпохи различалось распространение земледелия у кочевников и полукочевников. Некоторую разницу удастся обнаружить между кочевниками и полукочевниками в видах и породах их скота. У кочевников обычно больше транспортных животных, чем у полукочевников. На юге в пустынях особое значение для кочевников имеет верблюдоводство, на севере — коневодство, как следствие тебеновочной (зимней, подснежной) системы выпаса скота. В новое время коневодство приобретает товарное значение.

У полукочевников и кочевников степей распространено разведение главным образом мелкого рогатого скота, а также транспортных животных.

Высказывались мнения, что существенным признаком при определении вида кочевнического хозяйства у степных номадов является наличие или отсутствие зимников с долговременными постройками⁹. Однако здесь имеется столько локальных вариантов, что этот признак не может считаться универсальным критерием.

Определенные различия существуют в экономике (степень товарности, доходности и т. п.) кочевого и полукочевого хозяйства, но этот вопрос исследован недостаточно¹⁰.

Наконец, встречаются утверждения, будто полукочевое хозяйство — лишь переходный этап от кочевания к оседлости. В столь генерализованном виде эта точка зрения противоречит фактам. Полукочевое хозяйство существовало в определенных условиях наряду с кочевым в течение всей истории кочевничества, т. е. около 3 тыс. лет. Известно немало примеров, когда кочевники, минуя стадию полукочевничества, непосредственно переходили к оседлости, как, например, часть казахов и

⁹ См. Вайнштейн С. И. Указ. раб.

¹⁰ Так, одна из немногих работ, специально посвященных этой проблеме, была опубликована в 1930 г. (Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930).

бедуинов в первые два десятилетия нашего века. И только в отдельных областях по мере интенсивного разложения кочевничества с конца XIX в. наблюдался как частное явление переход кочевников сначала к полукочевому, а затем к полуседлому и оседлому образу жизни.

Из сказанного видно, что кочевой и полукочевой подтипы скотоводческого кочевнического хозяйства составляют основу одного хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов.

Необходимо подчеркнуть, что многие признаки кочевого и особенно полукочевого хозяйства характерны не только для кочевничества, но и для других типов скотоводства. Из этого следует, что выделить кочевое скотоводство как самостоятельный хозяйственно-культурный тип, а также, по выражению К. Маркса, способ производства¹¹ только по облику хозяйственной деятельности довольно трудно. Кочевничество — значительное историческое явление, сущность которого заключается не просто в способе ведения хозяйства, а прежде всего в наличии специфического комплекса социально-экономических отношений, племенной общественной организации, политической структуры.

Как уже отмечалось, главным способом добывания жизненных благ в условиях кочевничества является экстенсивное пастбищное скотоводство с сезонными перекочевками. Образ жизни кочевников характеризовался чередованием войн и периодов относительного затишья. Кочевничество сложилось в ходе очередного крупного разделения труда. На экстенсивной хозяйственной базе возникли своеобразные социальная структура, общественная организация, институты власти.

В связи с важностью проблемы необходимо пояснить, что понимается здесь под «экстенсивностью» хозяйства и своеобразием социальной организации.

Экстенсивностью характеризуется экономика обществ, добывающих средства существования посредством присваивающего или примитивного производящего хозяйства. Так, хозяйство охотников, рыболовов и собирателей развивается только вширь, количественно. Качественные изменения следуют лишь вследствие смены хозяйственного базиса — при переходе к земледелию и иным отраслям интенсивной экономики. Соответственно обстоит дело и с социальными отношениями. Происходящие в них количественные изменения не приводят в обществах с присваивающей экономикой к сложению развитых классовых отношений и государства.

В отличие от охоты, рыболовства, собирательства, кочевое скотоводство представляет собой ветвь производящего хозяйства. Однако в силу специфики хозяйственной деятельности оно также экстенсивно. По естественным причинам поголовье скота может увеличиваться только в ограниченных размерах, а вследствие разного рода катастроф часто сокращается. Не происходит существенного улучшения видового и породного состава стад — это невозможно в суровых условиях кочевого хозяйства. Крайне медленно развиваются технология производства и совершенствование орудий труда¹². Экстенсивно отношение кочевника к земле. «Присваивается и воспроизводится здесь на самом деле только стадо, а не земля, которую, однако, на каждом месте стоянки временно используют *сообща*»¹³.

¹¹ Так, К. Маркс пишет о кочевниках: «То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8, с. 568). В другой работе Маркс указывал, что «монголы при опустошении России действовали сообразно с их способом производства...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12, с. 724). О «примитивном способе производства» у «варварского народа» говорится в «Немецкой идеологии» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3, с. 21).

¹² Ср. Толыбеков С. Е. Указ. раб., с. 50 и сл.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. I, с. 480.

По мере сложения кочевого скотоводства как самостоятельного хозяйственно-культурного типа появились новые формы хозяйства и материальной культуры. Были выведены новые породы скота, приспособленные к трудным условиям кочевой жизни, освоены обширные пространства пастбищ. Усовершенствованы или изобретены новые виды вооружения и одежды, транспортных средств (конское снаряжение для верховой езды, повозки — «дома на колесах») и многое другое, в том числе разборные кочевые жилища. Эти нововведения были немалыми достижениями. Однако возникновение кочевого скотоводства не означало существенного прогресса в экономике в сравнении с уровнем комплексного хозяйства предшествовавших кочевникам племен горно-степной бронзы. Дело обстояло скорее наоборот. Со временем кочевниками были утеряны металлургия, гончарство и многие домашние производства. Сократился объем земледелия. Следствиями этих явлений стали ограничение разделения труда, усиление экстенсивности экономики, ее застойность¹⁴.

Выше отмечалось, что определение кочевого скотоводства как специфического социально-экономического явления основывается не только на характере хозяйственной деятельности, а в еще большей степени на особенностях социальной структуры и племенной общественной организации.

Первобытные отношения разложились у кочевников уже в ходе их выделения из среды прочих варваров, и сформировались общества, дифференцированные в имущественном и социальном отношениях. Развитые же классовые отношения у кочевников не могли сложиться, так как их возникновение было неизбежно связано с переходом к интенсивным занятиям, оседлости, т. е. с распадом кочевого общества.

Экстенсивность экономики вела к застойности социальных отношений. Вместе с тем на всех этапах истории кочевники находились в многообразных, более или менее тесных контактах с оседлыми народами, что сказывалось на формах социальной и политической структуры.

При всем многообразии взаимоотношений кочевников и оседлых земледельцев их можно свести к четырем главным видам: а) интенсивные разносторонние взаимоотношения с оседлыми соседями; б) относительная изоляция кочевников, в условиях которой их связи с оседлыми земледельцами имели спорадический характер; в) подчинение кочевниками земледельческих народов; г) подчинение кочевников земледельческими народами.

Во всех четырех видах взаимоотношений социальная организация кочевников оказывалась довольно устойчивой, если скотоводы попадали в сферу влияния или взаимосвязь с обществом не достигшим капиталистического уровня развития.

Иначе обстояло дело, когда на кочевников оказывали воздействие общества с развитыми капиталистическими отношениями. Тогда значительно усиливалось имущественное и социальное расслоение, что приводило к складыванию развитых классовых отношений и разложению кочевничества.

¹⁴ По возможностям социально-экономического развития кочевое скотоводство принципиально отличается даже от наиболее экстенсивных видов земледелия. Последнее, развиваясь количественно, переходит затем в новое качественное состояние, становится основой интенсивной экономики и сложения нового способа производства. Примеры тому — развитие обществ древних земледельцев, создавших первые в мире цивилизации; развитие многих тропических народов от уровня первобытного земледелия до классовых обществ. Что касается кочевничества, то нет данных о переходе скотоводческого хозяйства из одного качественного состояния в другое, превращения его в интенсивную отрасль занятий, и о соответствующих социальных процессах. В связи с этим переход в новое качественное состояние мог произойти только после разложения кочевничества. Эту точку зрения высказывали и многие другие авторы. См., например, *Вайнштейн С. И.* Указ. раб.; *Толыбеков С. Е.* Указ. раб. О хозяйстве племен горно-степной бронзы см. *Марков Г. Е.* Кочевники Азии, с. 12 и сл.

В зависимости от политических и военных условий общественные отношения кочевников могли быть военно-демократическими или патриархальными, но в любом случае они включали одновременно элементы рабовладельческого, феодального, капиталистического и других укладов, т. е. были многоукладными. Многоукладность вызывалась как экстенсивностью хозяйственной и социальной структуры, так и влиянием соседних земледельческих государств¹⁵. К. Маркс писал: «Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, условий или классов — словом, определенное гражданское общество»¹⁶.

В связи с рассмотренными дефинициями необходимо остановиться на некоторых аспектах социальной терминологии.

Контакты кочевников с обитателями оазисов вели к значительным культурным взаимовлияниям. Представители господствующих слоев кочевых обществ стремились обладать изделиями городских ремесленников, особенно предметами роскоши; принимали пышные титулы правителей земледельческих государств: хан, хаган и пр. Эта социальная терминология получала широкое распространение, так как рядовые кочевники считали, что при сношениях с оседлыми соседями она повышает престиж народа в целом¹⁷.

Однако как предводители кочевников, так и рядовые скотоводы понимали содержание этой социальной терминологии совершенно иначе, чем оседлые земледельцы, а именно в привычном для себя военно-демократическом или патриархальном смысле. Это обстоятельство заставляет очень осторожно относиться к интерпретациям общественного строя кочевников на основе их социальной терминологии, заимствованной ими у земледельческих народов. То же надо сказать и о сообщениях древних и средневековых источников о «царях», «королях», «князьях» и пр. у кочевников. Эти источники подходили к оценкам кочевых скотоводов и их общественных порядков со своими мерками, с позиций привычных и понятных им социальных отношений в земледельческих государствах.

Характерный пример условности кочевнической терминологии — титулы казахских ханов и султанов, которых авторитетный источник называл «мнимыми начальниками», что подтверждали и многие другие авторы¹⁸. Широко распространена в литературе произвольная интерпретация монгольского термина «нойон» как «князь». Экстраполяция отношений западноевропейского феодализма на кочевников получила большое распространение после появления известной работы Б. Я. Владимирцова, многие выводы которого основаны на произвольном переводе и толковании монгольских терминов¹⁹.

Господствующий слой кочевников состоял в принципе из четырех социальных групп: военных предводителей разного рода, старейшин, духовенства, богатейших владельцев стад.

О существовании общественной племенной организации кочевых обществ уже приходилось писать²⁰. Но проблема терминологии остается еще мало разработанной.

¹⁵ См. Марков Г. Е. Кочевники Азии, с. 307, 308.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27, с. 402.

¹⁷ Наглядный пример тому — взаимоотношения рядовых бедуинов и их вождей (см. Марков Г. Е. Кочевники Азии, с. 262).

¹⁸ См. Рычков Н. П. Дневные записки путешественника капитана Н. Рычкова в киргиз-кайсацкие степи в 1771 г. СПб., 1772, с. 20. О сообщениях других авторов см. Марков Г. Е. Кочевники Азии, гл. II—V.

¹⁹ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. М.—Л., 1934. Критику взглядов Б. Я. Владимирцова см.: Толыбеков С. Е. Указ. раб.; Марков Г. Е. Кочевники Азии, и др. О недопустимости такого рода экстраполяций писал в свое время Маркс (Маркс К. Конспект книги Льюиса Моргана «Древнее общество». — Архив Маркса и Энгельса, т. IX, с. 49).

²⁰ См. Марков Г. Е. Кочевники Азии, с. 309 и сл., и др.

Рассматриваемый вопрос распадается на две самостоятельные проблемы: 1) принципы племенной организации и возможность введения единой терминологии для всех ее ступеней; 2) собственно терминология.

Что касается первой проблемы, то создать единую терминологию для кочевой организации в целом, очевидно, невозможно, так как ее структура различна у всех кочевых народов, хотя существо ее и одинаково.

Между формой и содержанием этой структуры есть противоречие. Формально в ее основе лежит генеалогический патриархальный принцип, согласно которому каждая кочевая группа и объединение рассматриваются как следствие разрастания первичной семьи. Но в действительности развитие кочевой общественной организации происходило исторически, и за исключением самых мелких кочевых групп кровное родство отсутствовало.

Генеалогическое «родство» и вымышленное представление о «единстве происхождения» выступали как идеологические формы осознания реально существовавших военно-политических, хозяйственных, этнических и других связей.

Следствием отмеченного противоречия было то, что устные и письменные генеалогии племенной структуры не совпадали с реальной номенклатурой общественной организации.

Что касается второй проблемы—терминов, то немалая их часть неудачна. Они либо связаны с характеристикой обществ, стоящих на уровне первобытнообщинного развития, либо неопределенны. Зачастую одним термином обозначают самые различные элементы общественной организации или, наоборот, к сходным ячейкам общественной структуры применяются разные термины.

Наиболее неудачными терминами, употребляемыми в связи с общественной организацией кочевников, являются «род», «родо-племенная организация», «родо-племенной строй», «родо-племенные отношения». Нередко эти термины как бы фетишизируются, и в обозначаемых ими явлениях пытаются найти (и порой «находят») пережитки первобытнообщинного строя.

«Первобытно» звучание и термина «племя». Но племена существовали как в первобытности, так и в пору сложения классовых обществ (например, племена германцев в «дофеодальный период») ²¹. Кроме того, этот термин получил в литературе самое широкое распространение и не имеет эквивалента. А так как вводить новые термины без крайней нужды нецелесообразно, то с соответствующими оговорками подразделения общественной организации кочевников можно обозначать термином «племя» и в дальнейшем.

Обычно неудачны попытки введения в качестве терминов русских переводов местных названий, например «кость» (алтайское «сеок» и др.), понятных на языке народа, но бессмысленных в переводе.

Во многих случаях целесообразно употребление без перевода терминов, используемых самими кочевниками, что лучше передает специфику их содержания (например, туркменское «тире», представляется более удачным, чем такое универсальное, но близкое понятие, как «племенное подразделение»).

Принципы и структура общественной организации кочевников уже рассматривались в литературе ²². Поэтому следует только еще раз подчеркнуть, что эта структура видоизменялась в зависимости от «военно-кочевое» или «общинно-кочевое» состояния, в котором находилось кочевое общество. Соответственно менялось количество ступеней в общественной структуре, их соподчиненность. В определенных случаях па-

²¹ См. *Неусыхин А. И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному.— *Вопросы истории*, 1967, № 1.

²² См. *Марков Г. Е.* Кочевники Азии, с. 310 и сл.

раллельно и в тесной связи с племенной возникала военная организация, основанная на десятичном принципе. Пример тому — десятки, сотни, тысячи и т. д. монгольского войска. Но существовала эта военная структура на племенной основе, а последняя состояла из кочевых общин, больших и малых семей. К. Маркс писал по этому поводу: «У кочевых пастушеских племен община фактически всегда собрана воедино; это — общество совместно путешествующих людей, караван, орда, и формы субординации развиваются здесь из условий этого образа жизни»²³.

Высшую форму общественной организации кочевников составляет «народ» (ср. тюрское «халк»), как более или менее сложившаяся этническая общность, народность.

Так называемые «кочевые империи» являлись временными и эфемерными военными объединениями, не имели собственной социально-экономической базы и существовали лишь до тех пор, пока продолжалась военная экспансия кочевников.

«Кочевой народ» далеко не всегда представлял собой единый этносоциальный организм, и отдельные его части бывали чаще всего разобщены территориально, экономически и политически.

«Кочевой народ» составляют племена, обладающие обычно этническим самоназванием, спецификой этнического состава, культурных черт, диалектальными особенностями. Только в отдельных случаях племена выступают как единое целое, что зависело главным образом от политической ситуации.

Племена включают, в свою очередь, крупные и мелкие племенные подразделения, составляющие племенную иерархическую структуру. Эта структура различна у разных «народов», племен, а часто и у соседних племенных подразделений.

Рассмотренная модель племенной структуры лишь приблизительно и не исчерпывает всего разнообразия общественной организации у разных народов и племен. Она более или менее соответствует структуре племенной организации монголов, туркмен, арабов и некоторых других кочевых народов. Но уже система казахских жузов в эту схему не укладывается, так как представляет собой пережиточную политическую структуру.

При анализе общественной структуры кочевников следует строго различать ее элементы, связанные с генеалогически-племенной, хозяйственной, военной, политической и прочими организациями. Только такой подход позволяет выявить существо общественных связей и характер общественной организации.

Подвижное скотоводство. Значительно сложнее обстоит дело с дефиницией понятия «подвижное скотоводство», с выявлением и классификацией его видов, разработкой соответствующей терминологии. Число разновидностей подвижного скотоводства довольно велико, и между ними существуют в хозяйственном и социальном отношениях значительные различия. Это усложняет проблему и при ее нынешней изученности позволяет высказать лишь предварительные соображения и только по отдельным ее аспектам²⁴.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 46, ч. I, с. 480.

²⁴ По рассматриваемой проблеме существует обширная отечественная и зарубежная литература. Перечислять все работы нет ни возможности, ни необходимости. Поэтому отметим только те, в которых особое внимание уделяется теоретическим вопросам. См.: Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства и быт населения в армянской деревне (вторая половина XIX — начало XX в.) — Сов. этнография, 1968, № 4; его же. К изучению форм скотоводства у народов Закавказья. — В кн.: Хозяйство и материальная культура Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1971; его же. Формы скотоводства в Восточной Армении (вторая половина XIX — начало XX в.). — Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования. Вып. 6. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1974; Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1979, и мн. др. его публикации. Отдельные проблемы рассматриваются в работах: Исмаил-Заде Д. И. Из истории кочевого хо-

Рассматриваемая проблема далеко еще не решена, не выяснены отдельные детали, неубедительны обобщения. И прежде всего стоит вопрос: правомерно ли все виды скотоводческого хозяйства, не относящиеся ни к кочевому скотоводству, ни к стойловому животноводству, свести в один тип? При существующей изученности материала сегодня, очевидно, его нельзя решить. Поэтому, принимая все эти формы скотоводческого хозяйства чисто условно за один тип, мы не исключаем возможности дальнейшего совершенствования типологии. Соответственно с решением этого вопроса виды подвижного скотоводства должны включаться в один или несколько хозяйственно-культурных типов.

Говоря о подвижном скотоводстве, следует прежде всего отметить разнообразие природных условий, исторических традиций, социальных и политических систем, в которых существуют разные его виды. Пример тому — Кавказ, Карпаты, Альпы и другие области распространения подвижного скотоводства. К тому же и в пределах одного региона в разных местностях известны разнообразные виды этого типа хозяйства. Особенно показателен пример Кавказа, где бытуют разные виды скотоводства в Грузии, Армении, Азербайджане, на Северном Кавказе.

При этом особенно сильные различия между разными видами подвижного скотоводства наблюдаются не только в чисто хозяйственной сфере, в формах ведения хозяйства, но и в социальных условиях и общественной организации. Достаточно сопоставить патриархальные и патриархально-феодальные отношения у многих скотоводов Кавказа в прошлом и развитые капиталистические отношения у альпийских скотоводов Швейцарии. Кстати, это обстоятельство наводит на мысль о необходимости выделения разных типов подвижного скотоводства.

Следует подчеркнуть наличие принципиальных различий в закономерностях возникновения и развития социальной и общественно-племенной организации у кочевых и подвижных скотоводов. У кочевников общественные отношения, как и племенная общественная организация, складываются на основе их экстенсивного социально-экономического базиса. У подвижных скотоводов общественные отношения определяются социальным строем их соседей-земледельцев, хотя и отличаются некоторой патриархальностью. Соответствующие формы имеет и общественная организация. Племенная структура отсутствует у подвижных скотоводов. Таким образом, в политическом и социальном отношении подвижные скотоводы не представляют собой самостоятельных и независимых от земледельцев этносоциальных организмов, этнических общностей, общественных и политических образований.

Как отмечалось выше, сегодня еще нельзя дать всеобъемлющую дефиницию понятию «подвижное скотоводство», тем более что, по-видимому, это вообще не один тип, а несколько типов. Поэтому, не претендуя на универсальность и законченность определения, можно только предварительно сформулировать существо рассматриваемого типа (или типов).

Представляется, что понятие «подвижное скотоводство» охватывает совокупность весьма разнообразных видов экстенсивного и интенсивно-

зяйства Азербайджана первой половины XIX в.— Исторические записки АН СССР, 1960, т. 66; *ее же*. Кочевое хозяйство в системе колониального управления и аграрной политики царизма в Азербайджане в XIX в.— Сб. Исторического музея. Вып. V. Баку, 1962; *Бжания Ц. Н.* Из истории хозяйства абхазов. Сухуми: Машара, 1962; *Галоева З. Д.* Скотоводство в прошлом у осетин.— Материалы по этнографии Грузии. Т. XII—XIII. Тбилиси, Изд-во АН ГрузССР, 1963; *Зафесов А. Х.* Животноводческое хозяйство в Адыгее.— Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. истор. наук. Майкоп: Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГрузССР, 1967; *Гамкрелидзе Б. В.* Система скотоводства в горной полосе Северной Осетии.— Вестник ГССР, 1975, № 3. Из зарубежных работ можно назвать: *Boesch H.* Nomadism, Transhumans und Alpwirtschaft — Die Alpen, 1951, v. XXVII; *Xavier de Planhol.* Vie pastorale Caucasienne et vie pastorale Anatolienne.— Revue de géographie Alpine, 1956, v. XLIV, № 2; Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Ethnographische Studien. Budapest, 1969.

го скотоводческого хозяйства, которое доставляет основные средства существования и ведется с помощью перегона или отгона скота на пастбища (от круглогодичного содержания на пастбищах до разных форм отгонного полуседлого хозяйства). В зависимости от вида подвижного скотоводства разводится мелкий и крупный рогатый скот, транспортные животные.

Различие между подвижным скотоводством и оседлым животноводством земледельцев состоит в том, что если для скотоводов разведение скота является главным, хотя и не единственным занятием, то для земледельцев животноводство представляет собой вспомогательную отрасль земледельческого сельского хозяйства. Животноводы, как уже упоминалось, разводят также свиней и птицу.

Из сказанного можно сделать вывод, что в условном понятии «подвижное скотоводство» существенны не только характеристика его конкретного содержания, но и его различия с кочевым скотоводством и животноводством земледельцев. Установление полной типологии подвижного скотоводства дело, очевидно, будущего.

В связи с терминологией необходимо отметить, — и к этому вопросу еще придется ниже вернуться, — что для избежания путаницы, когда одним термином называют принципиально разные явления, не следует применять к видам подвижного скотоводства термины «кочевничество», «кочевое скотоводство», «перекочевки» и т. п. О глубоких социальных различиях между кочевым и подвижным скотоводством говорилось уже достаточно, и, думается, подобное терминологическое разграничение совершенно необходимо. При этом вместо термина «кочевание» можно пользоваться понятиями «отгон», «перегон» и т. п. Очевидно, здесь должен быть довольно широкий набор терминов, так как характер сезонных перемещений стад очень различен и колеблется в широких пределах — от перегона скота на дальние расстояния, что по форме напоминает кочевничество, до отгонных и стационарных форм.

Удачные попытки классификации и определения видов типа хозяйства, называемого здесь «подвижным скотоводством», были предприняты советскими авторами, и в частности Ю. И. Мкртумяном и В. М. Шамиладзе. Однако по некоторым теоретическим положениям эти авторы не согласны между собой, что свидетельствует о дискуссионности проблемы²⁵.

Основываясь на литературе и своих исследованиях, В. М. Шамиладзе выделяет несколько видов скотоводства: «альпийское» («горное»), «трансюманс» («трансгуманс»), «кочевое» и «равнинное».

Альпийское хозяйство определяется им как «хозяйственно-географическая общность расположенных на определенной высоте летних пастбищ и основных земледельческих поселений с зимним стойловым кормлением скота; движение стад и обслуживающего персонала от поселения к пастбищам и обратно; зональный характер альпийского скотоводства, его сезонность и хозяйственно-организационная зависимость от основных поселений»²⁶. При альпийском скотоводстве в горы поднимается только часть населения, остальные занимаются земледелием, заготавливают корм скоту на зиму и т. п.

Трансюманс (трансгуманс) тот же автор рассматривает как переходную ступень от альпийского к кочевому скотоводству. Согласно его точке зрения, трансюманс представляет собой «постоянное движение стада и обслуживающего его персонала от зимних к весенне-осенним и летним пастбищам и обратно, во время которого у основных земледельческих поселений, территориально исключенных из годового цикла ухо-

²⁵ См., например, *Шамиладзе В. М.* Указ. раб., с. 53 и сл.

²⁶ Там же, с. 43.

да за скотом, сохраняются хозяйственно-экономические и организационные функции ведения скотоводства»²⁷.

Оба определения не вызывают возражений, за исключением того, что в них отсутствует характеристика социальных функций и отношений, складывающихся при данной форме хозяйства.

Относительно термина «кочевничество» применительно к рассматриваемому типу хозяйства уже говорилось. Но представляется неудовлетворительным и само определение кочевничества, даваемое В. М. Шамиладзе. Он пишет, что нomaдизм (кочевничество) — это «кочевой образ жизни населения и ведение им соответствующей формы хозяйства, которое исключало ведение других отраслей хозяйства в условиях оседлости»²⁸.

Очевидно, данное определение более или менее подходит к тому виду горного скотоводства, которое называется им и рядом других авторов «кочевым». Но, во-первых, оно не дает достаточно ясного разграничения с тем, что понимается под «трансюмансом», да и признаки, которые кладутся в основу характеристик этих двух видов хозяйства, типологически различны. Во-вторых, нет главного: характеристики социальных отношений и социальной структуры групп населения, определяемых как «кочевники». Наконец, не учитываются те принципиальные различия, которые существуют между действительными кочевыми скотоводами в социально-экономических отношениях, общественной и политической структуре и теми группами горных скотоводов, которые называются «кочевниками».

Из работ исследователей кавказского горного скотоводства следует, что группы скотоводов, называемые «кочевниками», не представляют собой самостоятельных этносоциальных организмов, этнических общностей, не образуют самостоятельных общественных и политических структур, а органически входят в общества земледельцев, хотя хозяйственно, вследствие условий разделения труда, несколько от них обособлены.

Для полноты картины следует отметить, что в истории известны случаи, когда кочевники и земледельцы имели единую общественную организацию и единую политическую и административную структуру. Пример такого рода — туркмены кочевники и земледельцы в Южном Туркменистане от начала XIX в. и до времени присоединения Закаспийских областей к России. Однако это явление особого рода, и существо заключалось не в том, что кочевники оказались интегрированными оседлыми земледельцами, а в том, что последние еще продолжали сохранять традиционную племенную структуру общественной организации и осуществляли соответственно ей свое землепользование. К тому же кочевничество в этих условиях интенсивно разлагалось и превращалось в отрасль оазисного комплексного земледельческо-животноводческого хозяйства²⁹. Аналогичная ситуация сложилась в XIX и XX вв. у курдов в Иране, Турции и Ираке, у некоторых групп бедуинов и у многих других кочевых народов. Такого рода явление было свойственно эпохе быстрого разложения кочевничества и оседания скотоводов на землю, особенно эпохе капитализма. Ничего подобного в большей части скотоводческих областей Кавказа не наблюдалось, и единственными кочевыми скотоводами в этом регионе были караногайцы.

В отличие от кочевого скотоводства, обладавшего рассмотренными выше социально-экономическими, племенными и этническими особенностями, подвижное скотоводство, как ветвь комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства, не только не разлагалось под воздействием капиталистических отношений, а, наоборот, развивалось, становилось более интенсивным и товарным. Вследствие этого различны судь-

²⁷ Там же, с. 46.

²⁸ Там же, с. 47.

²⁹ См. König W. Die Achał-Teke, Berlin, 1962.

бы кочевого и подвижного скотоводства в условиях социализма³⁰. Первое полностью разложилось и исчезло еще в ходе коллективизации, превратившись в перегонное и отгонное хозяйство. Второе получило развитие в рамках современного специализированного механизированного оседлого скотоводческого хозяйства.

Если оставить в стороне термин «кочевничество», то можно считать, что В. М. Шамиладзе дал весьма убедительную классификацию подвижного грузинского скотоводства, которую можно с известными дополнениями распространить и на другие области бытования подвижного скотоводства.

Согласно этой классификации рассматриваемый тип скотоводства представлен несколькими видами и подвидами. Это вид «горного» скотоводства с подвидами: «отгонный» и «внутриальпийский»; вид «трансгуманс» («трансгуманс») с подвидами «восходящий», «промежуточный» и «нисходящий»; вид «кочевой» («перегонный») с подвидами «вертикально-зональный» и «полукочевой» («отгонный») и, наконец, вид «равнинного» скотоводства с подвидами «экстенсивное шалашное хозяйство» и «подсобное скотоводство»³¹. Надо полагать, что в данной классификации не хватает только одного широко известного из литературы вида подвижного скотоводства — «полuosедлого скотоводства».

* * *

Проблемы дефиниций и терминологии не исчерпываются рассмотренными вопросами. Более детально надо исследовать социальную терминологию, термины и определения, касающиеся различных скотоводческих занятий. Необходимо усовершенствовать классификацию способов и приемов кочевания. Все эти серьезные и важные проблемы нуждаются в специальном обсуждении.

ANIMAL HUSBANDRY AND NOMADISM. DEFINITIONS AND TERMINOLOGY

The study of peoples engaged in animal husbandry has made considerable progress in recent years. However, there are still no universally recognized definitions of the various types and forms of animal husbandry, no general classification; terms are applied loosely.

In the view of the author, pastoralism (*skotovodstvo*) and animal tending (*zhivotnovodstvo*) represent two types of animal husbandry (*skotovodcheskoye khozyaystvo*). The former is a more or less independent field of economy, while the latter is the cattle-breeding branch of an agricultural economy based on plant cultivation.

Pastoralism comprises various forms, primarily nomadic (including its semi-nomadic sub-group) and mobile pastoralism (also comprising a number of sub-groups). Nomads subsist mainly by extensive pastoral cattle grazing; they form independent ethnosocial organisms (ESO) possessing tribal organization, each having its own specific social-economic relations.

Mobile pastoral groups in their economic activity often resemble the nomads but form a part of the ESO of plant cultivating agriculturalists and do not possess a tribal organization.

Crop cultivators practise animal husbandry in the form of transhumance and in the form of stall maintenance of animals.

Owing to the plurality of subgroups of mobile pastoralism and animal tending their classification and terminology require further elaboration.

³⁰ См. Марков Г. Е. Оседание кочевников и формирование у них территориальных общностей. — В кн.: Расы и народы. Вып. 4. М.: Наука, 1974.

³¹ Шамиладзе В. М. Указ. раб., с. 60, 61.

Ю. В. Иванова

ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ (на примере албанских поселений на юге Украины в XIX—XX вв.)

Албанские поселения возникли в России в начале и середине XIX в. в местах, которые ныне входят в Одесскую и Запорожскую области УССР.

В первые десятилетия XIX в. в Бессарабии сформировалось население, очень разнообразное по этническому составу и культуре. Прутско-Днестровское междуречье вошло в состав России по Бухарестскому мирному договору 1812 г. В целях хозяйственного освоения малозаселенной южной части Бессарабии (Буджак) русская администрация направила туда поток иммиграции.

Однако регион заселялся не только планомерно, но и стихийно — беженцами. Среди переселенцев обеих категорий были мигранты различной этнической принадлежности, и в том числе русские — крестьяне из центральных районов России¹. В числе беженцев — выходцы с Балканского полуострова — христиане из областей, принадлежавших Османской империи, — раяты. Спасаясь от турецкой администрации, эти неполноправные подданные султана уходили в Прутско-Днестровское междуречье начиная с последней трети XVIII в. Наиболее массовое переселение происходило в разгар Русско-турецких войн — в 1811 г. и 1829 гг.²

Мигранты пополнили население Буджака, чрезвычайно разнообразное по этнической принадлежности: здесь жили молдаване, ранее прибывшие болгары, греки, украинцы и русские, а также немецкие колонисты, переселенные из Варшавского герцогства в 1814—1817 гг.³

После 1812 г. в Буджаке среди многих этнических групп численно преобладали молдаване, хотя они и не составляли абсолютного большинства населения⁴.

Мигрантов из-за рубежа размещали на правах так называемых «иностранных колонистов». При условии перехода в русское подданст-

¹ Кишиневские епархиальные ведомости (далее — КЕВ), 1878, № 4, с. 165—170.

² Кабузан В. М. Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья (конец XVIII — первая половина XX в.). Кишинев: Штиинца, 1974, с. 24, 44, 45; История на град Толбухин. София, 1968, с. 45; Центральный Государственный архив Молдавской ССР (далее — ЦГА МССР), ф. 5, оп. 3, д. 244; ф. 134, оп. 3, д. 2, 4, 18, 22, 26—33, 36—38, 44, 45, 49, 52.

³ Кабузан В. М. Указ. раб., с. 24—29, там же см. ссылки на документы.

⁴ Там же, с. 28.

во им предоставлялись большие земельные наделы, денежные ссуды и некоторые правовые льготы⁵.

Из болгарских земель в Бессарабию переселились болгары, гагаузы и албанцы. Их называли «задунайские переселенцы». Среди них численно преобладали болгары⁶. Переселенцы не сразу прочно оседали на новых землях: отдельные группы в поисках лучших условий переходили с места на место, некоторые из них возвращались обратно за Дунай⁷. Надо полагать, что выходцы из различных районов Болгарии сильно перемешались при этих передвижках. Задунайские переселенцы длительное время сохраняли диалектальные различия, но в их среде постепенно сложились общие формы культуры и быта⁸. Административным и торгово-ремесленным центром болгарских колоний стал город Болград. Гагаузы расселились преимущественно севернее его, а в окрестностях Болграда (к югу, юго-востоку и северо-востоку от него) болгарские и гагаузские села располагались чересполосно, были и села со смешанным населением.

Наименьшей по численности среди задунайских колонистов была группа албанцев — выходцев из восточной Болгарии. Известно, что с конца XV в. до начала XIX в. некоторые группы албанцев переселялись на восток, в болгарские земли⁹. Топонимика современной Болгарии хранит следы албанских поселений. На юго-востоке этой страны есть албаноязычное село Мандрица, в пределах современной Турции, в окрестностях Эдирне, — еще несколько¹⁰. В начале XIX в. вместе с потоком болгарских переселенцев в пределы России прибыли албанцы из с. Девни, расположенного близ Варны, и из-под г. Сливены¹¹.

В Буджаке албанцы поселились в с. Каракурт (ныне с. Жовтнево Одесской обл. УССР), где до сих пор составляют основное население. К ним присоединились болгары и гагаузы¹². Тенденции этнического развития этих трех этнических групп, живущих полтора столетия в одном населенном пункте, представляют несомненный интерес¹³.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее ПСЗ, I), т. 36, № 28054; *Дружинина Е. И.* Южная Украина в 1800—1825 гг. М.: Наука, 1970, с. 110—116, 258—262; *Клаус А.* Наши колонии. СПб., 1869, с. 243, 357, 365. Документы по этому вопросу, хранящиеся в различных архивах СССР, опубликованы в кн.: *История Молдавии. Документы и материалы.* Т. II. Устройство задунайских переселенцев и деятельность А. П. Юшневского. Под ред. *Черепнина Л. В.* Кишинев: Школа советика, 1957. См. также не вошедшие в эту публикацию документы: ЦГА МССР, ф. 3, оп. 4, д. 200, лл. 1—7; ф. 5; оп. 1, д. 352, 359; ф. 5, оп. 2, дд. 143, 244, 318, 464, 909; ф. 44, оп. 1, д. 246; ф. 305, оп. 1, дд. 57, 331.

⁶ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 3246, лл. 215—232/об.; ф. 3, оп. 4, д. 139, лл. 1—9; ф. 5, оп. 2, д. 439, лл. 1—714/об.; д. 442, лл. 17—449. См. также *Кабузан В. М.* Указ. раб., с. 45.

⁷ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 69, лл. 1—4; ф. 3, оп. 4, д. 24; ф. 5, оп. 2, д. 143, лл. 3—231/об.; ф. 17, оп. 1, д. 47; ф. 122, оп. 1, д. 29; ф. 134, оп. 3, д. 103, 114; ф. 305, оп. 1, д. 107, 108.

⁸ *Мецкерук И. И.* Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в южной Бессарабии (1808—1856). Кишинев: Изд-во АН МССР, 1971; *Маркова Л. В.* Некоторые тенденции развития культуры и быта болгар юго-западных районов СССР. — В кн.: Первый конгресс балканских исследований. Сообщения советской делегации. М.: Наука, 1966; *еже.* О проявлении этнической специфики в материальной культуре болгар. — Сов. этнография, 1974, № 1.

⁹ *Ярановъ Д.* Преселническо движение на българи от Македония и Албания към източните български земи през XV—XIX ввк. — В кн.: Македонски преглед. Т. VII, кн. 2, 3. София, 1932, с. 90.

¹⁰ *Десницкая А. В.* Албанский язык и его диалекты. Л.: Наука, 1968, с. 372—374.
¹¹ *Державин Н. С.* Из исследования в области албанской иммиграции на территории бывшей России и УССР. — В кн.: Сборник в чест на проф. Л. Милетичъ. София, 1933, с. 504—512; *Маринов В.* Миналото на с. Девня. — В кн.: Езиковедско-этнографски изследвания в памет на ак. Стоян Романовски, София, 1960.

¹² Село Каракурт основано в 1811 гг. На начало 1832 г. в нем числилось 63 семьи, состоявших из 461 человека (240 м. п. и 221 ж. п.). В селе была 61 землянка и ни одного дома — *Кабузан В. М.* Указ. раб., с. 119.

¹³ Данная работа выполнена на основе полевых материалов автора 1948, 1949, 1969, 1970, 1978, 1979, 1980 гг.

В с. Каракурт особенно ясно видна та этническая ситуация, которая сложилась еще в северо-восточной Болгарии и стала характерной для южной Бессарабии (Буджака) в целом: между болгарами, гагаузами и албанцами существовали постоянные и оживленные хозяйственные связи; будучи одного — православного вероисповедания, представители этих этнических групп заключали между собой браки, в случае необходимости осваивали языки друг друга.

Культура гагаузов в Бессарабии, так же как и в Болгарии, имеет определенную тенденцию к сближению с болгарской (что не удивительно при длительном проживании среди болгарского этнического массива) и в то же время сохраняет специфические черты, отличающие тюркоязычных гагаузов, возможно потомков кочевников, от болгар, предки которых были оседлыми земледельцами¹⁴.

Албанцы, прибывшие в Буджак в числе задунайских переселенцев, принадлежали к группе, давно оторвавшейся от своего этнического массива, на протяжении не менее шести поколений жившей среди болгар и испытавшей их влияние как в области языка, так и в культуре¹⁵.

В результате длительного процесса этнокультурного сближения трех этнических групп Каракурта стали общими различные стороны их культуры и быта, способы ведения хозяйства, народная архитектура, повседневная одежда, поэтическое, танцевальное и музыкальное народное творчество, семейные и календарные обычаи и обряды и т. п. Разумеется, эти стороны быта имели неодинаковое значение для самосознания каждой этнической группы.

У всех задунайских колонистов применялась одна и та же сельскохозяйственная техника¹⁶. Пахотными орудиями служили рало с железным лемехом и деревянный плуг, который имел кривой грядиль, железный лемех и колесный передок. Приемы обработки земли, набор основных сельскохозяйственных культур были у них одинаковыми. Это обстоятельство отразилось в специальной терминологии; лемех здесь обычно называют *лемеш* (хотя некоторые старики помнят и собственно албанское слово *pluhur*), озимую пшеницу называют зимка и т. д. Втянутые со второй половины XIX в. в процесс товаризации хозяйства, колонисты в массе своей оказались в довольно благоприятных условиях. Машинизация сельскохозяйственных работ у них была сравнительно высока¹⁷.

У албанцев, болгар и гагаузов Каракурта (равно как у болгар и гагаузов Буджака в целом) сложились одинаковые формы жилища,

¹⁴ *Защук А.* Материалы по географии и статистике, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская губерния, СПб., 1863, с. 145—204; *Марков Г. Е.* Материалы по этнографии гагаузов.— Краткие сообщения Ин-та этнографии. Вып. XIX. М.: Наука, 1953, с. 56 и сл.; *Губогло М. Н.* Этническая принадлежность гагаузов.— Сов. этнография, 1967, № 3, с. 163, 167; *его же.* Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов.— Археология, этнография, искусство Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1968.

¹⁵ См.: *Котова Н. В.* Материалы по албанской диалектологии (албанские говоры Украины).— Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. Т. XIII. М., 1956; *Широков О. С.* Происхождение бессарабских албанцев (опыт глоттохронологии).— Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1962, № 4, с. 26—36; *Islami S.* Material gjuhesor nga kolonite shiptare të Ukrainës.— Buletin per shkencat shoqerore, 1955, № 2; *idem.* Materiel linguistique des colonies albanaises d'Ukraine.— Studia Albanica, 1965, № 2, p. 165—186; *Десницкая А. В.* Указ. раб., с. 374—376; *Воронина И. И., Шарапова Л. В.* О структуре генитивного словосочетания в говоре албанцев Украины.— Грамматический строй балканских языков. Л.: Наука, 1976, с. 174.

¹⁶ См. о месте сельскохозяйственной техники в этнической типологии подробнее: *Чеснов Я. В.* Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии.— Сов. этнография, 1972, № 4; см. также *Козлов В. И.* Этнос и культура.— Там же, 1979, № 3, с. 74—75; *Арутюнов С. А.* Проблемы этничности и интерэтничности культуры.— Там же, 1980, № 3, с. 63, 65.

¹⁷ *Гросул Я. С., Будак И. Г.* Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1861—1905). Кишинев: Карта Молдовеняскэ, 1972, с. 588, 589.

применялась одинаковая строительная техника. Трехраздельная планировка с теплыми сенями¹⁸ посередине сформировалась в результате развития дома в местных условиях обитания — в Буджаке. Жилое помещение с очагом — исходная форма жилища, которая существовала еще в середине XIX в., а кое-где и во второй половине XIX в., — трансформировалось в серединное проходное отапливаемое помещение трехраздельного дома¹⁹.

Повседневная одежда представителей трех этнических групп, населявших Каракурт, пройдя в местных условиях определенный путь развития, была однотипной. В общих, принципиально важных чертах она была такой же, как у болгар и гагаузов в других селах Буджака, хотя, конечно, искушенный глаз мог отметить местные изменения в деталях покроя, в способе ношения того или иного предмета костюма.

Женщины Каракурта носили платье без рукавов (*чукман, сукман*). Лиф его с круглым вырезом и застежкой спереди был облегающим, юбка — широкой, со многими сборками. С боков и сзади сборок было больше, спереди, под фартуком, — меньше²⁰.

В праздничные дни женщины надевали платье, покроем которого по существу был близок покрою чукмана: узкий лиф и широкая юбка. Отличие составляли длинные рукава с буфами²¹.

Такое платье, сшитое из шерстяной дмотканины, здесь также называлось чукман, а из фабричной ткани — *врагам*.

Платье описанного выше типа (рукава с буфами) распространено в Болгарии. В Албании оно бытует только на юго-востоке страны, где традиционно для жительниц с. Дарда и некоторых других сел, расположенных в окрестностях г. Корчи.

При сравнении традиционных женских платьев из сел Каракурт и Дарда бросается в глаза идентичность покроя, предпочтительность расцветок ткани, способов украшения. Совпадают даже мелкие детали: количество складок на рукавах, расположение декоративных пуговиц, обработка края подола и мн. др. Одинаковы и наименования частей платья и его украшений²². Следовательно, место, откуда вышли предки албанцев, живущих ныне на Украине (юго-восточная область Албании), определяется помимо лингвистических и некоторыми этнографическими материалами, среди которых очень важным показателем является описанный вид платья.

У жителей села Каракурт сложились общие формы семьи, семейного быта, семейной обрядности.

В главных чертах свадебная обрядность потомков задунайских колонистов едина. Она входит в широкий круг сходных между собой об-

¹⁸ «Теплые сени» — несколько условный термин, принятый в специальной литературе для отличия дома балканских народов от восточнославянского с «холодными сенями» — неотапливаемым преддверием собственно жилого помещения.

¹⁹ *Маркова Л. В.* Типы болгарского жилища в Днестровско-Прутском междуречье. — В кн.: *Этнография и искусство Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 1972, с. 62—74; *ее же*. Традиции и инновации в устройстве и использовании жилища болгар западных районов Одесской области УССР. — В кн.: *Культурно-бытовые процессы на юге Украины*. М.: Наука, 1979, с. 126—149; *Маруневич М. В.* Некоторые особенности культуры гагаузов Одесской области УССР. — Там же, с. 150—172; *ее же*. Поселения, жилища и усадьба гагаузов южной Бессарабии в XIX — начале XX века. Кишинев: Штиинца, 1980; *Будина О. Р.* Жилище болгар, греков, албанцев. — В кн.: *Материальная культура компактных этнических групп на Украине*. М.: Наука, 1979, с. 119—129.

²⁰ *Зеленчук В. С., Филимонова М. Ф.* Национальная гагаузская одежда и ее бытование в настоящее время. — В кн.: *Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР*. Кишинев: Штиинца, 1964, с. 62—77; *Маркова Л. В.* О проявлении этнической специфики, с. 45—54; *Иванова Ю. В.* Полевые записи автора 1969 г., тетрадь Бессарабия, с. 9, 34, 64, 65, 67. — Архив Ин-та этнографии АН СССР.

²¹ *Маркова Л. В.* О проявлении этнической специфики..., с. 56, 57.

²² Полевые записи автора 1966 г., тетрадь Албания, с. 44, 45; см. также альбом: *Arti popullor në Shqipëri*. Tiranë, 1959, tabl. 4.

рядовых комплексов, в том числе молдавских и украинских²³. Однако в разных болгарских и гагаузских селах Бессарабии существуют местные детали свадебного обряда, возможно, частично восходящие к очень древним локальным этническим особенностям.

В Каракурте свадьбы, справляемые албанцами, болгарам и гагаузами, не различаются даже в деталях. Собственно свадьбе предшествовали обряды сватовства и помолвки (алб. *рурэ*, болг. *годеж*, *гудеж*, гаг. *сѓз*, *года*)²⁴.

Основные моменты свадьбы: прощание невесты с родными, торжественный вывод ее из родительского дома, переезд (переход) в дом свекра, церемония ввода молодых в дом родителей мужа, снятие с новобрачной свадебного покрывала, обряды первой брачной ночи. Главный свадебный пир происходил в доме родителей молодого. Новобрачные в праздничном застолье не участвовали; молодую в отдельном помещении кормили ее родственники, которые приносили еду с собой. Главные распорядители всех свадебных церемоний — посаженные отец (алб. *нун*, болг. *кум*, гаг. *нун*, *саадыч*) и мать (алб. *нуна*, болг. *кума*, гаг. *нуна*, *наша*, *саадычка*). Это были крестные отец и мать жениха (в случае их смерти право быть посаженными родителями переходило к их близким родственникам). Две семьи — брачующихся и их кумовьев — на протяжении нескольких поколений были связаны кумовством, предполагавшим самые близкие отношения, едва ли не крепче родственных.

Для цикла свадебных обрядов характерно приготовление приданого для невесты (алб. *чийиз*, болг. *дарова*, гаг. *чийиз*), выставление его на всеобщее обозрение и выкуп его стороной жениха; выпечка ритуальных хлебов (караваев, калачей), фигурирующих в разные моменты совершения обряда; сооружение свадебного знамени (общее для всех название — *байрак*); применение различных ритуальных атрибутов красного цвета, в том числе покрывала для невесты (алб. *скеп*, болг. *було*, гаг. *дуах*).

Послесвадебные обряды: ритуальные действия и символы, указывающие на целомудрие новобрачной, первый выход молодой к колодцу за водой и выполнение других работ по хозяйству, посещение молодоже-нами родителей молодой²⁵.

Не различаются у изучаемых этнических групп обряды не только свадебные, но и связанные с рождением и воспитанием ребенка, а также погребальные ритуалы²⁶.

В годовом цикле календарных праздников очень много черт, связывающих изучаемый район с обширным ареалом Юго-Восточной Европы. Любопытно особое почитание Георгиева дня, ритуалы рождественско-новогоднего цикла и др.²⁷

В музыкальном и песенном репертуаре потомков задунайских колонистов сохранились некоторые старинные черты балканского фольклора

²³ Зеленчук В. С. Очерки молдавской народной обрядности (XIX — начала XX в.). Кишинев: Карта Молдовеняскэ, 1959; Демиденко Л. А. Культура и быт болгарского населения в УССР. Киев: Наукова думка, 1970; Курогло С. С. Семейная обрядность гагаузов в XIX — начале XX в. Кишинев: Штиинца, 1980.

²⁴ Все приводимые здесь термины записаны в с. Жовтневом. В других болгарских и гагаузских селах имеются другие варианты.

²⁵ Полевые записи автора 1979 г., тетрадь Бессарабия, с. 16, 17, 27—29, 32—35, 37—41, 45, 53, 54, 57—59, 65—68; 1980, с. 3—24, с. 3—24, 30, 69, 72—75.

²⁶ Полевые записи автора 1980 г., тетрадь Бессарабия, с. 40—43, 62—64, 67, 68; ср. Демиденко Л. А. Указ. раб., с. 79—82; Курогло С. С. Указ. раб., с. 17—37, 93—119.

²⁷ Полевые записи автора 1980 г., тетрадь Бессарабия, с. 30, 48—53, 58, 65, 66, 72—74; Маркова Л. В. Некоторые наблюдения над развитием календарных обрядов у болгар междуручья Прута и Днестра.— В кн.: Известия на этнографския институт и музей. Т. XI. София, 1968, с. 151—168; Стойков. Религиозно-нравственное состояние болгарских колоний в Бессарабии со времени их основания до настоящего времени.— КЕВ, 1910, № 38, с. 1362—1481; № 41, с. 1476.

(как в вокале, так и в инструментари). Албанцы Каракурта исполняли (как и ныне) гораздо больше песен на болгарском, чем на своем родном языке. Немногие албанские песни, известные в Каракурте, зачастую являлись переводом с болгарского, только единичные из них отличаются от болгарских по ладовому строю и могут быть сочтены за истинно албанские. Гагаузский фольклор, не имеющий генетической связи с южно-славянским и сохраняющий в известной степени оригинальные формы, испытал сильное болгарское влияние. Гагаузы также часто переводят на свой язык болгарские песни.

В результате живого и длительного обмена фольклорный фонд трех этнических групп в с. Каракурт (как и в Бессарабии в целом) обнаруживает значительную общность, так что не всегда можно определить истоки той или иной песни, мелодии. Трехструнный смычковый инструмент с квартовой гармонией (алб. *дзыгулка*, болг. *гудулка*, гаг. *кауш*, *кеменча*) был популярен у всех в равной мере (хотя для болгар все же более характерны свирель и волынка). Молдавские песни не получили распространения среди колонистов. Танцы же (например, *жок*) они исполняли охотно²⁸.

Взаимообмен культурными навыками в среде задунайских колонистов был активным не только потому, что три этнические группы жили в одном селе, но и потому, что представители этих трех групп из поколения в поколение вступали между собой в брак (мужчины из Каракурта женились на девушках и из других болгарских и гагаузских сел, но такие браки в прошлом были редки). Здесь кроется еще одна причина общности семейных обычаев и обрядов.

Нередко женщина, вышедшая замуж за человека другой национальности, плохо владела языком его семьи. Она осваивала его, живя в этой семье, особенно если в доме была свекровь. С мужем и детьми продолжала говорить на родном языке. Со временем, когда она становилась старшей хозяйкой в доме, ее родной язык превалировал в семейном быту над остальными и ее невестка в свою очередь должна была его освоить. Дети же обычно охотнее пользовались тем языком, на котором говорила окружающая детвора. Можно привести много примеров двух-, даже трехязычия в одной семье, где у каждого поколения вырабатывалось свое предпочтительное отношение к тому или иному языку²⁹.

Итак, этническая ситуация в с. Каракурт в XIX — первой половине XX в. являла собой пример интеграции трех этнических групп, которые, несмотря на резкие языковые различия, образовали на основе всеобщего многоязычия единую культурную общность.

Культурная общность жителей с. Каракурт была частью более широкой общности потомков задунайских переселенцев, которая начала складываться еще на болгарских землях, где немногочисленные группы албанцев и гагаузов ассоциировались с болгарским этносом. Вся эта группа населения в целом не была ассимилирована численно преобладавшим и социально главенствовавшим этносом — молдавским в одних случаях и украинским — в других. Охарактеризованная выше культурная общность на юге Бессарабии явственно видна постороннему наблюдателю, например этнографу. Сами же носители интегрированной культуры гораздо четче определяют локальные различия, чем сходные черты.

²⁸ Сведения о песенном и музыкальном фольклоре сообщили научный сотрудник Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР П. Ф. Стоянов и проф. Ин-та искусств г. Кишинева композитор Н. Г. Киоса, за что автор приносит им глубокую благодарность.

²⁹ Полевые записи автора 1969 г., тетрадь Бессарабия, с. 110, 111, 113, 138, 139; 1978, с. 4, 1979, с. 4, 12—14, 29/об., 31, 60; 1980, с. 34.

Контакты с другими жителями южной Бессарабии у задунайских колонистов были ограниченными еще в первые десятилетия XX в.³⁰ Браки с ними не заключались. Общение с украинцами и русскими (тех и других колонисты называли «русскими»), а также с молдаванами происходило, как правило, при помощи русского языка. Ему в небольшом объеме обучали в четырехклассной школе, в которой преподавал один учитель³¹. Мальчики учились в этой школе два-три года, а девочки и того меньше (полный курс редко кто заканчивал). Мужчины осваивали русский язык, находясь на военной службе или выезжая по торговым делам за пределы села. Когда в 1918 г. Бессарабия отошла к Румынии, прекратилась всякая возможность освоения русского языка.

Вступать в активные бытовые контакты с немецкими колонистами, села которых находились по соседству, жителям Каракурта мешал своего рода психологический барьер, обусловленный не только религиозными различиями, но и разным образом жизни. Окружающее население переняло у немецких колонистов лишь отдельные хозяйственные навыки³².

В настоящее время происходит интернационализация культуры. Одним из существенных средств этнической интеграции является русский язык. После воссоединения Бессарабии с Советским Союзом (1940 г.), а особенно после освобождения ее в ходе второй мировой войны (1944 г.) контакты с русским населением сделались постоянными. Стали заключаться браки с русскими и украинцами³³. Дети албанцев, болгар и гагаузов бывшего села Каракурт — современного Жовтневого — получают среднее образование на русском языке в местной школе-десятилетке (к учебе в русскоязычной школе их готовят еще в старшей группе детского сада). Позже знание русского языка закрепляется в годы учебы в высших учебных заведениях, во время службы в рядах Советской Армии, при выезде на работу в различные города и села нашей страны. Все виды информации: газеты, журналы, радио- и телевизионные передачи и т. п. — в Одесской области осуществляются на русском языке, в несколько меньшей степени — на украинском³⁴.

Естественно, что ряд слов и выражений, касающихся научных, технических, общественно-политических и других понятий, а также отдельные разговорные фразеологизмы переходят из русского и отчасти украинского языков в языки местного населения, обогащая их словарный запас. С помощью русского языка идет приобщение к общесоветским формам культуры.

Но для коренных жителей с. Жовтневого русский язык не стал средством общения между старожильческими этническими группами, как это имеет место, например, в многонациональном Дагестане. Албанцы, болгары, гагаузы в общении между собой легко переходят с одного языка на другой. По-русски они говорят с представителями других национальностей, живущими в селе или за его пределами. Таким образом, русский язык не вытесняет из обихода родные языки. У представителей

³⁰ В 1906 г. государственная комиссия, созданная для упорядочения системы налогообложения в Южной Бессарабии, отмечала, что население этого края плохо знает русский язык и слабо ориентируется в фискальной системе, легко поддается эксплуатации (Измайльский уезд. Журнал совещания по вопросу об отмене взимаемой с населения Измаильского уезда Бессарабской губ. личной подати, 1906, б. м., с. 13). В 1911 г. в выборах местного самоуправления участвовало около 100 человек. В протоколе их поименный перечень заканчивается так: «...а за них, неграмотных, равно как и за себя, расписались...», далее следует 10 собственноручных подписей крестьян. — ЦГА МССР, ф. 9, оп. 1, ч. 1, д. 227, л. 28—28/об.

³¹ ЦГА МССР, ф. 9, д. 2237.

³² Полевые записи автора 1969 г., тетрадь Бессарабия, с. 44; 1980, с. 76/об.

³³ Полевые записи автора 1969 г., тетрадь Бессарабия, с. 11, 13, 62, 110—111; 1979, с. 20/об.

³⁴ См. подробнее Губогло М. Н. Этнолингвистические процессы на юге Молдавии. — В кн.: Этнография и искусство Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1972, с. 30 и сл.

всех поколений он становится вторым, третьим и даже четвертым и пятым.

Функциональность каждого из языков проявляется так: за албанским, болгарским и гагаузским закрепляется функция общения на бытовом уровне, русский язык привлекается по большей части для контактов на общественном уровне, вместе с тем он все шире проникает в бытовую сферу культуры, в то время как родные языки в сферу общественной жизни почти не проникают³⁵. Эта ситуация характерна не только для с. Жовтневого, но и для всей национально-смешанной зоны южной Молдавии и Одесской области Украины³⁶.

На фоне единообразия хозяйственной деятельности, быта и культурных навыков, межэтнических браков и всеобщего многоязычия этническую принадлежность индивида этнографу определить нелегко.

По существу в этой конкретной ситуации можно говорить лишь об этническом сознании и этническом самосознании, т. е. о субъективном отношении жителей Жовтневого к вопросу об этнической (национальной) принадлежности своей и своих иноэтничных односельчан³⁷.

Несмотря на многоязычие при охарактеризованной выше этнографической общности, ни один из элементов культуры не имел для этнического самосознания такого значения, как язык детства, т. е. родной язык. На основании родного языка каждая этническая группа в Жовтневом объективно объединена внутренне и отличается от других групп³⁸. По существу только на основании родного языка каждый индивид субъективно осознает себя членом своей этнической группы и отличает себя и свою группу от иноязычной, в данном случае иноэтнической³⁹.

Вторым фактором, закрепляющим этническое самосознание, является традиция, сложившаяся в семье, поддерживаемая общим мнением соседей. Человек признает себя албанцем, или болгаринем, или гагаузом на основании факта своего рождения в семье, которая сама себя считает албанской, или болгарской, или гагаузской (и соседи также относятся к таковой), хотя семейные предания и хранят имена бабки из другой этнической группы или прабабки из третьей⁴⁰.

В старом Каракурте исторически сложились части села, в которых жили люди преимущественно одной национальности: албанцы занимали большую часть Второй и Третьей улиц, болгары и часть гагаузов — северный конец Второй улицы, гагаузы жили за р. Каракурт на Первой (или Заречной) улице⁴¹. Жители каждого из этих «концов» независимо от подлинной своей национальной принадлежности стремились прослыть в глазах других, особенно посторонних в селе людей, представителями преобладающей здесь этнической группы. Особенно характерно это для кварталов, заселенных наибольшей по численности группой — албанцами. Болгары и гагаузы, поселившиеся в этих кварталах, посторонним людям говорили, что они албанцы⁴². Трудно сказать, насколько осоз-

³⁵ С. А. Арутюнов называет это явление функциональным соотношением полилингвизма и поликультуризма. См. *Арутюнов С. А. Билингвизм и бикультурализм*.— Сов. этнография, 1978, № 2.

³⁶ *Губогло М. Н. Этнолингвистические процессы на юге Молдавии*, с. 32.

³⁷ Об этническом сознании и самосознании см. *Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса*.— Сов. этнография, 1974, № 2.

³⁸ О противопоставлении своей этнической общности другой, в результате которого фиксируются этнические отличия и закрепляется понятие общности, см. *Бромлей Ю. В. К характеристике понятия «этнос»*.— Расы и народы. I. М.: Наука, 1971, с. 12, 13.

³⁹ О неравнозначности этнических признаков и ведущем значении одного или нескольких из них см. *Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры*.— Сов. этнография, 1972, № 3, с. 76—79.

⁴⁰ К. В. Чистов назвал бы такое этническое самосознание ненапряженным (слабо выраженным) и стихийным сознанием (*Чистов К. В. Указ. раб.*, с. 76).

⁴¹ Иные улицы в с. Жовтневое имеют другие названия.

⁴² В 1969 г. 20 семейств, носящих фамилию Узун, жили на Заречной улице и считали себя гагаузами, 14 их однофамильцев из албанских кварталов считались албанцами, одна семья относилась к болгарам.

нанной была эта своего рода национальная мимикрия. Может быть, несмотря на единообразие жизни трех этнических групп, здесь вступали в силу законы естественной ассимиляции. Во всяком случае ясно, что в общественной жизни Каракурта (Жовтневого) соседские связи имели большое значение.

* * *

В связи с отходом некоторых районов Бессарабии по Парижскому трактату 1856 г. к Молдавскому княжеству⁴³ часть населения получила разрешение перейти в пределы России и была расселена в Причерноморье и Приазовье⁴⁴.

К этому времени в Каракурте, как и в других селах Бессарабии, стал ощущаться недостаток земли. Поэтому домохозяйства зачастую делились: в то время как один из женатых братьев оставался на родине, другой выезжал на новые земли.

Албанцы, выехавшие из Каракурта в начале 1860-х годов, в 20 км к юго-востоку от г. Мелитополя (ныне Приазовский район Запорожской области УССР) основали три села — Девненское (Таз), Георгиевку (Тююшки) и Гаммовку (Джандрани). Девненское и Георгиевка были населены только албанцами, половину жителей Гаммовки составили гагаузы. Вокруг этих сел образовался довольно обширный массив болгарских колоний, в который были вкраплены отдельные гагаузские и молдавские села. Основным же населением Приазовья были украинцы.

В Приазовье сложились почти те же межэтнические отношения, что и в Бессарабии: хозяйственные и бытовые контакты и смешанные браки с жителями соседних сел, главным образом болгарских⁴⁵. Хозяйственная деятельность, материальная культура, повседневный быт, народное творчество оставались в тех же формах интегрированной культуры (с преобладанием болгарского элемента), как она сформировалась в Каракурте.

В Девненском, Георгиевке и Гаммовке возводили жилые дома, ставшие традиционными в южной Бессарабии (Буджаке): по преимуществу трехраздельные, с теплыми сенями, куда выходило устье печи (сама печь находилась в жилой комнате). На очаге, который был расположен возле устья печи под ее прямой вытяжной трубой, готовили пищу. Приазовские албанцы, как и болгары, гагаузы и албанцы Буджака называли теплое жилое помещение «малой комнатой», а неотапливаемое парадное, расположенное по другую сторону сеней, — «большой комнатой». Все жилые дома в албанских селах Приазовья ставились к улице торцовой стеной. Ее, как и фронтоны двускатной крыши над нею, украшали узорами из тесаного кирпича, пилястрами и башнеобразными навершиями, повторяя декоративные приемы, популярные в то время в Буджаке⁴⁶.

Сохранялся традиционный костюм — и женский (как праздничный врагам, так и повседневный чукман), и мужской. Для убранства жилых и парадных комнат дома по-прежнему домашним способом изготавливались многокрасочные шерстяные ткани.

Как и в Буджаке, албанцы танцевали характерные для населения Юго-Восточной Европы хороводные танцы (их албанское название *джок*

⁴³ С 1862 г. эти районы оказались в пределах вновь возникшего государства Румыния, в 1878 г. они были возвращены России.

⁴⁴ ПСЗ, II, т. 31, отд. 1, № 30411, ст. ст. 20, 21; ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 159, лл. 2—4, 466; ф. 122, оп. 2, д. 95, лл. 44 об., 21—21 об., д. 95, лл. 1—45; д. 97, 100; ф. 134, оп. 3, д. 154, 159, 163—179, 208, 212, 224, 259, 348, 708, 1021, 1323; Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 14. СПб., 1910, с. 667—670.

⁴⁵ Державин Н. С. Албанцы-арнауты в Приазовье. — Сов. этнография, 1948, № 2; Полевые записи автора 1970 г., тетрадь Приазовье, с. 17, 32—35, 45—47, 57, 69.

⁴⁶ Будина О. Р. Указ. раб., с. 92—119.

явно происходит от молдавского жок), а песни пели преимущественно на болгарском языке.

Однако расселение однопациональными селами внесло ощутимые изменения в быт по сравнению с бытом Каракурта: практически отпала необходимость многоязычия. Болгарским языком владели преимущественно мужчины, которые посещали ярмарки, вели торговые дела и т. д. Женщины Георгиевки и Девненского знали лишь родной, албанский язык⁴⁷. Женщины из окрестных болгарских и гагаузских сел, выходя замуж в Георгиевку и Девненское, вынуждены были осваивать албанский язык. Перед посторонними людьми эти женщины обычно выдавали себя за албанок, их дети, безусловно, считались албанцами. Стремление принадлежать к численно преобладающей группе выражалось здесь еще сильнее, чем в Каракурте. Аналогичное положение было в соседних болгарских, гагаузских и молдавских селах.

Албанцы Приазовья приобретали сельскохозяйственный инвентарь, фабричные ткани, некоторые предметы обихода фабричного производства в ближайшем городе — Мелитополе, населенном русскими и украинцами, или на ярмарках в соседних крупных селах. Однако хозяйственные и культурные связи с городом были все же очень слабы, бытового общения с людьми русской и украинской национальности почти не возникало. Особенно сторонились всякого чужого человека, появившегося в их селе, женщины.

Производственные и бытовые контакты с русскими наметились с начала 1930-х годов (т. е. в годы коллективизации). С 1934 г. в Девненском и Георгиевке поселились русские. Началась совместная работа в колхозах, бытовое и языковое сближение. Но если албанский язык освоила только часть русских переселенцев, главным образом дети и молодежь, то русский стал постепенно достоянием всех албанских крестьян, также как болгар, гагаузов и молдаван в соседних селах. Русский язык распространялся через школу, газеты и другие средства информации, был официальным языком административного и колхозного делопроизводства. В результате к середине 1940-х годов все жители сел, включая пожилых женщин, могли объясняться по-русски. С середины 1930-х годов стали заключаться браки между албанцами и русскими. Как правило, молодая пара поселялась в доме родителей мужа, вела с ними общее хозяйство (выдел сына тотчас после женитьбы не был принят). Естественно, что языком домашнего общения был родной язык старшего поколения, свекра и свекрови, а национальная принадлежность детей в таких семьях определялась по национальности отца.

Итак, в наши дни в албанских селах Запорожской области, как и в с. Жовтневом (Каракурте), общесоветские формы культуры в их русскоязычном или албаноязычном варианте взаимодействуют с элементами традиционной интегрированной культуры потомков задунайских колонистов, сложившейся в XIX в.

В отличие от многоязычного и многоэтничного Жовтневого традиционная культура понимается местным населением как «албанская», так как ее носители — албаноязычные жители сел Девненского и Георгиевки (Гаммовка ныне включена в границы районного центра Приазовья).

Элементы традиционной культуры у жителей приазовских сел сохранились, пожалуй, несколько лучше, чем в Жовтневом. Может быть, здесь сказалась большая в прошлом изоляция от других этнических групп. Кроме того, Приазовский район Запорожской области расположен в стороне от г. Мелитополя, в то время как с. Жовтневое стало ныне фактическим пригородом Болграда.

⁴⁷ Об особенностях развития говора албанцев, живущих в Приазовье, см. *Шарапова Л. В.* Грамматический род имени существительного в говоре албаноязычных поселений Украины. — В кн.: Грамматический строй балканских языков. Л., 1976, с. 105 и сл.

Внешний декор жилых домов совершенно изменился: в 1972 г. только на одном или двух домах в с. Георгиевка сохранились украшения из тесаных кирпичей. В Жовтневом тоже таких домов не более двух или трех. Внутреннее убранство жилых комнат традиционными декоративными тканями ныне принято в Приазовье в большей мере, чем в Жовтневом, где сильнее ощущается тяготение к современному городскому интерьеру. Традиционное праздничное платье было обязательным для каждой приазовской албанки любого возраста еще 20 лет назад. Повседневной одеждой женщин было безрукавное платье типа чукман, в то время как девочки и девушки носили платья, юбки и кофты из фабричных тканей общераспространенного городского покроя. Еще 10 лет назад пожилые женщины в праздничные дни наряжались в традиционные платья (сшитые из фабричных тканей по старым фасонам), дополняя туалет своеобразными нагрудными украшениями и височными кольцами. В Жовтневом традиционные платья практически не сохранились даже в сундуках пожилых женщин; равным образом исчезли из обихода национальные украшения.

Этническое самосознание в албаноязычных селах Приазовья выражено более четко по сравнению с Жовтневым: главный его признак — родной язык семьи — дополняется сознанием принадлежности данной семьи к албанцам и привычными культурно-бытовыми навыками.

* * *

Современную жизнь албаноязычных сел Украины характеризуют факторы, непосредственно вытекающие из образа жизни советских людей: подъем общего культурного уровня сельского населения, расширение его кругозора. На бытовом уровне современной культуры здесь наблюдается устойчивая тенденция: элементы культуры, унаследованной жителями албанских сел УССР от предков — задунайских колонистов, в социальном плане оцениваются ниже общесоветских норм современной урбанизированной культуры. Современные промышленные товары — предметы обихода и массовой культуры — не только количественно преобладают над предметами местного производства, принадлежащими традиционному культурному комплексу, но и вытесняют их во все возрастающем темпе.

Некоторые элементы традиционной, балканской по происхождению культуры сохраняются благодаря своей рациональности: обувь из одного куска сыромятной кожи, повсеместно известная на Балканах (*опинги, опанцы, цервули, постолы* и проч.), являвшаяся распространенным видом обуви у балканских мигрантов до первых лет коллективизации, ныне носят только пастухи, так как в ней удобно ходить по пересеченной местности в любую погоду⁴⁸.

Но порой стремление завести жизнь «как в городе» (что совпадает с понятием «культурная жизнь») приводит к потере традиций, выработанных опытом многих поколений. В жилых домах (вновь отстраиваемых и перестраиваемых старых) традиционная трехкамерная планировка сменяется многокомнатной, где бытовое назначение изолированных комнат отвечает современным представлениям об удобстве жилья, что

⁴⁸ В других селах изучаемого района, особенно в гагаузских, расположенных подале от городских и промышленных центров, традиционный костюм представлен большим числом элементов. В с. Димитровке Болградского р-на Одесской обл. мужчины и женщины выходят на повседневную колхозную работу в полном традиционном («национальном») костюме именно потому, что считают его будничным, «затрапезным»; отправляясь в колхозный клуб, они его не наденут. Следовательно, ошибочно представление, что традиционная одежда сохраняется среди народов СССР только как праздничная или как реквизит национальных ансамблей (см., например, Козлов В. И. Этнос и культура, с. 76).

совершенно естественно. Однако, перестраивая жилые дома, часто отказываются и от *сундурмы* — галереи, протянувшейся вдоль фасада дома, обращенного во двор. А в условиях сельского быта в сравнительно теплом климате дом, двор и надворные постройки соединены в неразрывное хозяйственно-бытовое пространство, причем сундурма является естественным связующим звеном между ними: в теплое время года на ней выполняют различные хозяйственные работы, едят в семейном кругу, осенью сушат перец и кукурузу, в дождливые и снежные месяцы там устанавливают умывальник, по сандурме можно пройти в различные хозяйственные помещения, не выходя из-под защиты крыши, наконец, там хранят уличную обувь, которую обязательно снимают, входя в жилые комнаты. Всех этих как будто очевидных удобств лишаются жители новых модернизированных домов ради чисто престижных соображений.

Жилые комнаты обставлены мебелью, которая продается в магазинах близлежащих городов. Традиционные самодельные предметы выброшены из-за ветхости или же перемещены в кухни, спальни стариков и т. п. Отличительная черта убранства комнат — обилие декоративных изделий: ковров, покрывал, скатертей, занавесей и т. д., домашнего производства, либо изготовленных специальными артелями Болграда, либо фабричных, купленных в городских магазинах. В те времена, когда полы в жилых помещениях были глинобитными, стены изнутри обмазаны известью, когда спали на глинобитных возвышениях (алб. и гаг. *пат*, болг. *одър*), различного рода циновки, войлочные подстилки, ковры, преимущественно из овечьей шерсти, были бытовой необходимостью. Ныне они выполняют только декоративную функцию, считаясь совершенно необходимыми для «красиво» убранной комнаты. К ним присоединяются множество поделок ширпотреба, черно-белые и цветные фотографии многочисленной родни и т. п. Все это создает, ощущение перегруженности, утомительной пестроты интерьера⁴⁹.

Итак, нами рассмотрено несколько элементов в этнической культуре в связи с некоторыми особенностями этнического сознания и его динамики. В интересах краткости мы оставили за пределами изложения сферу обычаев, этики, систему ценностей, особенности семейного быта и многое другое. Уже неполный перечень этнических признаков позволяет говорить об интегрированном характере современной культуры изучаемой группы.

Процесс стирания традиционных этнических особенностей протекает преимущественно в материальной сфере быта. Он, естественно, сходен с процессами, развивающимися и у других народов Советского Союза⁵⁰. Преемственность традиций у непосредственных соседей албанцев — украинцев, молдаван, болгар и гагаузов — выражается здесь преимущественно в устном народном творчестве и изобразительном искусстве, хореографии и музыке⁵¹. Этого нельзя, к сожалению, сказать об албанских группах, очевидно, слишком малочисленных, чтобы сохранить этнически обособленные индивидуальные формы народного творчества. Сужение сферы этнически специфических элементов культуры идет за счет расширения общесоветской модели культуры, вербальное выражение которой осуществляется через русский язык.

⁴⁹ Вряд ли можно согласиться с мнением В. И. Козлова о том, что отдельные предметы традиционной материальной культуры сохраняются лишь в виде более или менее случайных рудиментов (Этнос и культура, с. 76). По нашим наблюдениям, ничего «случайного» в этнографических реалиях не бывает.

⁵⁰ Современные этнические процессы в СССР. Гл. VII. М., 1977, с. 159—258.

⁵¹ См., например, сб.: Народные традиции и современность (развитие традиционных черт народной культуры в Советской Молдавии). Кишинев, 1980. В общей форме вопрос разработан К. В. Чистовым, см. К. В. Чистов. Фольклор и культура.— Сов. этнография, 1979, № 4.

Итак, существуют одновременно два явления: устойчивое этническое самосознание и ослабление роли этнически специфических элементов культуры на бытовом уровне.

Этническое самосознание оказалось в данном случае решающим фактором для определения этнической принадлежности семьи как коллектива и одновременно индивида как члена этого коллектива. Оно оказалось столь же решающим для функционирования всей этнической группы как определенной этнической общности, несмотря на территориальный и хозяйственно-культурный отрыв этой группы от основного этнического ядра⁵². Вербальным выражением этой сферы самосознания явился родной язык.

Языковой фактор служил главным этнодифференцирующим признаком и ранее, во время совместной жизни в болгарских землях. Тюркоязычные гагаузы и албанцы, язык которых стоит особняком в индоевропейской семье, конечно, четко отличали по языку «своих» от «чужих», несмотря на интенсивную культурную ассимиляцию. Языковой фактор подкреплялся общественным мнением. Ближайшее окружение, в первую очередь семья, коллектив соседей конкретного «конца» села и, наконец, весь сельский коллектив с его устойчивыми традиционными понятиями об этнической принадлежности индивида формирует его индивидуальное сознание в выборе своей этнической (национальной) принадлежности. Наши материалы подтверждают мнение В. И. Козлова о том, что этническое сознание «формируется вместе с личностью человека, в процессе выработки основных социальных ориентаций»⁵³.

На примере небольшой группы албанцев, живущих вне основного массива своего этноса, мы видим, что в этих конкретных условиях этническое самосознание, которое, по выражению Н. Н. Чебоксарова, «представляет собой своего рода результат действия всех основных факторов, формирующих этническую общность»⁵⁴, приобретает самостоятельное значение.

⁵² Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.— Сов. этнография, 1967, № 4; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 98.

⁵³ Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в истории этноса.— Сов. этнография, 1974, № 2, с. 87.

⁵⁴ Чебоксаров Н. Н. Указ. раб., с. 99.

Ю. Д. Анчабадзе

ТРАДИЦИОННЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ АБХАЗСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Вся человеческая жизнь состоит из двух на первый взгляд прямо противоположных по своему характеру действий — труда и отдыха, что дает возможность различать две сферы бытия: производственную и непроизводственную. Разнообразные формы развлечений, будучи важным элементом досуга, входят в непроизводственную сферу. Однако в таком определении содержится некоторая доля условности, тем более когда речь идет о крестьянском быте докапиталистических формаций. На это обратила внимание Н. А. Миненко. «Особенности сельского производства при феодализме, — пишет она, — приводили к тому, что... досуг не был полностью разграничен с трудовыми занятиями»¹. Зачастую труд и отдых переплетались, скрещивались, образуя неразрывное единство. В одном случае в трудовую деятельность вкрапливались минуты отдыха и веселья, в другом — трудовые в своей основе действия превращались в развлечения, забаву. Таким образом, грань между досугом и трудом нередко была довольно зыбкой, одно могло легко переходить в другое. Поэтому подчас бывает очень сложно однозначно охарактеризовать с интересующей нас стороны то или иное явление крестьянского быта.

Не следует забывать еще об одном важном моменте — о тесной связи развлечений с обрядовой жизнью дореволюционного крестьянства. Отдельные чисто светские по форме развлечения порой были соединены с действиями ритуального характера. Например, абхазы по завершении религиозных церемоний, как правило, сразу переходили к развлечениям: песням, танцам, играм. Последние в этом случае не относились к предшествующему им ритуалу и выступали, так сказать, в своей основной роли. Но иногда песни, танцы, игры, т. е. светские по форме развлечения, были составной и непременной частью религиозного обряда. Учитывая это, исследуемый в статье материал мы разделили на две группы: 1) развлечения внеобрядовой сферы и 2) развлечения обрядовой сферы, в том числе связанные с семейной обрядностью и общественными праздниками.

Задачей настоящей статьи является рассмотрение традиционных абхазских развлечений и их функций в соответствии с предлагаемой классификацией. Ряд вопросов изучаемой проблемы (например, половозрастной состав участников развлечений) в статье не затрагивается.

Развлечения внеобрядовой сферы. В дореволюционном быту абхазских крестьян их было сравнительно много. Одной из самых распространенных форм коллективного проведения досуга были народные гуляния,

¹ Миненко Н. А. Досуг и развлечения у русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. — Сов. этнография, 1979, № 6, с. 31.

устраивавшиеся по воскресеньям. Работать в этот день не полагалось. Поэтому с утра жители устремлялись на большую поляну, где обычно собирался сельский сход, чтобы участвовать в совместных развлечениях. Воскресные гуляния пользовались особой популярностью среди крестьян, так как практически жители абхазского села могли увидеться с большинством своих односельчан только в этот день. Последнее объяснялось особенностями планировки абхазских сел, отдельные усадьбы которых отстояли одна от другой более чем на полверсты, а все село нередко тянулось на 10—12 верст². Понятно, что при такой разбросанности села не могло быть и ежедневных сборных мест для односельчан мужчин (наподобие нихаса в Осетии, годекана в Дагестане).

Из традиционных развлечений, устраивавшихся на воскресных гуляниях, главными были разнообразные конные состязания. Каждый мужчина хотел заслужить славу отличного наездника, так как в народное понятие мужской доблести непременно входило требование мастерского владения искусством верховой езды. Абхазов приучали к ней с раннего детства, и частую лихими наездниками выступали маленькие мальчишки. «На легких горячих коней сажают детей от 8—10 лет,— отмечали бытописатели начала XX в. — Страшно бывает смотреть, когда такой малыш, еле заметный от земли, сидит на несущемся молнией скакуне, который развивает такую быстроту, что буквально ноги отделяются от земли, и летит, подбадриваемый дерзким пронзительным гиканьем ребенка-жокея»³.

Помимо детских, проводились также конные состязания мужчин. Одним из наиболее интересных и сложных номеров таких состязаний было преодоление препятствий, которыми служили естественные или специально вырытые канавы, заборы, изгороди и т. д. Кроме того, наиболее искусные наездники соревновались в прыжках через двух поставленных в одну линию коней. Выполнялись также различные номера джигитовки: на полном скаку всадник, спрыгивая с коня, догонял его и снова садился, не замедляя скачки. Устраивалась и «борьба коней»: два всадника становились друг против друга, поднимали коней на дыбы и ловким маневром старались опрокинуть противника. Участники состязаний демонстрировали и свое умение управлять конем. Например, на полном скаку коня останавливали, после чего тот эффектно скользил на четырех ногах, оставляя ими сплошной след наподобие санного⁴.

В начале XX в. у мужской части сельского населения Абхазии стали популярны скачки, проводившиеся по воскресеньям в Сухуми. К этому дню обычно готовились заранее, так как выиграть там заезд считалось большой честью. Тот, кто сам не участвовал в соревнованиях, отправлялся в город, чтобы быть свидетелем интересного зрелища и увидеть триумф своего родственника или односельчанина. Поэтому на скачки приезжали целыми группами из разных областей Абхазии. Газета «Сухумский вестник» в одном из номеров сообщала: «В воскресенье, 26 мая, на городской площади... столпилась огромная толпа народа. Сюда явились, чтобы посмотреть на них (скачки. — Ю. А.) или же принять в них непосредственное участие, со всей Абхазии князья, дворяне и крестьяне. Еще за несколько дней до скачек начали они стекаться в Сухум со всех уголков Абхазии, представляя собой любопытное зрелище. В город въезжали многочисленные группы всадников, по 40—50 и более чело-

² Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии.— Живая старина, 1893, вып. III, с. 308; Миллер А. А. Из поездки по Абхазии в 1907 г.— Материалы по этнографии России. Т. I. СПб., 1910, с. 71.

³ Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале, 1923, с. 22.

⁴ Басария С. П. Указ. раб., с. 69; Вахания О. Абхазские народные игры. Сухуми: Абгосиздат, 1959, с. 30, 31; Патейна Н. С. Моление Лейбовых.— Избранное. Сухуми: Алашара, 1978, с. 22.

век в каждой... Всадники распевают национальные песни, причем песни эти сопровождаются гиканьем и пронзительными криками. Каждая такая группа представляет какую-нибудь местность, которая и торжествует славу в том случае, если скакун из этой местности берет приз. Так, например, принимали участие в скачках гудаутцы, кордорцы и пр.»⁵.

Большое место в воскресных гуляниях занимали и такие спортивные состязания, как борьба, поднятие тяжестей, игра в мяч и т. д. Очень популярной была стрельба в цель. Мишенью для стрельбы обычно служил какой-нибудь предмет, который устанавливали на высоком столбе. В качестве мишени использовали также тарелки, подбрасываемые в воздух, а во время пасхи — крашеные яйца, в которые стреляли с расстояния 100 шагов. Попадавшие в цель получали приз⁶. Не менее популярным видом спортивных состязаний была борьба. Боровшиеся обхватывали друг друга за пояс, стараясь свалить противника на землю. Соревновались и в метании камней, которые бросали до установленной черты, в поднятии тяжестей. Молодежь увлекалась прыжками через барьеры; иногда прыгали через две бурки, разостланные на ровном месте, через канавы, овраги, неширокие речки. Распространены были и различные игры в мяч⁷.

Воскресное гуляние никогда не обходилось без песен и танцев. «Абхазская девушка любит развлечения, — отмечали современники, — и она не пропустит ни одного воскресения, чтобы не пойти на поляну, где собираются молодые люди обоего пола, без различия состояния. Здесь царит полное веселье, звучный беззаботный смех оглашает окрестность. Здесь происходят игра в мяч, танцы, пение... Здесь начинаются хоровое пение и пляски, а также разговор в стихотворной форме, причем все присутствующие делятся на две партии и каждая из них старается перешеголять другую в остроумии и находчивости»⁸. Впрочем, песни и танцы были характерны для самых разнообразных сторон абхазского быта. Это отмечали многие, в частности, известный собиратель абхазского фольклора К. В. Ковач. «Развлекая гостя, они (абхазы. — Ю. А.) поют и танцуют, — писал он, — развлекаясь сами (дома, в перерывах полевых работ, во время отдыха в пути в горы и т. п.), — поют и танцуют; на свадьбах — поют и танцуют... во время устраиваемых народных скачек, перед началом их — поют и танцуют и т. д.»⁹.

Воскресные развлечения не были единственной формой проведения досуга, принятой в абхазской сельской общине. И в будние дни жители отдельных поселков, из которых состояла община, могли совместно проводить досуг. Часто соседи, собравшись после трудового дня на излюбленном месте (обычно красивой поляне с высокими деревьями), вели беседы¹⁰. Нередко жители одного поселка собирались для отдыха и трапезы по поводу какого-либо события в их жизни. Так, ежегодно устраивалось веселое пиршество в честь окончания полевых работ: совместно готовили угощение (мясо, абысту)¹¹, приносили вино, фрукты¹².

Элементы отдыха и развлечений имелись и в повседневной хозяйственной жизни абхазского крестьянина. По обычаю взаимопомощи для

⁵ Корреспонденция. — Сухумский вестник, 1913, № 173.

⁶ [Введенский А.] Религиозные верования абхазцев. — Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1871, вып. 5, с. 25; Вахания О. Указ. раб., с. 35.

⁷ Чернышев К. Еще об Абхазии. — Кавказ, 1854, № 83; Аджиджал И. А. Обычай в дореволюционной Абхазии. — Архив Абхазского н.-и. ин-та языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа (далее Архив АИЯЛИ), ф. И. А. Аджиджала, л. 104, 304.

⁸ В. Ч. Абхазская женщина. — Кавказ, 1885, № 62.

⁹ Ковач К. Песни кордорских абхазцев. [Сухум], 1930, с. 34.

¹⁰ Ковалевский П. И. Кавказ. Т. I. СПб., 1914, с. 32.

¹¹ Абыста — круто сваренная из кукурузной или просяной муки каша, часто заменявшая хлеб.

¹² Полевые записи автора, 1978 г., л. 3, 5—7 (Архив Ин-та этнографии АН СССР).

выполнения срочных земледельческих или иных работ организовывался *кяраз* (помочи), в котором участвовали общинники-мужчины. По завершении *кяраза* человек, по чьему приглашению работали односельчане, устраивал угощение, проходившее всегда в веселой обстановке — с песнями, плясками, шутками. Надо сказать, что и в процессе самого труда участники *кяраза* находили время развлечься и немного отдохнуть. Каждый вид работы сопровождался определенной песней. Так во время полевых работ исполнялась «песня пахоты» — «*арашвара ашва*»¹³. В перерыве устраивались состязания в беге и стрельбе. Для угощения работавших хозяин обычно резал барана, шкура которого отдавалась победителю состязаний. Закончив работу в одном хозяйстве общины, участники *кяраза*, прежде чем начать такую же работу в другом, разыгрывали с хозяином дома шуточную борьбу: валили его на землю, бросали в воду, купались в реке сами и т. п.¹⁴ Так трудовая по своему характеру деятельность незаметно переходила в сферу развлечений.

Организовывались также женские *кяразы*, в которых, как и в мужских, тесно переплетались труд и развлечения. Одним из самых распространенных видов женской взаимопомощи было чесание шерсти. Как правило, соседки охотно откликались на приглашение собраться для такой работы в чьем-нибудь доме. Во время *кяраза* было много разговоров, шуток, веселья, а по окончании работы хозяйка устраивала своим помощницам хорошее угощение¹⁵.

Такое соединение труда и развлечений было характерно для самых разных сторон повседневного быта абхазов. Часто женщины и девушки сообща ходили в лес за ягодами, дикорастущими плодами, травами, которые широко использовались в питании местного населения. Многие из них употреблялись также в народной медицине. В лесу женщины и девушки, выполняя нужное и полезное дело, отдыхали, веселились, пели, т. е. и здесь, как мы видим, трудовая деятельность незаметно переходила в сферу досуга. Можно привести и другие примеры. Когда лошадей гнали с пастбища домой или водили на водопой, то мальчишки-подростки, на которых обычно лежала эта обязанность, «с большим удовольствием садились на лошадей, устраивая по дороге на каждом лугу скачки, джигитовки, конные поединки и прочее, подражая старшим»¹⁶. Пастухи, пасшие стада на горных пастбищах, в свободное от основных хозяйственных занятий время, по вечерам, занимались изготовлением деревянной утвари — кружек, ложек, лопаток для раскладывания *абысты* и т. п. Сидя у костра с работой, они рассказывали друг другу различные истории, играли на *ачарпыне*¹⁷, пели старинные песни¹⁸.

Приезд гостя в село также сулил жителям несколько часов отдыха и развлечений. Ближайшие соседи обязаны были зайти в дом, в котором принимали приезжего человека. Если не нужна была помощь в приготовлении угощения, то соседи старались не упустить приятной возможности развлечься с гостем беседой, слушая его рассказы и поведывая о собственных делах. Если же гость был человеком высокого звания, пользовался всеобщим уважением и почетом, то для участия в церемонии его приема собиралось особенно много людей. В таких случаях в дом приглашали и «молодежь: юношей, умевших петь, танцевать,

¹³ Ковач К. Указ. раб., с. 15.

¹⁴ Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы (историко-этнографические очерки). Сухуми: Алашара, 1965, с. 399, 400.

¹⁵ Полевые записи автора, 1978 г., л. 8, 9, 12.

¹⁶ Аджинджаал И. А. Указ. раб., л. 17.

¹⁷ Ачарпын — музыкальный инструмент типа свирели, сделанный из травы ачарпын. На нем играли пастухи на горных пастбищах.

¹⁸ Ковач К. Указ. раб., с. 27.

девиц-соседок, игравших на музыкальных инструментах»¹⁹. Таким образом, церемония приема гостя выливалась в приятное времяпрепровождение, насыщенное различными развлечениями.

Развлечения обрядовой сферы. В абхазском быту конца XIX — начала XX в. эти развлечения также занимали большое место. Надо сказать, что в основе некоторых из них лежат древние религиозные обряды, ритуалы, различные магические приемы. Утратив с течением времени свое прежнее содержание и значительно изменившись по форме исполнения, эти обряды, ритуалы, приемы постепенно превратились в развлечения, носящие порой характер веселой игры.

Множество развлечений было в семейной обрядности, например в свадебных церемониях. Свадьбы вообще играли значительную роль в общественной жизни Абхазии. По традиции они всегда были многолюдными. На них присутствовали не только соседи жениха и его односельчане, но и гости, съезжавшиеся из ближайших и дальних селений. На свадьбах происходили встречи, обмен новостями, завязывались новые знакомства. Активными участниками всех свадебных торжеств были молодые люди обоего пола. По обычаю жених в сопровождении своих дружек-сверстников несколько раз до свадьбы приезжал в дом невесты, где происходили «смотрины», причем каждый раз по случаю его приезда созывались гости, устраивалось угощение. У невесты собирались ее незамужние родственники и соседки, приглашенные по случаю «смотрины». После застолья жених в сопровождении дружек входил в комнату невесты, которая не принимала участия в угощении и не выходила к гостям. Здесь происходила шуточная игра: девушки, окружавшие невесту, не подпускали к ней жениха и расступались лишь по требованию дружки. После этого начинались танцы и веселье.

В день свадьбы, после отъезда невесты из родительского дома, сопровождавший ее конный свадебный поезд на всем пути следования по территории данной общины подвергался шуточным нападениям. Местная молодежь из всех сил старалась задержать продвижение свадебного поезда. Односельчане невесты считали своим долгом свалить на землю хотя бы по одному разу всю свиту и даже отца жениха, заставляя побежденных танцевать без музыки под свист и хохот победителей. Лишь когда поезжане пересекали границу общины, молодежь поворачивала назад. Направляясь к селу жениха, участники свадебного поезда распевали специальную песню «Уаридада», оглашая окрестности выстрелами из ружей и пистолетов²⁰.

Во время свадьбы молодежь принимала активное участие во всех увеселениях: в плясках, джигитовке, различных спортивных состязаниях. Свадебными развлечениями молодежи были также разнообразные действия, в прошлом носившие ритуальный характер. Так, юноши подстерегали жениха в тот момент, когда он прокрадывался в амхару — помещение, где находилась невеста. Если его удавалось настичь, то поднимался шум, раздавались выстрелы, песни, крики. Иногда молодежь, устроив около амхары засаду, пропускала жениха к невесте, но через некоторое время внутрь помещения начинала забрасывать принесенных заранее котят, цыплят, лить воду и т. п.²¹

Некоторые развлечения связаны и с родильной обрядностью. Через несколько дней после рождения ребенка его родители предоставляли двор своего дома в распоряжение юношей и девушек, стекавшихся сюда со всего села. Этот день был посвящен веселью: молодежь качалась на

¹⁹ Аджинджал И. А. Гостеприимство в Абхазии. — Архив АИЯЛИ, ф. И. А. Аджинджала, л. 22 об.

²⁰ Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми: Алашара, 1960, с. 98; Ковач К. В. 101 абхазская народная песня (этнографическая запись с историческими справками). [Сухум], 1929, с. 24; Патейна Н. С. Свадьба в Абхазии. — Избранное, с. 13.

²¹ Аджинджал И. А. Обычай в дореволюционной Абхазии, л. 98.

качелях, устраивала танцы, игры и другие развлечения. На 14—15-й день в этом же доме совершался обряд *агылахьа*. Это был настоящий женский праздник. За 2—3 дня до него свекровь роженицы или одна из ее родственниц обходила всех женщин своего поселка и приглашала их на праздник. Мужчины и девушки на агылахьа не допускались. Для гостей готовилось угощение: резали барана или козла, кур, пекли пироги с сыром. После общей молитвы, которой руководила всеми уважаемая старшая женщина, принимались за трапезу, проводя время в разговорах и веселье²².

Наиболее многолюдными были в абхазском дореволюционном быту похороны и поминки. По традиции непременной частью обрядов похоронного цикла являлись скачки, т. е. действия, характерные, как мы видели, для сферы досуга.

В день похорон устраивались скачки под названием *атарчей*. На коня покойного надевали черную попону, набрасывали черное покрывало, «навешивали» кинжал, ружье и пояс, принадлежавшие покойному. Затем на коня вскакивал один из лихих наездников и пускался вскачь. Остальные участники скачек бросались за ним вдогонку, пытаясь покрывать покрывало в ключья. Примерно такой же ритуал выполнялся во время поминок. Один из наездников брал в руки какой-нибудь предмет: кيسет, вышитый платок, полотенце, кусок красного ситца — и стремительно неся вперед. Догонявшие должны были отобрать у него этот предмет. Существовал и другой вид поминальных скачек. Группа наездников трижды объезжала могилу покойного, а затем начинались гонки на 5—10 км. Победителя родственники умершего награждали подарками. Обычно скачки продолжались до вечера, и все односельчане, в том числе девушки и молодые женщины, наблюдали за этим интересным зрелищем. Помимо разнообразных скачек, во время годовых поминок устраивались стрельба в цель и «борьба коней»²³.

В своеобразную форму развлечений превратились и некоторые бытовавшие в прошлом приемы лечебной магии. Так, у многих народов Кавказа практиковались бдения у постели тяжело больного или раненого человека²⁴. Основной их смысл, по народным представлениям, заключался в том, чтобы не дать больному уснуть, так как во время сна им могли завладеть злые духи. Такие посещения под названием *ачапшара* были известны и у абхазов. По словам М. Джанашвили, «к больному обыкновенно приходят по вечерам и проводят около него целую ночь; поют, пляшут или рассказывают сказки, отпускают остроты и пр. с целью как-нибудь развеселить больного и так или иначе облегчить его страдания»²⁵. Иногда у постели больного разыгрывались настоящие драматические сценки. Присутствующие по очереди начинали копировать манеру поведения, разговора, характерные жесты какого-либо всем известного лица. Умелое подражание всегда вызывало веселье и смех. Участниками ачапшара могли быть как мужчины, так и женщины; особенно много на них собиралось молодежи²⁶.

²² Державин Н. С. Абхазия в этнографическом отношении. — Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа, 1907, вып. 37, с. 15; Иоакимов А. Абхазцы. — Кавказ, 1874, № 47.

²³ Ган К. Ф. Поездка в Мингрелию, Самурзакан и Абхазию (летом 1900 г.). — Кавказский вестник. Тифлис, 1902, № 5, с. 42, 43; Джанашвили Н. С. Указ. раб., с. 88, 89; Вахания О. В. Физическая культура и спорт в Абхазии (исторический очерк). Сухуми, 1958, с. 20; Чукбар А. И. Статьи и рассказы. [Сухуми], 1975, с. 44—46; Полевые записи автора, 1978 г., л. 7, 8, 11, 12.

²⁴ Дзадзиев А. Б. Традиционные формы проведения свободного времени осетинского крестьянства в конце XIX — начале XX в. — Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах. М., 1979, с. 97.

²⁵ Джанашвили М. Г. Абхазия и абхазцы. — Зап. Кавказского отдела Русского географического о-ва, кн. XVI, 1894, с. 26, 27.

²⁶ Аджинджал И. А. Обычаи в дореволюционной Абхазии, л. 121.

Развлечения были важной и обязательной частью различных праздников, отмечавшихся в дореволюционной абхазской сельской общине. Некоторые из них соответствовали знаменательным датам церковного календаря. В частности, из множества православных праздников в абхазском быту закрепилось лишь три: пасха (*амишап*), успенье (*нанхва*) и рождество (*кьирса*).

Пасхальные праздники длились в общей сложности три недели, в течение которых обычаем не разрешались никакие полевые работы, за исключением посева хлопка и огородных посадок. За две недели до пасхи, в воскресенье (этот день назывался *айоба*), абхазы украшали свои дома первыми весенними цветами. С этого дня разрешались различные игры и увеселения — джигитовка, метание камней, игра в мяч, борьба, танцы. К пасхе готовились особенно тщательно, причем полагалось обязательно справить себе какую-нибудь обновку. Описывая пасху, современники отмечали, что в этот день абхазы «едут верхами в церковь, причем по окончании службы они поздравляют друг друга...А потом стреляют из револьверов, джигитуют, танцуют и расходятся»²⁷. Следующее воскресенье после пасхи полностью посвящалось разнообразным общественным играм, среди которых главное место занимали джигитовка и конные состязания. С понедельника все принимались за полевые работы²⁸.

Игры, танцы, ряженье устраивались также на рождество и святки. Праздник успенья по традиции отмечался в узком семейном кругу. Однако и здесь прослеживались действия, придававшие этому празднику общественный характер: молодежь под вечер собиралась на какой-нибудь поляне, разводила костер и начинала веселую игру с перепрыгиванием через огонь²⁹.

В первый день великого поста абхазские девушки гадали. В этот день они ничего не ели. Каждая девушка втайне от всех должна была после захода солнца приготовить четыре маленьких хлебца из пшеничной муки или из гоми (род проса). Вечером, положив хлебцы в деревянную миску, девушки шли гадать к недавно вышедшей замуж женщине. Там они становились полукругом на колени, держа перед собой миски с хлебцами. Хозяйка также становилась на колени и, помолившись, просила о хороших женихах для девушек и о том, чтобы каждая из них увидела своего суженого во сне. Потом женщина поочередно разламывала принесенные девушками хлебцы и давала им отведать. После этого девушки расходились, унося с собой оставшиеся хлебцы, а ложась спать, клали их под подушку. Считалось, что после такого гадания девушка увидит во сне своего жениха, а на утро, разломив хлеб, найдет в нем волосы того же цвета, что и у ее суженого³⁰.

Была распространена и другая форма гадания. «Чтобы узнать своих женихов,— сообщалось в одном из номеров «Кутаисских ведомостей»,— выбирают девушку, не отличающуюся особенным здоровьем, одевают ее в белое платье и кладут на спину на землю, заставляя смотреть прямо на светлое небо. Девушка через несколько времени засыпает, а потом остальные девушки, по очереди, кладут указательный палец руки на большой палец ноги и спрашивают о своем суженом. На многие вопросы лежащая девушка отвечает очень верно, а некоторые оставляет без ответа...»³¹.

²⁷ Басария С. П. Указ. раб., с. 85.

²⁸ Джанашиа Н. С. Указ. раб., с. 33, 36, 43.

²⁹ Нежданов О. Празднование Нового года у туземцев Кавказа.— Кавказ, 1901, № 1; Патейпа Н. С. Моление Лейбовых, с. 22; Полевые записи автора, 1978 г., л. 3, 5, 9.

³⁰ Званба С. Очерки абхазской мифологии.— Кавказ, 1867, № 76.

³¹ Мачавариани К. Религиозное состояние Абхазии.— Кутаисские ведомости, 1889, № 16.

Развлечения были обязательной частью различных языческих обрядов и молений, которые занимали важное место в абхазском быту конца XIX — начала XX в. В качестве примера можно привести общественную молитву, совершавшуюся в абхазских селах во время засухи с целью вызывания дождя. В назначенный день празднично одетые мужчины собирались на берегу реки, причем каждый приносил продукты — муку, кувшин вина, пироги с сыром — для совместной трапезы, устраивавшейся после жертвоприношения и моления. За трапезой следовали развлечения (в них могли участвовать также женщины и дети) — пение, танцы, шуточное обливание друг друга водой³².

Молодежь в засушливое время года прибегала к *дзуюу*, истоки которого восходят к древнему магическому обряду вызывания дождя. Чаще участниками *дзуюу* были девушки. Нарядно одетые, они собирались недалеко от реки, сооружали чучело из соломы и наряжали его в женское платье. Посадив чучело на ишака, девушки везли его с веселым пением к речке. Затем чучело переносили на заранее приготовленный плот, поджигали его и пускали вниз по течению; ишака же заставляли выкупаться в той же реке. Когда шли к берегу, пели песню:

Дочь нашего князя хочет пить,
Но воды у нас мало.
Мы продадим дочь князя за воду,
Но не за мало воды, а за много³³.

В XIX в. этот веселый девичий обряд был игрой, не более. Он выступал резким контрастом общинному молению о дожде, в котором присутствовала торжественная значительность сакрального акта. К концу XIX в. изначальный смысл обряда почти стерся из народной памяти, а все действие превратилось в веселую забаву. Иногда в *дзуюу* играли мальчики. Они делали чучело из деревянной лопаты и соломы и наряжали его в черкеску и башлык.

Широко распространенным явлением дореволюционного абхазского быта были семейные моления. Таково, например, моление фамилии Лейба, бывшее значительным событием в общественной жизни западной части Абхазии — Бзыбской³⁴. Ежегодно в первую среду после духовного дня³⁵ эта фамилия торжественно совершала языческий обряд, посвященный божественной покровительнице их рода — Лейаарныха. Приготовления к торжеству начинались за несколько недель. В доме, назначенном для проведения ритуала, весь поселок, в том числе старики и дети, под руководством знахарки делали из глины очаг — *ахуштаара*. По окончании этой работы в саду хозяин устраивал коллективную трапезу, участники которой проводили время до ночи в танцах и пении. Через две недели в этом же доме вновь собирался весь поселок; мужчины на арбах привозили ореховую щепу и дубовую кору. В этот день впервые в священном очаге *ахуштаара* разводили огонь. Хозяин резал несколько коз и устраивал общее угощение, которое завершалось весельем, песнями и танцами.

Празднество, связанное с молением фамилии Лейба, получило широкую известность в соседних селах, жители которых были непременными его участниками. «А сколько народу бывает на этом торжестве в

³² Джанашиа Н. С. Указ. раб., с. 65, 66; Полевые записи автора, 1978 г., л. 1—6, 8, 20, 22.

³³ Мачавариани К. Указ. раб.; Ковач К. В. 101 абхазская народная песня, с. 35; Полевые записи автора, 1978 г., л. 19—23.

³⁴ Жители поселка Мугудзырхва, входившего наряду с поселками Апцхва, Оданурхва и Чаабалурхва в общину Мугудзырхва Гудаутского участка Сухумского округа.

³⁵ Отмечался в понедельник после троицы, приходившейся на 50-й день после пасхи.

этот день! — пишет Н. С. Патеипа, общественный деятель и этнограф-краевед рубежа XIX—XX вв. — Во всех селениях Гудаутского участка хорошо известен этот день; девушки заранее умоляют своих родителей разрешить им ехать в Мугудзырхва на моление Лейбовых, а своих братьев и молодых родственников упрасивают сопровождать их»³⁶.

В день моления с раннего утра на поляне собиралось множество людей. Целый день здесь танцевали под пение и хлопанье в ладоши; мужчины состязались в стрельбе из револьверов, играли в мяч, джигитовали. Устраивалась также борьба лошадей, поднимаемых на дыбы. Затем все взрослые мужчины шли в роцу, где совершались жертвоприношение и моление; к вечеру начиналась общая трапеза, после которой гости покидали веселый праздник³⁷.

Аналогичные праздники были известны и в других частях Абхазии. Так, в с. Лдзаа ежегодно в четвертое воскресенье после пасхи устраивался праздник в честь Анан Лдзаа-ных, т. е. иконы Лдзавской божьей матери. Начинался праздник в каждой семье, которая с молитвой приготавливала пищу (вареную баранину, абысту). Затем члены семьи, совершив еще одну молитву, садились за трапезу. Исполнив все необходимые ритуалы в своем доме, жители села созывались глашатаем на общинное моление. По окончании его начиналось коллективное застолье, за которым следовали веселье, песни, танцы, различные состязания, продолжавшиеся до вечера. Помимо жителей с. Лдзаа в празднестве в честь Анан Лдзаа-ных участвовало множество народа из соседних сел³⁸.

Подобные фамильные моления, включавшие элементы развлечений, были характерны и для южной части Абхазии — Самурзакани. Так, фамилия Лацуцбаиа, в 1890-х годах жившая в с. Окуми и насчитывавшая более 60 чел., совершала «молитву Кеке». В определенный день все члены фамилии приготавливали пищу (абысту, печеный хлеб из кукурузной муки — мчади), открывали кувшин вина, хранившийся специально для этого случая. Затем старейший член фамилии читал молитву, и начиналась трапеза, в которой участвовали члены фамилии и другие односельчане. После трапезы, по обычаю, каждый член фамилии Лацуцбаиа обходил вокруг своего дома с песней «Атлэи, човпа, човпа, човпа» (непереводимо). По окончании обряда все вновь собирались вместе и начинали игру в мяч³⁹.

Мы видим, что в подобного рода собраниях помимо культового момента зримо присутствовали элементы светского характера, выражавшиеся в различного рода развлечениях и увеселениях, обязательно наступавших по завершении первой, «официальной» части. Все это делало такие собрания настоящими народными праздниками, насыщенными самыми разнообразными развлечениями.

* * *

Итак, развлечения занимали значительное место в жизни дореволюционного абхазского крестьянства и выполняли весьма важные социальные функции. Являясь частью досуга, развлечения давали человеку возможность отдохнуть, полностью отключиться от будничных дел и погрузиться на время в радостную атмосферу народного праздника.

Но эта функция никогда не была единственной. Многие из рассмотренных нами видов развлечений (конные состязания, джигитовка, борьба, стрельба и т. д.) выполняли важную задачу физического воспитания, которому в абхазской семье всегда придавалось большое значение. Как правило, детей с 6—7 лет (преимущественно мальчиков) обучали вер-

³⁶ Патеипа Н. С. Моление Лейбовых, с. 22.

³⁷ Там же, с. 18, 19, 24.

³⁸ Чукбар А. И. Указ. раб., с. 58.

³⁹ Окумели А. Самурзаканские вести. — Квали, 1894, № 27 (на груз. яз.).

ховой езде, джигитовке, стрельбе и вообще воспитывали физическую выносливость. Необходимость такого физического воспитания вызывалась не только сложившимся в народе понятием о мужской доблести. Большую роль играл также полувоенный быт абхазов, столь характерный для них еще в первой половине XIX в., когда походы и набеги на соседей, а также отражение таковых занимали даже большее место, чем мирный повседневный труд. Во второй половине XIX в. характер жизни абхазов значительно изменился, однако военный дух воспитания сохранился, как сохранились и разнообразные развлечения, связанные с военным бытом, принявшие, однако, чисто спортивный и зрелищный характер.

Красочная обстановка народных праздников, песни, танцы, стихотворные состязания, игра на музыкальных инструментах удовлетворяли эстетические потребности крестьян, способствовали выработке народных представлений о красоте, об этике общения между людьми. Таким образом, народные развлечения помогали передаче межпоколенной социальной информации, приобщая молодежь к традициям праздничного поведения, к нормам поведения в обществе.

Совместные развлечения односельчан были ярким проявлением идеологического единства общины. Нигде, наверное, люди не чувствовали себя более спаянными членами своего коллектива, чем на общинных праздниках. Здесь все, от мала до велика, были объединены радостным мироощущением, здесь каждый испытывал свою непосредственную включенность в общее действие, в котором он участвовал наряду с другими своими односельчанами.

Сказанное характерно не только для развлечений внеобрядовой сферы, но и для тех их форм, которые сохранили связь с действиями ритуального характера. Однако в последнем случае развлечения выполняли дополнительную функцию, связанную с их ролью в религиозном обряде. Таковы, например, коллективные застолья, завершавшие, как правило, общинные моления. Они еще во многом сохраняли былой характер ритуальной трапезы. Абхазские пастухи, наблюдая за пасущимися отарами овец, играли на ачарпыне. Для них это было развлечение. Однако пастухи исполняли вполне определенную «песню кормления стада», которая не была принята в других случаях⁴⁰.

В дореволюционном абхазском быту имелись и другие песни и танцы, ритуальный характер которых сохранялся. Так, была распространена «песня оспы», которую по обычаю можно было петь только в случае заболевания оспой. Исполнение этой песни в других ситуациях считалось большим грехом. Когда молнией убивало скот, хозяин собирал односельчан для выполнения специального ритуала. На четырех столбах устанавливалась вышка, на которую с почетом укладывалось убитое животное. Ритуал сопровождался круговой пляской с песней в честь божества грома и молнии Афы, табуированной в других случаях. Весь обряд завершался длительной трапезой⁴¹. Различные обрядовые песни пели во время охоты. Например, направляясь в лес, охотники обращались к божествам охоты с особыми песнями «Дад Иуана» и «Айргъ». Эти же песни пели, стоя над убитым зверем, а также возвращаясь с охоты домой, давая знать о своем приближении⁴².

В то же время сфера «ритуальных» развлечений у абхазов, как и у других народов, непрерывно сокращалась. Отдельные ее элементы постепенно теряли свою ритуальную привязанность и, как бы расширяя рамки своего бытования, проникали во внеобрядовую сферу, становясь

⁴⁰ Ковач К. В. 101 абхазская народная песня, с. 33.

⁴¹ Званба С. Указ. раб.

⁴² Ковач К. В. 101 абхазская народная песня, с. 30; Хашба М. М. Трудовые и обрядовые песни абхазов. Сухуми: Алашара, 1977, с. 12.

частью светских развлечений. Таковы, например, некоторые свадебные песни. Обычно они исполнялись в соответствующей ситуации, однако со временем стали популярны на еженедельных воскресных гуляниях. Трудовые песни, сопровождавшие полевые работы и некогда имевшие ритуальный характер, стали исполняться как плясовые на различных праздниках. Древнюю походную песню «ар рашва» пели в повседневном быту, когда несколько человек вместе направлялись куда-нибудь, и т. д.⁴³

Следует указать еще на один важный момент. Многие обряды, будучи органической частью ритуальной сферы, постепенно превращались в обычные развлечения, в игры, забавы. Но происходили они лишь в рамках определенного ритуала, вследствие строгой ситуационной зависимости от него. Это хорошо прослеживается на примере свадебной церемонии, где некогда сакральные действия — избивание поезжан, например, — стали лишь игрой и шуточным развлечением участников свадьбы.

В целом же можно сказать, что до революции у абхазов, как и у других народов Кавказа, развлечения во внеобрядовой сфере занимали значительно большее место, чем развлечения, сохранившие свою ритуализованную форму.

⁴³ Ковач К. В. 101 абхазская народная песня, с. 29.

С. Ю. Неклюдов

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО МОНГОЛЬСКОМУ
ЭПОСУ И ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ НАРОДНЫХ
ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ**

Осенью 1974 г. из Улан-Батора в Среднегобийский аймак МНР выехала небольшая группа ученых: сотрудник Института языка и литературы АН МНР Ч. Догсурэн, сотрудники Института мировой литературы им. Горького АН СССР Б. Л. Рифтин и С. Ю. Неклюдов. Цель поездки, организованной в соответствии с планами совместных научных исследований между академиями наук СССР и МНР, — изучение эпического репертуара двух восточномонгольских сказителей Чойнхора и Самбуда-ша (баринский и харчинский диалекты). Результаты экспедиции были достаточно богатыми, и в научной печати о них уже рассказывалось¹. Наиболее интересная часть этих материалов выходит из печати отдельной книгой («Монгольские сказания о Гесере. Новые записи»).

Работа экспедиции (в том же составе) была продолжена в сентябре 1976 г. Мы совершили однодневную поездку в Дэлгэрхангайский сомон Среднегобийского аймака, где от старого сказителя — халхасца Содномдаша записали начало эпической поэмы «Агуйн Улаан хан», а также прозаические сказания «Большой и малый драконы» и «Северный и южный Нанжин» (последнее — лишь в кратком изложении). Однако основная работа велась в центре Луус-сомона и была посвящена дальнейшему изучению сказительского творчества Чойнхора и Самбуда-ша².

В декабре 1978 г. наша исследовательская группа (Ч. Догсурэн, Н. И. Никулин, Б. Л. Рифтин, С. Ю. Неклюдов) вновь побывала в г. Мандал-Гоби и продолжила изучение репертуара и творческих методов тех же сказителей; было сделано несколько новых записей. Возвратившись в Улан-Батор, мы познакомились еще с одним народным певцом — Цэндом (удзумчинский диалект), мастером исполнения коротких произведений в жанре «бэнсэн улигэр» («книжные сказы»). Две записи, сделанные от него, вносят интересные дополнения в представления о восточномонгольских эпических традициях.

Сейчас уже можно подвести некоторые итоги экспедиций. Хорошо зарекомендовавший себя метод работы с одной и той же небольшой группой информаторов (основная работа велась с Чойнхором и Самбуда-ша, остальные записи носили эпизодический характер) дал интересные результаты. Существенно и то, что наши сказители, прежде всего

¹ Неклюдов С. Ю. Коротко об экспедиции. — Сов. этнография, 1975, № 3, с. 148—150; Неклюдов С. Ю., Рифтин Б. Л. Новые материалы по монгольскому фольклору. — Народы Азии и Африки, 1976, № 2, с. 135—147; Неклюдов С. Ю. Сказание о Гесере в восточно-монгольской эпической традиции. — Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. Улаанбаатар: ШУАХ, 1977, с. 105—111; ср. также: Heissig W. Die Aufzeichnung und Erforschung von Volksliteratur in der mongolischen Volksrepublik 1968—1974 — Central Asiatic Journal, v. XX, № 4. Wiesbaden, 1976, S. 246, 247.

² См. Сов. этнография, 1977, № 1, с. 148, 149.

Чойнхор, обладают огромным и, как выяснилось, довольно разнообразным репертуаром, который пока отнюдь не исчерпан (хотя кроме нас записи производились нашими монгольскими коллегами). Мы придерживались динамичной программы исследований, каждая экспедиция давала новый и неожиданный материал, требующий пристального внимания. Неожиданным он был потому, что относился не к «ядру» репертуара, а к его «периферии», и самим сказителям совершенно не казался ценным. К числу подобных интересных записей относится образец ранее не изученного жанра — «Историческое холбо» («Туухийн холбоо»), уже изданный с русским переводом, комментарием и вступительной статьей³; на других произведениях, важных для понимания некоторых процессов, протекающих в устном народном творчестве, я остановлюсь ниже.

* * *

В эпическом фольклоре монгольских народов сказание о Гесере занимает особое место. Соотношение параллельно бытующих устных и книжных редакций, подчас весьма значительные совпадения между ними рождают много проблем, относящихся, во-первых, к фольклоризму книжного памятника, в истоке которого лежали устные эпические традиции, и, во-вторых, к генезису известных нам богатырских поэм о Гесере, которые могли возникнуть при фольклоризации этого памятника, его возвращении в стихию устного творчества. Для понимания подобных процессов важны все случаи «пересказывания» и «перепевания» литературной Гесериады. С одним из таких пересказов познакомил нас в Дэлгэрхангайском сомоне халхасец Доржсурэн осенью 1976 г.; он слышал эту историю свыше 30 лет назад от матери, которая знала старомонгольскую грамоту и, возможно, читала ксилографический или рукописный текст сказания.

Рассказывал он непрофессионально, сбивчиво. В Луусе мы дали прослушать эту запись Чойнхору, и целая гамма чувств отразилась на невозмутимом лице старого сказителя: удивление, снисходительная усмешка, презрение. Послушав немного, он махнул рукой: «Выключите. Тут и слушать нечего. Все неправильно с самого начала. Перепутаны имена, названия, жены Гесера...» (это вообще-то было совершенно справедливо). О качестве исполнения он, естественно, даже говорить не стал.

Конечно, с точки зрения верности книжному тексту рассказ Доржсурэна — это просто сокращенное и неточное изложение сюжета, трансформации которого обусловлены не сознательной художественной обработкой, а простой забывчивостью. И все же сам процесс рассказывания свидетельствует о том, что данное произведение относится к сфере устной прозы. Такие тексты, восходящие к книжной «Гесериаде», встречаются в фольклоре монгольских народов⁴, для которых вообще характерна устная переработка литературных повествований различного рода (исторические, буддийские и пр.), причудливое синтезирование их с местными фольклорными традициями. Легко представить себе, что в устах более искусного сказителя сюжет обрел бы большую композиционно-стилистическую стройность, активнее использовались бы местные

³ Неклюдов С. Ю., Рифтин Б. Л. Мифо-эпический каталог как жанр восточномонгольского фольклора. — В кн.: П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. М.: Наука, 1979, с. 105—123.

⁴ См., в частности: Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. СПб.: Изд-во РГО, 1883, № 50 (с. 250—257); Поппе Н. Н. Бурят-монгольский фольклорный и диалектологический сборник. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1936, с. 37, 38, а также некоторые магнитофонные записи, хранящиеся в фондах Ин-та языка и литературы АН МНР.

и повествовательно-фольклорные традиции⁵, после этого остается уже только шаг до его «второго рождения» в устной традиции. При этом важна известная дистанция между устным текстом и книжным источником, знание которого может сковывать творческие потенции исполнителя. Иными словами, чтобы быть «воссозданным» в системе устной эпики, книжное сказание, вероятно, должно оказаться основательно разрушенным, утратившим свою «книжность», сохранившим лишь основные сюжетные контуры. Именно такую фазу и представляет собой текст, записанный от Доржсурэна (как и упомянутые выше другие записи из фондов Ин-та языка и литературы АН МНР).

Однако подобное отталкивание от книжной традиции отнюдь не является обязательным для устного эпического творчества. В сказительской практике восточномонгольских певцов-хурчи, к числу которых относятся Чойнхор и Самбудах, мы сталкиваемся с иным типом литературно-фольклорных взаимоотношений. Здесь книга является прямым источником прозапоэтического сказа, который таким образом непосредственно смыкается с литературной традицией, использует и разворачивает содержащуюся в ней эпическую тематику. Книга является основанием для суждения об авторитетности и достоверности опирающегося на нее устного повествования. Следует отметить, что, во-первых, происходит это в условиях довольно высокого уровня грамотности в среде сказителей-профессионалов, квалификация которых к тому же чрезвычайно высока. Во-вторых, данная традиция является весьма продуктивной, способной к созданию все новых и новых произведений. В этом мы неоднократно убеждались при работе нашей экспедиции.

Осуждение Чойнхором «недоброкачественного» пересказа книжного источника было связано еще с одним обстоятельством. Когда во время первой экспедиции нам посчастливилось записать от Чойнхора и от Самбудаха сказания о Гесере, пропетые в традиционной монгольской эпической манере, наш интерес к ним оказался для Чойнхора совершенно неожиданным: они не соответствовали его представлениям о подлинном «высоком» искусстве. Тогда же, уезжая из г. Мандал-Гоби в 1974 г., мы преподнесли старому сказителю, знающему старомонгольскую грамоту, три разрозненных издания рукописных сводов литературной «Гесериады», каждый из которых включал по два выпуска⁶. И вот, чуткий к вкусам аудитории, певец (специально для нас!) складывает в манере «бэн-сэн улигэр» сказ по книжной «Гесериаде» — случай, очевидно, беспрецедентный для более чем двухвековой истории существования искусства восточномонгольских хурчи. Хотя к осени 1976 г. создание сказа не было завершено, Чойнхор все же предложил исполнить его. Мы успели записать только начало, соответствующее первой части первой главы «книжной» версии, причем запись продолжалась около 6 часов. По оценке Чойнхора, исполнение всего сказа заняло бы не менее 7—10 дней (считая по 8 часов ежедневно!) — довольно обычный объем сказа «бэн-сэн улигэр».

Характерной для данного жанра оказалась и форма произведения: чередование прозы, ритмической прозы, исполняемой мелодическим речитативом под непрерывный аккомпанемент хучира, а также песенных фрагментов (в записанной части — не менее 20), распеваемых на разные мотивы и являющихся лирическими или лиро-эпическими вставками в повествование. В них особенно ярко проявляется искусство хурчи; здесь он дальше всего отступает от книжного источника и предается поэтической импровизации — разумеется, в канонах традиционного

⁵ Вероятно, таково, например, бурятское (агинское) сказание о Гесере (*Шаракшинова Н. О. Героический эпос о Гэсэре*. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1969, с. 41—44).

⁶ *Corpus scriptorum mongolorum*, t. IX, fasc. 2—2a («Зайнская версия»), fasc. 3a—3b («Жамцарановская версия»), fasc. 4—4a («версия Номчи-хатун»). Улаанбаатар: ЭШХ, 1960.

фольклорного повествования. Объем этих фрагментов различен: в нашей записи — от 2 до 5 стрóf (по 4 строки). Строка — трех- или четырехударная (7—8 слогов) в обычном для монгольского эпоса ритме (который на слух воспринимается как «хорейский»), с начальной междустрочной аллитерацией; короткие и длинные строки часто чередуются перекрестно. Посреди строки иногда появляется цезура. По приближительному хронометрированию протяженность каждого двустипия (вместе с междустрочным инструментальным проигрышем) — примерно 15 сек.

Здесь проявляется и разнообразие тематических сказовых «мелодий» или «лейтмотивов»⁷. По оценке самого певца, в записанной части их использовалось примерно семь: 1) мелодия дальней дороги; 2) мелодия близкой дороги; 3) мелодия быстрой дороги; 4) радостная мелодия; 5) печальная мелодия; 6) и 7) повествовательные мелодии, которые Чойнхор обозначил как *хуа дяо* (букв. «речевая мелодия»), а Самбуда — другим, тоже китайским термином: *пиншу дяо* («мелодия прозаического сказа»). Этот последний тип «мелодии» употребляется, например, при завершении эпизода, и пока она проигрывается, сказитель собирается с мыслями, дает себе небольшой отдых. Она не сопровождается словами, заполняет речевую паузу и является не «тематической», а «промежуточной», существуя при этом в разных вариантах: при грустных событиях сказитель дает ее печальную модификацию, а при радостных — веселую. Кроме этих инструментальных интерлюдий, встречается медленно исполняемый проигрыш низкого тона (два различных по высоте звука), который делит текст на небольшие логически завершенные сегменты: жесты, реплики, короткие описания (которые длятся от 10—15 до 30 сек.). Удлинение подобного проигрыша (повтор той же музыкальной фразы) как бы углубляет границы между сегментами. Некоторые группы слов (обычно трафаретные выражения, вроде временной отсылки или наименования с развернутым определением) как бы «отлетают» от основного текста и стоят изолированно в окружении инструментальных интерлюдий.

В «бэнсэн улигэр» нет четкого распределения «прямой» и «авторской» речи между песенно-стихотворной и сказово-прозаической формами. Песенный фрагмент может быть «авторской речью» и содержать, например, традиционное эпическое описание: сборы богатыря в дорогу, седлание коня и пр. Если же он представляет собой речь героя (своего рода «арию»), то чаще всего это, по сообщению Чойнхора, своеобразный лирический «монолог», как правило, связанный с дорогой и с грустными переживаниями, хотя бывают и мелодии «радостного пути». Диалог же, как и всякая прямая речь, чаще «проговаривается». Кроме появившихся фрагментов и инструментальных интерлюдий (обычно «повествовательные» мелодии), а также прозаического рассказа встречается речитатив, очевидно не имеющий самостоятельного значения и являющийся своего рода переходом между «речью» и «пением». Он идет в довольно быстром темпе и иногда заканчивается несколько вибрирующим протяжным звуком. Вообще типы «монтажа» текста и аккомпанемента чрезвычайно многообразны. После инструментального вступления повествовательная часть начинается протяжным мелодическим звуком, быстро переходя в речитатив, а затем в речь без музыки (в экспозиции эпизодов вообще обычно сильнее мелодическое начало: больше пения, больше инструментальных проигрышей и пр.). Концовка может оформляться замедляющимся, затухающим звуком; сквозь него иногда про-

⁷ См. о них: Кондратьев С. А. Музыка монгольского эпоса и песен. М.: Сов. композитор, 1970, с. 34 сл.; Неклюдов С. Ю., Рифтин Б. Л. Новые материалы по монгольскому фольклору, с. 143, 144.

бивается новая тема. Попробуем проиллюстрировать это на небольшом схематизированном примере.

Джору (Гесер) говорит (прозаическая речь без музыки): «Если здесь есть волки, принесите мне лук, я их убью». Затем быстро исполняется на хучире дважды повторенный интервал, а продолжение слов героя после одной пропеты фразы переходит в речитатив: «У тебя больна старшая сестра — я могу ее вылечить». Снова тот же интервал, напев, быстро переходящий в речитатив и потом в прозаическую речь: «Если в доме есть безумные, я вылечу (букв. «прочту заклинания»)». Более широкий интервал, речь родителей жены героя — Роман-говы (т. е. Рогмо-гоа), недовольных Гесером. После его ухода — мелодия грусти (специально «путевая») и «ариозное пение» героини, отправляющейся верхом искать его («Как мне грустно, что я потеряла мужа, только Небо может понять мою грусть» и пр.). Кстати, помимо этого короткого фрагмента, Чойнхор по нашей просьбе исполнил впоследствии в качестве образца «грустной мелодии» другой «плач» Рогмо-гоа: героиня, захваченная в отсутствие Гесера Шарайгольскими ханами, жалуется на свою судьбу. Этот «плач», как, впрочем, и остальные поющие фрагменты, связан с книжным источником лишь некоторыми сюжетными опорами, а в целом является плодом импровизации певца; прозаический рассказ гораздо ближе воспроизводит «исходный» литературный текст. Показательно, что имеющиеся в тексте ритмические места (описания горного духа, новорожденного Гесера, эпизод приумножения скота и др.)⁸, очевидные реликты устно-эпического стиля в книжном памятнике, не выделялись в остальном прозаическом тексте, т. е. ритмические фигуры и ритмические возможности источника практически не были использованы.

Итак, что же за произведение перед нами и каково его место в монгольской эпической традиции? Закономерная фаза эпического развития или смелый творческий эксперимент замечательного сказителя? Может быть, именно с такого исполнения на базе книжного источника и начинается его вторичная «фольклоризация»? Ответ на это скорее всего должен быть отрицательным. Распад книжной традиции для последующего устно-поэтического возрождения представляется более вероятным.

* * *

Рассмотренный феномен показателен и в других отношениях. Он демонстрирует жизнеспособность или, точнее сказать, высокую продуктивность эпического фольклора, причем мнение о присущем «бэнсэн улигэр» педантизму в выборе круга источников (непременно китайских), кажется, нуждается в некоторых оговорках. «Бэнсэн улигэр» по «Гесериаде» представлялся нам совершенно уникальным до тех пор, пока от удзунчинского сказителя Цэнда не был записан сказ на «индийскую тематику» (литературный прототип которого, правда, не ясен) и пока Чойнхор не предложил нам исполнить «бэнсэн улигэр» по «Джангару», который он читал в это время, пока, наконец, мы не услышали от него оригинальный, вообще не имеющий иноязычного источника сказ — «Пламя гнева» («Хилэнгийн гал»), на котором я далее специально останавлиюсь. Можно предположить, что преимущественно китайская тематика сказов обусловлена вкусами основной аудитории певцов-хурчи — южномонгольского дворянства, довольно значительно китаизированного, среда же более «демократическая» располагала певца к большей свободе выбора тематики его сказов, к расширению репертуара.

⁸ Lőrincz L. Vers und Prosa im mongolischen Geser.— Acta Orientalia Hungarica, t. XXIV, fasc. 1. Budapest, 1971; Неклюдов С. Ю. О стилистической организации монгольской «Гесериады». — В кн.: Памятники книжного эпоса. Стиль и типологические особенности. М.: Наука, 1978.

Этот процесс происходит и при составлении «новых сказов» (т. е. сказов на современную тематику), к которым относится и «Пламя гнева». Произведение было сложено лет 40—50 назад Чойнхором совместно с другими хурчи — Джемцем, его дальним родственником, и Балданом, местным грамотеем. В основу легли предания, известные в Баринском хошуне Восточной Монголии, о событиях, происходивших там сравнительно недавно. Записи этих преданий якобы уже предпринимались грамотными людьми. Благодаря своей антифеодальной направленности произведение долгие годы бытовало как «потаенная» литература в виде постоянно переписываемых рукописей и в качестве устного сказа⁹.

Следует отметить, что, по мнению Чойнхора, его «Пламя гнева» относится к разряду «бэнсэн улигэр», т. е. «книжных сказов». Действительно, это произведение целиком построено по законам поэтики данного жанра с его песенно-прозаической структурой, вставными описаниями и монологами, разнообразием «тематических» мелодий, «ариями» и инструментальными интерлюдиями. Однако, чтобы быть в полной мере «книжным», сказу как раз не хватало книжной основы, не обязательно доступной данному сказителю, но существующей в его представлении в качестве некоего авторитетного источника. Однако Чойнхор объяснил, что «книжкой» (бэньцзы; от этого слова происходит и выражение «бэнсэн улигэр»), оказывается, была та самая рукопись, которую сам Чойнхор со своими соавторами составил на материале фольклорных (а может быть, и рукописных) преданий. Она заняла место литературного оригинала, который бы своим существованием «узаконивал» и освящал опирающийся на него устный сказ, и своеобразным «либретто», практически необходимым другим хурчи, воссоздающим тот же сказ. Кстати, составление подобной рукописи подтверждает гипотезу о существовании не только устного, но и литературного творчества восточномонгольских хурчи¹⁰.

Сказ, по оценке Чойнхора, рассчитан часов на 10—15, т. е. на 5—6 сеансов по 2—3 часа исполнения ежедневно (для «бэнсэн улигэр» объем не столь значительный). Мы записали на магнитную ленту только один эпизод (строительство дворца и спортивный праздник — *надом*, во время которого происходит схватка сильнейших борцов), а также краткий пересказ содержания всего произведения. При его изложении Чойнхор использовал профессиональную терминологию монгольских хурчи, свидетельствующую об осознании им правил построения повествовательной композиции и о владении различными приемами сюжетосложения. В качестве примера можно привести следующие выражения: «ветвь сказа» (*улгэрийн салаа*), «отдельное повествование» (*асдаан хэлэх улигэр*) — о новой сюжетной линии; «возвращаясь, рассказывают» (*буцад ярьна хэлнэ*) — о вставном эпизоде, ретроспективно описывающем происшедшие события; «ветви сказа соединились» (*улгэрийн салаа нийлдж байна*) — о возвращении к основной линии (причем прерывать рассказ до этого «возвращения», как мы убедились, нельзя) и пр. Поскольку сказ пока не опубликован¹¹, целесообразно дать здесь изложение сюжета этого оригинального произведения.

⁹ Чойнхор все же рискнул однажды пересказать данное произведение вану (при дворе которого он жил), имевшему репутацию крайне «левого» и «прогрессивного», чуть ли не «революционного». Тот прослушал с большим интересом и в заключение сказал: «Да, бывают дурные князья, поэтому я должен знать эту историю» (в том смысле, очевидно, что она должна напоминать и представителю феодального сословия о необходимости блюсти нравственность и быть справедливым).

¹⁰ Неклюдов С. Ю., Рифтин Б. Л. Новые материалы по монгольскому фольклору, с. 147.

¹¹ Сейчас «Пламя гнева» записано от Чойнхора директором Ин-та языка и литературы АН МНР А. Лувсандэндэвом и научным сотрудником института Ж. Цолоо в полном «сказовом» исполнении (т. е. со всеми сюжетными подробностями, инструмен-

Экспозиция. У западнобаринского князя не было детей; он взял приемыша по имени Джонхор. Когда мальчику исполнилось девять лет, вторая жена князя родила сына, которого называли Очир. Однако престол унаследовал Джонхор, а Очир стал соправителем. Однажды от губернатора провинции Жэхэ (к которой относился и данный хошун) пришло распоряжение о поставке восьми тысяч коней для гоминдановской армии. Очир, которому было поручено выполнение этого задания, решил дать губернатору взятку (табун в восемьсот голов — дополнительный, причем был осуществлен незаконный побор с аратов) и заручиться, таким образом, его поддержкой, чтобы занять престол. Свои намерения он изложил в тайном письме, которое должен был везти верный ему чиновник Надмид-дзанги, сопровождающий табун в столицу. Лошадей стерегли шестнадцать табунщиков, среди которых находился и юноша по имени Панджээ — главный герой сказа.

Панджээ был родом с истоков реки Белой. С детства он был обручен с Уран-гоа, одной из дочерей жившего по соседству состоятельного старика-вдовца Джаяту. Теперь пришло время устроить свадьбу. Узнав об этом, юноша с радостью отправился домой, а с ним — остальные табунщики, также желавшие погулять на свадьбе. По пути они устроили скачки, чтобы определить, чей конь быстрее. Победил герой на своем скакуне, которого он некогда взял жеребенком из-под мертвой кобылы и вырастил. Начался свадебный пир, прерванный появлением княжеского посыльного с приказом вернуться к стадам и отогнать их в столицу.

Ветви сказа соединяются. Надмид-дзанги, получивший тайное послание от Байнаа-мээрэна, приближенного Очира, прибыв в город, не спешит выполнять данное ему поручение. Двадцать дней он пьянствует, затем, спохватившись, сдает коней государству, отделив 800 голов, что вызывает подозрение Панджээ. Во время вечеринки, устроенной по случаю завершения поставки лошадей, он выкрадывает у заснувшего. Надмида письмо и, прочтя его, отдает на хранение своему другу Арслану, а Надмиду оставляет пустой конверт. Проснувшись, Надмид приказывает табунщикам отогнать 800 лошадей губернатору, сказав, что это — распоряжение Джонхор-вана. Когда же он отправляется к губернатору и вручает ему пакет, в котором тот не находит послания, подозрение сразу падает на Панджээ. Так и не обнаружив пропажи, Надмид пишет фальшивое письмо, но губернатор догадывается о подлоге.

Новая ветвь сказа. Поскольку Панджээ уехал, прервав свадьбу, Байнаа-мээрэн решил (с ведома Очира) забрать себе его невесту. Когда чиновник приехал свататься, отец ее болел, а сама она была в гостях. Получив от отца отказ, Байнаа-мээрэн избил его до полусмерти (здесь Чойнхор почему-то употребил формулу «ветви сказа соединились», хотя по существу эпизод не завершен), а вернувшись домой, сострепал приказ о назначении Уран-гоа княжеской служанкой. Джаяту скончался на руках дочери, которую после этого зяля к себе мать Панджээ. Однако вскоре слуги Байнаа-мээрэна силой увели девушку в хошунный центр, где она попала в услужение к жене Очира. В это время Джонхор-ван был вызван в Пекин. Он не захотел оставлять вместо себя Очира и поручил управление хошуном двум сановникам — Добдонбалджиру и Худэр-мээрэну, а брата просил лишь помогать им. Тем не менее Очир-нойон обрадовался, решив, что настал удачный момент захватить власть.

тальными партиями, «ариями» героев и т. д.). Этот текст готовится к изданию в Улан-Баторе; ему посвятил свой доклад Г.-П. Фитце (ГДР) на третьем международном симпозиуме по монгольскому эпосу (1980 г.), проведенном Боннским университетом. Однако русскому читателю данное произведение пока остается недоступным.

Возврат к основной истории. По возвращении Надмид-дзанги доложил о пропаже письма и о своих подозрениях относительно Панджээ. Очир-нойон устроил угощение для табунщиков и сам стал попытаться у Панджээ об украденном письме. Когда же тот упомянул о злополучных восьми сотнях коней, его подвергли истязаниям, а потом бросили в тюрьму. Очнувшись, юноша заплакал: «Если я умру — это ничего, но если и Арслана схватят, кто же совершит народную мстительность?» Узнав о случившемся от Аргун-цэцэг, пятнадцатилетней служанки княгини, Уран-гоа взяла немного еды, достала лекарства и пошла к тюрьме. Это заметил Байнаа-мээрэн, объезжавший сторожевые посты, до крови избил ее, а затем и Аргун-цэцэг. Обоих девушек тоже бросили в тюрьму.

Слухи о восьми сотнях коней, о наказании табунщика и двух девушек, о заточении их в тюрьму достигли ушей Гэмпила, брата Панджээ — непобедимого силача, драчуна и забияки, еще в детстве отданного на воспитание в богатую семью, а затем выгнанного за строптивость приемными родителями. Спустя двое-трое суток, он ночью прокрался к тюрьме, схватил двух охранников и велел им на завтра достать ключ.

Но следующей ночью перепуганные стражники (явно комические персонажи) вовсе не явились на пост; Гэмпил вышиб дверь и, найдя брата едва живым, унес его. Караульщики же доложили: явился-де черный детина, потребовал открыть дверь, а когда они отказались, вышиб ее сам, а их отшвырнул так, что они потеряли сознание. Очир-нойон и Байнаа-мээрэн сразу заподозрили Гэмпила и решили, что дело принимает дурной оборот: если вернется Джонхор-ван и все выплывет наружу, им не сдобровать. За беглецами снарядили погоню, а когда она вернулась ни с чем, на поиски послали Надмида, пригрозив ему тюрьмой. Тот поехал куда глаза глядят и случайно набрел на привал беглецов. Смертельно перепуганный, он упал на колени перед удивленным Панджээ и сказал: «Я кутил в столице двадцать дней, потерял письмо и свалил на тебя. Теперь вас обоих требует к себе Худэр-мээрэн». — «Правду ли ты говоришь?» — спросил Гэмпил грозно. — «Клянусь!» — «Что ж, — думает Гэмпил, — Худер-мээрэн сам из простых людей, он справедлив, он — заместитель Джонхор-вана. Можно вернуться под его защиту и дожидаться князя». И втроем отправились в западную часть хошуного центра. Надмид рассказал обо всем правителю, упомянув про потерю письма (якобы «личного»), про клеветнический навет на Панджээ; совесть-де не позволяет вести братьев к Очир-нойону — забьют до смерти! Худэр-мээрэн распорядился отправить раненого в больницу, а Гэмпила судить за взлом тюрьмы.

Собрался суд: Очир-нойон, Худэр-мээрэн, Байнаа-мээрэн. Худэр-мээрэн разыграл сцену гневного допроса с пристрастием и велел дать виновному 40 ударов (били его только для виду). Все выглядело как настоящая экзекуция, но наказуемый молчал, удивляя и раздражая ни о чем не подозревавшего Очир-нойона. Он потребовал дать еще сорок плетей (небывалое по тяжести наказание!), а потом сам схватил кнут, который от неумелого размаха трижды обмотался вокруг его шеи, оторвал половину уха и свалил его с ног. Когда окровавленный и красный от стыда Очир сел на свое место, Худэр-мээрэн, порадовавшись в душе его унижению, на словах выразил сочувствие. Вызвали Надмида, который, получив всего три удара кнутом (но «настоящих»!), выложил всю правду, после чего Очир (под предлогом дурного самочувствия) и Байнаа-мээрэн покинули суд. Допзнание продолжалось. Учинили допрос табунщикам, заслушали Арслана. После этого Худэр-мээрэн распорядился выпустить из тюрьмы Уран-гоа и Аргун-цэцэг, вызвал из больницы уже несколько оправившегося Панджээ. Получив от Арслана «тайное письмо», он поблагодарил Панджээ за заботу о своем народе и отпустил домой.

Тем временем Джонхор-ван, прибыв ко двору императора, заболел и прислал домой письмо, что задерживается. Это очень обрадовало Очира, решившего, что князь скоро умрет. Готовясь занять княжеский престол, он согнал на восточную половину хошунного центра всех мужчин от 15 до 50 лет строить дворец. После завершения строительства он отдал приказ о проведении надомы. В состязании сильнейших борцов приняли участие Гэмпил и едва оправившийся после болезни Панджээ, который выступил против Ганджурджаба, силача Очир-нойона. По совету Байнаа-мээрэна Ганджурджаб схватил героя за спину, на которой еще не зажили раны. Панджээ потерял сознание, и Ганджурджаб уже собирался убить его, однако герой пришел в себя и отшвырнул противника. Теперь с Ганджурджабом схватился Гэмпил и с такой силой бросил его на землю, что у того изо рта пошла пена.

В страшном гневе Очир-нойон вызвал к себе Гэмпила и велел бить его кнутом. Прибежавший Худэр-мээрэн попытался предотвратить экзекуцию, но Очир велел схватить и его. Остановить незаконные удалось лишь Добдон-балджиру. Очир отпустил и Худэр-мээрэна, и Гэмпила, так и не получившего даров, полагающихся ему как победителю. Худэр-мээрэн рассказал Добдон-балджиру об интриге Очир-нойона и показал ему перехваченное письмо губернатору. Вместе они стали думать о том, как наказать Очира. В это время табунщики (пятнадцать приятелей Панджээ) всячески выражали свое возмущение несправедливыми порядками: победителя соревнования собираются избить, даже не сняв с него одежду борца!

К Очиру приезжает китайский торговец Хэ. По этому случаю устраивают пир. Появляется мать Очира, Хэ — ее давний и близкий друг. Позвали музыкантов и восьмерых служанок, чтобы они танцевали и развлекали гостя. Аргун-цэцэг вбежала в тот самый момент, когда Хэ передавал Очиру пакет от губернатора. В пакете был пистолет, а также письмо, из которого следовало, что губернатор хорошо понял намерения Очира и всячески поддерживает их, но для успеха необходимо послать в столицу Худэр-мээрэна, Панджээ и Гэмпила. Услышав это, Аргун-цэцэг вместе с Уран-гоа побежала в западную часть города, где пировали Панджээ и Гэмпил вместе со своими друзьями-табунщиками, чтобы сообщить им обо всем.

Еще «ветвь сказа»: в западной части города табунщики, узнав о заговоре, совещаются, что делать. Один из них, Тумэр, отправляется на разведку. Придя к восточному дворцу, он слышит выстрелы и, взглянув в щель, видит пьяных господ, причем Очир-нойон сбивает выстрелами курительные свечи, а Хэ хвалит его за меткость и рассказывает, что, мол, сын губернатора может сбить свечу, воткнув в прическу человека. Очир зовет Аргун-цэцэг и, воткнув ей в волосы свечу, стреляет дважды, причем вторым выстрелом убивает девушку. После этого он требует позвать всех служанок и воткнуть им в волосы свечи в качестве мишеней. Тумэр понимает, что ждать больше нельзя и бросается к товарищам. Решено немедленно выступать. По дороге Панджээ заходит к Худэр-мээрэну, и тот разрешает в виду исключительных обстоятельств напасть на восточный дворец. Первым туда врывается Гэмпил, выбивает пистолет у Очира и вытаскивает его наружу. Подоспевшие друзья Гэмпила помогают ему одержать верх над врагами. Гэмпил отказывается выдать Очир-нойона Худэр-мээрэну. Братья спорят, кому принадлежит право казнить злодея. Они тянут его в разные стороны и отрывают Очиру ногу, после чего Панджээ, как более всех пострадавший от козней Очира, убивает его выстрелом из лука. Байнаа-мээрэна он убивает при попытке бежать в столицу к губернатору. После этого он возвращается к невесте, и они едут доигрывать свадьбу.

Худэр-мээрэн рассказывает Добдон-балджиру, что погибло не меньше тридцати дурных людей и можно устраивать пир по случаю победы.

Народ приветствует вернувшегося Панджээ. Вспомнили об Аргун-цэцэг и похоронили ее у западного храма с почетом — как погибшую за народ. Потом спохватились, что нет торговца Хэ, который бежал вместе со старой княгиней. Их поймали и расстреляли из того же самого пистолета на могиле девочки (Хэ — за подстрекательство к убийству, старую княгиню — за предательство своего народа).

* * *

Произведение в целом может быть охарактеризовано как «народный роман» авантюрно-социального типа, построенный на использовании и литературных традиций, и эпического фольклора. К трансформированному эпическим мотивам следует отнести, например, похищение невесты героя (или его молодой жены) в его отсутствие; помощь пленницы в борьбе с врагом; скачки перед свадьбой (хотя и не имеющие характера «брачных испытаний»); пир, с которого начинается ряд кульминационных эпизодов сказа и которым он завершается, а также многие другие.

При этом сказ звучит вполне «реалистически»: он не включает «чуждесных элементов», не наблюдается в нем специфического «мифологизма», характерного для эпоса монгольских народов (можно вспомнить разве что соответствующее мифологическим представлениям размещение в хошунном центре дворцов правителей: «хорошего» в западной части, а «дурного» — в восточной).

Повествование очень четко делится на «сюжетные ходы» и более мелкие единицы: сцены, эпизоды; можно даже предположить некоторое влияние театральных зрелищ. Каждый повествовательный фрагмент организован чрезвычайно стройно, со своей экспозицией и кульминацией, полностью исчерпывающей смысл данного события для всего рассказа в целом. Действия предельно детализированы, что создает эффект некоторой «внешней достоверности», а каждая сюжетно важная акция (например, передача письма, переговоры и др.) подается с «замедлением», обуславливающим напряженное ожидание; отсюда большое количество персонажей-посредников, персонажей-дублеров. Время от времени вводятся и комические персонажи и комические эпизоды, дающие разрядку драматической напряженности конфликта.

Умело применяются приемы построения авантюрного сюжета: прерывание основного действия (незавершенная свадьба), противопоставление истинного и ложного, тайного и явного, реализуемого и нереализуемого (например: приказ и письмо — тайные и явные, истинные и ложные; исполненный и неисполненный приказ, отданное и неотданное письмо; избиение — мнимое и настоящее, которое выдерживает положительный герой и не выдерживает отрицательный, и т. д.). Образы контрастны и в общем соответствуют восходящим еще к типажам эпического фольклора, включая противопоставление «злодея» (одним из основных поступков которого, кстати, является нарушение справедливых и традиционных установлений) и «положительного героя» (борющегося за правду и за благо народа, а потому имеющего его поддержку, хотя и пассивную). «Положительный образ» представлен в двух разновидностях: разумного и сдержанного героя (Панджээ), с одной стороны, и необузданного, вспыльчивого и простоватого богатыря (Гэмпил) — с другой. Соответственно группируются и отрицательные образы. Коварный, трусливый интриган (Байнаа-мээрэн) противопоставлен глуповатому, вспыльчивому злодею (Очир-нойон). В отличие от фольклорного повествования с его весьма ограниченным количеством действующих лиц (во всяком случае, выводимых на сцену одновременно) здесь фигурирует довольно большое количество персонажей: из них не менее 10 участвует в конфликте на протяжении почти всего сказа; в сказе

и в традиционном эпосе, при «тесноте», условно говоря, сценической площадки, их редко бывает более двух-трех.

Несомненна, наконец, демократическая настроенность произведения. Она чувствуется в социальных симпатиях авторов: все положительные герои, даже «выбившиеся наверх», происходят из низов. Это относится к Джонхор-вану (персонажу, практически не действующему, но явно представляющему собой образ «справедливого правителя»), еще в большей мере — к Худэр-мээрэну и даже отчасти — к Надмиду, скорее связанному с комическим началом и объективно способствующему раскрытию истины.

Так в общих чертах выглядит это своеобразное произведение, возникшее непосредственно в русле эпической традиции, причудливо синтезирующее тематику местных преданий с приемами построения острофабульной книжной литературы. Оно весьма наглядно демонстрирует возможности непосредственного «вырастания» романа, причем романа в высшей степени «социального»¹², из народного героического эпоса.

¹² Более подробное рассмотрение этого произведения в связи с данной проблематикой см. в работе: *Неклюдов С. Ю.* Пути сложения сюжетного повествования в монгольской традиционной прозе. В кн.: *Генезис романа в литературах Азии и Африки. Национальные истоки жанра.* М.: Наука, 1980.

А. Л. Налепин

ИЗУЧЕНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА В УНИВЕРСИТЕТАХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

Вопрос о преподавании русского фольклора в высших учебных заведениях Великобритании и США не исследовался в советской фольклористике. Подобное исследование усложняется тем, что сами английские и американские специалисты не имеют четкого представления о состоянии процесса подготовки русистов-фольклористов. Научной общественности остаются неизвестными и студенческие работы по русскому фольклору (как дипломные, так и курсовые), которые были защищены в английских и американских вузах. Между тем такие работы как нельзя лучше отражают уровень преподавания данного предмета в университетах, а также характер той научной среды, в которой формируются будущие специалисты по русскому устному народно-поэтическому творчеству. Без знания учебного процесса и традиций учебных центров нельзя понять эволюцию и представить перспективы английской и американской науки в этой области. Интерес ученых Великобритании и США к тем или иным проблемам русского фольклора не возникает стихийно и во многом определяется научными традициями высших учебных заведений, где воспитывались эти исследователи.

В университетах как Великобритании, так и США нет специальных кафедр русского устного народно-поэтического творчества. Ознакомление студентов с русским фольклором ведется в процессе изучения русской литературы и русского языка. Интенсивность изучения русского фольклора в американских университетах значительно выше, чем в английских. Однако нельзя говорить об изолированности учебных процессов в этих странах: английские и американские студенты, специализирующиеся в области русского фольклора, используют при обучении одинаковую учебную литературу (изданную как в Великобритании, так и в США), а также исследования английских и американских специалистов по русскому фольклору.

Английские ученые стали активно изучать русский фольклор во второй половине XIX в. Основы британской науки о русском фольклоре заложили У. Ролстон¹, Р. Нисбет Бейн². Однако эти ученые не были связаны с университетами, а работали в Славянском отделе Британского музея, который и был в то время неофициальным центром по изучению русского фольклора. В эти годы английские университеты главное внимание уделяли изучению славянских (в том числе и русского) языков. Например, в Оксфорде в 70-х годах XIX в. учреждается «Доцентура славянских наречий» (с 1900 г. — «Кафедра славянской филологии»), а

¹ *Ralston W. R. S. The Songs of the Russian People as Illustrative of Slavonic Mythology and Russian Social Life. London, 1872; idem. Russian Folk-Tales. London, 1873.* и др.

² *Nisbet Bain R. Russian Fairy Tales. London, 1893.*

с 1889 г. вводится изучение русского языка для студентов-славистов, что способствовало развитию русистики в Англии. Однако фольклор занимал в ней незначительное место. Следует отметить, что фольклористика как наука в эти годы в Великобритании еще не сложилась. По справедливому замечанию известной английской исследовательницы русского фольклора Э. Уорнер, в изучении английского фольклора тогда преобладали наблюдения и исследования «полупрофессионала», или «ученого джентльмена», и «только после второй мировой войны изучение британского народного быта стало предметом академической науки»³.

После Великой Октябрьской социалистической революции в Англии возрастает научный интерес к народно-поэтическому творчеству нашей страны. Все предпосылки для университетского изучения русского фольклора уже созрели в ходе развития английской русистики, но именно революция в России ускорила этот процесс. Научная деятельность Р. О. Якобсона, П. Г. Богатырева, Н. С. Трубецкого и других русских ученых во многом определила направление исследований по русскому фольклору на Западе. В Оксфордском университете начинает работать профессор М. И. Ростовцев, автор фундаментальных трудов «Иранцы и греки в Южной России» и «Звериный стиль в Южной России и Китае»⁴; в Лондонском университете приступает к преподаванию Д. С. Мирский, чья «История русской литературы»⁵ до сих пор считается авторитетным учебным пособием. Работа русских ученых в английских университетах стимулировала развитие русистики, но имела также и негативные для английской науки последствия. Это относится в первую очередь к тем русским ученым, которые, оказавшись в эмиграции, встали на открыто антисоветские позиции, и их неприятие Великой Октябрьской социалистической революции, ненависть к Советской России способствовали формированию у части британских русистов ложного, искаженного представления о русской истории, литературе, фольклоре. Характерна в этом отношении статья некоего Дж. Сквайэра «Баллады и народные песни народа России», появившаяся в 1932 г. на страницах газеты «Дейли Телеграф»⁶, где автор внушал читателям, что в отдельных, богатых фольклорными традициями уголках Советской России люди якобы все еще ничего не знают о существовании Советской власти и считают, что во главе государства стоит царь.

Русский фольклор вошел в программы британских университетов незадолго до второй мировой войны, после появления работ выдающихся английских ученых, супругов Чэдвиков. Н. К. Чэдвик была известным славистом, автором фундаментального перевода собрания русских былин⁷, который, по мнению авторитетных западных специалистов⁸, до сих пор считается одним из самых лучших. В нашей стране широко известно исследование об эпосе народов Центральной Азии, написанное Н. К. Чэдвик в соавторстве с В. М. Жирмунским⁹. Г. М. Чэдвик был специалистом по англо-саксонской культуре, основоположником широко распространенной на Западе теории «героического века», главные

³ Уорнер Э. Некоторые аспекты изучения и популяризации народной культуры в Великобритании.— Сов. этнография, 1980, № 3, с. 101.

⁴ Rostovtsev M. I. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922; *idem*. *The Animal Style in South Russia and China*. Paris, 1929.

⁵ Mirsky D. S. *A History of Russian Literature to 1881*. London — N. Y., 1927.

⁶ Squire J. C. *Ballads and Folk-Songs of the Russia People*.— Daily Telegraph, 1932, August, 23rd.

⁷ Chadwick N. K. *Russian Heroic Poetry*. Cambridge, 1932.

⁸ Bailey J. Rev.: Alexander Pronin. *Byliny: Heroic Tales of Old Russia*.— Slavic and East European Journal, 1973, v. 17, № 1, p. 90.

⁹ Chadwick N. K. and Zhirmunsky V. M. *Oral Epics of Central Asia*. London: Cambridge University Press, 1969. Из зарубежных отзывов на эту книгу см: Tatar Bards.— Times Literary Supplement. London, 1969, June 12th, № 3511.

положения которой были разработаны им еще в 1912 г.¹⁰. Занимаясь сравнительным анализом греческого и германского эпосов, Г. М. Чэдвик выдвинул теорию «героического века» как определенной стадии в процессе развития цивилизации, через которую проходят все народы. Этот период получает свое отражение в раннем эпосе. Наиболее сильной стороной теории Чэдвика было требование комплексного изучения цивилизации, т. е. не только истории народа, но и его литературы, искусства, языка, археологии, топонимики и т. д. Г. М. Чэдвик организовал в Кембридже Школу археологии и антропологии и руководил в ней «Секцией В», которая как раз и занималась этой комплексной проблемой. В 1932—1940 гг. Г. М. и Н. К. Чэдвики выпускают в издательстве Кембриджского университета трехтомный труд «Развитие литературы»¹¹, своего рода историю мировой эпической литературы — греческой, германской, кельтской, славянской, индийской, эскимосской, полинезийской. Второй том этой работы был посвящен русской былинной поэзии. Книга «Развитие литературы» не только восполнила существенный пробел в изучении русского эпоса зарубежной фольклористикой, но и заложила основы университетского курса русского фольклора, который в те годы впервые вошел в учебные программы Кембриджа. Известный американский фольклорист Р. Дорсон считает, что в фольклористике XX в. «два научных подвига революционизировали изучение эпоса»¹² — это известная теория Перри — Лорда о функции словесных формул в эпосе и деятельность супругов Чэдвиков (в первую очередь, теория «героического века»). Однако концепция «героического века» объективно совпадала с некоторыми положениями русской исторической школы, на что справедливо указывал Е. М. Мелетинский: «Чувствуется прямая зависимость Чэдвиков от дореволюционной русской науки и в методологическом отношении — их труд пронизан идеями так называемой „исторической школы“»¹³. Свое исследование Чэдвики строили в основном на работах В. Ф. Миллера, и в частности на его «Очерках русской народной словесности». К сожалению, Чэдвики не смогли ознакомиться с исследованиями многих русских и советских фольклористов. Недаром на протяжении всей книги они постоянно делают оговорки: «...весьма мало книг по этим вопросам приходит в английские библиотеки, и русские книги не всегда легко получить», или — «работа Терещенко была нам недоступна», или о работах Н. И. Коробки — «работы, упомянутые ниже, были недоступны нам» и, наконец, о книге Ю. М. Соколова «Русский фольклор» — «наши попытки получить копию данной работы не увенчались успехом»¹⁴.

Таким образом, английские студенты (а также студенты всех англоязычных стран), знакомясь с русским фольклором по книге Чэдвиков, получали в значительной мере одностороннее представление о его специфике и проблемах, а тем более о русской фольклористике.

Уместно вспомнить, что даже английский фольклор стал активно изучаться в британских университетах лишь 20 лет назад, «когда почти одновременно были основаны две кафедры британской этнографии в университетах Лидса и Шеффилда»¹⁵. Сегодня в Великобритании более 40 университетов, но кафедры фольклора существуют не в каждом из них. Исследования по русскому фольклору, как это ни парадоксально,

¹⁰ Chadwick H. M. The Heroic Age. Cambridge, 1912.

¹¹ Chadwick H. M. and Chadwick N. K. The Growth of Literature. V. 1—3. Cambridge, 1932—1940.

¹² Heroic Epic and Saga. An Introduction to the World's Great Folk Epics/Ed. Oinas Felix. Bloomington and London, 1978, p. 1.

¹³ Мелетинский Е. М. Вопросы теории эпоса в современной зарубежной науке. — Вопросы литературы, 1957, № 2, с. 94.

¹⁴ Chadwick H. M. and Chadwick N. K. Op. cit. V. II. Cambridge, 1936, p. XIV; ibidem, p. 233; ibidem, p. 127; ibidem, p. 284.

¹⁵ Уорнер Э. Указ. раб., с. 101.

имеют более длительную историю. Русский фольклор изучается в основном на кафедрах славянских языков и литературы, однако нельзя говорить о целостной системе преподавания данного предмета в английских вузах. Изучение русского фольклора носит фрагментарный характер, и деятельность британских русистов-фольклористов практически не отражена в многочисленных обзорах состояния современной англо-американской русистики¹⁶. Английская русистика, в том числе и фольклористика, тесно связана с так называемой «советологией», причем исследования такого рода особенно активно начались после второй мировой войны.

К сожалению, подлинно научное изучение русского языка, истории литературы, фольклора соседствует в странах Запада с исследованиями, ведущимися в так называемых «советологических» центрах, тесно связанных с разведывательными и пропагандистскими службами. В период «холодной войны» в Великобритании такие центры возникли и при университетах, самыми крупными из которых были Институт по изучению Советского Союза при университете в Глазго и Институт по изучению СССР и стран Восточной Европы при Бирмингемском университете. Британские «советологи», как правило, являются членами Национальной ассоциации исследований Советского Союза и стран Восточной Европы, которая объединяет более 200 специалистов¹⁷. В свою очередь Национальная ассоциация тесно сотрудничает с находящимся в Париже Международным комитетом исследований СССР и стран Восточной Европы, который координирует деятельность всех западных «советологических» центров¹⁸.

Главное место в британской русистике занимает преподавание русского языка и литературы¹⁹. Фольклор изучается, как уже говорилось, лишь в рамках курса истории русской литературы. В университетах Великобритании не существует единой программы обучения, и каждый вуз, а также его колледжи вполне самостоятельны в постановке процесса обучения студентов. Как правило, интерес студентов к русскому фольклору возникает несколько стихийно и во многом зависит от традиций тех учебных центров, где эти студенты проходят курс обучения. В последние годы наиболее интенсивно русский фольклор изучается в Лондонском университете, где функционирует Школа славянских и восточноевропейских исследований. В университете работают такие известные на Западе русисты-фольклористы, как М.-Г. Уосин, автор интересной монографии «Некоторые структурные и тематические аспекты русской народной сказки»²⁰, Д. Рейнфилд, специализирующийся на русском и грузинском фольклоре²¹. В Гулльском университете преподает Э. А. Уорнер — единственный в Великобритании и США специалист по русской народной драме, автор книги «Русский народный театр»²².

С русским фольклором английские студенты знакомятся по учебной

¹⁶ Russian Research Center, Cambridge. Ten-Year Report. Cambridge, 1958; *Phelps G.* The Early Phases of British Interest in Russian Literature. Slavonic and East European Review, 1960, № 91; *Dossick J. J.* Doctoral Dissertations on Russia, the Soviet Union and Eastern Europe Accepted by American, Canadian and British Universities.— *Slavic Review*, 1969, v. 28, № 4; 1971, v. 30, № 4; 1972, v. 31, № 4.

¹⁷ Подробнее о «советологических» центрах см.: *Марушкин Б. И.* Советология: расчеты и просчеты. М.: Политиздат, 1976; *Филатов С.* На службе антикоммунизма.— *Правда*, 1979, 6 марта.

¹⁸ См. бюллетень Комитета: *International Newsletter* (Paris, France).

¹⁹ Об изучении русской литературы в Великобритании см.: *Григорьев А. Л.* Русская литература в зарубежном литературоведении. Л.: Наука, 1977; *Машинский С. И.* Русская литература в британских университетах.— *Вопросы литературы*, 1968, № 10.

²⁰ *Wosien M.-G.* The Russian Folk-Tale. Some Structural and Thematic Aspects. München: Verlag Otto Sagner, 1969.

²¹ *Rayfield D.* The Heroic Ethos of Russian and Georgian Folk Poetry.— *The Slavonic and East European Review*, 1978, v. 56, № 4.

²² *Warner E. A.* The Russian Folk Theatre. The Hague — Paris: Mouton, 1977.

хрестоматии «Русская народная словесность», выпущенной в 1967 г. в Оксфорде под общей редакцией Д. П. Костелло и И. П. Фута²³. В книге представлены тексты некоторых жанров русского фольклора (былины, сказки, исторические и лирические песни, духовные стихи), а также помещены подробные научные комментарии к каждому из указанных жанров. Студенту предлагается русский текст и английский комментарий к нему, а также библиография по данной теме. Эта антология является своеобразным путеводителем по русскому фольклору, дает общее представление о некоторых жанрах, вводит англоязычного студента в круг научных проблем, связанных с исследованием этих жанров.

В университетах США, как показывает анализ фольклорных программ, русский фольклор также изучается в процессе ознакомления студентов с историей русской литературы²⁴. Исключение составляют Гарвардский университет с сильной кафедрой славяноведения, Индианский университет, где преподает крупнейший американский специалист по русскому устному народно-поэтическому творчеству профессор Ф. Ойнас, а также колледж в г. Фресно, где общий курс русского фольклора ведет профессор А. Пронин.

В 1971 г. в США насчитывалось 1185 университетов и колледжей. Согласно справочнику «Диссертации и курсовые работы по фольклору в Соединенных Штатах», составленному известным американским фольклористом А. Дандесом²⁵, с 1860 по 1968 г. только в 281 университете и колледже было защищено 3537 докторских и магистерских диссертаций по фольклору, причем большинство работ было посвящено народно-поэтическому творчеству народов США. Первая в США диссертация по русскому фольклору была защищена в 1918 г.²⁶, а к 1967 г. число работ по этой теме достигло 20. Для лучшей наглядности сведем имеющиеся данные в таблице диссертаций по теме «Русский фольклор», защищенных в университетах и колледжах США.

Как видно из таблицы, американские ученые весьма широко трактуют понятие «фольклор», рассматривая его как комплекс различных элементов традиционной культуры народа. Именно поэтому в раздел «Русский фольклор» Дандесом включены диссертации на этнографические и лингвистические темы. Русскому фольклору в приведенном перечне посвящено 13 диссертаций²⁷, и анализ тематики этих работ позволяет определить примерную направленность научно-педагогической деятельности крупнейших вузов США.

Гарвардский университет, основанный еще в 1636 г., относится к числу наиболее престижных американских вузов. Показателем научного уровня американского университета является число подготовленных в нем докторов наук. Тот факт, что в Гарварде за 11 лет было защищено три докторские диссертации по русскому фольклору, свидетельствует о стабильном интересе ученых этого вуза к русскому устному народно-поэтическому творчеству. Гарвардский университет обладает самой крупной в США университетской библиотекой, насчитывающей

²³ Russian Folk Literature/Ed. Costello D. & Foote I. Oxford, 1967.

²⁴ Dorson R. The Growth of Folklore Courses.— Journal of American Folklore, 1950, v. 63, № 249; Leach M. E. Folklore in American Colleges and Universities.— JAF Supplement, 1958; Baker R. Folklore Courses and Programs in American Colleges and Universities.— Journal of American Folklore, 1971, v. 84, № 332; Longenecker G. J. The Place of Folklore and Folkloristics in California Community Colleges.— Western Folklore, 1976, v. XXXV, № 1.

²⁵ Folklore Theses and Dissertations in the United States/Compiled Dundes Alan. Austin: Texas University, 1976.

²⁶ Заметим, что первая в США диссертация по русской литературе была защищена в 1924 г. См. Григорьев А. Л. Указ. раб., с. 147.

²⁷ Для сравнения сообщим, что за тот же период, например, по украинскому фольклору было защищено две диссертации (обе в Колумбийском университете), а по армянскому фольклору — 10 работ.

Диссертации по русскому фольклору, защищенные в университетах и колледжах США

Год	Университет или колледж	Автор и тема	Ученая степень
1918	Калифорнийский ун-т (Беркли)	В. Г. Брекенфельд Характер и техника русской сказки	Магистр
1930	Колумбийский ун-т	Б. Ван Розен «Песнь о Роланде» и русский эпос	»
1934	Учительский колледж Джордж Пибоди	Т. Стид Вклад русских в танец	»
1942	Сиракузский ун-т	В. М. Томас Национальные особенности русской музыки	»
1944	Индианский ун-т	В. Ф. Престон Теория фольклора и современная русская школа	»
1945	Питсбургский ун-т	Д. Дж. Кокс Изучение некоторых мотивов древнерусской резьбы по дереву	»
1952	Колумбийский ун-т	В. Е. Харкинс Русский народный эпос в чешской литературе (1800—1900 гг.)	Доктор
1955	Рэдклиффский колледж (женский колледж) Гарвардского ун-та)	Э. Стенбок-Фермор История о Ваньке Каине и русский фольклор	»
1956	Пенсильванский ун-т	Р. Блэйр Национальная кухня восточных славян	»
1957	Музыкальная школа ун-та Истмэн Рочестер	Л. К. Чок Гармонизация М. А. Балакиревым народных песен	Магистр
1961	Техасский ун-т	Э. Дж. Червенка Лингвистическое изучение русских пословиц	»
1962	Джорджтаунский ун-т	К. Л. Далб Плачи в русском фольклоре	»
1963	Калифорнийский государственный колледж в Лос-Анжелесе	И. А. Вандердеккен История и развитие древнерусской иконы	»
1963	Индианский ун-т	М. Д. Шмаер Изучение «Морфологии сказки» В. Я. Проппа в сравнении с работами Л. Рэглана и О. Ранка	»
1964	Джорджтаунский ун-т	О. Зогби Некоторые наблюдения над фольклорными источниками «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина	»
1964	Гарвардский ун-т	М. И. Левин Повтор как структурный элемент в русской пословице	Доктор
1964	Ун-т Рутгерс	Дж. Лулевич Собрание русских народных песен, аранжированных для школьного оркестра	Магистр
1965	Техасский ун-т	Р. Г. Джонс Язык и просодия русского народного эпоса	Доктор
1966	Гарвардский ун-т	Дж. Кэрей Исследование русских пословиц, собранных и не опубликованных Дале и Симони (диссертация на французском языке)	»
1967	Пенсильванский государственный ун-т	Р. Жгута Былины: их значение как исторических памятников	»

8 278 000 томов²⁸, и огромным научным архивом, фольклорная коллекция которого уже в XIX в. считалась одной из лучших в мире. В Гарварде в прошлом веке преподавал известный американский мифолог профессор Ф. Чайлд; здесь начинал свою научную деятельность его ученик Дж. Д. Кёртин, положивший начало комплексному сравнительному изучению в США русского фольклора²⁹. На кафедре славяноведения в разные годы преподавали такие известные слависты, как Л. Винер, С. Кросс, Р. О. Якобсон и другие.

В Гарварде работает один из интереснейших американских теоретиков-фольклористов — профессор А. Лорд, чья докторская диссертация по сравнительному анализу европейского эпоса (1948 г.) легла в основу его известной книги «Певец сказаний»³⁰. После выхода этой книги западные фольклористы при исследовании эпоса любого народа анализируют словесные формулы эпических текстов с учетом метода Пэрри — Лорда.

Во время второй мировой войны из оккупированной фашистами Чехословакии в США эмигрировал Р. О. Якобсон, ставший профессором кафедры славяноведения Гарвардского университета. По его инициативе на кафедре был предпринят ряд начинаний, в частности, в области изучения славянского эпоса. Славянский эпос (в том числе и русский) был включен в программы специальных курсов и исследовательских работ университета³¹. Сегодня можно говорить о «школе Якобсона» в Гарварде. Среди его учеников заметное место в американской русистике занимают Э. Стенбок-Фермор, М. И. Левин и Дж. Карей. Выпускница Рэдклиффского колледжа Гарвардского университета Э. Стенбок-Фермор в 1955 г. защитила докторскую диссертацию на тему «История о Ваньке Каине и русский фольклор», часть которой была опубликована в «Журнале американского фольклора»³². Этой работой, а также книгой известного датского слависта К. Стифа³³ ограничиваются западные исследования русской исторической песни. Стенбок-Фермор занималась также изучением проблемы «Фольклор и русская литература». Она автор ряда статей на эту тему, из которых наиболее интересна работа «Элементы фольклора в ранних произведениях Толстого»³⁴.

М. И. Левин, защитивший в 1964 г. докторскую диссертацию о структуре русских пословиц, считается одним из авторитетных специалистов по этому жанру³⁵. Докторская диссертация Дж. Карей «Исследование русских пословиц, собранных и не опубликованных Далем и Симони» (1966 г.), была основана на архивных материалах Гарвардского университета. В 1972 г. она вышла в издательстве «Мутон» под заглавием «Русские эротические пословицы»³⁶. Гарвард — единственный в США научный центр, где изучение русских пословиц ведется столь интенсивно и целенаправленно. Гарвард выделяется среди других университетов США академическим характером исследований по фольклору; весь процесс обучения будущих славистов направлен на то, что-

²⁸ Здесь и далее сведения об университетских библиотеках приводятся по изданию: The New York Times Encyclopedic Almanac 1972. N. Y., 1972, p. 426.

²⁹ Более подробно о Ф. Чайлде и Дж. Кёртине см.: *Налепин А. Л.* К вопросу об изучении русской сказки в Америке (конец XIX — начало XX в.). — В кн.: Проблемы этнографии и этнической антропологии. М.: Наука, 1978.

³⁰ *Lord A. B.* The Singer of Tales. Cambridge, Mass., 1960.

³¹ *Studies in Russian Epic Tradition. Issue I.* Leiden, 1954, p. VII.

³² *Stenbock-Fermor E.* The Story of Van'ka Kain. — *Journal of American Folklore*, 1956, v. 69, p. 254—265.

³³ *Stief C.* Studies in the Russian Historical Songs. København, 1953.

³⁴ *Stenbock-Fermor E.* Elements of Folklore in an Early Works of Tolstoy. In: For Roman Jakobson/Compiled *Halle Morris et al.* The Hague, 1956.

³⁵ *Levin M. I.* The Structure of the Russian Proverb. — In: Studies Presented to Professor Roman Jakobson by His Students. Cambridge, Mass., 1968.

³⁶ *Carey J. C.* Les Proverbes érotiques russes. Etudes de proverbes recueillis et publiés par Dal' et Simoni. The Hague — Paris: Mouton, 1972.

бы они получили глубокие и обширные знания в тех или иных областях славистики. Славист с дипломом Гарвардского университета имеет в США высокую научную репутацию. Вместе с тем нельзя не отметить, что некоторые публикации этого университета по русской литературе и истории общественной мысли не лишены «советологической окрашенности».

Колумбийский университет, основанный в 1754 г., также один из престижных американских вузов. Его библиотека насчитывает 4 092 000 томов (5-е место среди университетских библиотек). К русскому фольклору ученые университета впервые обратились в 30-е годы XX в., когда на кафедре французского языка была защищена диссертация «Песнь о Роланде и русский эпос». Справедливости ради следует заметить, что ни эта диссертация, ни ее автор Б. Ван Розен не оказали сколько-нибудь заметного влияния на изучение русского фольклора в Колумбийском университете. Известность этого вуза как одного из центров изучения славянского фольклора связана с именем В. Харкинса, крупного американского фольклориста, в течение многих лет занимающегося сравнительной поэтикой славянского эпоса. Защитив в 1952 г. докторскую диссертацию на тему «Русский народный эпос в чешской литературе 1800—1900 гг.», Харкинс в течение ряда лет занимался составлением обобщающих библиографий по русскому и славянскому фольклору. В последние годы широкую известность в западной науке получили его работы о словесных формулах в эпосе, о сравнительном анализе тематики и композиционной структуры русских и чешских баллад, о фольклорных элементах в произведениях древнерусской литературы³⁷.

Техасский университет (Остин) был основан в 1883 г. Его библиотека насчитывает 2 270 000 томов (17-е место среди университетских библиотек). Это сравнительно новый центр американской фольклористики, специализирующийся на структуралистских исследованиях. Об этом говорят как тематика защищенных диссертаций, так и публикации этого вуза. Русский фольклор не привлекает специального внимания ученых университета. Здесь были защищены лишь две диссертации: магистерская — Червенки о лингвистическом анализе русских пословиц (1961 г.) и докторская — Р. Джонса о языке и просодии русского эпоса (1965 г.). Профессор Джонс в настоящее время — ведущий американский специалист в области метрики былинного стиха, и его докторская диссертация, изданная в 1972 г.³⁸, получила высокую оценку в западной фольклористике³⁹. Техасский университет практикует публикацию переводов на английский язык работ иностранных ученых, использующих в своих исследованиях метод структурного анализа. Так, в издательстве Техасского университета вышло второе в США издание «Морфологии сказки» В. Я. Проппа⁴⁰; ученые университета участво-

³⁷ *Harkins W. E. The Russian Folk Epos in Czech Literature. N. Y., 1951; idem. Bibliography of Slavic Literature. N. Y., 1953; idem. Dictionary of Russian Literature. N. Y., 1956, Харкинс В. О метрической роли словесных формул в сербохорватском и русском народном эпосе.* — В кн.: *American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. Sofia, September, 1963. V. II. The Hague — Paris: Mouton, 1963; Харкинс В. К сравнению тематики и композиционной структуры русской и чешской народной баллады.* — В кн.: *American Contributions to the Sixth International Congress of Slavists. Prague, August 7—13, 1968. V. II. The Hague — Paris: Mouton, 1968; Harkins W. E. The Symbol of the River in the Tale of Gore-Zločastie.* — In: *Studies in Slavic Linguistics and Poetics in Honor of Boris Unbegaun. N. Y., 1968.*

³⁸ *Jones R. G. Language and Prosody of the Russian Folk Epic. The Hague — Paris: Mouton, 1972.*

³⁹ *Bailey J. Rev.: Roy G. Jones. Language and Prosody of the Russian Folk Epic.* — *Slavic and East European Journal, 1973, v. 17, № 3.*

⁴⁰ *Propp V. Morphology of the Folktale. Austin — London: University of Texas Press, 1968.*

вали и в подготовке сборника «Советские фольклористы-структуралисты»⁴¹, первый том которого вышел в свет в 1974 г.

Индианский университет, основанный в 1820 г., в настоящее время самый крупный в США научно-педагогический центр изучения русского фольклора. Библиотека университета имеет 2 753 000 томов (12-е место среди университетских библиотек). При университете существует Фольклорный институт, руководителем которого с момента его образования в 1946 г. стал известный американский фольклорист С. Томпсон. Приверженец финской школы, Томпсон во многом определил и направление исследований в области русского фольклора. Не случайно защищенные здесь две магистерские диссертации посвящены теоретическим аспектам русского фольклора: В. Престон «Теория фольклора и современная русская школа» (1944 г.) и М. Шмаер «Изучение „Морфологии сказки“ В. Я. Проппа в сравнении с работами Л. Рэглана и О. Ранка» (1963 г.). По инициативе Томпсона в 1958 г. в издательстве Индианского университета вышел первый английский перевод «Морфологии сказки» Проппа⁴², который по справедливому замечанию Е. М. Мелетинского, стал «мощным толчком для структурно-типологического изучения сказки в Соединенных Штатах»⁴³. В 60-е годы начался качественно новый этап в изучении русского фольклора в Индианском университете, что связано с энергичной деятельностью самого авторитетного в настоящее время специалиста в этой области, профессора Ф. Ойнаса. Еще в 1958 г. на IV Международном конгрессе славистов в Москве он выступил с докладом об истории контактов между русским и балто-финскими языками, где выдвинул тезис о существовании поздних взаимных контактов между вепским, карельским и вотским языками и русскими наречиями Карелии в области фонологии, словообразования и лексики. Продолжая изучение региона, Ойнас публикует в 1969 г. известную работу «Исследования в области финско-славянских фольклорных отношений»⁴⁴. Автор ряда интересных трудов по былинному эпосу⁴⁵, профессор Ойнас — инициатор активного изучения русского фольклора в Индианском университете, организатор циклов лекций, освещающих мировую эпическую традицию (в том числе и русскую)⁴⁶. Ойнас много сделал для популяризации в США работ советских фольклористов. Он принимал активное участие в подготовке второго и третьего изданий перевода на английский язык учебника Ю. М. Соколова «Русский фольклор», которые вышли с его предисловием и библиографией (к библиографии, составленной Соколовым в 1938 г., Ойнасом добавлено 146 новых работ). Под редакцией Ф. Ойнаса и С. Судакова вышел в свет сборник «Изучение русского фольклора»⁴⁷, который широко используется в англоязычных странах

⁴¹ Soviet Structural Folklorists/Ed. Maranda P. V. I. The Hague — Paris: Mouton, 1974.

⁴² Propp V. Morphology of the Folktale.—Indiana Universities Research Center in Anthropology, Folklore and Linguistics. Publication Ten. Bloomington, 1958.

⁴³ Мелетинский Е. М. Структурно-типологическое изучение сказки.— В кн.: Пропп В. Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969, с. 152.

⁴⁴ Oinas F. J. Russian and Eastern Balto-Finnic Linguistic Contacts.— In: American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists. Moscow, September 1958. The Hague — Paris: Mouton, 1958; *idem*. Studies in Finnic-Slavic Folklore Relations. Selected Papers.— «FF Communications», Helsinki, 1969, № 205. Анализ этой работы см. в кн.: Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976, с. 70—76.

⁴⁵ Oinas F. J. Folk Epic. Chicago, 1972; *idem*. The Problem of the Aristocratic Origin of Russian Byliny.— Slavic Review, 1971, v. 30, p. 513; *idem*. Russian Bylina.— In: Heroic Epic and Saga. An Introduction to the World's Great Folk Epics/Ed. Oinas F. J. Bloomington & London: Indiana University Press, 1978.

⁴⁶ Heroic Epic and Saga. An Introduction to the World's Great Folk Epics/Ed. Oinas F. J. Bloomington & London: Indiana University Press, 1978.

⁴⁷ Sokolov Y. M. Russian Folklore. Hatboro, 1966; *idem*. Russian Folklore. Detroit, 1971; The Study of Russian Folklore/Ed. and Transl. Oinas F. J., Soudakoff Stephen. The Hague — Paris: Mouton, 1975.

в качестве учебного пособия для студентов. В сборнике представлены переводы некоторых работ Б. М. и Ю. М. Соколовых, В. М. Жирмунского, М. К. Азадовского, В. И. Чичерова, А. П. Скафтымова, А. М. Астаховой, И. Н. Розанова, А. И. Никифорова, В. Я. Проппа, Э. В. Померанцевой, В. П. Аникина, М. М. Плисецкого, В. Г. Базанова, П. Д. Ухова, М. О. Габбель, Е. М. Мелетинского, Д. М. Балашова, К. В. Чистова. Сборник снабжен обширной библиографией по всем жанрам русского фольклора, а также краткими сведениями о каждом из представленных авторов.

Ряд работ Ойнаса посвящен истории советской фольклористики; однако ему подчас изменяет чувство научной объективности, на что справедливо указывали советские ученые⁴⁸.

Среди ученых университета следует также выделить профессора Патрицию Арант, специалиста по поэтике былин, автора ряда работ о роли словесных формул в русском эпосе⁴⁹.

Индианский университет имеет прочные научные связи с издательством «Мутон», принимая участие практически во всех его изданиях.

Джорджтаунский университет, основанный в 1789 г., относится к числу «средних» американских вузов. К сожалению, в литературе нет какой-либо исчерпывающей информации о деятельности русистов этого университета. Можно лишь предположить, что диссертации К. Далб «Плачи в русском фольклоре» (1962 г.) и О. Зогби «Некоторые наблюдения над фольклорными источниками „Сказки о царе Салтане“ Пушкина» (1964 г.) были защищены на кафедре русского языка, так как обеим соискательницам были присвоены звания магистров русского языка. В западных библиографиях по русскому фольклору работы Далб и Зогби не встречаются.

Из ученых других американских вузов следует упомянуть адъюнкт-профессора кафедры истории университета Миссури — Колумбия Р. Жгуту, защитившего в 1967 г. в Пенсильванском государственном университете докторскую диссертацию «Былины: их значение как исторических источников». Некоторые исследования Жгуты фигурируют в основных библиографиях по славянскому фольклору; в частности, широко известны его работы о скоморохах, о былинах Киевского цикла. Одно из последних исследований Жгуты посвящено монетной системе Киевской Руси⁵⁰; в нем автор приходит к интересным выводам о византийско-киевских торговых и культурных связях.

В Висконсинском университете много и плодотворно занимается метрикой русского фольклора профессор Дж. Бэйли⁵¹. Ряд ученых, не являющихся фольклористами по основной специальности, в ходе своей научно-педагогической деятельности иногда обращаются к русскому фольклору. Это, например, известный литературовед, профессор

⁴⁸ Oinas F. J. Folklore Activities in Russia.— *Journal of American Folklore*, 1961, v. 74, № 294; Oinas F. J. Folklore and Politics in the Soviet Union.— *Slavic Review*, 1973, v. 70, № 1; подробнее о «советологических» выступлениях Ойнаса см.: Землянова Л. М. Современная американская фольклористика. Теоретические направления и тенденции. М.: Наука, 1975, с. 37.

⁴⁹ Arant P. Formulaic Style and the Russian Bylina.— «*Indiana Slavic Studies*», 1967, № 4; *idem*. Excursus on the Theme in the Russian Oral Epic Songs.— In: *Studies Presented to Professor Roman Jakobson by His Students*. Cambridge, Mass., 1968; *idem*. Concurrence of Patterns in the Russian Bylina.— *Journal of the Folklore Institute*, 1970, № 7.

⁵⁰ Zguta R. Skomorokhi: The Russian Minstrel-Entertainers.— *Slavic Review*, 1972, v. 31, 292—313; *idem*. Kievan Byliny: Their Enigmatic Disappearance from Kievan Territory.— *Journal of the Folklore Institute*, 1972, № 9; *idem*. Kievan Coinage. The Slavonic and East European Review. 1975, v. LIII, № 133.

⁵¹ Bailey J. Literary Usage of a Russian Folk Song Meter.— *The Slavic and East European Journal*, 1970, v. XIV, № 4; *idem*. The Epic Meters of T. G. Rjabinin as Collected by A. F. Giff'erdin.— In: *American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists*. Warsaw, August 21—27, 1973. V. I. The Hague — Paris: Mouton, 1973.

Индианского университета У. Эджертон — автор статьи о привидениях в русской сказке, а также доктор археологии и антропологии И. А. Лопатин, получивший это звание в 1931 г. в университете Южной Калифорнии за исследование «Куль мертвых у коренных жителей бассейна Амура», который написал единственную на английском языке работу о современной частушке⁵².

Русский фольклор изучается не только в университетах США, но и в некоторых колледжах. В нью-йоркском колледже Хантер преподает выпускник Колумбийского университета профессор А. Е. Александер, автор оригинальной теории об эволюции былинного эпоса из волшебной сказки⁵³. Александер — один из наиболее эрудированных западных русистов-фольклористов, считающий себя последователем В. Я. Проппа. Сравнительное изучение жанров русского фольклора — явление для США недавнее, начало ему положили работы профессора Александра.

В колледже г. Фресно (Калифорния) спецкурс русского фольклора читает доктор философии А. Пронин, однако следует отметить, что его деятельность выходит за рамки чисто научной. Выпускник Калифорнийского университета (Беркли), председатель Калифорнийского отдела Американской ассоциации преподавателей славянских и восточно-европейских языков, Пронин считается одним из лучших в США переводчиков с русского языка (достаточно сказать, что он аккредитован в качестве переводчика при Госдепартаменте США). Пронин — автор двух учебных пособий по русскому фольклору: «Былины: героические сказания Древней Руси» и «История древней русской литературы. Лекции на двух языках»⁵⁴, где 10 лекций посвящены фольклору. Характерно, что обе книги Пронина выпущены находящимся в ФРГ антисоветским издательством «Посев», которое никогда не издавало работ по фольклору. Содержание этих книг производит странное впечатление. Например, в «Истории древней русской литературы» излагаются весьма краткие сведения о русском фольклоре, дается беглый обзор основных жанров, причем русский текст дублируется английским, что позволяет читателям правильно усвоить перевод терминов. Эта книга является в большей мере лингвистической разработкой темы «русский фольклор» для изучающих русский язык, чем учебным пособием по фольклору. Работы Пронина предназначены для определенного круга читателей; необходимо сказать, что в свое время он работал в «советологическом» отделении по изучению России при Джорджтаунском университете, а также преподавал русский язык в Высшей школе изучения международных проблем Джона Гопкинса и в Институте иностранных языков американской армии в Монтерее (Калифорния). Вполне очевидно, что книги Пронина предназначены главным образом для военнослужащих американской армии, «специализирующихся» на СССР. По мнению авторитетных специалистов, в настоящее время «в штате Министерства обороны США содержится более трех тысяч специалистов — журналистов, психологов, социологов, лингвистов, занимающихся вопросами повышения пропагандистской эффективности материалов, направляемых средствами массовой информации»⁵⁵, и Пронин является одним из таких «специалистов». Не следует думать, что служение определенным политическим, разведывательным и другим не относящимся

⁵² Edgerton W. B. The Ghost in Search of Help for Dying Man.— Journal of the Folklore Institute, 1968, № 5; Lopatin I. A. What the People Are Now Singing in a Russian Village.— Journal of American Folklore, 1951, v. 64, p. 179—190.

⁵³ Alexander A. E. Bylina and Fairy Tale. The Origins of Russian Heroic Poetry. The Hague — Paris, Mouton, 1973.

⁵⁴ Pronin A. Byliny: Heroic Tales of Old Russia, Frankfurt am Main. *idem*. 1971; History of Old Russian Literature. Bilingual Lectures. Frankfurt am Main, 1968.

⁵⁵ Амельченко В. Пропагандисты милитаризма и войны.— Советское военное обозрение, 1981, № 2, с. 48.

к науке целям — явление для западной русистики новое и редкое. Факты говорят о том, что не только названные, но и некоторые другие русисты (в том числе и занимающиеся фольклором) тесно сотрудничают с «советологическими» центрами, институтами, отделениями, которые существуют при различных университетах: Русским исследовательским центром при Гарвардском университете, Русским институтом при Калифорнийском университете (Беркли), отделением по изучению России при Джорджтаунском университете и др.

Кроме того, система подготовки русистов различного профиля строго контролируется правительственными органами США. По мнению доктора С. Мюллера, президента университета Джона Гопкинса, американские университеты «были мобилизованы федеральным правительством на вторую мировую войну в 1941 г., а демобилизация произошла только 25 лет спустя». В период «холодной войны» и до начала 70-х годов вся система высшего образования США прямо подчинялась так называемым «интересам национальной безопасности». Многие отрасли университетской науки в этот период выполняли правительственные военные программы и контролировались специальными законами, а «изучение иностранных языков и региональные исследования (в том числе этнографические. — А. Н.) — Федеральным законом по военной подготовке»⁵⁶. После крупных студенческих волнений 60-х годов и поражения США во Вьетнаме правительственный контроль над деятельностью университетов несколько ослаб, хотя, как считает С. Мюллер, вопросы «национальной безопасности» все еще продолжают играть важную роль в системе высшего образования.

Правительственные, пропагандистские, разведывательные и другие организации Великобритании и США требуют все больше и больше специалистов со знанием иностранного языка, в том числе и русского. Утверждается даже, что подготовка специалистов такого рода — задача стратегической важности, о чем достаточно откровенно говорит американский политический обозреватель Флора Льюис: «Разговоры о возрождении влияния США в мире сосредотачиваются на вооружении, разведке, на интенсивных политических и экономических переговорах... Эффективное использование этих средств требует знания иностранных языков»⁵⁷.

Подготовка русистов широкого профиля, в том числе и специализирующихся на фольклоре, также является составной частью правительственных программ и продиктована не только научными интересами.

Такова общая картина преподавания и изучения русского фольклора в высших учебных заведениях Великобритании и США. Сегодня русский фольклор занимает известное место в процессе подготовки английских и американских русистов. Интенсивность изучения этой дисциплины в университетах различна, однако вряд ли правомерно выделять какой-либо английский или американский вуз в качестве единственного «лидера» в области изучения русского фольклора. Исторически сложившаяся «специализация» университетов в освоении различных жанров русского фольклора, а также методов его исследования при активной правительственной поддержке создала более или менее целостную систему обучения будущих британских и американских русистов, специализирующихся на русском фольклоре.

⁵⁶ Muller J. Toward a New American University.— Dialogue, 1980, v. 13, № 1, p. 4.

⁵⁷ Lewis F. The Language Gap.— International Herald Tribune, 1981, February 18th.

Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА В ЯПОНИЮ

За последние годы укрепились и расширились научные контакты Института этнографии АН СССР и Национального музея этнологии Японии (Нихон кокурицу миндзокугаку хакубуцукан, сокращенно — Минпаку).

Созданный в 1974 г. в окрестностях г. Осака, на территории Всемирной выставки Экспо-70, Национальный музей этнологии был открыт для посетителей в ноябре 1977 г.¹ По богатству и уникальности своих коллекций, отражающих этнографию народов мира, по великолепно выполненной экспозиции, в которой органически сочетаются региональный и тематический принципы, по обширному и единственному в своем роде собранию этнографических фильмов этот музей является одним из крупнейших этнографических центров не только в Японии, но и во всем мире.

В 1978—1979 гг. начался обмен экспонатами между Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого в Ленинграде (входящем в состав Института этнографии АН СССР) и Национальным музеем этнологии Японии, в связи с чем несколько сотрудников ИЭ АН СССР выезжало в Японию для консультаций по вновь создаваемой экспозиции, а ИЭ АН СССР принимал японских ученых. Продолжением этих научных контактов стала и наша командировка в Японию: в течение двух месяцев (с 9 ноября 1980 г. по 8 января 1981 г.) мы по приглашению Национального музея этнологии работали в этом научном центре².

В связи с подготовкой Отделом этнографии народов Зарубежной Азии Института этнографии АН СССР коллективного исследования по календарным праздникам народов Восточной Азии одной из основных задач нашей работы в Японии был сбор материала по этой теме.

Чрезвычайно плодотворным в этом отношении было знакомство с библиотечным фондом музея. Библиотека Минпаку осуществляет обмен литературой с ведущими этнографическими учреждениями мира. Особенно широко и полно представлена в ней научная периодика. Хочется отметить, что музей выписывает много советских научных журналов и располагает, в частности, полным комплектом номеров «Советской этнографии». На полках книгохранилища мы видели немало работ советских этнографов, что свидетельствует о живом интересе,

¹ Дмитриев В. А. Этнологический центр в Японии.— Сов. этнография, 1978, № 3, с. 164, 165.

² Авторы считают своим приятным долгом выразить сердечную благодарность и глубокую признательность директору музея проф. Т. Умэсао, а также проф. К. Като, под непосредственным руководством которого мы работали, представителям дирекции, администрации, научным сотрудникам музея, библиотеки и видеотеки, всему персоналу Минпаку за предоставленные прекрасные условия работы, за гостеприимство и доброжелательное отношение.

проявляемом в Японии к достижениям нашей науки. По многим проблемам этнографии Минпаку обладает уникальными изданиями, и мы не преминули воспользоваться предоставленной нам возможностью снять ксерокопии с наиболее ценных книг по этнографии народов Восточной Азии³.

За время работы в музее мы получили ряд ценных научных консультаций. Особенно важными были для нас беседы с проф. М. Ито о локальной специфике календарных праздников в Японии, а также с известным специадиством по этнографии японского народа проф. Т. Мория об изучении календарных праздников Японии, и в частности праздника Нового года.

Пояснения специалистов помогли нам более основательно познакомиться с исключительно богатыми коллекциями по этнографии Японии, собранными в музее. Экспозиция по этнографии японцев занимает центральное место в разделе, посвященном народам Восточной Азии. Здесь представлены различные типы сельского жилища, орудий и средств рыбной ловли и земледелия, одежды, а также материалы, отражающие верования японского народа. Значительное место в экспозиции отведено экспонатам, связанным с традиционными праздниками.

Изучению представленных здесь предметов очень помог просмотр этнографических фильмов, собранных в видеотеке. Как мы уже отмечали, музей имеет единственную в своем роде коллекцию фильмов по этнографии народов мира. Из них более 600 фильмов представлены в видеотеке, и каждый из них может быть просмотрен посетителем. Фильмы цветные, сопровождаются научным комментарием и музыкальным оформлением. Мы просмотрели ряд фильмов, посвященных этнографии народов Восточной и Юго-Восточной Азии. С большим интересом и вниманием мы изучали фильмы, посвященные календарным праздникам Японии, и в частности праздникам предновогоднего и новогоднего цикла. Снятые в разных районах страны фильмы дают возможность изучить сохраняющиеся до сих пор региональные особенности календарных праздников. Сделанные на высоком профессиональном уровне, эти документальные фильмы являются ценными этнографическими источниками. Так, например, о новогодних торжествах в рыбацком поселке Идзумо префектуры Симанэ рассказывает фильм, снятый в январе 1976 г. (№ 10567)⁴. Одним из центральных моментов праздника было следующее: на берегу моря установили бамбуковое деревце (специально для этого срубленное), украсили его огромным раскрашенным изображением карпа. Вокруг этого деревца проходили гуляния. В конце праздника при большом стечении народа это деревце сожгли. Весь этот обряд, в котором принимали участие многие жители поселка, связан с пожеланиями богатых уловов в Новом году. Всего в фильме показано более 10 различных новогодних обрядов и церемоний.

Отдельный фильм (№ 10404) посвящен своеобразному празднику *Хана-мацури* («Праздник цветов»), который проводится в местности

³ К ним относятся, например, первые два тома капитального исследования Нагао Рюдзо, посвященные новогодним обычаям китайцев (*Нагао Рюдзо. Этнография Китая. Т. 1—2. Токио, 1973* (на яп. яз.); давно ставшие библиографической редкостью отчеты о полевых исследованиях народов Южного Китая, опубликованные крайне ограниченными тиражами в 30—40-х годах (*Чжуан Сюэбэнь. Отчет об обследовании ицзу в Си-кане. Цзюлун, 1941; Цюйму Цзяняо. Заметки об изучении ицзу на юго-западе Китая. Наньцзин, 1934; Линь Яохуа. Ицзя Ляншаня. Шанхай, 1947; Отчеты об обследовании яо в Бэйцзяне пров. Гуандун.— Миньсу, 1937, т. 1, № 3, и пр. (все на кит. яз.). См. также, например, глубокое исследование Чин Сонги (директора Этнографического музея в г. Чечжу) «Календарные обычаи и обряды Намгук», в котором приводятся обширные материалы по календарным праздникам на о. Чечжудо (*Чин Сонги. Календарные обычаи и обряды Намгук. Библиотека этнографии и культуры Чечжу, № 9 Чечжу, 1969, на кор. яз.*).*

⁴ Здесь и далее в скобках приводится номер фильма, под которым он значится в программе видеотеки.

Окумикава префектуры Аити в декабре. Фильм был снят в декабре 1973 г. Уже само название праздника «Праздник цветов» свидетельствует о том, что в центре торжества обряды с цветущими или просто с вечнозелеными ветвями. На краю деревни разжигают костер, на котором в большом котле подогревают воду. Когда вода становится горячей, участники обряда (юноши и молодые мужчины) окунают в воду зеленые ветви или пучки рисовой соломы. Затем, быстро встряхнув их, пытаются обрызгать друг друга и многочисленных зрителей, которые весело разбегаются. По мнению японских этнографов, «Праздник цветов», отмечаемый в декабре, связан с древними представлениями о необходимости оказания «помощи» якобы угасающим к концу года силам природы. С этой же идеей связан и праздник *Он-мацури*, который проводится в синтоистском храме Касуга-тайдзя 16—18 декабря. Мы не только изучили фильм (№ 10565) об этом торжестве, но и присутствовали на нем.

В дни новогодних праздников, а также во время встречи Нового года по лунному календарю (обычно он приходится на февраль), в деревнях префектуры Аомори совершаются обряды поклонения духам *Осирасамы* («Священные куклы»). Ряд фильмов рассказывает об этих древних обрядах (например, № 10064, снятый в 1972 г.; № 10344, снятый в 1975 г.).

Идя навстречу нашим пожеланиям, руководство Национального музея этнологии предоставило нам редкую возможность совершить несколько экспедиционных выездов, два из которых были специально посвящены сбору полевого материала по календарным праздникам японцев. Непосредственным организатором наших поездок по стране, начальником «первой совместной японо-советской этнографической экспедиции» (как между собой называли мы наш небольшой отряд) был известный этнограф проф. К. Като. В первую очередь ему мы обязаны не только успешным проведением наших полевых исследований, но и плодотворностью всего пребывания в Японии.

Получить некоторое представление о традиционных японских праздниках осеннего цикла мы смогли уже вскоре после прибытия в страну.

В начале ноября во многих парках и садах еще продолжались выставки хризантем. Удивительные по расцветке, порой необычные (чтобы не сказать фантастические) по форме кусты хризантем, выращенные любителями садоводами,—одна из ярких примет японской осени. А праздник хризантем, отмечающийся 9-го числа 9-го лунного месяца,—один из наиболее любимых и поэтичных праздников японского народа.

Другим красочным праздником японской осени является праздник детей *Сити-го-сан* (Семь-пять-три), проведение которого приходится на 15 ноября. Сити-го-сан, этот яркий и трогательный праздник мальчиков и девочек, которым исполнилось семь, пять или три года, давно уже стал общепонским торжеством. Мы имели возможность наблюдать этот праздник в Кумамото и Дадзайфу (окрестности г. Фукуока). Кроме того, мы могли видеть подготовку к нему в других районах, а также записать ряд устных сообщений об истории праздника и его символике. Так, проф. Г. Обаяси во время дружеской встречи в Токио обратил наше внимание на то, что праздник Сити-го-сан стал особенно популярен в последние десятилетия и что по традиции основные расходы в семье по его проведению несут дедушка и бабушка со стороны матери — они шьют детям праздничную одежду.

Всем детям, участникам этого торжества, шьется новая нарядная одежда, предназначенная именно для этого праздника, обязательно традиционная по своему покрою. Но особенно торжественно выглядит одежда мальчиков, которым исполнилось пять лет, и девочек, которым

исполнилось семь лет. Пятилетние мальчики впервые надевают церемониальное кимоно и *хакама* (широкие шаровары, похожие на юбку), а семилетние девочки впервые повязывают свое праздничное кимоно на стоящим поясом *оби*. По своему покрою эта одежда похожа на одежду взрослых. А сам праздник Сити-го-сан отмечает важные вехи в жизни детей.

Одна из особенностей традиционной календарной обрядности японцев заключается в том, что наряду с общегосударственными праздниками существует много местных, отмечаемых лишь в определенном районе страны или даже в одном-единственном храме.

23 ноября мы стали свидетелями одного из таких праздников, ежегодно проводимых в храме Сукуна-хикона-дзиндзя в Осака. Любопытна история самого этого храма. Существует предание, что в 1722 г. сёгун Токугава Ёсимунэ, путешествовавший в этих местах и оказавшийся в Осака, неожиданно заболел. В одном из кварталов ему удалось разыскать аптекаря, который вылечил его. По возвращении в свою резиденцию сёгун стал покровительствовать фармацевтам и лекарям, создав даже некое подобие исследовательского центра для изучения и систематизации средств народной медицины. Для того чтобы заручиться поддержкой сакральных сил, осакские аптекари решили создать специальный храм Сукуна-хикона-дзиндзя, который и был основан в 1780 г. Свое название он получил от имени Сукуна-хикона-но-микото, сына бога-творца Мусуби-но-ками. В традиционной японской мифологии он почитается как бог — покровитель медицины. Однако необходимо отметить, что храм Сукуна-хикона-дзиндзя является одновременно обителью и другого бога, также «специализирующегося» на излечении болезней, — Синно. Фактически это японский вариант древнекитайского Шэньнуна, которому приписывается изобретение земледелия и открытие целебных трав, — яркий пример религиозного синкретизма, вообще столь характерного для традиционной культуры японцев.

За два века существования этого храма многое изменилось в ритуале праздника Синно-мацури. Неизменным остался, пожалуй, лишь его символ — сделанное из папье-маше изображение тигра, кости которого, по древним поверьям, обладают магической способностью оберегать людей от воздействия злых духов и отгонять ночные кошмары. Ежегодно 23 ноября жители Осака и окрестных городков приходят в храм Сукуна-хикона-дзиндзя, чтобы полюбоваться красочным зрелищем выноса священных носилок (*микоси*), на которых восседают боги, и купить талисман — тигра, прикрепленного к зеленой веточке.

В середине декабря (16—18 декабря) мы предприняли поездку в г. Нара, где в течение трех дней и двух ночей имели возможность присутствовать на празднике Он-мацури, отмечаемом в храме Вакамия, находящемся на территории синтоистского храма Касуга-тайдзя. В организации этого краткого экспедиционного выезда нам оказали содействие и всестороннюю помощь сотрудники Минпаку — проф. Т. Минору и проф. И. Ито, а также журналист К. Хигути, который был лично знаком с настоятелем этого храма. Благодаря его рекомендации перед началом торжества мы были любезно приняты главным настоятелем храма Касуга-тайдзя господином Касанноин Сикатада, который ознакомил нас с историей храма и основными этапами праздника. Господин Касанноин Сикатада особо отметил, что на протяжении своей многовековой истории синтоистский храм Касуга-тайдзя был тесно связан с буддийским храмом Кофуку-дзи, расположенным неподалеку. И сейчас во время проведения больших праздников главы этих двух знаменитых храмов встречаются, в ходе совместных служб синтоистский священник читает *норито* (древние синтоистские песнопения — молитвы), а буддийский — *сутры*. В синтоистскую обрядность вошло многое из буддийской, например использование ароматических палочек.

Он-мацури наряду с ритуальными действиями, такими, например, как «встреча» бога, его чествования, моления, его «проводы», включает и светские по своему характеру представления и церемонии. К числу последних относятся красочная процессия горожан в одеждах различных исторических эпох, представления театра Но, соревнования по национальной борьбе *сумо*. Одно из самых сильных впечатлений от этого праздника — ритуальные танцы *кагура*, *дэнгаку*, танцы в масках *бугаку*, исполнявшиеся глубокой ночью, когда отблески костров и яркий свет полной луны, казалось, затмевали современное освещение. Своеобразный рисунок древних танцев, удивительные костюмы, фантастические маски, музыкальное сопровождение и состав оркестра — все это восходит к культуре Японии первых веков нашей эры, культуре, вобравшей в себя и элементы танцевально-музыкального наследия Индии, Китая и Кореи. И это прекрасное древнее искусство продолжает жить и волновать души и сердца своим неповторимым своеобразием, своей трогательной и возвышенной красотой...

С середины декабря в Японии начинается подготовка к празднованию Рождества (25 декабря) и Нового года.

В честь Рождественских праздников красочно и богато оформляются витрины магазинов, повсеместно появляются украшенные игрушками искусственные елки и изображения Санта-Клауса. Сейчас в Японии все больше входит в традицию делать на Рождество подарки детям и близким родственникам.

После 15 декабря около входа в жилые дома, отели, учреждения и парки стали появляться украшения *кадомацу* («сосна у входа»), состоящие из веток, сосны, срезанных наискось зеленых стволов бамбука, а в некоторых местах из веток сливового дерева. Кадомацу — это символическое приветствие приближающемуся Новому году. Во многих местах рядом с кадомацу — вазы или цветочные горшки с большими головками цветной капусты. В свободное время многие едут в горы и там (иногда при буддийских храмах) покупают заготовленные небольшие «букеты» кадомацу для украшения входа своих жилищ.

Заранее готовят также и *симэнава* — сплетенную из рисовой соломы веревку, в которую на Новый год вплетают листья папоротника. Новогодняя симэнава часто дополняется мандарином. По традиции считается, что симэнава защищает от злых и темных сил. Поэтому ее вывешивают над входом в дом, ею украшают особо нужную в хозяйстве утварь, в деревнях — сельскохозяйственные орудия, колодцы (а сейчас водопроводные краны), в рыбацких поселках — лодки.

В последнюю декаду декабря в магазинах (в больших универмагах и маленьких лавочках) начинается продажа новогодних украшений для домашнего алтаря. Это прежде всего мандарины (символы яшмы, яшмовой магатамы), прикрепленные к листьям папоротника; нанизанные на деревянную палочку сушеные плоды хурмы (символ меча); это приготовленные из муки клейких сортов риса большие лепешки (по форме напоминающие наши караваи) *моти* (символы зеркала), пирамидкой уложенные одна на другую. Все это важнейшие компоненты новогоднего убранства японского дома. Они устанавливаются обычно в *токонома* (особая ниша в традиционном японском доме, которая является его своеобразным эстетическим центром) на специальной подставке. Это новогоднее украшение называется *осёгацу тана* («новогодний домашний алтарь») или *тосиками-но дза* («алтарь для новогоднего божества»). Осёгацу тана, как мы могли убедиться, иногда включает и другие предметы, например сушеную креветку (символ пожелания здоровья), сделанные из рисовой соломы фигурки, очень часто напоминающие птиц. В Киото, Осака, Нара, Химэдзи многие дома на Новый год украшаются ветками (правильнее — прутьями) сливового дерева, на которые наниза-

ны разноцветные (обычно розовые и белые) маленькие шарики из моти, так называемые *мотибана* («цветы из моти»).

Новый год в Японии — государственный праздник. С 28 декабря по 4 января в стране — новогодние каникулы. В предновогодние дни идет широкая распродажа товаров, так как Новый год — это время взаимных подарков, праздничных визитов, интересных поездок и экскурсий.

Несмотря на то что в Японии уже давно сформировался общепонимый характер новогоднего торжества, во многих районах страны до сих пор сохраняются свои особенности, в чем мы отчасти имели возможность убедиться, изучая этнографические фильмы в видеотеке Минпаку. Немало традиционных новогодних обрядов по-прежнему бытует в сельской местности.

Для изучения обычаев и обрядов традиционного новогоднего праздника дирекция музея предоставила нам возможность посетить горную деревню Цугэмура (окрестность г. Нара). Здесь благодаря гостеприимству господина Иманиси, одного из старейших жителей деревни, нам удалось увидеть подготовку к Новому году и обычаи, связанные с его встречей. Так, например, мы наблюдали древний обряд *фукумару-мукаэ*. Обряд этот совершается вечером 31 декабря (так как в древности Новый год наступал с заходом солнца) и заключается в том, что зажигают первый в Новом году огонь и приносят в дом счастливые камни. Как один из старейших жителей своего квартала (в котором раньше жили близкие родственники) господин Иманиси передавал «огонь Нового года» своим соседям. С заранее зажженным фонарем (в правой руке) и специальным подносом, на котором лежали листья папоротника и мандарин (в левой руке), он вышел из дома для встречи со своими соседями. Они (5 чел.) ждали его на перекрестке, держа в руках пока еще не зажженные фонари. На определенном месте, на краю поля и дороги, Иманиси зажег от своего фонаря пучок соломы и бросил в огонь листья папоротника с мандарином. Такие же «подарки-подношения» бросили в огонь и все присутствующие. Затем они зажгли от этого костра свечи, а от них засветили свои фонари. Иманиси сказал всем несколько приветственных слов и угостил всех сладостями.

Со светящимися фонарями в руках все разошлись по домам, унося с собой «огонь Нового года». От этого огня люди зажгут огонь в очаге, и он будет гореть весь год. После завершения церемонии зажигания новогоднего огня Иманиси достал из специального укрытия три небольших камня красноватого оттенка. Положив их на белый лист бумаги, на специальном подносе он отнес их в свой дом, где они будут храниться весь год как символ счастья и благополучия...

Кроме этого, праздничные торжества первых дней Нового года мы наблюдали в г. Тэнри и в окрестностях г. Нара. В эти дни японцы, обычно семьями, совершают экскурсии, посещают синтоистские и буддийские храмы. Очень многие — и женщины, и мужчины, и дети — надевают традиционную одежду, кимоно, специально предназначенные для новогодних праздников. Мы видели эту праздничную нарядную толпу и в синтоистских храмах Мива-мёдзин и Исоноками-дзингу, и в буддийских храмах Якуси-дзи и Тосюдай-дэн, и в храме секты Тэнрикё.

В дни новогодних праздников в отдельных местах можно было видеть взлетающих в небо воздушных змеев (*тако*). Запускание воздушных змеев — любимая традиционная новогодняя игра мальчиков. В маленьких двориках можно было видеть молодых родителей, играющих со своими дочерьми в волан (*ханэцуки*).

Много интересных материалов о новогодних праздниках мы собрали также в Химэдзи, где были гостями наших давних знакомых Р. Курокава и К. Такэбэ. Встречи и беседы с ними очень помогли нам в изучении традиций новогоднего праздника, новогодней пищи, новогодних игр и развлечений.

В задачи нашей научной командировки входило также ознакомление с имеющимися в Японии материалами по исторической и современной этнографии корейцев и китайцев.

Так, для одного из нас — корееведа было очень полезным участие в проходивших в конце ноября в Минпаку научных заседаниях, посвященных изучению шаманизма, на которые приехало немало специалистов из различных научно-исследовательских центров Японии. На одном из заседаний (28 ноября 1980 г.), проходившем под председательством проф. М. Кимио, с докладом об институте шаманок на о. Чиндо (Южная Корея) выступил К. Ито (Токийский университет). В основу его доклада были положены полевые материалы, собранные во время экспедиций на о. Чиндо. На этом же заседании был показан уникальный этнографический фильм, снятый в наши дни на о. Чиндо и рассказывающий о древнем обычае омыwania костей при совершении церемонии вторичного захоронения.

Немало чрезвычайно интересных этнографических фильмов, снятых в Корее, удалось увидеть в собрании видеотеки Минпаку. Хочется отметить фильм (№ 10050), посвященный церемониальной музыке, которая в период правления династии Ли (1392—1910 гг.) исполнялась придворным оркестром в храме предков правящей династии во время совершения обряда жертвоприношения духам предков. В этом фильме интересны и сама музыка, и древние музыкальные инструменты, и костюмы, и особый, замедленный, торжественный ритм сакральной церемонии.

Один из фильмов (№ 10554), снятый в 1978 г., посвящен народному корейскому театру — танцам в масках, до наших дней бытующим и в провинции Кёнгидо. Фильм «Танец Чхоёна в Корею» (№ 10049) воспроизводит исполнение одного из древних корейских театрально-танцевальных действ. Миф о сыне Дракона Восточного моря Чхоёне, победившем беса-лихорадки, был известен еще в период Силла (IX в.). Позднее на основе песни о Чхоёне сложилось драматическое представление. В период правления династии Корё (X—XIV вв.) танец Чхоёна исполнялся в масках. Существовал обычай давать представления Чхоёнму («Танец Чхоёна») в последнюю ночь 12-го месяца, для того чтобы изгнать темные, злые силы⁵. Фильм свидетельствует о том, что представление в масках Чхоёнму сохранилось до наших дней.

Продолжить изучение этой темы мы смогли во время посещения великолепного историко-этнографического музея «Тэнри санкокан» в г. Тэнри. Основанный в 1930 г. музей недавно отметил свой пятидесятилетний юбилей⁶. В его собрании — богатые коллекции по археологии и этнографии народов мира. Наше внимание привлекли экспонаты корейской коллекции (в общей сложности 567 предметов): деревянные столбы (*чанъсун*) с антропоморфными личинами, некогда стоявшие на околицах корейских деревень; предметы одежды и утвари; музыкальные инструменты; картины с изображением божеств, принадлежавшие шаманкам (*мудан*). Помимо этого в музее хранится уникальная коллекция корейских масок (12 предметов), которые использовались во время представлений труппы театра масок (*Сандэ тогам*) в начале XVII в. Выступления театра масок приурочивались к календарным праздникам. Это собрание корейских масок, датируемых началом XVII в. (на одной

⁵ Корейская классическая поэзия (Пер. Анны Ахматовой. Общая редакция, предисловие и примечания Холодовича А. А.). М.: Изд-во худ. лит., 1965, с. 4, 24—26, 240, 241; Корейские предания и легенды из средневековых книг. (Пер. с ханмуна). М.: Изд-во худ. лит., 1980, с. 229—231, 280.

⁶ The Tenri Sankokan Museum. Its past and present. Tenri, Nara, Japan, 1974; Тэнри санкокан. Годзю сюнэн-о мукаэтэ (Музей Тэнри санкокан. К 50-летию юбилею). Тэнри, Нара, 1980 (на яп. яз.).

из них сохранилась дата ее изготовления — 1624 г.), экспонировалось во время нашего посещения Тэнри санкокан на специальной выставке, посвященной маскам народов мира и открытой в связи с юбилеем музея⁷. Всего на этой выставке были представлены 283 маски из Японии, Кореи, Китая, Индии, Непала, Индонезии, Океании, Африки, Америки (все маски из собраний музея).

Большую ценность представляют собранные в Тэнри санкокан археологические и этнографические коллекции из Китая. Около 3 тыс. археологических предметов включают крашеную керамику неолитического времени из Ганьсу, бронзовые ритуальные сосуды и оружие иньской и чжоуской эпох, погребальную скульптуру периода Хань, разнообразные вещи III—VI вв., а также танскую керамику и фарфор. Китайская этнографическая коллекция насчитывает 4627 предметов, среди которых утварь, одежда, мебель, лодки и бамбуковые плоты (из Южного Китая), музыкальные инструменты, *хуанцзы* (предметы, вывешивавшиеся в старых китайских лавках и заменявшие вывески), разнообразные культовые вещи.

* * *

Незабываемой была поездка на Кюсю, где наш маршрут охватил большую часть этого острова. Нам не только посчастливилось посетить такие города, как Нагасаки, Симабара, Кумамото, Дадзайфу, Хаката, Фукуока, Хюга, Миядзаки, но и осмотреть национальные горные парки Ундзэн и Асо, достопримечательности и храмы горы Такатиho, с которой связаны древнейшие мифы японцев; крохотный коралловый остров Аосима. Эта поездка дала нам возможность почувствовать своеобразие природных и этнографических особенностей Кюсю, воочию увидеть многие памятники истории и современности. Трудно забыть архитектурный и культурный облик Нагасаки, города, пережившего атомную бомбардировку и вновь возродившегося к жизни; средневековый замок, горделиво возвышающийся над современными широкими проспектами Кумамото; парк *ханива* — глиняных скульптур, некогда украшавших курганы древнеяпонской знати (IV—VIII вв. н. э.) в Миядзаки. Все это расширило наши представления о Кюсю и его древней истории. Разнообразна природа Кюсю: изрезанное морское побережье с многочисленными островами, холмы и высокие горные кряжи, действующие вулканы и плодородные долины, огромные города и горные деревушки, небольшие поселки, незаметно переходящие в пригороды промышленных центров. И все-таки Кюсю прежде всего запомнился золотистыми осенними рисовыми полями, нередко поднимающимися по склонам холмов, где каждый новый уступ надежно укреплен камнями и дерном, осенними полями, на которых тут и там возвышались «деревянные лошадки», оседланные снопами собранного урожая. Трудно забыть мандариновые рощи, порою как бы висящие на крутых подъемах; двухэтажные, под черепичной крышей жилища с традиционными маленькими садами около них, в которых деревья хурмы, сбросив листья, гордо красовались сочными яркими плодами; зеленые бамбуковые леса, спускающиеся прямо к дороге; рыбацьи поселки и уходящие далеко в море верши для сушки сетей и сбора водорослей...

Посещение Кюсю и особенно знакомство с его историческими достопримечательностями дали нам очень много для изучения проблем культурных контактов Японии с соседними народами и государствами, в первую очередь с Китаем и Кореей. Очень полезным было знакомство с Историческим музеем Кюсю в Дадзайфу. Мы были любезно приняты директором музея проф. К. Окадзаки. Нас познакомили с богатой экспозицией музея и основными публикациями научного коллектива.

⁷ Masks: The instruments of metamorphosis. An Exhibition for the 50-th Anniversary of Founding. Tenri, 1980.

Одна из них — подготовленный сотрудниками музея сводный каталог бронзового оружия III—I вв. до н. э., обнаруженного в раскопках и случайных находках на территории Японии⁸. Проникновение на Японские острова бронзовых изделий произошло почти одновременно с распространением там техники выращивания риса, что предопределило глубокие изменения в характере производства и культуре населения. Наиболее раннее бронзовое оружие, обнаруженное в Японии (мечи, наконечники копий, клевцы), чрезвычайно близко к аналогичным предметам из Кореи и Маньчжурии; это, несомненно, привозные вещи, на что указывает и ареал их распространения, практически ограниченный северо-западной оконечностью Кюсю. С течением времени этот ареал расширяется, но одновременно изменяются и морфологические особенности отдельных предметов. Большой материал, обобщенный в каталоге, впервые дает полное представление о распространении раннего бронзового оружия в пространстве и времени. Ценность этого издания в том, что оно включает также опыт типологического исследования бронзовых предметов III—I вв. до н. э. И хотя авторы не ставили перед собой задач, выходящих за рамки обобщения археологического материала, их труд отныне нельзя будет не учитывать при изучении проблемы этнодемографических процессов, происходивших на Японских островах в последних веках до нашей эры.

Для одного из участников нашей группы — китаиста посещение Кюсю было интересным еще и потому, что один из наиболее крупных городов этого острова — Нагасаки явился местом формирования в XVIII в. первой в Японии колонии китайских иммигрантов. До сих пор в Нагасаки сохранилось немало памятников, связанных с деятельностью ранних китайских переселенцев. Под их влиянием в материальной культуре японцев сложились некоторые специфические черты, получившие в настоящее время самое широкое распространение (например, ставшая одним из наиболее излюбленных японцами блюд лапша с заправкой из овощей и мяса и пр.). Между прочим именно в Нагасаки в конце XVIII в. Накагава Тадахидэ составил со слов проживавших в этом городе китайцев описание их обычаев, изданное им впоследствии под названием «Записки о нравах империи Цин». Это прекрасно иллюстрированное сочинение, переизданное недавно с обширными комментариями, представляет собой ценный источник по исторической этнографии китайцев. Первый том его специально посвящен календарным праздникам и обрядам⁹. Большое число экспонатов, связанных с этнографическими особенностями быта ранних китайских переселенцев, сосредоточено в Историческом музее Нагасаки.

Одно из самых ярких воспоминаний о Японии связано у нас с пребыванием на Окинаве.

Невозможно забыть удивительную картину, открывающуюся из иллюминатора самолета: сначала панорама южной части о. Кюсю с уходящими в небо горными вершинами, зелеными долинами и изрезанной кромкой морского побережья, а затем в сиянии утреннего солнца, в голубом просторе океана изумрудное ожерелье островов. Это были Рюкюские острова.

С особым волнением через 1,5 часа полета сошли мы на землю Окинавы. В 20-х годах (в 1922, 1926 и 1928 гг.) на Окинаве трижды бывал выдающийся русский и советский востоковед и этнограф Николай Александрович Невский (1892—1945). Основной целью его путешествия было изучение фольклора и этнографии островов Мияко, входящих в

⁸ Бронзовое оружие. Дадзайфу, 1980 (на яп. яз.).

⁹ Накагава Тадахидэ. Записки о нравах империи Цин. Т. 1—2. Токио, 1978 (на яп. яз.).

состав Рюкюского архипелага¹⁰. Вклад Н. А. Невского в изучение этнографии Окинавы высоко оценен и японской, и советской наукой¹¹.

Столица Окинавы Наха встретила нас жаркой ноябрьской погодой. Температура достигала 25—27°. И только постоянно дующие над островом ветры смягчали этот непривычный для нас в это время года летний зной.

Три дня нашего пребывания на Окинаве были чрезвычайно плодотворными. Мы познакомились с экспозицией и фондами Префектурного музея Окинавы, в г. Наха, осмотрели достопримечательности города. В окрестностях древней столицы Окинавы — г. Сюри (ныне вошедшего в состав г. Наха) мы посетили величественный памятник XVI в. — усыпальницу рюкюских правителей.

Очень полезными были для нас беседы с научными сотрудниками музея, а также с учеными-этнографами — проф. Ю. Сасаки и проф. М. Хига. Благодаря любезности проф. М. Хига мы совершили поездку в деревню Гусикэн, расположенную к северу от Наха.

Мы имели возможность убедиться в том, что материальная и духовная культура жителей Окинавы отличается большим своеобразием. По-прежнему любовью пользуются рюкюские ткани *бингата* ярких расцветок, а также ткани *эигата*, в которых превалирует синяя гамма. В качестве праздничной одежды сохраняется традиционный женский костюм.

В пище жителей Окинавы наряду с рыбой, продуктами моря и овощами особое место занимает свинина. Когда рюкюсцы говорят о мясе, они прежде всего имеют в виду свинину. Праздничными деликатесами считаются такие блюда, как *мимига* (приготовленное из уха свиньи), *тэбити* (жареные свиные ноги), *наками* (жареные кишки свиньи).

Среди различных видов декоративно-прикладного искусства Окинавы важное место занимает керамика. Керамическое производство насчитывает здесь несколько столетий. Окинавские мастера издавна славятся своим искусным изготовлением черепицы, богатых оссуариев, созданием многоцветных фигур фантастических львов, поныне украшающих крыши домов и ворота усадеб. Самобытными по форме являются и окинавские сосуды, например сосуд для сакэ *датибин*, который раньше прикрепляли к поясу, или другой сосуд для сакэ — *каракара*, по форме напоминающий наш чайник для заварки чая.

Одним из самых известных на Окинаве керамистов является Киндзё Дзиро, мастерская которого была основана еще в 1924 г. Мы побывали у Киндзё Дзиро и познакомились с образцами его продукции.

Своеобразием отличается и традиционная социальная организация жителей Окинавы, в которой особое место принадлежит *мончу*. Эта родственная группа типологически близка к патронимии, с тем, однако, существенным отличием, что главная роль в *мончу* отводится женщинам и родству по женской линии. Женщины-жрицы *норо* до сих пор руководят проведением основных обрядов и праздничных действ, связанных с календарными праздниками.

В деревне Гусикэн нам показали возвышающуюся на одном из высоких склонов холма ритуальную постройку *камиасиагэ*, где женщины-жрицы (*каминчу*) из двух-трех близлежащих деревень во главе с *норо* совершают различные обряды. Например, они собираются здесь во время празднования Нового года по лунному календарю. Во время празд-

¹⁰ Невский Н. А. Фольклор островов Мяко. М.: Наука, ГРВЛ, 1978; Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. с. 94—120.

¹¹ Като Кюдзо. Биография Н. А. Невского. — В кн.: Н. А. Невский. Луна и бессмертие. Токио, 1972 (на яп. яз.); его же. Небесная змея. Токио, 1976 (на яп. яз.). За книгу «Небесная змея» проф. К. Като был удостоен литературной премии Осараги Дзиро.

ника *Ундзями* (он приходится на июль-август и связан со сбором первого урожая) женщины-жрицы «встречают» здесь морского бога, чествуют его, а затем провожают до самого берега. Рядом с *камиасиагэ* — широкая поляна, где происходят праздничные гуляния жителей деревень. Обращает на себя внимание конструкция самой постройки — фактически это огромная крыша, поддерживаемая многочисленными столбами. По своему внешнему виду *камиасиагэ* удивительно похожа на общинные дома, которые одному из авторов этого сообщения довелось в 1971 г. видеть на архипелаге Гилберта (Микронезия). Вообще южные океанические элементы весьма ощутимо прослеживаются в традиционной культуре *рюкюсцев*.

До недавнего времени на Окинаве широко бытовал древний обычай вторичного захоронения. Огромные склепы-усыпальницы, в которых еще несколько десятилетий тому назад хоронили представителей одного рода и которые называются *камэкобако* («черепаховые склепы»), то тут, то там встречались нам на склонах зеленых холмов. Они, действительно, напоминают гигантских морских черепах, как бы случайно оказавшихся на земле и теперь спускающихся к морскому побережью. Эта форма характерна и для усыпальницы *рюкюских* правителей. Не только в сельской местности, но и в Наха мы видели эти древние склепы, некоторые из них по-прежнему являются местом захоронения членов наиболее знатных родов.

...Дорога уходит на север. Остались позади окраины г. Наха. Шоссе пролегло среди широких плантаций сахарного тростника, являющегося в наши дни одной из основных сельскохозяйственных культур Окинавы. Неожиданно пейзаж меняется — и на несколько десятков километров тянутся унылые заграждения американской военной базы, которая по-прежнему существует на Окинаве...

Чем дальше на север, тем ближе горы подходят к морю, и вот уже дорога вьется по тонкой кромке побережья лазурных вод океана. В небольших горных долинах раскинулись деревни, и почти над каждой господствует та или иная вершина. На многих из них до наших дней сохранились развалины древних крепостей, стены которых, выложенные из огромных камней, поражают своей грандиозностью и величием.

Жители Окинавы бережно относятся к своей традиционной культуре. Огромное впечатление произвел на нас музей деревни *Емитани*, созданный на средства деревенского комитета. Музей возглавляет человек, влюбленный в свое дело, ученый-этнограф Г. Накама. В нескольких залах нового светлого здания музея разместились богатая экспозиция, в которой представлены археологические и этнографические материалы, характеризующие своеобразную культуру края. Постоянные посетители музея — жители деревни, многочисленные гости и, конечно, дети, прежде всего школьники всех возрастов. К их сердцам обращен основной девиз музея, прекрасно выраженный в его названии «Музей наших богатств».

Музей в деревне *Емитани* выпускает свои собственные периодические издания — «Краткие сообщения» и «Вестник» (в последнем номере которого наряду с прочими материалами помещено исследование о татуировке у *рюкюсцев*)¹².

В заключение нельзя не упомянуть о наших встречах со многими представителями современной японской творческой интеллигенции, общение с которыми обогатило нас в научном и чисто человеческом плане. Особенно плодотворными были беседы с журналистом К. Хигу-

¹² Вестник музея истории и этнографии деревни *Емитани*, 1979, № 4, с. 25—75 (на яп. яз.).

ти (Киото), каллиграфом Х. Мацумото и керамистом С. Цудзимура (Нара), художником М. Миёкито и графиком Ф. Имэй (Химэдзи).

Благодаря этим встречам мы имели возможность познакомиться с мастерами современного японского искусства, поближе увидеть их произведения, побывать в их мастерских.

Нельзя не вспомнить великолепные выставки Японского музея народных ремесел (Ниппон мингэйкан), выставочный зал которого также расположен на территории парка «Экспо-70»; нашу встречу с проф. Т. Катада и его молодыми учениками — студентами университета Тэдзукаяма (Нара), занятыми раскопками палеолитической стоянки; посещение востоковедческого центра в Киото и встречи с проф. М. Хаяси; беседы с директором библиотеки Тоёбунко проф. К. Эноки (Токио); посещение мемориального дома-музея всемирно известного писателя Я. Кавабата (Камакура).

Так за время пребывания в Японии благодаря доброму отношению японских друзей и коллег мы имели возможность не только осуществить непосредственные цели нашей научной командировки, но и познакомиться со многими сторонами своеобразной культуры японского народа.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Н. П. Колпакова

НА РЕКЕ ОНЕГЕ *

29 июня 1936 г.

Река Сухона. Пароход «Ношуль»

Маршрут начинается так же, как девять лет назад, когда мы большой экспедицией плыли по Сухоне и Северной Двине в Архангельск, чтобы затем попасть на Пинегу. Сегодня я еду не за песнями, не за сказками, еду по приглашению Архангельского Истпарта в командировку, собирать устные рассказы о гражданской войне на Севере. И не на Пинегу, а на реку Онегу.

Говорят, сегодня все Онежские леса и болота наполнены преданиями о борьбе красных партизан с белогвардейцами; во всех деревнях имеются живые свидетели недавних событий. В устах самих партизан — это документальные исторические свидетельства, правдивые рассказы. Но уже подростки — сыновья этих партизан — рассказывают друг другу о подвигах отцов несколько иначе — кое-что преувеличивая, кое-что пропуская, соединяя иногда несколько подвигов различных лиц в один и приписывая его какому-нибудь одному, наиболее знаменитому местному герою. Их дети и внуки в свою очередь будут, вероятно, рассказывать о дедах опять по-своему, сохраняя в своих рассказах зерно истины, но окружая его дымкой легенды. Частично мы наблюдаем этот процесс уже сегодня. Надо торопиться собрать местные рассказы, пока их герои еще живы и не разъехались по стране.

Сойдя в Вологде с поезда, я вместе с несколькими попутчиками устремилась на пристань — за билетами на ближайший пароход. Тут нас поразили две симметричные надписи с нарисованными над ними черными пальцами. Один указывал направо, другой налево. Одна надпись гласила: «Посадка в озеро», а друга — «Посадка в реку». Оказалось, что дело шло о двух разных дебаркадерах: с одного пароходы отходили на Кубенское озеро, с другого — по реке Вологде.

Раздобыв билет для «посадки в реку», я успела до отправки парохода заглянуть на рынок, в свои излюбленные «щепяные» и «деревянные» ряды. Увидела много грабель, лаптей, корзин, ложек и т. п., но увы! — все это было примитивное, будничное, сугубо произаическое, без намека на роспись, узоры, орнаменты и другие украшения, которые

* Очерк представляет собой одну из глав неопубликованной фольклористической летописи известной собирательницы русского фольклора — Н. Колпаковой — путевых дневников, которые она вела во время своих многочисленных фольклорных экспедиций 1920—1960-х годов. См. также другие главы этой летописи, уже опубликованные в журнале «Сов. этнография» (1979, № 6; 1980, № 4).

прежде можно было встретить на всех этих этнографических предметах. Продавцы объяснили мне, что сейчас заниматься резьбой и росписью им «недосужно». Грустно!

В двенадцать часов отошли от вологодской пристани.

Река Вологда красивая, в пышной зелени, спокойная. Она очень живописно извивается между лугами и пушистыми купами кустов. И река, и поляны, и стога сена на берегах, и коровы в траве — все это такое спокойное, широкое, мягкое... Медленно течет река, медленно жуют траву коровы. Вот она, фабрика знаменитого вологодского масла!

Через некоторое время мы вошли в Сухону. Берега шире, но пейзаж пока все тот же.

30 июня.

Река Сухона. Село Тотьма

Сегодня в 11 часов утра доплыли до Тотьмы. Дорога была чудесная: извилистые кудрявые берега, сквозь зелень — блестящие серые крыши редких деревенок, живописные островки. По дороге, на Дедовом острове — Дом отдыха Тотьмы, на противоположном берегу в лесу — пионерский лагерь. В 1927 г. ничего этого не было.

Во время остановки я, конечно, опять пустилась на поиски предметов народного искусства, но и тут ничего не смогла обнаружить. На пристани были пряники, да и то самые простые, не такие, как прежде, когда их пекли в виде рыб, птиц, оленей и украшали узорами из белого, голубого и розового сахара. В 1927 г. мы привезли отсюда целую коллекцию разноцветных пряников. Сегодня Тотьме явно не до пряников — у нее много более насущных задач. И это тоже жалко: ведь такие пряники — разновидность традиционного народного творчества.

К вечеру собрался сильный дождь, а попозже попали мы и в аварию. На пристани «Нюксинцы» на пароход навалилось огромное количество галдящих пассажиров в лаптях, с берестяными пестерями за плечами. Наш «Ношуль» не выдержал тяжести, со всего хода ударился о подводные камни и проломил дно.

Это, говорят, бывает тут нередко и никого не удивляет. До полуночи сидели мы почти впотьмах при тусклых огнях двух слепых угольных лампочек, в облаках махорки, в тесноте, прислушиваясь к барабанной дробі ливня, колотившего в окошки, и старались не слушать любезностей, которыми пассажиры из Нюксинцев обменивались с капитаном. Команда сначала искала дыру в трюме, потом снимала груз, потом снова нагружались и, наконец, после полуночи тронулись дальше... Так все это знакомо, привычно, по-экспедиционному!

1 июля.

Тот же пароход

Сегодня утром добрались до Опок и были разбужены громким криком:

— А ну, народ, вылезай!

Куда вылезай? Зачем? Оказалось, что река так сильно обмелела, что пароходу с пассажирами по мелким перекатам дальше не пройти. Всех нас высадили. Мы шли довольно долго по берегу, влезли на какую-то гору, опять спустились к воде, опять куда-то поднялись и, наконец, по мокрым доскам кое-как взобрались обратно на пароход. Пока плывем. Сухона обмелела настолько, что в Котласе будем неведомо когда.

А Опоки — очень интересное место: крутые отвесные берега с правильными узорами выходящих наружу пород — розовыми, серыми, зеленовато-голубыми, — как на срезе торта с кремом. В других местах на северных реках мы таких берегов не видали.

2 июля.

Река Северная Двина. Пароход «Гоголь».
Дер. Пермогорье и дальше

Вчера около пяти часов дня были в Великом Устюге (или в «Устюге Великом», как его красиво называли в старину местные жители; те же два слова, но как меняется эмоциональное и художественное впечатление от их перестановки!). Пароход стоял у пристани очень недолго, и можно было только с палубы полюбоваться многоглавыми великоустюжскими церквами и монастырями, которых тут, как и в Вологде, великое множество. Через десять минут пароход дал пронзительный гудок, и мы «поскакали» дальше. (Пишу «поскакали» вполне сознательно: дело в том, что в силу целого ряда причин лес тут сплавляют теперь не плотами, а моле, т. е. россыпью; моль по этим широким, медленно струящимся водам плывет суетливо и бессистемно, поминутно попадаясь «под ноги» пароходам и буксирам, которые вынуждены как бы перешагивать через плывущие бревна и нередко спотыкаются.)

Итак, мы поплыли, спотыкаясь, дальше. После слияния с Югом Сухона, как известно, называется уже Малой Двиной и сильно расширяется, так что против Красавина мы шли почти как по озеру. Вдали на высоком берегу виднелись остатки бывшей знаменитой Красавинской мануфактуры. Невдалеке от нас три несчастных буксира, бешено вертя всеми колесами и шумно отплевываясь, стаскивали с мели громадный «паром» (т. е. плот) бревен, извивавшийся змеей чуть ли не на километр. Красавино — место, где обычно все пароходы садятся на мель. Девять лет назад и мы тут сидели. Но теперь место было уже занято, и мы, бойко посвистывая, легко пронесли мимо.

Наступил широкий, серебристо-голубой спокойный двинский вечер. В небе, светло-сиреневом у горизонта и прозрачно голубом вверху, лепестком яблони прорезался месяц. Через час золотой столб света уже струился по воде до самого борта парохода, догоняя нас. Но мы смотрели не назад, а вперед, где у высокого берега уже мерцали яркие огоньки Котласской пристани и пришвартованных к ней пароходов. Пассажиров продержали на пристани до утра и только в шестом часу погрузили на «Гоголя». К счастью, «Гоголь» — пароход большой и много комфортабельнее предыдущего.

На первой палубе множество крестьян, которые сидят группами среди классических северных расписных сундучков, «коробеек», корзин и едут на архангельские заводы. Мы дружелюбно беседуем с ними на различные фольклорно-этнографические темы.

4 июля.

Северная Двина близ Архангельска

Впечатления от Двины самые разнообразные. Вчера мы все-таки с утра до середины дня стояли на очередной мели, с которой не могли сойти пять часов... Но зато дальше все было великолепно. К вечеру появились необычайно красивые алебастровые берега — бело-розовые, оттененные темной хвоей деревьев, а еще позднее, на закате, по широкой тихой Двине разлились такие краски, что дух захватывало. Река казалась поочередно то красной, то голубовато-медной, и в ней плыли отражения прозрачных облаков такого же цвета. И ведь есть любители, которые стремятся с севера на юг, писать южные пейзажи! Не умеем мы сами себя ценить!

Сегодня с раннего утра мы проплываем мимо чудесных шатровых церквушек, часовенок. Зарисовывать их удастся только приблизительно, так как пароход летит на всех парах и берега мгновенно убегают назад.

Селения по берегам все чаще. Огромные «кошели» леса тихо тянутся мимо обрывистых береговых круч. Часто встречаются и большие белые пассажирские пароходы. Проплывая друг мимо друга, обмениваемся вежливыми приветственными гудками.

5 июля. Архангельск

Вчера в половине первого дня «Гоголь» причалил к одной из пристаней, которых тут на берегу множество.

Знакомый Архангельск так же, как и несколько лет назад, глядит на свет деревянными домиками, в зелени и досчатыми тротуарами, обросшими мелкой ромашкой и травой. Но прибавились громадный Дом Советов и «Большой театр», появилось множество скверов и бульваров; очень похорошела набережная, полная цветов.

Вероятно, завтра утром уже можно будет выехать в первый район работы — на станцию Плесецкую.

9 июля. Плесецкая

6 июля к вечеру приехали на Плесецкую. Это станция железной дороги в шести часах езды от Архангельска по направлению к Вологде. Место довольно скучное: на голой поляне деревянные бараки-новостройки. Ни реки, ни озера, ни живописных пейзажей. Народ полугородской-полудеревенский, в основном приезжий из других районов.

Конечно, нужных мне людей я нашла не сразу. Первое знакомство с плесецким фольклором состоялось у меня в местном клубе, куда я отправилась сразу же в вечер приезда. Быстро перезнакомилась с местной молодежью, и начались мои записи, естественно, с частушек.

В Плесецком районе основное занятие жителей — лесозаготовки, и тема эта пронизывает всю молодежную лирику. В частушках — елочки, вересовые кусточки, сосенки на угорах, шум ветра в еловых перелесках, хвойные завитки над лесными тропинками, и на фоне северной природы зарисовки местного труда:

Вересовые кусточки,	Мой миленочек стахановец,
Вы мои свидетели:	И я не отстаю.
Мы с миленком напилили	Скоро премию получим
Все, чего наметили.	За работу за свою.

Но мне нужны были не частушки, а партизанские рассказы. И старшее поколение, присутствовавшее в клубе, постепенно тоже вовлекалось в мою беседу с молодежью.

— Старые партизаны? Есть, как не быть! Немного, конечно, — кто помер, какие разъехались: в Архангельском живут, а кто и дальше... Да погоди, мы тебе найдем людей-то!

И на следующий день вечером я уже сидела в квартире С. М. Фомина, работника местного отделения Госбанка бывшего красного партизана, и слушала его рассказы о том, что в свое время творилось вокруг Плесецкой и в районе. Рассказы С. М. Фомина дополнял П. Н. Шемелин, заведующий Домом крестьянина. Эти рассказы можно было бы озаглавить «Из боевой жизни красных партизан», «Случай на заставе», «Перебежчики», «Бой под Церковным», «Случай при наступлении», «Как белые Агафьиного мужика искали» и т. п.

Все советуют мне съездить в деревню Шелексу, где в 1918—1919 гг. располагался главный партизанский отряд здешнего края.

13 июля.

Дер. Шелекса

10 июля под проливным дождем выехала с Плесецкой. На станции познакомилась с попутчицей — приветливой молодкой Онисьей. Мы

взобрались в один вагон, и по пути она уговорила меня остановиться в их доме.

По железной дороге от Плесецкой до Шелексы всего 20 километров. Но от станции до деревни надо ехать еще 11 километров лесом на лошадях. И мы пустились — где вскачь где шагом, где вброд по лесной дороге с бесчисленными гатями, лужами величиной с добрый пруд, колдобинами и ухабами.

Лес кругом стоял влажный, густой, нетронутый, полный бурелома, зарослей и звериных нор. Ближе к деревне стали кое-где попадаться следы гражданской войны — заросшие вереском и травами замшелые окопы.

Шелекса — деревня громадная. Вернее, это не одна, а девять деревень, каждая со своим названием; они теснятся бок о бок по высоким берегам быстрой, извилистой и необыкновенно прозрачной реки Шелексы и составляют одно целое. Дома очень стары — громадные, черные просмоленные насквозь. Старинной архитектуры крылечки, резное дерево на полотенцах и столбиках перил. У многих домов подзоры расписаны букетами или кругами и звездами; на фронтонах изображены рыжие косматые львы с выulptенными глазами, с кисточкой на хвосте и букеты фантастических цветов, на которых сидят не менее фантастические птицы. Все это чрезвычайно живописно, красочно и архаично. Ближе к реке — старые крепкие амбары, зачастую также украшенные резьбой, и многочисленные черные бани. Так как река очень извилиста, то за каждым поворотом открываются новые красивые пейзажи. Шелекса — река неглубокая, и каждый валун, каждое толстое дерево, почему-либо упавшее поперек воды, заставляет ее журчать. Это придает общей картине еще больше прелести. По реке плавают в очень легких плоскодонках, выдолбленных из одного ствола, и не гребут веслами, а «пихаются» шестами. Вокруг деревни полоса пашен и пожен, а за ними невдалеке темный лес.

У жителей Шелексы свой говор, свой старинный костюм. Они приветливо здороваются с незнакомым человеком и тотчас же принимают дружелюбно расспрашивать: кто? зачем? откуда? по какому делу? и т. д.

Я начала с того, что отправилась в сельсовет, чтобы при помощи местной общественности провести собрание бывших партизан, разъяснить им, зачем я приехала, и настроить их на воспоминания и рассказы. В сельсовете мне очень охотно пошли навстречу, но предложили самой написать от руки 60 повесток и нарисовать объявление-плакат, для чего мне было выдано несколько банок, на дне которых сохранилось немного краски, оставшейся от какого-то колхозного ремонта. Все это я сделала. Плакат, размалеванный зеленым, красным и желтым, был повешен на столбе посреди деревни и, конечно, привлек общее внимание.

Собрание состоялось. Бывшие партизаны остались им очень довольны.

— Вот и ладно, пиши! Про нас много чего написать можно. К нам заходи... И к нам!... Мы тебе порасскажем!

Приглашения сыпались со всех сторон. Естественно, что следующие дни у меня были целиком заняты.

Особенно охотно рассказывали о том, как прогнали «беляков», женщины — жены и вдовы красных партизан. Им в деревне в те времена жилось не лучше, чем их мужьям в лесу. Жительницы Шелексы вспоминали, как они тайком подвозили красным войскам снаряды, сколько раз в этой борьбе рисковали жизнью, как обманывали и дурачили интервентов. Молоденькие девушки и ребята, сидя вместе со мной вокруг очередной рассказчицы, не без ужаса глядели ей в рот: для них все это были уже страшные легенды.

Мужчины рассказывали о другом: про внезапные встречи с врагами в лесу, про налеты на белые штабы, про поимку «языков», про смекалку и находчивость партизан в положениях, казавшихся безвыходными. Тематика этих рассказов была очень конкретна: «Как мы воевали», «Командир спас», «Случай в лесу», «Как я был ранен», «История с белым поручиком», «Свекор-кулак», «Как кулаки помогали англичанам» и т. п. На встречу с бывшими партизанами народу обычно приходит много: слушают, подсказывают, дополняют рассказчика — это очень помогает собирателю.

16 июля. Чекуево

13 июля утром мы с Онисьей вернулись из Шелексы на Плесецкую, а вчера я отправилась с Плесецкой через ст. Обозерскую в Онежский район.

От Обозерской до Чекуева, говорят 85 км. Путь — по знаменитому Чекуевскому тракту. При желании в Чекуево можно попасть и по реке, но пароходы по Онеге почти не ходят, так как на ней очень много порогов. Иностранные суда, приходящие к Онеге за досками, останавливаются обычно в устье. В средней части реки пароходики ходят только на отдельных участках — от порога к порогу, пройти всю реку без пересадок невозможно. В северной части реки болот столько, что летом из-за них по берегам почти нет сообщения. Зимой они замерзают, тогда легче.

Вместо того чтобы добираться до реки и потом плыть по ней до Чекуева вслед за сплавными бревнами, я выбрала сухопутную дорогу. По этой дороге-тракту ежедневно от дверей Обозерской почтовой конторы отправляется большой грузовик с письмами, посылками и пассажирами, у которых случаются дела на Онеге. Таких пассажиров набирается обычно очень мало. Так было и теперь: на двух громадных кожаных баулах с почтой расселись всего пятеро: молоденькая почтальонша, колхозница Акулина Власьевна из Чекуева, пожилой колхозник Ефим Степанович Мячков с женой и я. Ровно в пять часов утра грузовик, пыхтя и грохоча по неровной дороге, вперевалку выкатывается с Обозерской. Дорога впереди длинная, на несколько часов.

Спутники мои с любопытством разглядывают мой рюкзак: по нему сразу видно, что я — «не тутушняя». Слово за словом, в дружеской беседе очень быстро приходим и до цели моей поездки на Онегу.

— Поди ж ты, — удивляется Ефим Степанович, — этак ты, чего доброго, и меня запишешь, а потом в книжке пропечатаешь?

— А вы, Ефим Степанович, тоже партизаном были?

— Как не быть! У нас чуть не вся деревня в отряде состояла. Ох, и герои же были у нас! Ты про братьев Зыковых не слыхала?

— Нет, не успела еще. Я ведь первый раз в ваших местах.

— Про них уже сейчас вроде как сказки складывают. Да и другие были, не они одни...

— А живы сейчас?

— Живо-то живы, да кто в Онеге, кто в Архангельске, кто где. Александр-то Зыков, меньшой брат, у нас в колхозе счетоводом работает. Хороший парень, веселый, разговорчивый. Уж он тебе порасскажет!

— А вы сами, Ефим Степанович, не расскажете разве? Дорога-то ведь долгая!

Старик глядит на жену. Оба смеются.

— Рассказать-то отчего не рассказать! Рассказать-то, конечно дело, можно. Ну, ладно, бери свою бумагу, записывай...

Начинается подробный и очень интересный рассказ о том, как партизаны, вышедшие зимней ночью на разведку, попали в руки к белым и

как ловко сумели спастись,— самый яркий эпизод, сохранившийся в памяти Ефима Степановича.

— А то вот еще дело было,— начинает он снова и лезет в карман за табаком. Достав кисет и закулив, он пристраивается поудобнее в угол, крепко упирается ногами в чью-то посылку и продолжает:

— Был у меня в отряде товарищ, замечательный человек, по прозвищу «Костя-камрад». Во время германской войны болтал он с немцами пленными и выучил у них слово «камрад», да стал гордиться, что по-немецки знает. Ну его в шутку «камрадом» и прозвали. Деревня ведь любит прозвища давать. Было у этого Кости получено в германскую войну девятнадцать ран. Кажется, места живого на человеке не было. А он что выкидывал!

Ефим Степанович затынулся самокруткой, помолчал и начал снова:

— Когда белые наступали, он хитростью пробрался в лес совсем один, в самый тыл им, да как гаркнет:

— Батальон, в тыл!

А там были англичане и шотландцы. От неожиданности они так растерялись, что бежать бросились. А Костя пробрался к их сторожевой башне; там наверху дозорный стоял, да его не заметил. А наш «камрад» взял, да и поджег башню. Башня внизу загорается, а Костя задрал голову, да и кричит дозорному:

— Эй, дурак, слезай! Сгоришь!

Кинулись было за ним, а его — ищи-свищи! Уж и следов не осталось!... И еще с ним хороший случай был. Имелся у белых такой «герой», Махнов. Все время они с Костей друг за другом гонялись и друг друга ловили, да поймать не могли. И вот один раз полковник его полка послал Махнову за его разные «подвиги» посылку с провизией в награждение. А Костя очень любил в глубокий тыл к белым забираться. Вот едет он лесом и видит: везут посылку Махнову. Он накинулся:

— Что везешь! Кому?

А с посылкой всего один солдат был. Испугался он, сказал. Костя посылку отнял, солдата отпустил, а сам из глубокого тыла по телефону белым звонит:

— Это я звоню, Костя-камрад. Скажите Махнову, что его посылку я получил и все съел. Очень вкусно было!

Опять у белых переполох.

...Идет час за часом, бежит километр за километром, текут занимательные рассказы. Наша машина бойко подпрыгивает на ухабах. Но вот почталыонша, дремавшая до сих пор в уголке, приподнимается, зевает и, прикрыв рукой глаза от солнца, глядит вдаль.

— Чекуево видать,— говорит она. Я тоже смотрю в ту сторону. Уже блестит вдали голубая Онега, и из-за деревьев, действительно, появляются древние маковки чекуевской церкви. Вскоре наш грузовик останавливается на берегу реки у небольшой деревушки.

— Ну, вот мы и дома,— говорит старый колхозник, слезая на землю,— ты заходи, ждать будем. И с Санькой тебя познакомим.

Они уже дома, а мне надо тут переправляться через реку и на другом берегу еще шагать пешком километра полтора до Чекуева. Переправилась. Зашагала. Дошагала.

Чекуево — небольшая деревня на левом берегу Онеги. Сами по себе чекуевские избы ничем особым не отличаются: обычные избы русского Севера. Но очень хорош общий пейзаж, река и главное — знаменитая церковь с кокошниками и девятью главками-куполами.

Домов в Чекуеве немного, но есть и сельсовет, и клуб, и памятники жертвам интервенции, и пароходная пристань. Торговля представлена слабо. Ребятишки с корзинками продают морошку, которой полны окрестные болота. За морошкой женщины уходят в лес целыми группами дня на два и возвращаются, неся попарно на плечах — на длин-

ных жердях, просунутых в ручки кадок,—большие полные ушаты. Варить морошку не умеют: только квасят на всю зиму.

Я немедленно свела знакомство с немногими жившими тут бывшими партизанами и записала большой интересный рассказ о временах интервенции от местного председателя сельсовета С. И. Касьянова. С. И. Касьянов дал мне еще ряд адресов бывших участников отряда. Пойду к ним завтра.

А сегодня вечер завершился неожиданным, странным и интересным знакомством, организованным тем же С. И. Касьяновым, который очень старается помочь мне в работе. Вернее, знакомство состоялось в сельсовете, а продолжалось уже за его стенами.

Дело было на закате. Я шла вниз по реке, по самому откосу цветущего, нависшего над водою берега. В руках у меня были тетрадка и карандаш. Рядом со мной шагала невообразимо огромная фигура мужского пола в рубашке навывпуск и громадных сапожищах. Кулаки у фигуры были соответственно огромные, волосы рыжие и общий вид довольно угрожающий.

Но бояться было нечего. Человека этого звали Василий Александрович Гладышев, жил он в дер. Сергеевской, расположенной в двух километрах от Чекуева. Для глухой северной деревушки он был совершенным уникалом. Сейчас ему 53 года. С девяти лет он начал писать стихи, с 23 стал печататься в северных изданиях; подготовил к печати несколько томов своих сочинений, но успел напечатать только часть их (наступила война 1914 г.), самоучкой занимался французским языком и... санскритом, очень интересовался языкознанием, переписывался с известным профессором-литературоведом С. А. Венгеровым; был красным партизаном, а в 1919 г. в качестве заложника был увезен за границу и только через год возвратился в родные края после долгого пути через Марсель, Италию и Константинополь. Лицо у него умное, говорит он литературным языком, жалуется на свое «культурное одиночество». Он колхозник и, кроме того, заведует местной библиотекой при клубе, которая работает по вечерам. Расспрашивать его о гражданской войне не имело смысла, так как у него были составлены подробнейшие записки о работе местного партизанского отряда, за которыми я и отправилась вечером вместе с ним к нему домой.

Прошли два километра, переехали через реку, поднялись на крыльцо.

Первое, что поразило меня, едва я вошла в избу, было множество набросков, зарисовок и картин, написанных маслом на небольших (50×50 см) кусках фанеры и развешенных по стенам. Все это были пейзажи Северного края.

— Василий Александрович, кто это рисовал?

Хозяин застенчиво улыбнулся.

— Да сам... Уж больно я нашу природу северную люблю. Много ездил, а такой красоты нигде не видал. Река-то наша! А лес! А море! И на восходе, и на закате... Так хотелось все это на память людям оставить. Ведь Родина! А у нас ее еще так мало знают. Беда только, что не учился я...

Он говорил тихо, с глубоким волнением. И это волнение невольно передавалось слушателю. Горько было думать, что такой человек родился слишком рано. В наши дни его молодость, его судьба сложились бы, конечно, совсем иначе.

Четыре тетради его записок о гражданской войне на Севере перешли в мои руки: автор разрешил мне переписать их.

Хотя из-за обилия «партизанского» материала почти совсем не успеваю заниматься местным традиционным фольклором (а его здесь тоже немало), все же сегодня удалось записать у колхозницы И. К. Зиминной прелестную свадебную величальную песню, необычную по бо-

Не от лѣсу, не ѳт лесу,	Это кони ворѳные,
Не от лесу темного,	Эта бель-то белеется —
Не от листу зеленого.	На них сбруя серебряна,
Только чернь чернеется,	Эта синь-то синеется —
Только бель белеется,	Все князья да бояры,
Только синь синеется,	Эта крась-то красеется —
Только крась красеется.	Это сказочника кибжжжж,
Эта чернь-то чернеется —	Княжжя, переезжжя...

Никто, кажется, еще не писал о том, как много красок в наших песнях (особенно в свадебных-величальных) и как интересно сопоставить их с раскраской предметов крестьянского быта — дуг, шкафиков, «коробеек», коромысел и т. п. Получаются очень стройные и гармоничные соответствия цветов. Свадебных песен тут много, и много старух, которые хорошо их знают, но у меня просто не хватает рук, чтобы записать весь песенный репертуар Чекуева. В целом он сходен с репертуаром других северных деревень: здесь поют и «Снежки белые», и «Отлетаюшку», из игровых известны «Царев сын», «Хрен», «Ковер», «Хожу я гуляю вдоль по хороводу» и ряд других. Есть сказки, заговоры, загадки. Но партизаны отнимают у меня все время.

Познакомили меня с чекуевским героем — Александром Арсеньевичем Зыковым. Это приветливый белокурый молодой человек с умными, серьезными глазами и хорошей доброй улыбкой. Он рассказал мне очень подробно историю своего пребывания на Мудьюге («Острове смерти») у интервентов.

Начал он с того, как стал большевиком: два старших его брата были в армии и в 1917 г. вернулись в деревню, развернули среди крестьян большую политическую работу и увлекли младшего брата перспективами новой жизни, свободной от произвола царской власти. Когда на Север явились интервенты и наряду с другими деревнями заняли Чекуево, Саня Зыков ушел в подполье и в свои 16 лет работал, как взрослый партиец. Но весной 1919 г. провокатор Попов предал всех партизан, и Саня вместе со стариком-отцом попал в «предварилровку».

— Около двух недель пробыли мы вместе с отцом в тюрьме, — рассказывал Александр Арсеньевич, — паек нам очень плохой давали, и отец, чтобы поддержать мою жизнь, каждый день отдавал мне половину своего.

По приговору дали мне 15 лет каторжных работ и с первой же партией повезли на остров Мудьюг. Не дали как следует и с отцом-то проститься. Видел я, как упал старик на койку и зарыдал. Он знал, что с Мудьюга живыми не возвращаются.

Пароход к острову пристать не мог: мелко было. Стали нас выводить из трюма и переводить на землю. Там нас встретил подполковник Судакон. Бряд ли в мире бывала гадина страшнее. Сразу нас предупредил:

— Вы приехали сюда не гостить, а отбывать наказание. Знайте, что я тут царь и бог. Что захочу, то с вами и сделаю.

А ругался как!.. Вспомнить страшно.

Провели нас в дом заключения. Мы увидели низкие здания, бывшие склады, а кругом очень высокие, аршина в два с половиной проволочные заграждения. Поместили нас, около ста человек, в барак. В тот день нам никакой еды не дали.

Утром чаю в барак не полагалось. Принесли ушат с кипятком. Кое-как напились из старых консервных банок. Хлеба ни у кого не было.

— На работу!

Меня направили в первый день доканчивать проволочную изгородь. Рукавиц у меня не было. К вечеру руки были в крови, кожа — лохмотьями...

Прошло почти две недели. Часовые, наблюдавшие за нами, были все из кулацких сынков, и все такие злющие! Хлеба нам давали 92 золотника на два дня. Я не мог удержаться, съедал все сразу, потом сидел голодный. Вместо супа давали жидкую пустую бурду.

Потом стали гонять на пристань. Работы не было, ее начали придумывать. Одна партия должна была копать ямы, а другая — тут же засыпать эти ямы песком... Маленькими столовыми ножами заставляли срезать тростник, который нужно было косить косой... Издевались, как могли!

Примерно в это время случился побег двух заключенных. Они бросились в море, но их пристрелили в воде. Трупы бежавших были выставлены всем на показ у черной башни.

Жить становилось невозможно. Но мы как-то узнали, что дела белых на фронте плохи и что красные непременно отвоюют Север. Тогда мы решили бежать.

Мы знали, в какое время крестьяне из деревни приезжали на остров за сеном. Решили подкараулить их и использовать этот момент. И вот однажды после обеда, когда нас погнали на работу, мы кинулись на конвой, одолели его и побежали к другим баракам:

— Товарищи, выходите! Свобода!

В тот миг у нас откуда-то сила громадная появилась, ломami железорвали, взламывали все запоры... Я кричу: «Вперед, ребята!». И люди — за мной. Мы выбежали за ограду. Начальство — стрелять в нас, да мимо, никого не убили. А мы и тут конвоиров одолели, как у барака. Кричу:

— К морю, ребята!

Бежим со всех ног. Прибежали мы к морю — крестьяне от острова уже отъехали, только один карбас с сеном у берега стоит.

— Долой сено из карбаса!

Выкинули сено, вскочили в карбас, подняли парус, гребем... Добрались до материка, забрали, что в лодке было — хлеба немного, котелок, топор, и двинулись в лес.

Забрались в чащу. Огонь развели. А у самих ничего, никакого оружия, одна винтовка на шесть человек, да и та без патронов. Однако переночевали под елками благополучно.

И вот пошли мы лесом. Надо было как-то к своим, к красным добраться. Все мы без сил, без хлеба. В лесу клюкву ели, ягоды шиповника, сосновую кору... Вырубили колья, отточили их, так с кольями и идем по лесу. Направлялись к Пинеге. Компаса, конечно, не было, дорогу замечали по елкам, по муравейникам...

Кое-как на восемнадцатые сутки добрались мы до Пинегы, где стояли красные. И тут, наконец, кончились наши незабываемые мучения...

Кроме «Острова Мудьюг» я записала от А. А. Зыкова и его товарищей рассказы «Про белых», «Следы в лесу», «Как мы к англичанам попали» и многие другие. Вписывать их все сюда, конечно, невозможно. А вообще материала я тут получила массу. На целую экспедицию работы хватило бы!

20 июля. Город Онега

До 19 июля работала в Чекуеве. Вчера утром пришел пароход, забрал всех, желавших плыть вниз по реке, и потащился к городу Онеге.

Плыли хорошо. Солнце сияло, и можно было весь путь — шесть часов — сидеть на палубе. Река Онега около Чекуева неширока, берега низкие, зеленые; вдоль берегов тянется лес. Километров через 25 река

делается значительно шире и становится на вид уже совсем настоящей, разгульной и пустынной северной лесной рекой.

Деревеньки на Онеге небольшие и очень привлекательные. В Усть-Коже я увидела сквозь деревья маленькую шатровую церковку, уютно прикрытую зеленью; в одной из следующих деревень — небольшую старинную часовню. Такие чудесные редкостные памятники! Сберегут ли их?...

Около шести часов вечера нас принесло к порогу, т. е. к тому месту, откуда начинаются самые красивые высокие берега и... где все пароходы заканчивают свое плавание, так как дальше, насколько можно понять из названия этой местности, поперек реки идут пороги, преодолимые для пароходов.

Здесь стоит старая деревушка Порог с расписными подзорами у изб и высокими северными крылечками. До города Онеги отсюда 25 километров и, как мне объяснили на почте, обычно их приходится преодолевать пешком. Но магические слова о командировке из Архангельска немедленно подействовали: в мое распоряжение была предоставлена телега с лошадьёю и возницей.

Около часу ночи мы прибыли в безмолвный прохладный город. Онега уже спала. Все краски заката давно потухли, и из-за лесов плыла пепельно-голубая беломорская летняя ночь — тихая, чуткая, с прозрачным воздухом, необозримой морской далью и свежестью, дышавшей в лицо. Мы быстро отыскивали мой обычный приют — пустую школу, где я и бросила пока что якорь. Сегодня с утра отправилась знакомиться с городом и искать нужных мне людей.

Есть сведения, что устье реки Онеги было заселено еще в XV в. В конце XVI в. тут уже определенно было поселение с церковью. В 1760 г. оно было переименовано в уездный город Архангельской губернии и вместо поселения «Устьенского» (т. е. стоявшего в устье реки) или «Устьянского» появился город Онега. В конце XIX в. в Онежском уезде было около 40 000 жителей, главным образом крестьян, значительно меньше — мещан и духовенства; было даже 85 чел. «дворянского звания». Жители промышляли рыбой, морским зверем, ходили «на Мурман», уходили в извоз и на заработки в Петербург. Местные купцы торговали рыбой с Норвегией и сами строили себе суда. В краю насчитывается до 500 озер и много мелких речушек, вытекающих из лесных болот. В лесу основные породы деревьев — ель, сосна, береза.

Все это известно из литературы. По моим личным впечатлениям, Онега сегодня мало похожа на город. Скорее это большая деревня. Дома почти все бревенчатые, рубленые то в лапу, то в угол; очень немногие обшиты досками. Рамы окон и наличники выкрашены белой краской, крыши или тесовые, или реже железные, красные. За окнами видны кружевные занавески, горы подушек, цветы в горшках и старых консервных банках и ряд других деталей городского быта. Дома только на некоторых улицах стоят в два ряда: чаще они размещаются по одной стороне, а по другой тянутся пустыри и дырявые заборы. Улицы далеко не каждую и далеко не в любом направлении можно перейти: они заросли густой травой, под которой хлюпает первобытная тундра. На главной улице есть маленькие каменные домики и довольно много лавок; и то и другое — следы бывшей купеческой торговли. Ближе к реке — новостройки из свежего дерева с широкими окнами, повернутыми к скупому северному солнцу: Районный Исполком (РИК), Леспромхоз, клуб.

Лет 80 тому назад, судя по описаниям С. В. Максимова, женщины и девушки одевались тут «пестро и пышно»: штофные сарафаны из алой, голубой или зеленой материи, на головах — шелковые платки у девушек и низенькие шапочки с золотым «начальником» или широким позументом — у женщин. Богатые девушки носили по праздникам на

головах «повязки» из широкого золотого позумента с жемчугами, в ко-сах ниже пояса — алую ленту.

Теперь, конечно, давным-давно нет ничего подобного. Люди все одеты по-городскому. Только старухи еще донашивают темные сара-фаны.

В РИКе меня встретили очень приветливо. Секретарь остался, по-видимому, весьма доволен вниманием к городу Онеге и сразу же дал мне целый ряд адресов бывших партизан. Кажется, и тут работы будет очень много.

23 июля. Город Онега

К вечеру я кончаю свои поиски, сижу в школе и просматриваю до-бытые материалы. В целом создается любопытная картина.

После 1917 г. на Онеге далеко не сразу разобрались, что к чему. Неразбериха царила во многих деревнях. В деревне Подпорожье, нап-ример, была своя республика с собственным «Совнаркомом». В пар-тийной организации деревни Посад имелась печать — «Посадская ком-мунистическая партия». В партию здесь записывали всех желающих; записали как-то даже дьякона. Однажды протокол с именами вновь принятых в партию каким-то образом был оставлен на столе. Почти сразу после этого в деревню пришли «белые» и обнаружили этот до-кумент. Можно себе представить, каковы были последствия.

Но зато, когда пришлось воевать с интервентами, онежане быстро сориентировались и действовали геройски. В начале августа 1919 г. бои шли в самом городе: «красные» занимали центр его, а «белые» на-ходились у пристани, на боковых улицах и у реки. Были герои-пулемет-чики, в одиночку ухитрявшиеся в течение целого дня не пропускать «белых» в центр города; были и смелые разведчики, и связисты, и храб-рые мальчуганы-подростки, которые совершали подвиги, удивительные по смелости и находчивости. Говорят, что здесь в боях за город погиб знаменитый «Костя-камад». Онега много раз переходила из рук в руки, и только в феврале 1920 г. в ней окончательно укрепились «красные».

Все это очень живо и красочно отразилось в переданных мне парти-занских рассказах: «Вокруг города Онеги», «Борьба за город», «Железный отряд», «Борьба с кулачеством», «Костя-камад», «Гибель большевика» и др.

31 июля. Архангельск

Итак — последний этап на пути домой. 26 июля я уехала из Онеги: кое-как нашла во дворе «Дома колхозника» пустую телегу с парой ло-шадей и возницей, который собирался ехать в нужном мне направлении. В два часа дня мы выехали из Онеги и то шагом, то вприскок потя-нулись вдоль речного берега. 28 июля днем путь мой был благополучно закончен в Архангельской гостинице. Сдала начальству переписанные материалы, получила билет — и сегодня отбываю.

Подлинники всех записей, конечно, едут со мной. Несомненно, ког-да-нибудь они послужат хорошим дополнительным материалом для историков гражданской войны на Севере.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК МИХАИЛА КОНСТАНТИНОВИЧА КУДРЯВЦЕВА

(к 70-летию со дня рождения)

- Новая экспозиция по культуре и быту народов Индии.— Советская этнография (далее СЭ), 1950, № 3, с. 186—191.
- Неприкасаемые.— СЭ, 1951, № 2, с. 140—159.
- Основные этнические группы Западного Пакистана.— СЭ, 1952, № 2, с. 98—113.
- Фрагмент дворца из города Насик (Индия).— Сб. МАЭ. Т. 14, М.—Л., 1953, с. 140—146.
- Кашмирцы.— СЭ, 1955, № 2, с. 112—125.
- Некоторые вопросы индийской культуры в книге Дж. Неру «Открытие Индии».— СЭ, 1956, № 1, с. 155—161.
- Поездка в Индию (Путевые заметки советского этнографа).— СЭ, 1957, № 5, с. 158—172.
- Индия в XV веке.— В кн.: Афанасий Никитин. Хождение за три моря. М., 1958, с. 143—160.
- Народы Южной Азии.— В кн.: Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия. М., 1959, с. 307—386 (в соавторстве с Н. Р. Гусевой).
- О народном образовании в древней Индии.— Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 65. М., 1961, с. 80—95.
- В кн.: Народы Южной Азии. М., 1963, разделы: Географический очерк стран Южной Азии (с. 11—20); Хиндиязычные народы (с. 237—279, в соавторстве с Б. Я. Волчок); Раджастханцы (с. 300—317); Панджабцы (с. 318—342); Народы Дхамму и Кашмира (с. 343—371); Народы Западного Панджаба (с. 706—715); Синдхи (с. 716—730); Малые народы Гиндукуша (с. 779—782).
- Редактирование кн.: Восточная Азия. Краткий путеводитель по экспозиции. М.—Л., 1964.
- Индия. Краткий путеводитель по экспозиции. М.—Л., 1964.
- О роли джатов в этнической истории Северной Индии (Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук). М., 1964. 10 с.
- Месяц в Индии.— СЭ, 1965, № 4, с. 164—171 (в соавторстве с Н. Н. Чебоксаровым).
- Мусульманские касты.— В кн.: Касты в Индии. М., 1965, с. 214—232. В кн.: Страны и народы Востока. Вып. 5. М., 1967, статьи: Доктор Веррье Элвин (с. 106—109), Антропологическая служба Индии (с. 100—105).
- К. Маркс и проблемы социального строя средневековой Индии.— В кн.: Тезисы докладов годичной научной сессии, май 1968 г. Л., 1968, с. 8—10.
- Проблема языка и культурного развития малых народов Индии.— В кн.: Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы научной конференции 18—20 января 1965 г. М., 1968, с. 108—119.
- Рец. на кн.: *Pradhan M. C. The political system of the Jats of the Northern India*. Bombay, 1966.— СЭ, 1968, № 5, с. 172—174.
- Концепция индийского феодализма в советской историографии.— Народы Азии и Африки, 1970, № 1, с. 72—84.

- О некоторых особенностях деревенских общин в Северной Индии.— СЭ, 1970, № 4, с. 62—73.
- Община и каста в Хиндустане (из жизни индийской деревни). М., 1971, 283 с.
- Род и община в индийской деревне (на примере общинной организации джатов).— В кн.: Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР, 1970. Л., 1971, с. 82—83.
- В кн.: Страны и народы Востока. Вып. XII. М., 1972, статьи: Буддийский университет в Наланде (V—VII вв.) (с. 184—189), Заметки о языках школьного обучения «зарегистрированных племен» Индии (с. 186—195).
- О принципах и роли соседства в джатских общинах.— В кн.: Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР, 1971. Л., 1972, с. 71—73.
- Кастовая община (об особенностях сельской общины в Индии).— В кн.: Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вып. II. М., 1972, с. 181—185.
- Об этническом составе армий мусульманских завоевателей Индии.— В кн.: Этническая история народов Азии. М., 1972, с. 171—192.
- Рец. на кн.: Census of India 1961. V. I. Monograph series. Pt VI, № 3. Socio-economic survey report of Chettat Island. New Delhi, 1970.— СЭ, 1972, № 2, с. 163—165.
- Индийская кастовая община как социальная система. М., 1973.
- О путях этнического развития так называемых зарегистрированных племен Индии.— В кн.: Основные проблемы африканистики. М., 1973, с. 140—146.
- Studies of India at the USSR Institute of Ethnography.— In: Spirit of India. Volumes presented to Srimati Indira Gandhi by the Indira Gandhi Abhinandan Samiti. Bombay, 1975, v. 2, p. 262—270.
- Рец. на кн.: Tribal situation in India. Transactions of the Indian Institute of advanced study. V. 13. Simla, 1972.— Расы и народы, т. 6, № 4, 1976, с. 298—300.
- О положении племен в Индии (в связи с научным семинаром в Симле).— В кн.: Страны и народы Востока. Вып. XIX. М., 1977, с. 206—215.
- Кастовая община (специфика сельской общины в Индии).— В кн.: Проблемы аграрной истории (с древнейших времен до XVIII века включительно). Ч. I. Минск, 1978, с. 137—144.
- Редактирование кн. «Малые народы Южной Азии». М., 1978. 242 с. Автор Введения (с. 3—18).
- Village exogamy in the Rural communities of Northern India.— In: General problems of anthropology and ethnography of the South Asia. Moscow, 1978, p. 133—143.
- Сельская община в индийской этнографической науке.— В кн.: Краткое содержание докладов сессии Ин-та этнографии АН СССР, посвященной столетию создания первого академического этнографо-антропологического центра. Л., 1980, с. 18, 19.

СИМПОЗИУМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ И. И. СРЕЗНЕВСКОГО

Выдающийся русский славист И. И. Срезневский, широко известный трудами в области филологии и истории, внес также заметный вклад в этнографию и фольклористику славянских народов.

С 1847 по 1880 г. И. И. Срезневский возглавлял славянскую кафедру Петербургского университета, воспитав целую плеяду учеников. Его лекции в 1850-х годах превращались в заметное явление общественной жизни Петербурга. Среди тех, кто их слушал, были Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Хотя общественно-политические воззрения самого Срезневского были далеки от передовых веяний той эпохи, разработка им многих конкретных проблем славяноведения отличалась глубиной и основательностью и способствовала дальнейшему развитию этой области знания. Неслучайно один из основателей советской школы славистики, академик Н. С. Державин, отмечал большую роль И. И. Срезневского в истории славянских исследований.

Творческому наследию И. И. Срезневского был посвящен симпозиум, проведенный 17 октября 1980 г. Ленинградским отделением Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики. В нем приняли участие ленинградские слависты — историки, филологи, этнографы и фольклористы, а также специалисты из Москвы.

Заседание открылось докладом М. Ю. Досталь (Москва, Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР) «Общественно-политические взгляды И. И. Срезневского». Докладчица показала изменение общественной позиции ученого на протяжении его длительного творческого пути. В первый период своей деятельности (1830—1850 гг.) И. И. Срезневский проявил себя как умеренный либерал. Однако позицию Срезневского в этот период нельзя расценивать однозначно. Так, например, он проявлял сочувствие к тяжелому положению простого народа, отрицательно относился к крепостному праву, выступал за равноправие и свободное развитие всех народов, как славянских, так и неславянских. В последующие десятилетия общественно-политические взгляды Срезневского претерпевают изменения, эволюционируя вправо, что вообще характерно для русского либерализма той поры. Однако консервативные взгляды ученого не умаляют его заслуг перед отечественным славяноведением. Критически оценивая его общественно-политические воззрения и решительно отбрасывая все консервативное, мы извлекаем из научного наследия ученого то ценное, рациональное, что способствовало углублению и расширению знаний о языке, истории и культуре славянских народов и что сохраняет научную ценность до сих пор. Об этих аспектах наследия Срезневского шла речь и в докладе заведующего кафедрой славянской филологии ЛГУ П. А. Дмитриева «Педагогическая деятельность И. И. Срезневского». В петербургский период своей жизни и деятельности, как отметил докладчик, И. И. Срезневский занимался преимущественно изучением истории русского языка, памятников древнерусской письменности и археологии. Вместе с тем зарубежные славянские народы продолжали оставаться одним из важных объектов его исследований. У своих слушателей Срезневский стремился воспитать любовь к науке, самостоятельность мысли, осторожность в выводах и самkritичность. И. И. Срезневский, отметил в заключение своего доклада П. А. Дмитриев, заложил прочные славистские традиции, которые продолжают успешно развиваться и в наше время.

Научная деятельность ученого не ограничивалась только исторической и филологической проблематикой. Об этом, в частности, говорила в докладе «И. И. Срезневский как фольклорист» И. М. Колесникова (Филологический ф-т ЛГУ).

Докладчица остановилась на педагогической и научной деятельности И. И. Срезневского в 1850-е годы. В лекциях по курсам «Славянские древности» и «История и литература славянских народов» и на занятиях, посвященных чтению памятников, вызвавших большой интерес слушателей Петербургского университета и Главного педагогического института, Срезневский выступал за выводы, основанные на тщательно подобранных и критически рассмотренных источниках, и выражал скептическое отношение к произвольным поспешным заключениям некоторых современных ему ученых (мифологов).

Пользуясь сравнительным методом исследования, привлекая хорошо известные ему фольклорные материалы не только по всем славянским, но и по другим народам Европы, ученый сделал попытку представить родовую и жанровую классификацию песенного фольклора. Он выделял песни лирические, обрядовые и «общественные», подчеркивая

значение каждой из этих групп в жизни народа и их связь с историей народа. Последовательно придерживаясь принципа историзма, Срезневский исследовал «лирико-эпические» (исторические) песни, циклизацию эпоса, влияние на устную традицию книжных источников, изменение традиций под влиянием новых общественных условий.

Идеи Срезневского и его принципы исследования фольклорного материала были восприняты и развиты в публицистических и научных статьях, в рецензиях и монографиях его учеников (Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, А. Н. Пыпин, В. И. Ламанский, Л. Н. Майков).

В 1850-е годы Срезневский активно работал в Русском географическом обществе и во II Отделении Академии наук. Сначала он был заместителем «Председательствующего этнографического отделения» Н. Н. Надеждина, а затем «Председательствующим» и во многом способствовал перелому в деятельности этого отделения. Он организовал систематизацию и рецензирование всех поступающих в Общество материалов по этнографии и фольклору, распределяя их между специалистами для дальнейшего исследования. По его настоянию обсуждались новые программы этнографических экспедиций, а также организации музеев. Существенно изменился тип этнографических очерков и статей, публиковавшихся в изданиях Общества. Полубеллетристические этнографические очерки, господствовавшие в первой половине XIX в., сменились серьезными исследованиями, рецензиями, переработанными нередко в научные программные статьи. Ряд таких статей был написан учениками Срезневского, возглавлявшими впоследствии Отделение этнографии (В. И. Ламанский, Л. Н. Майков и др.).

Фольклорно-этнографические аспекты творческого наследия И. И. Срезневского были рассмотрены В. Е. Гусевым (Ленинград, Ин-т театра, музыки и кинематографии) в докладе «И. И. Срезневский и изучение истории славянского календаря». Основываясь на исследовании архива ученого, докладчик проследил историю создания Срезневским статьи «Древний русский календарь по месячным Минеям XI—XIII вв.». Собранные в ходе работы над этой статьей материалы представляют несомненный научный интерес. В частности, в архиве И. И. Срезневского хранятся «Месяцеслов по древним русским памятникам X—XIV вв.», «Календарь славянский по древним глагольским рукописям», «Старообрядческий календарь» и различные таблицы с наименованием недель и дней у разных славянских народов. Следует отметить черновой набросок таблицы, содержащий наименования месяцев в старославянском, сербскохорватском, лужицкосербском, чешском, полабском и словенском языках. Собранные здесь, хотя и неполные, сведения закрепляют названия месяцев, бытовавшие во времена Срезневского и позднее в ряде случаев изменившиеся. Эти изменения в какой-то мере отражают эволюцию народной культуры славян за последние сто — полтора столетия.

В сообщении аспирантки исторического ф-та ЛГУ Е. Д. Дросневой (НРБ) «Болгарские сюжеты в раннем творчестве И. И. Срезневского» было показано, как формировался интерес И. И. Срезневского к проблемам прошлого и настоящего болгарского народа. Докладчица рассмотрела труд И. И. Срезневского «Очерк книгопечатания в Болгарии» и дополнения к нему, а также некоторые материалы из переписки И. И. Срезневского с В. И. Григоровичем и В. Е. Априловым.

Срезневским была создана наиболее полная в его время библиография новой болгарской литературы. «Очерк» печатался в «Журнале Чешского музея», поэтому можно говорить о том, что в лице И. И. Срезневского русская болгаристика продолжала выполнять свою роль посредника в ознакомлении зарубежных славистов с развитием болгарской культуры. Из переписки с Априловым и Григоровичем видно, что Срезневский занимался проблемами болгаристики еще в Харькове. Он, в частности, поручил одному из своих студентов сбор этнографических сведений о болгарях, а сотрудничества с Априловым искал, вероятно, для составления более полного очерка книгопечатания.

В заключение Г. Н. Моисеева (Ленинград, Ин-т русской литературы АН СССР) сделала сообщение «И. И. Срезневский и И. Добровский». Она обратила, в частности, внимание на то, что в архиве Срезневского сохранился автограф великого чешского слависта с записями пословиц и его карандашный портрет работы замечательного русского живописца О. А. Кипренского. Эти материалы лишний раз свидетельствуют об уважении И. И. Срезневского к творчеству и личности И. Добровского, одного из основоположников мировой славистики и большого друга русского народа.

Подводя итоги заседания, председатель Ленинградского отделения Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики А. С. Мыльников (Ленинградская часть Ин-та этнографии АН СССР) отметил, что доклады и сообщения показали широту научных интересов И. И. Срезневского, весомость его вклада в различные области славистики. Анализу разносторонней деятельности ученого способствовал междисциплинарный характер симпозиума, позволивший объединить вокруг одной темы представителей различных специальностей. И это не случайно. Как ученый, Срезневский в равной мере проявлял интерес к истории и языку, к этнографии и фольклористике славянских народов, к разным аспектам их духовной жизни и сотрудничества. Именно это многогранное, широкое понимание Срезневским славяноведения как органического комплекса научных дисциплин делает его творческое наследие особенно близким современности. Вместе с тем оно составляет заметную страницу и в истории отечественной этнографической науки.

А. С. Мыльников

**ЭКСПОЗИЦИЯ ПО НАРОДАМ ЗАКАВКАЗЬЯ
В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ СССР**

Большая научная и собирательская работа, осуществлявшаяся Отделом народов Кавказа Государственного музея этнографии народов СССР в течение многих лет, дала возможность в последние годы создать постоянные этнографические экспозиции «Азербайджанцы», «Армяне», «Грузины». Такого рода комплексный показ хозяйства, быта и культуры трех основных народов Закавказья в конце XIX — начале XX в. осуществлен в истории музея впервые.

В 1977 г. открылась экспозиция «Азербайджанцы». Одновременно в соответствии с задачами комплексного показа народов Закавказья кардинально менялась экспозиция «Грузины», существовавшая с 1962 г. В 1972 г., к 150-летию вхождения Армении в состав России, была открыта экспозиция «Армяне». Разработка тематико-экспозиционных планов и создание экспозиций осуществлялись сотрудниками Отдела народов Кавказа и художником К. П. Буровым под руководством заведующей отделом Е. Н. Студенечкой.

Создание этнографических экспозиций по нескольким народам одного историко-культурного региона — задача, несомненно, сложная: ее выполнение требует привлечения разнообразных материалов, их особой подачи, показа как культурной общности населения региона, так и его этнического своеобразия. С такими трудностями столкнулись и создатели экспозиции по народам Закавказья. Примером могут служить проблемы, связанные с экспонированием жилища со ступенчато-венеобразным перекрытием, характерным для азербайджанцев (*карадам*), армян (*гяхатун*) и грузин (*дарбази*). Чтобы избежать однообразия в подаче материала, были использованы самые различные приемы показа данного элемента культуры. Так, в экспозиции «Азербайджанцы» наряду с другими типами жилища Азербайджана был представлен макет карадама (в разрезе). В экспозиции «Армяне» показаны фотографии гяхатуна и модели типов перекрытий этого жилища. Грузинский дарбази представлен рисунком его интерьера.

Можно привести другой пример подачи материалов — это выбор интерьеров и тематики обстановочных сцен. В экспозиции «Азербайджанцы» интерьер дома богатого азербайджанца с размещенной в нем сценой проводов невесты контрастно сопоставляется с комнатой бакинского рабочего, созданной на подлинных вещевых материалах начала XX в.; в экспозиции «Грузины» посетитель знакомится с интерьерами жилищ грузинского князя и крестьянского дома в Западной Грузии; в экспозиции «Армяне» воспроизведена часть каменного жилища из горных районов Армении, в котором воссоздана сцена выпечки традиционного закавказского хлеба — *лаваша*. Таким образом, выявляются разнообразие строительных материалов — глина, дерево, камень; своеобразие убранства закавказского жилища, социальные различия в нем.

В некоторых случаях авторы экспозиции предпочли выборочный метод показа. Поэтому отдельные явления и элементы культуры Закавказья даются на примере того периода, для которого они наиболее характерны, или того, который представлен особенно интересными иллюстративными материалами. Так, однотипность инструментов ремесленников у всех народов Закавказья и наличие более интересных экспонатов по армянам сделали возможным показать их только в экспозиции «Армяне». Музыкальные инстру-

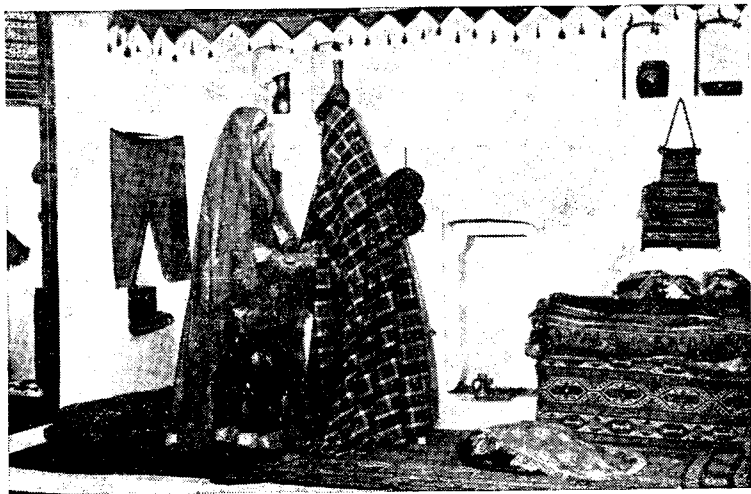

Рис. 1. Сцена «Свадьбы» в экспозиции «Азербайджанцы. Конец XIX — начало XX в.»

Рис. 2. Часть экспозиции «Армяне. Конец XIX — начало XX в.»

менты, также общие для всех народов Закавказья, наиболее полно представлены в экспозиции «Грузины», тогда как в экспозициях «Азербайджанцы» и «Армяне» тема народного музыкального творчества лишь затронута.

Схема построения всех экспозиций в основном едина. Каждой из них предпослан краткий вводный раздел, показывающий основные этапы этнической истории данного народа. Затем следуют материалы, характеризующие главные хозяйственные занятия сельского населения, ремесла и промыслы, материальную и духовную культуру, торговлю и промышленность.

Общая экспозиция по народам Закавказья открывается выставкой «Азербайджанцы». После вводного раздела в ней даются экспонаты по основным хозяйственным занятиям этого народа — орошаемому земледелию, отгонному скотоводству, шелководству. В разделе «Ремесла и промыслы» большое внимание уделено шелкоткачеству и ковроделию; здесь же показаны обстановочная сцена «Мастерская ювелира» с традиционными ювелирными изделиями, образцы керамики, художественной медной утвари. Значительное место в экспозиции «Азербайджанцы» занимает коллекция азербайджанских ковров. В экспозиции отражены и другие стороны материальной культуры азербайджанцев, например одежда, жилище. Из них одежда представлена подлинными вещевыми материалами — традиционными мужскими и женскими костюмами, жилище — макетами типов жилища и усадеб разных историко-этнографических зон Азербайджана.

В последующих разделах экспозиции «Азербайджанцы» показаны вещевые и фотографические материалы по духовной культуре, народным верованиям и обрядам, развитию просвещения азербайджанского народа. Заключительный раздел экспозиции посвящен характеристике торговли и промышленности, формированию многонационального бакинского пролетариата.

Материалы вводного раздела экспозиции «Армяне» рассказывают об исторических судьбах народа, их многовековой борьбе с иноземными захватчиками, миграциях армян, наложивших отпечаток на материальную и духовную культуру этого народа.

В разделе «Занятия» с помощью разнообразного материала (подлинных вещей, фотографий, схем, карт, макетов) характеризуются сложные природные условия Армении, древняя земледельческая культура армянского народа, особенности местного скотоводческого хозяйства. Большое внимание уделено ремеслам, широкое развитие которых в Армении объясняется историческими и экономическими причинами. Интересны ремесленные инструменты камнереза, кузнеца, медника, набойщика, представленные в данном разделе экспозиции; показаны также орудия обработки шерсти и ковровый станок.

В последующих разделах экспозиции «Армяне» демонстрируются разнообразные материалы, характеризующие другие стороны культуры армянского народа. Это одежда населения разных историко-этнографических зон Армении, а также разных социальных групп, женские серебряные украшения работы армянских мастеров, жилище и утварь. Здесь же показаны различные предметы, использовавшиеся в Закавказье при посещении бань, которые не только в Армении, но и в других районах края служили своеобразными клубами.

Один из разделов экспозиции «Армяне» посвящен народным языческим верованиям армян, их духовной культуре, развитию просвещения. В разделе, в частности, рассказывается о Лазаревском институте в Москве, сыгравшем большую роль в укреплении русско-армянских связей. В этом же разделе освещена также деятельность ряда культурно-просветительских центров средневековой Армении — армянских монастырей, например Татевского, в котором в средние века существовали университет и большая библиотека.

Рис. 3. Часть экспозиции «Грузины. Конец XIX — начало XX в.»

В разделе «Торговля и промышленность» показаны особенности формирования рабочего класса в Армении. Здесь были главным образом горняки, по национальности армяне, что отличало эту часть Закавказья, например, от Азербайджана, где основную массу рабочих составляли нефтяники, представители разных национальностей.

Вводный раздел экспозиции «Грузины» с помощью разнообразных материалов — фотографий, фотопанно, карт, схем — дает представление об основных этапах формирования грузинского народа, показывает связь между природными зонами и занятиями населения, значение Тбилиси в жизни народов Закавказья — до революции административного и культурного центра края.

В разделе «Занятия» этой экспозиции освещена роль земледелия в Грузии, демонстрируются типы плугов, в том числе *гутани* — большой передковый плуг. Из других сельскохозяйственных занятий грузин большое внимание в разделе уделено виноградарству и виноделию; кратко охарактеризованы также подсобные занятия — рыболовство и охота.

С помощью различных материалов в экспозиции показаны другие стороны материальной культуры грузин: жилище — макеты усадеб разных этнографических районов Грузии и интерьер, глиняный очаг для выпечки хлеба, традиционная утварь, быт — обстановочная сцена «В доме князя», образцы народно-прикладного искусства (резьба по дереву, керамика, уникальная коллекция серебряных сосудов и рогов для вина).

Раздел «Религия» экспозиции «Грузины» содержит материалы, характеризующие не только народные верования (здесь интересны, в частности, предметы из языческих святилищ Хевсуретии и Сванетии), но и традиционные народные празднества — большой макет «Кееноба (художник Я. М. Шур), традиционное музыкальное творчество — коллекция музыкальных инструментов.

Экспозиция заканчивается темой развития революционного движения в Грузии. В этом разделе представлены, например, редкие газеты, журналы и книги («Брдзола» и др.), издававшиеся в Грузии в конце XIX — начале XX в. в период революционного подъема.

Создание постоянных этнографических экспозиций по народам Закавказья в Государственном музее этнографии народов СССР следует оценивать не только как факт большого научного значения. В оценке этого важного научного события необходимо учитывать и другое — огромную научно-познавательную и воспитательную роль этнографической науки в распространении специальных знаний среди широких народных масс.

Е. Н. Студенецкая

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

Летом 1980 года фольклорная лаборатория Дальневосточного педагогического института искусств (г. Владивосток) провела очередную XXXV музыкально-этнографическую экспедицию. Ее участники

работали на о. Сахалине (с 25 июня по 2 августа) и в Бурятии (с 11 августа по 10 сентября). В состав экспедиции входили преподаватели и студенты института: А. В. Сиськова, Л. Д. Матхонова,

Р. Л.-Ц. Жамбалова, Е. М. Алкон. В результате поездок собрана богатая коллекция нивхского и бурятского фольклора.

Фольклор нивхов записывался в пос. Ноглики и с. Вени Ноглинского района (о. Сахалин) преподавателем института Сиськовой А. В. В ее задачу входило: продолжение музыкально-этнографического изучения нивхского фольклора на о. Сахалин, начатого лабораторией института еще в 1966 году¹, и выявление общности и различий в музыкальном фольклоре амурских и сахалинских нивхов². В процессе работы А. В. Сиськовой от восьми исполнителей записано 86 образцов нивхского фольклора. Весь собранный материал, очень ценный в музыкально-этнографическом плане, можно разделить на 5 жанровых групп: сольные вокальные импровизации — *лу* (27 записей), легендарные рассказы — *т'ылгуури* (*т'ыгушик*) (17 записей), эпические сказания и сказки — *чыстунд* (*чыстурлю*) (5 записей), наигрыши на специальном «музыкальном» бревне, исполнявшиеся на медвежьем празднике — *тятян т'хас* (16 записей); наигрыши на однострунном смычковом инструменте (тип трубчатой пиколютни) — *т'ыңрың* (21 запись). Наигрыши на т'ыңрың представляют особый интерес, так как аналогичный инструмент у амурских нивхов не сохранился. Тематика наигрышей на этом инструменте отражает особенности жизни сахалинских нивхов, о чем свидетельствуют даже названия наигрышей: («Собака лает», «На оленьей упряжке», «На озере», «Морская утка поет», «Кукушка кукует»). А. В. Сиськова привезла образец т'ыңрың, сделанный исполнительницей А. А. Ямик. В ходе экспедиции отснято 100 фотокадров, на которых зафиксированы исполнители фольклора и процесс игры на музыкальных инструментах.

¹ Во время VIII Музыкально-этнографической экспедиции (июль 1966 г.) были записаны 53 текста фольклора нивхов о. Сахалин. В этой экспедиции принимали участие И. А. Бродский, Ю. И. Шейкин, У Ген-ир и М. В. Стрекаловских. На основе материалов экспедиции 1966 года Всесоюзной фирмой «Мелодия» выпущена пластинка «Музыка народов Дальнего Востока СССР» — Мелодии нивхов, Д. 0333187—8 (И. А. Бродский).

² Коллекция записей фольклора амурских нивхов хранится в материалах XXXI экспедиции. См. Сов. этнография, 1979, № 1, с. 152.

Бурятский фольклор записывался в селах Тохой и Могосохон, а также в г. Улан-Удэ студентами института под руководством студентки музыковедческого отделения Л. Д. Матхоновой. Цель поездки в Бурятию — выяснение специфики развития жанров бурятского фольклора на современном этапе и уточнение музыкально-интонационных особенностей традиционных жанров, связанных со спецификой традиционного уклада бурят. Всего от 19 исполнителей сделано 116 магнитофонных записей, среди которых необходимо выделить: *тээге* — колыбельные напевы, выполняющие магическую функцию — они должны помогать приучению ягнят к матке (2 записи), *ёохор* — круговой ритуальный танец, генетически связанный с облавной охотой (5 записей); *маани* — ламаистские молитвы (5 записей); *магтаал* — вокальные восхваления и прославления (12 записей), *юроол* — благопожелания (2 записи), *туре хуримай* — свадебные песни и напевы (10 записей) и др. Привезен музыкальный инструмент — *дамаари* (двусторонний барабанчик в форме песочных часов), используемый при совершении ламаистского обряда.

В коллекцию XXXV музыкально-этнографической экспедиции Дальневосточного педагогического института искусств вошли также записи (24 фонограммы), выполненные студентами Хабаровского училища искусств под руководством преподавателя Н. Е. Ваховой в июле 1978 г. в нанайских селах Джари и Найхин (р. Амур, Нанайский район, Хабаровский край). В этой коллекции особую ценность представляют записи наигрышей на тростниковой дудочке (тип одноязычкового кларнета с цилиндрическим каналом и боковыми отверстиями для изменения высоты звука) — *хологкта пиюкиан* (4 записи) и на однострунном смычковом инструменте (тип трубчатая пиколютня) — *дучиэкэн* (5 записей). Характерная особенность этих наигрышей — отражение в музыке отдельных сторон быта нанайцев. В 1979 г. была собрана коллекция нанайских музыкальных инструментов: *унгчхун* — шаманский бубен, *хологкта пиюкиан* (2 экземпляра), *дучиэкэн*.

Фотоматериалы, коллекция музыкальных инструментов и полевые дневники XXXV экспедиции хранятся в личном архиве Ю. И. Шейкина, магнитофонные записи — в фольклорном фонограммархиве Дальневосточного педагогического института искусств.

Ю. И. Шейкин

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Ю. В. Бромлей. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981, 390 с.

Развитие советской этнографической науки ознаменовалось в последние десятилетия крупными успехами в разработке теоретических и практических проблем, в изучении народов мира, и в первую очередь народов Советского Союза. Возникли новые значительные направления, укрепились контакты и взаимодействия с рядом смежных наук. Выдающееся значение в разворачивании этих процессов имели труды академика Ю. В. Бромлея и особенно его книга «Этнос и этнография».

Новая книга Ю. В. Бромлея «Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории)» представляет собой дальнейший шаг в разработке наиболее кардинальных вопросов этнографии. Она может рассматриваться одновременно и как подведение итогов пройденного советской этнографией пути, и как программа обширных исследований, рассчитанных на многие годы.

Книга охватывает широкий круг проблем. Рассмотреть все с одинаковой полнотой в краткой рецензии совершенно невозможно. Поэтому основное внимание будет уделено в первую очередь тому новому, что содержит исследование, а также наиболее, на наш взгляд, существенным аспектам теоретических и практических проблем, анализируемых в нем.

Следует прежде всего отметить удачное построение книги. В ее первых главах автор излагает свои теоретические и методические взгляды, а в дальнейших — применяет свою теорию и свой метод для решения ряда практических вопросов этнографической науки. Таким образом, наглядно демонстрируется возможность применения разработанной Ю. В. Бромлеем теории и методики при разработке самых разнообразных и насущных проблем этнографии.

Другой важной особенностью книги является ее нацеленность на наиболее важные теоретические проблемы: этнос — этнические процессы — этнографические явления современности. В книге впервые в советской этнографической литературе излагаются в столь законченном виде программа и задачи этнографии современности. При этом автор не ограничивается рассмотрением вопросов, связанных только с сегодняшним днем, а наглядно показывает, как современная этнографическая теория может в равной степени успешно применяться при исследовании и архаических этнографических явлений, и истории первобытного общества и современности.

Ясно и отчетливо формулируя свои основные положения, которые, как будет показано ниже, представляются обоснованными и выдерживают испытания при применении их к решению практических вопросов, Ю. В. Бромлей оставляет место и для дискуссий, что, безусловно, будет способствовать дальнейшему развитию советской этнографической науки.

В первой, теоретической и методической части труда выделяются несколько главных проблем. К их числу относятся прежде всего проблемы объекта и предмета этнографической науки и, как следствие, определение сущности, содержания и задач этнографической науки, теории этноса и этнических процессов.

Весь этот материал сгруппирован в пять разделов. В первых двух дается характеристика исследовательских объектов этнографии и ее предмета. В последующих рассматриваются конкретные историко-этнографические проблемы, среди которых автор выделяет архаические общественные формы, традиционную культуру, этническую историю, современные этнические процессы (см. с. 5, 6).

Во введении к книге автор так определяет содержание и задачи своего труда: «При всем различии профиля (подхода, тематики и масштабов) отдельных очерков, в целом все они в конечном счете подчинены одной общей идее: дальнейшему обосно-

ванию и развитию представлений о предметной области современной этнографии как науки об этносах, а тем самым и уточнению круга ее наиболее актуальных проблем» (с. 6).

При рассмотрении одного из ключевых вопросов этнографической теории — природы этноса и его основных видов — Ю. В. Бромлей вносит много нового в сравнении со своими прежними исследованиями. Отмечая многоплановость такого сложного явления, как этнос, он четко формулирует наиболее характерные его признаки. Ю. В. Бромлей пишет: «Общим внешним ориентиром для определения явлений, стоящих за термином „этнос“, может служить то обстоятельство, что он прилагается к тем случаям употребления слова „народ“ (и соответственно терминов „племя“, „национальность“ и „нация“), когда им обозначаются общности людей, имеющие свои самоназвания» (с. 12). Нельзя не отметить, что при всей кажущейся простоте этого признака, он четко характеризует понятие «этнос» на всех стадиях его исторического развития. И далее автор рассматривает вопрос, как можно отличить этноним от топонима и политонима (новый и, думается, удачный термин, предложенный Ю. В. Бромлеем для наименования потестарного или политического образования). В связи с этим отмечается: «Если соответствующая группа людей устойчиво из поколения в поколение сохраняет свое самоназвание, то скорее всего это самоназвание — этноним... Ведь политоним... сравнительно быстро выходит из употребления... Нередко аналогична и судьба топонима» (с. 13, 14). Автор указывает, что помимо этнонима, как внешнего признака, принадлежность к определенному этносу предполагает общность самосознания (антитеза «мы» — «они»). При этом под этническим самосознанием понимаются представления людей о собственном этносе, тогда как «этническое сознание включает весь комплекс этнически окрашенных компонентов общественного сознания» (с. 15). Таким образом, для этноса характерны устойчивость признаков, наличие специфической этнической культуры.

В связи с определением признаков этноса Ю. В. Бромлей вступает в полемику с авторами, пытавшимися выдвинуть в качестве этнодифференцирующих признаков биологические (расовые) черты, и убедительно показывает, что этнос не представляет собой биологической популяции, и существование этносов вызвано не биологическими, а социокультурными факторами (с. 18). Как и в прежних работах, автор подчеркивает значение эндогамии для самовоспроизводства этносов и рассматривает механизм ее проявления в различных исторических ситуациях.

Весьма важное теоретическое значение имеет предложение Ю. В. Бромлея различать понятие этнос в широком и узком значении этого термина. Собственно этнос (в узком значении термина) определяется при этом как «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» (с. 27). Это узкое понимание термина «этнос» автор еще в прежних работах предложил именовать «этникос».

Более общим видом этнических образований предлагается считать «этносоциальные организмы» (ЭСО) — синтетические образования, в которых этносы сопряжены с социальными организмами территориально-этнического характера (племенами — государствами) (с. 31, 32). Автор выделяет три основные разновидности подобных этносоциальных организмов: 1) этникос и социальный организм совпадают; 2) из одного этникоса социальные организмы вычлениют несколько этносоциальных образований; 3) в рамках одной социально-политической общности (государства) одновременно существуют несколько компактных и относительно самостоятельных этникосов (с. 35, 36 и сл.).

Разграничение узкого и широкого понятия термина «этнос» имеет, как это справедливо подчеркивает Ю. В. Бромлей, важное значение для решения дискуссионной проблемы соотношения понятий «нация» и «национальность». В связи с многозначностью термина «национальность» выдвигается предложение уточнить его специальным «индикатором», подчеркивающим собственно этническое значение — «этнонациональность» (с. 40).

Весьма перспективна с точки зрения дальнейших исследований мысль автора о необходимости разграничения и терминологической фиксации видов этникосов, складывавшихся в условиях различных общественно-экономических формаций. При этом этникосы первобытно-общинной эпохи предлагается называть «палеогенетическими», докапиталистической — «архогенетическими», возникшие позже — «неогенетическими» (с. 42). Подобного рода историческая классификация сыграет положительную роль при дальнейших этногенетических исследованиях.

К ряду существенных выводов приходит Ю. В. Бромлей при анализе проблемы иерархичности историко-культурных общностей. Автор отмечает, что этнография призвана изучать все разновидности историко-культурных общностей, их основные черты и тенденции динамики развития. Под историко-культурными общностями понимаются общности, характеризующиеся целым комплексом признаков, один из которых может рассматриваться как системообразующий. Эти общности подразделяются автором на две категории: этнические общности, обладающие устойчивыми, исторически сложившимися чертами культуры, и «метаэтнические» общности, подразделяющиеся на этносоциальные и собственно этнические (см. с. 46, 47). Кроме того, выделяются микро-

этнические единицы (например, семья), представляющие предел делимости основной этнической общности. Промежуточное положение между микроэтническими единицами и этносами занимают «субэтносы», существование которых связано с «осознанием групповых особенностей тех или иных компонентов культуры» (с. 48).

Ю. В. Бромлей подчеркивает, что все разновидности этнических общностей следует отличать от этнографических общностей, выступающих в двух разновидностях: «этнографические группы» и «историко-этнографические области». Отмечается также наличие своеобразной иерархии историко-этнографических (традиционно-культурных) единиц: 1) этнографическая группа; 2) историко-этнографическая область; 3) историко-этнографическая провинция (с. 49, 50).

Исключительный интерес для теоретической этнографии представляют также анализ и общая характеристика этнических процессов, теория которых долгое время оставалась одним из наименее разработанных вопросов в этнографической науке. В последние годы благодаря трудам Ю. В. Бромлей и его последователей этот существенный пробел стал быстро восполняться. Новые, весьма важные выводы и обобщения содержит рецензируемый труд.

Как справедливо отмечает автор, перед этнографией стоит задача выявления типичных особенностей динамики этнических процессов (с. 63). Автор имеет в виду, и это следует подчеркнуть, не просто изменение этнической принадлежности, а прежде всего смену этнического самосознания. Изменение этнической принадлежности происходит по мере изменения отдельных компонентов этнической системы. Процесс этот имеет эволюционный характер. Смена же этнического самосознания — это разрыв постепенности и переход в новое состояние. Первый из названных процессов Ю. В. Бромлей предлагает назвать «этноэволюционным», а второй — «этнотрансформационным», что вполне можно принять. Весьма существенным представляется вывод об общем характере этнических процессов, протекающих, как указывает автор, в двух направлениях: процессы этнического разделения (этническая дивергенция) и этнического объединения (с. 65, 66). Эти общие теоретические положения Ю. В. Бромлей конкретизирует, рассматривая ход этнических процессов в условиях различных общественно-экономических формаций. Так, для классовых обществ наиболее характерными были этноразделительные процессы. С формированием классового общества главным направлением этнических процессов становится этническое объединение, протекающее в ходе консолидации, ассимиляции и межэтнической интеграции. Помимо предложенных ранее двух видов консолидационных процессов — этнотрансформации и этноэволюции, Ю. В. Бромлей устанавливает наличие и третьего вида процессов, а именно этногенетическую миксацию. Автор подчеркивает при этом возможность превращения межэтнической интеграции в этногенетическую миксацию.

В целом типология этнических процессов, предлагаемая Ю. В. Бромлеем, выглядит следующим образом: а) этническая дивергенция; б) межэтническая консолидация; в) этническая миксация; г) внутриэтническая консолидация; д) межэтническая интеграция; е) этническая ассимиляция. В связи с рассмотренной типологией автор специально подчеркивает, что из шести перечисленных процессов пять носят объединительный характер (с. 70).

Большое теоретическое и практическое значение имеет предлагаемая Ю. В. Бромлеем типология этнической структуры этносоциальных организмов человечества на протяжении мировой истории. Думается, он совершенно прав, считая, что основным этническим подразделением первобытного общества был не род, а племя. Кстати, к сходному выводу пришел в свое время и автор настоящей рецензии, исследуя вопрос о том, кто был носителем специфического образа жизни в первобытную эпоху¹.

С разложением первобытного общества основным этническим подразделением в докапиталистическую эпоху, как показывает Ю. В. Бромлей, становится народность, складывавшаяся главным образом вследствие объединительных процессов.

И, наконец, в книге рассматривается процесс превращения народностей в нации, что сопровождалось дальнейшим повышением однородности культуры, усилением плотности внутренних культурно-информационных связей (см. с. 75).

Особое значение имеют разделы книги, в которых трактуются проблемы этнографии, столь долго остававшиеся в отечественной и зарубежной науке остро дискуссионными. И хотя отдельные вопросы могут быть и в дальнейшем предметом обсуждения, в целом Ю. В. Бромлей сумел убедительно обобщить опыт, накопленный советской этнографией, и, на наш взгляд, совершенно верно очертил предметную область этнографической науки.

Продолжая начатые ранее исследования, автор рассматриваемого труда уточняет место этнографии среди смежных наук — истории и социологии. Справедливо считая объектом этнографии этносы-народы, Ю. В. Бромлей заключает, что «основным критерием для выделения предметной области этнографии является рассмотрение компонентов этноса сквозь призму выполнения ими этнических функций, прежде всего под ракурсом этнической специфики» (с. 83):

Ю. В. Бромлей наглядно и убедительно показывает актуальность этнографических исследований, отвергая ходячее представление, согласно которому предполагается,

¹ См. Марков Г. Е. Этнос, этнические процессы и образ жизни. — В кн.: Расы и народы. Вып. 7. М.: Наука, 1977.

что ослабление этнической специфики приведет к исчезновению предмета этнографии. В связи с этим он пишет: «До тех пор, пока существуют народы-этноты, этнография сохранит свой исследовательский объект, притом не только как историческое прошлое, но и как живую действительность» (с. 85).

Разделяя основные идеи, развиваемые автором в связи с рассматриваемыми проблемами, нельзя, однако, не отметить некоторую дискуссионность отдельных частных вопросов. Коснемся прежде всего соотношения особенного и общего, иначе говоря, этнического, т. е. особенного, и типичного (общего) в хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях. Ю. В. Бромлей видит наиболее актуальную задачу в исследовании первого из названных аспектов. Его важность, действительно, настолько очевидна, что не нуждается в дальнейшем обсуждении. Однако преимущественный акцент на этой стороне жизнедеятельности народов представляется все же несколько односторонним, так как и второй аспект не менее существен для ее этнографической характеристики. Несмотря на этнические особенности разных групп населения, обитающих в сходных природных условиях и находящихся примерно на одном уровне развития социально-экономических отношений, черты общности в их этнографической характеристике имеют не меньшее значение, чем особенные, этнические черты. Мы имеем в виду прежде всего общность хозяйственно-культурного типа, социальной структуры, общественной организации и т. п. Примеров тому очень много: достаточно сослаться на известные нам группы мотыжных земледельцев, таежных и тропических охотников, кочевников и т. д. Конечно, у каждой из таких этнических групп можно найти множество специфических особенностей в материальной и духовной культуре. Но все же главное в их жизнедеятельности — единый тип хозяйства и социальной структуры.

Таким образом, в рамках этнографии как единой науки сосуществуют и теснейшим образом взаимодействуют две предметные области: область этноса и этнических процессов и область сравнительного исследования культуры. Синтез этих двух областей ведет к исчерпывающей характеристике жизнедеятельности народов в этническом и хозяйственно-культурном аспектах.

Теоретический и историографический интерес представляют разделы книги, в которых с позиций советской этнографии дается глубокая и развернутая критика буржуазной культурно-социальной антропологии. При этом автор вновь возвращается к вопросу о предмете этнографической науки и отмечает помимо прочего, что в наше время этническая специфика все более смещается в сферу духовной культуры и психологических явлений (с. 109).

Богатым фактическим материалом насыщены разделы, в которых рассматриваются основные направления послевоенных этнографических исследований в СССР и дается общая характеристика советской этнографической школы. Значительные успехи советской этнографии отмечаются также в разделе «Современная этнография в свете международных конгрессов».

Важнейшее научное значение рассматриваемой книги состоит, как уже говорилось, в синтезе теории и практики. Не будет преувеличением сказать, что такого рода синтез, осуществленный в одной книге, является первым в советской этнографической литературе. Развивая общую теорию этноса и этнических процессов, Ю. В. Бромлей во второй части своего труда самым убедительным образом показал продуктивность ее применения для практических научных исследований в различных областях этнографии: при изучении архаических общественных форм, традиционной культуры и при исследовании узловых вопросов этнографического изучения этнических процессов. Теория оказывается не только изложенной, но и доказанной на практике. Построен ряд моделей этнических процессов, которые окажут неоценимую помощь в дальнейших этнографических исследованиях.

В значительной мере на материалах собственных исследований рассматривает Ю. В. Бромлей проблемы архаических форм семейной общины. Пристального внимания при этом заслуживает вывод о том, что в древности наиболее распространенной и архаичной формой семейной общины демократического типа была братская семья (с. 209 и сл.).

Наряду с проблемами, издавна традиционными для советской и зарубежной этнографии (этнологии) и совершенно новыми для нее, Ю. В. Бромлей обращает внимание читателей на некоторые незаслуженно забытые участки науки, в частности на необходимость изучения народной медицины. Он отмечает, что народные медицинские знания отличаются устойчивостью и массовостью и относятся к «традиционно-бытовому» слою культуры. При этом «структура» традиционных медицинских знаний разных народов имеет этнорегиональные особенности (с. 226). Ю. В. Бромлей подчеркивает, что «архальные и сравнительно-исторические исследования» традиционной медицины «способны раскрыть культурное взаимодействие этнических общностей и дать ценный материал для решения этногенетических проблем» (с. 227, 228).

С той же степенью убедительности автор применяет выработанную им теорию этноса и этнических процессов к решению вопросов, связанных с комплексным изучением традиционной культуры Карпат, этнических аспектов проблем экологии. При этом отмечается устойчивая связь с этносом не только средств жизни, но и средств труда, хотя этнические различия проявляются в производственной деятельности главным образом все же в использовании средств жизни (с. 251, 252).

В настоящей рецензии нет возможности специально рассмотреть все затронутые автором проблемы. Можно полагать, что труду Ю. В. Бромлея будут посвящены еще другие рецензии. Здесь же уместно отметить, что в заключительных главах книги Ю. В. Бромлей, обобщая выводы предыдущих разделов, сумел нарисовать исключительно четкую картину развития этнических явлений и процессов от самых ранних этапов истории до формирования буржуазных и социалистических наций. Весьма существенным представляется указание автора на важность привлечения антропологических данных при решении вопросов, связанных с этническими процессами, что далеко не всегда учитывалось в достаточной мере (с. 261, 269 и сл.). Большое значение имеют также выводы о роли и характере субстрата и суперстрата в процессах формирования групп населения вследствие миграций (с. 270 и сл.). Учет их позволит, по справедливому замечанию автора, избежать ошибок и крайностей концепций как «автохтонизма», так и «миграционизма» (с. 273). То же самое следует сказать в отношении ряда проблем, рассмотренных Ю. В. Бромлеем в связи с теорией и практикой становления и формирования наций. В этих процессах автор выделяет ряд вариантов: трансформацию в нацию уже сложившейся народности, как имеющей собственную государственность, так и не имеющей ее (с. 284, 285); формирование нации на основе микроэтнических общностей (с. 287); процессы, в которых главную роль играет дивергенция (с. 289); случаи, при которых происходит сочетание дивергенции и миксаций (с. 290), и др.

Важное научное значение имеет предлагаемая Ю. В. Бромлеем типология этнических процессов в современном мире (с. 304 и сл.), а также характеристика этнических аспектов национальных процессов в СССР. Автор рассматривает процессы ассимиляции, межэтнической интеграции и другие явления, характеризующие этнические аспекты национальных процессов в СССР. Он показывает, что межэтническая интеграция теснейшим образом связана с процессом возникновения и развития новой исторической общности — советского народа.

Обширная программа дальнейшего развертывания этнографического изучения современных процессов формулируется Ю. В. Бромлеем в заключительном разделе книги. Дается четкое разграничение нередко смешиваемых понятий «этнография современности» и «современная этнография» и выдвигаются задачи дальнейших исследований традиционно-бытовой культуры, а также динамики современных этнических систем и процессов, культурных аспектов современного образа жизни народов СССР, семьи и семейных отношений и ряда других актуальных вопросов современности.

Оценка значения труда Ю. В. Бромлея по существу уже дана в ходе рассмотрения отдельных его разделов. Он, несомненно, станет настольной книгой каждого этнографа. К сожалению, приходится отметить недопустимо малый тираж книги (5 тыс. экз.). Уже в день продажи она превратилась в библиографическую редкость. Одновременно хочется подчеркнуть настоятельную необходимость переиздания другого труда Ю. В. Бромлея — «Этнос и этнография», давно ставшего библиографической редкостью и недоступного поэтому широкому кругу читателей, испытывающему постоянную потребность в этом издании.

Г. Е. Марков

В. П. Алексеев. Историческая антропология. М.: Высшая школа, 1979. 216 с.

Известно, что антропология — наука биологическая, но занимающая среди биологических дисциплин особое место. Имея предметом изучения происхождение и развитие физической организации человека, она тем не менее по самому своему предмету не в состоянии оставаться в границах одной только естественной истории и постоянно обращается к социальной сущности человека. Однако связь между антропологией и общественными науками, прежде всего историей, не односторонняя, а двусторонняя. Эти науки, и опять-таки прежде всего история, в свою очередь постоянно обращаются к антропологии за информацией, которая не перекрывается другими видами исторических источников. Такой информации (т. е. комплексу антропологических данных, используемых для исторических реконструкций), непосредственно поставляющей эти данные исторической антропологии, посвящена новая книга В. П. Алексеева.

Автор понимает под исторической антропологией более широкий круг проблем, чем тот, который обычно вкладывается в это понятие. Историческая антропология традиционно, как она сложилась в работах западноевропейских специалистов, — область антропологического знания, охватывающая палеоантропологию более поздних эпох, начиная примерно с эпохи неолита, и изучение расового состава современных популяций в связи с этногенетическими вопросами. Проблемы исторической реконструкции ранних этапов развития человеческого общества с опорой на антропологический материал остаются при таком подходе за пределами исторической антропологии и вообще не формулируются как специальная историко-антропологическая задача. В. П. Алексеев включает их в общую панораму историко-антропологического знания. В соответствии с

этим большая глава специально посвящена реконструкции социальной и духовной жизни древнейших и древних гоминид.

Книга начинается с подробного обзора истории науки, не ограничивающегося только раскрытием трактовки историко-антропологических вопросов на разных этапах истории антропологии, но увязанного с общей динамикой антропологических идей и методов и наиболее выдающимися открытиями остатков ископаемого человека. При отсутствии достаточно подробного современного очерка истории антропологии на русском языке (наличие нескольких популярных книг, рассказывающих преимущественно об изучении ископаемых людей и открытиях их костных остатков, не заполняют этого пробела) эта глава книги имеет самостоятельное значение.

Последующие три главы посвящены рассмотрению общей структуры антропологических знаний и места в ней исторической антропологии, проблемам и методологии историко-антропологического исследования, материалам и методам, которыми располагает и пользуется историческая антропология. Из кардинальных методологических проблем заслуживает внимания предложение рассматривать систему антропологической информации не по областям исследования (антропогенез, расоведение, морфология), как это делалось до сих пор, а по структурным уровням дифференциации самих объектов исследования (молекулярный уровень, клеточный, тканевый, органный, организменный или онтогенетический, популяционный, этнический, расовый, видовой), подобно тому как это часто делается при рассмотрении биологического знания.

Специальная глава посвящается методологическим и методическим вопросам палеоантропологического исследования как в связи со спецификой самого палеоантропологического материала, так и благодаря тому огромному месту, которое он занимает в исторической антропологии. Автор критически рассматривает существующие методы и подходы, каждый раз подчеркивая границы их действительных возможностей. Это крайне полезно в связи с тем, что в палеоантропологических работах, особенно посвященных ранним эпохам, неоднократно имела место не вполне оправданная вера в решающую силу многих новых методов (явление, достаточно тривиальное и в истории других областей научного знания), обсуждение которых на страницах рецензируемой книги выявляет их действительную силу и слабость.

Кроме упомянутой уже главы об основных аспектах реконструкции социальной и духовной жизни древних людей, закономерно следующей за главой о специфике палеоантропологического исследования, книга имеет еще две главы, в одной из которых излагается методика реконструкции этногенетического процесса на основе использования антропологических данных, а во второй — распространенные схемы историко-этнографической типологии оцениваются под углом зрения результатов антропологического исследования. Автор широко привлекает примеры конкретных расовенетических ситуаций не только с территорий СССР, но и с территорий многих зарубежных стран. Методологически оправданными выглядят перспективная попытка выделения разных типов этногенеза и предложенная их классификация.

Нет нужды более подробно излагать содержание восьми глав рецензируемой книги. Все, кого интересуют возможности и методы исторических реконструкций по данным антропологии, обратятся к ней сами и убедятся, что она написана одновременно и глубоко и увлекательно. Важнее использовать немногие страницы рецензии, чтобы посмотреть, как выглядят и решаются сегодня основные проблемы исторической антропологии.

Среди общеисторических проблем, в освещении которых роль исторической антропологии особенно велика, автор справедливо ставит на первое место периодизацию истории первобытного общества. Рассмотрение здесь этой проблемы важно еще и потому, что до сих пор антропологические данные привлекались для построения скорее специальных антропологических, чем общих (исторических) схем периодизации. В. П. Алексеев, несомненно, прав, указывая, что на ранних этапах развития человечества достигнутый уровень физического строения во многом определял возможности людей в изготовлении орудий труда и что поэтому этапы развития физической организации древнейших и древних людей должны приниматься во внимание в меньшей степени, чем стадии усовершенствования этих орудий (с. 52). Они и принимаются, хотя чаще неявно, чем явно. Однако вопрос может быть поставлен еще шире. В основу современных общеисторических периодизаций первобытной истории обычно кладется развитие не производственных сил, а производственных отношений или степень соответствия производственных отношений производительным силам. Могут ли быть использованы антропологические данные для характеристики производственных отношений древнейших, древних и современного типа людей? Косвенно, видимо, да, так как эти данные позволяют судить не только о физическом, но и о психическом облике человека, о достигнутом им уровне социальности. Автор, таким образом, привлекает внимание к еще одному источнику информации в той области, где каждая крупная информация может иметь немалое значение для все еще шатких, нередко преимущественно умозрительных схем.

С этой проблемой смыкается другая — проблема антропологической реконструкции социогенеза, а также трудовой и социальной жизни древнейших и древних людей. В книге убедительно аргументируется шаткость доводов сторонников двух крайних точек зрения на возникновение социальной организации: в одном случае непосредственно на базе обезьяньего стада, в другом — на базе мало чем отличающегося от него стада самих древнейших людей с их якобы инстинктивным трудом. Автор, как и большин-

ство других специалистов, разделяет и обосновывает позицию «золотой середины» и ищет истоки зарождения родового строя в коллективах палеантропов. Здесь можно только отметить, что не все доводы в пользу позиции одинаково строги. В частности, повторяется распространенный взгляд на повреждения в черепах архантропов и палеантропов как на доказательство относительно меньшей устойчивости их социальных ячеек. Но из чего следует, что повреждения были нанесены членами тех же, а не чужих коллективов? Ни антропологический, ни иной материал не может пролить свет на этот вопрос. В этой связи особенно привлекательной представляется позиция автора в отношении возможностей реконструкции конкретных форм общественных отношений в первобытном человеческом стаде: «Реконструкция системы регламентации половых и общественных отношений внутри стада пока не может быть произведена однозначно на основании наблюдений антропологов» (с. 135). С этим нельзя не согласиться. В любой науке сохранение неопределенности порой намного полезнее малообоснованных выводов.

Последнее замечание имеет несколько более общий характер. Оно связано с уже отмечавшимся двойственным положением антропологии на границе естественных и общественных наук. Не будучи исторической наукой, антропология, теоретически рассуждая, лишена источниковедческого аспекта, но в той мере, в какой она обращается к социально-исторической проблематике, она тем не менее на деле приобретает такой аспект. Это тем более относится к исторической антропологии, которая сама является историческим источником, по образному определению автора, «служанкой истории». Так вот, думается, что книга выиграла бы, если бы вопросы историко-антропологического источниковедения из подтекста были перенесены в текст и рассмотрены особо.

Несколько сделанных здесь упреков В. П. Алексееву могут показаться преувеличенными: в рамках небольшого по объему учебного пособия трудно найти место для всестороннего рассмотрения фактов и проблем. Но в том-то и дело, что в целом автору удалось на редкость удачно совместить исследовательский и научно-учебный подходы к теме. Его книга — первое советское учебное пособие по исторической антропологии, несомненно, будет переиздаваться, и не раз. Отсюда повышенное внимание к отдельным огрехам и пробелам первого издания, устранение которых в дальнейшем сделает книгу еще лучше.

А. И. Першиц

Р. Г. Кузеев. Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1978. 262 с.

Историческое прошлое одного из крупных тюркоязычных народов СССР — башкир вызывает неизменный интерес исследователей. Дореволюционными и советскими учеными (историками, этнографами, археологами, лингвистами и др.) создана обширная литература по их истории. Однако исследований по древней и средневековой истории края и его коренных жителей — башкир крайне мало. Многие кардинальные научные проблемы древней и средневековой Башкирии (общественный строй, социально-экономические отношения, хозяйство, культура и пр.) еще не изучены. Нуждается в дальнейшей научной разработке с привлечением новых источников и история башкирского общества XVII—XVIII вв.

Исследователи, обращающиеся к древней и средневековой истории башкир, неизбежно сталкиваются с проблемой источников. Дело в том, что подлинных башкирских исторических документов чрезвычайно мало, а выявленные датируются в основном концом XVII—XVIII в.

Ценные сведения о башкирах содержатся в сообщениях западных и восточных средневековых хронистов, историков и путешественников. Однако памятники эти еще не собраны, не сведены воедино и не подвергнуты сопоставительному анализу.

Пока невозможно создать стройную концепцию развития башкирского общества в древнюю и средневековую эпохи и по археологическим материалам. Среди изученных памятников Башкирии и Южного Урала трудно выделить археологическую культуру, носителей которой можно было бы достоверно рассматривать как прямых предков башкир.

Все это затрудняет научное исследование ранней истории башкир (и не только их), находящейся за пределами письменных источников. Поэтому вполне объяснимо обращение советских ученых к исторической этнографии.

В последние два-три десятилетия историческая этнография как научное направление достигла больших результатов в разработке истории бесписьменных и младописьменных (до Великой Октябрьской социалистической революции) народов. Появились фундаментальные исследования по проблемам хозяйства, истории культуры, этногенеза и этнической истории башкир, каракалпаков, тувинцев, киргизов и других скотоводов-номадов евразийских степей, ставшие значительным вкладом в отечественную и мировую историографию.

Научные исследования в области исторической этнографии башкир связаны с именем Р. Г. Кузеева. Его перу принадлежит ряд крупных работ, посвященных изучению родо-племенной организации, этногенеза и этнической истории башкирского народа, проблем истории хозяйства, культуры, этнодемографии и т. п. При исследовании исторических явлений Р. Г. Кузеев привлекает многообразные источники. Об этом еще раз свидетельствует рецензируемая книга.

Книга состоит из работ, написанных в разные годы. Однако ей присуще монографическое единство, ибо, как отмечает автор, все эти работы «преследовали одну цель — с различных сторон подойти к изучению тысячелетней этнической истории башкирского народа» (см. 4).

Несомненный интерес представляет первая глава книги — «Роль исторической этнографии в изучении древней и средневековой истории башкирского народа» (с. 6—32). В ней раскрывается предметная область исторической этнографии, рассматриваются методы, применяемые при разработке ранней истории бывших кочевников, четко очерчивается круг проблем, в решение которых историческая этнография может внести наибольший вклад.

Особое внимание автор уделит научному анализу источников (восточных, западных, русских — нарративных, этнографических, археологических и др.), которые могут иметь первостепенное значение при исследовании многих аспектов древней и средневековой истории Башкирии и башкир.

Следует поддержать призыв Р. Г. Кузеева собирать и публиковать шежере (генеалогические записи) различных тюркских народов СССР. Это открыло бы новые возможности для изучения ряда важных проблем средневековой истории тюркских племен и народов обширного Евразийского континента.

Во второй главе на широком историческом фоне, в тесной связи с основными направлениями политической и этнической истории народа рассматривается развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. (с. 34—112). Это первая в советской исторической науке попытка обобщенно охарактеризовать эволюцию башкирского хозяйства на протяжении целого тысячелетия. Ряд важных соображений высказывает автор по проблеме перехода народов от кочевого скотоводства к оседлому земледелию. Смена типов хозяйства, пишет он, никогда не ограничивается только сферой хозяйственной деятельности человека; она вызывает крупные изменения в развитии производительных сил в целом и соответственно серьезные сдвиги в социальной структуре общества, в общественных отношениях и культуре.

Представляется актуальной глава, касающаяся генезиса традиционных занятий башкир, структуры их хозяйства в эпоху раннего средневековья. В ряде случаев Р. Г. Кузеев пересматривает существующие концепции и предлагает оригинальные решения. Так, например, вопреки общепринятому мнению он приходит к выводу о сохранении кочевых традиций в районах, где земледелие и оседлость утвердились довольно прочно.

Важной предпосылкой и основой для изучения процесса классообразования, углубления социального неравенства, характера классовых отношений в башкирском обществе в X—XIX вв., безусловно, является разработка истории родо-племенной организации (племени, рода, патронимии) башкир. Этой сложной проблеме посвящена третья глава книги (с. 114—127). На основе сравнительно-исторического анализа автор приходит к выводу, что родо-племенная организация башкир характеризовалась многоступенчатостью, подвижностью звеньев (особенно низших) и способностью к сегментации. Важное значение при этом имели три звена: племя, род, родовое подразделение. Границы их определяются совокупностью признаков, среди которых ведущим является их роль в общественной жизни, землевладении, землепользовании.

Научное значение выводов Р. Г. Кузеева о специфике структуры родо-племенной организации башкир выходит за пределы истории башкир. Они используются во многих исследованиях по общественному строю бывших кочевых и полукочевых народов нашей страны¹.

В главе «Этническая история башкирского народа» (с. 130—181) в сжатом виде воспроизводятся материалы и выводы, изложенные в известной монографии автора², получившей высокую оценку в научной печати³. Чрезвычайно ценной в данной главе представляется разработка основных этапов формирования башкирской народности с древнейших времен до XVI в. на основе комплексного использования различных видов источников. Приложенные карты помогают зримо представить родо-племенной состав и историю расселения башкир в X—XIX вв.

К главе, посвященной этнической истории башкирского народа, тематически при- мыкает глава «Стратификация родо-племенной этнонимии башкир» (с. 184—198). В ней подводятся итоги многолетних изысканий автора. На основе всестороннего научного анализа обширного этнонимического материала (46 племенных, 128 родовых и около 2000 названий родовых подразделений) автор выделяет семь историко-стратиграфических пластов в родо-племенной этнонимии башкир.

В этническом субстрате башкир четко прослеживаются самодийские и угорские компоненты, финские же — значительно слабее. Данные этнонимии свидетельствуют об участии в башкирском этногенезе булгаро-мадьярского компонента и вместе с тем о решающей роли в нем тюркской миграции в VIII—IX и XIII—XIV вв. Язык и традиционная культура башкир, по мнению автора, в основном сформировались в период кыпчакских миграций XIII—XIV вв.

Заключительная глава книги посвящена вопросам исторической демографии башкирского народа (с. 200—261).

В исторической литературе нет специальных работ, исследующих динамику численности башкирского населения в эпоху феодализма и капитализма. Это накладывает определенный отпечаток на оценку тех или иных событий, явлений исторического прошлого народа, края, продолжает питать в известной степени абсурдную идею о «вымирании» кочевников. Поэтому актуальность разрабатываемой автором проблемы неоспорима.

На обширном историко-этнографическом и статистическом материалах Р. Г. Кузеев показывает, что в XVI—XVIII вв. численность башкир, несмотря на их активное взаимодействие с тюркским кочевым и полукочевым степным миром, мало изменялась, существенный рост населения приходится на XIX в., когда завершился сложный процесс ассимиляции. В начале текущего столетия отмечалось резкое сокращение башкирского населения, а устойчивый рост его определился лишь в годы Советской власти.

Р. Г. Кузеев пишет, что тезис о вымирании башкир в XVIII—начале XX в. не подтверждается. Башкирский народ обнаружил высокую жизнеспособность, которая особенно заметно проявилась в его активном участии в восстаниях против царизма, в Октябрьской революции, гражданской войне, в борьбе за установление Советской власти в крае.

В главе обстоятельно рассматривается сословное значение этнонима «башкир». Представляются актуальными также изыскания автора в области так называемых «демографических переливов» татар (особенно тептярей) из татарской среды в башкирскую и наоборот.

¹ См.: *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 62, 63, 195; *Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976, с. 21, 27, 214; *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974, с. 29, 78, 128, 134, 135.

² *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974.

³ См. рецензии на эту работу: *Гарипов Т., Кляшторный С.* — Сов. тюркология, 1976, № 4, с. 112, 113; *Кармышева Б. Х.* — Сов. этнография, 1977, № 1, с. 162—164; *Потапов Л. П.* — Вопросы истории, 1977, № 1, с. 153—156.

В столь многоплановом исследовании, как рецензируемое, естественны отдельные пробелы и упущения. Назовем только одно из них, которое представляется наиболее существенным.

В главе «Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв.» (с. 34—112) дано хозяйственное районирование территории Башкирии в различные исторические эпохи. На наш взгляд, оно нуждается в определенной корректировке с учетом новейших достижений исторической науки⁴.

На протяжении ряда лет Р. Г. Кузеев ведет большую работу по сбору и систематизации родо-племенной этнонимии башкир. Им составлены корреляционные этнонимические таблицы по ряду тюркских народов. Жаль, что эти таблицы не опубликованы в рецензируемой книге.

В целом книга Р. Г. Кузеева написана на высоком научно-теоретическом уровне. Она подводит читателя к пониманию особенностей исторического пути развития ряда народов Поволжско-Уральского региона, дает аргументированный ответ на многие дискуссионные вопросы истории Башкирии и башкир.

М. В. Мурзабулатов

⁴ См.: *Янгузин Р. З.* Земледелие башкир в 30—40-х годах XIX в.— *Археология и этнография Башкирии*. Т. V. Уфа, 1973, с. 139—148; *Бикбулатов Н. В., Мурзабулатов М. В.* Земледелие зауральских башкир в XIX — начале XX в.— *Этнография Башкирии*. Уфа, 1976, с. 97—117.

В. Ф. Миловидов. Современное старообрядчество. М.: Мысль, 1979, 126 с.

Старообрядчество издавна привлекало к себе внимание исследователей. История старообрядчества — неотъемлемая часть истории России. Религиозная реформа патриарха Никона (вторая половина XVII в.) и последовавший за ней раскол русской православной церкви привели к появлению значительных по численности обособленных от основного русского населения групп, объединенных стремлением противостоять новшествам, сохранить неизменными прежние обычаи. Со временем стали заметны некоторые различия в традиционной культуре старообрядцев и окружающего населения, не придерживавшегося «старой веры». Эти различия появились главным образом в результате сохранения в консервативном старообрядческом быту традиций, уже полностью или в значительной мере утраченных основной частью русского народа. И в наше время потомки старообрядцев, проживающие довольно компактно в ряде регионов страны (Бурятия, Алтай, Тува, север Европейской части России, Урал, Горьковское Заволжье, Украина, Молдавия и т. д.), сохраняют заметное своеобразие в бытовых традициях.

Старообрядчество (автор четко отличает это понятие от термина «раскол» — см. с. 8—9) с момента возникновения имело множество различных течений или «вер», порой весьма далеких от православия. В связи с этим В. Ф. Миловидов справедливо отмечает: «Старообрядчество в целом представляет собой религиозное направление, которое, с одной стороны, смыкается с православием, а с другой — в лице некоторых течений беспоповщины — имеет точки соприкосновения с сектантством» (с. 19—20). В частности, беспоповские толки, как и сектантские общины, характеризуются значительной ролью мирян в церковной организации (с. 21—22). Пестрота старообрядческих общин сохранилась и в наши дни. Современные процессы, происходящие в старообрядчестве, представляют большой интерес как для этнографов, так и для историков, философов, социологов, религиоведов — всех, кто изучает современное состояние религий в СССР, так как кризис «старой веры» отличается рядом специфических особенностей.

Еще в середине XIX в. благодаря обособленному образу жизни староверов имелись предпосылки для превращения многих крупных групп старообрядцев в этноконфессиональные общины даже в пределах России, в среде русского населения. Однако этого не произошло. Напротив, к концу XIX в. стали отчетливо проявляться признаки процесса угасания старообрядчества. После Великой Октябрьской социалистической революции этот процесс еще более активизировался. Возникает вопрос: почему старообрядчество — крупнейшее в истории России религиозно-общественное движение — оказалось менее устойчивым в условиях социалистического строя, чем русская православная церковь? Очевидно, ответ на этот вопрос следует искать в истории старообрядческого движения, в его социальной сущности, в особенностях вероучения и религиозной практики самих староверов, в специфике их семейного уклада и быта.

Без исторического анализа вряд ли возможно понять и правильно охарактеризовать современное состояние старообрядчества. Именно такой исторический подход характерен для рецензируемой монографии, написанной известным исследователем старообрядчества В. Ф. Миловидовым. Она продолжает и дополняет его предыдущую книгу — «Старообрядчество в прошлом и настоящем» (М., «Мысль», 1969).

Серьезное изучение современного старообрядчества без этнографических изысканий, без конкретно-социологических исследований нереально. К настоящему времени накоплен и частично опубликован значительный этнографический и социологический материал, характеризующий верования и быт старообрядцев в различных регионах на-

шей страны, и В. Ф. Миловидов уделил этому материалу должное внимание. Его книга в значительной степени основана на сведениях, полученных в ходе полевых работ этнографами и социологами. Уместно добавить, что В. Ф. Миловидов был одним из пионеров начавшихся в послевоенное время исследований жизни и быта старообрядцев. Он изучал старообрядчество в Латвии и Литве, Тувинской и Бурятской АССР, Алтайском крае, Томской, Рязанской, Ивановской и др. областях.

Автор определяет старообрядчество как эсхатологическую разновидность русского православия. «Специфика старообрядчества во многом определялась тем, что оно являлось религиозной формой социального протеста, религиозным его выражением. Характеристика, старообрядчества как религиозного направления не может быть однозначной, подобно тому как не была таковой его социальная сущность», — пишет автор (с. 16).

Порожденное социальными противоречиями самодержавно-крепостнического строя, старообрядчество сформировалось как оппозиционное движение, социальное содержание которого было облечено в религиозную оболочку: государственную власть раскол считал воплощением антихриста. Как антихрист, в частности, воспринимался Петр I. Однако позитивное социальное содержание было утрачено старообрядчеством задолго до революции 1917 года. Отрицание «антихристовой» государственной власти, фанатичное нежелание иметь что-либо общее с ней довольно рано уступили место примиренчеству. В соответствии с этим стала бледнеть эсхатологическая окраска «старой веры». С угасанием эсхатологических идей в старообрядчестве исчезла единственная самостоятельная концепция, возводившая активное противопоставление старообрядчества официальной («никонианской») церкви на уровень религиозного догмата. Именно это обстоятельство явилось, по мнению автора, одной из главных причин, ускоривших кризис «старой веры».

На основе анализа большого разнообразного материала В. Ф. Миловидов рисует картину глубокого кризиса «староверия» в условиях развитого социалистического общества, сосредоточив основное внимание на выявлении его специфических тенденций. Внешне кризис старообрядчества проявляется в распаде многих общин и почти полном исчезновении некоторых толков и согласий, в значительном сокращении числа старообрядцев и в отходе молодежи от религии. В наши дни число старообрядцев по сравнению с дореволюционным временем сократилось в десятки раз. Ушел в прошлое традиционный фанатизм.

В книге убедительно раскрыто происходящее в настоящее время разрушение идеологии старообрядчества, проявляющееся, в частности, в забвении различий между отдельными его ответвлениями и стирании граней между разными «верами» и согласиями. Этот процесс, начавшийся еще до революции, особенно активизировался во второй половине XX в., что было обусловлено грандиозными преобразованиями, произошедшими в нашей стране за годы Советской власти. Обособление различных «вер», вызванное расхождениями в основном ритуальном порядке, не могло оказаться стойким. Религиозная пестрота, характерная для дореволюционного старообрядчества, в настоящее время уступает место постепенной консолидации и объединению различных толков. В старообрядчестве ныне сохранили свое значение лишь две религиозные организации: у поповцев — так называемая «белокриницкая» церковь с центром в Москве, а у беспоповцев — так называемая старообрядческая церковь с центром в Вильнюсе.

Автор показывает, что значительное число старообрядцев, считающих себя верующими, либо отошли от православно-старообрядческой вероисповедной догматики, либо имеют весьма расплывчатые и неопределенные религиозные представления.

Говоря о религиозных взглядах современных старообрядцев, в особенности, молодежи, автор совершенно правильно замечает: «Эта религиозность носит обезличенный, внеконфессиональный характер, утративший старообрядческую специфику» (с. 55). Отмечается также весьма характерная тенденция — перенесение центра тяжести на формальную обрядовую сторону. «Фактически старообрядчество превратилось в обряд-доверие...» (с. 74). Однако и в культовой практике отмечаются серьезные признаки кризиса и упадка. Старообрядчество, как верно отметил В. Ф. Миловидов, оказалось не способным к серьезной модернизации вероучения и обрядности. В настоящее время оно сохраняется главным образом благодаря традициям и консерватизму верующих.

В книге воссоздается картина того, как в условиях нового социального строя старообрядчество постепенно отказывалось от характерной для него религиозной изоляции и нетерпимости. За годы Советской власти почти повсеместно традиционная для старообрядцев замкнутость уступила место активным взаимосвязям с окружающим населением. Это выразилось, в частности, в отказе от так называемой «мирской» посуды. Ушли в прошлое нарушавшиеся еще до революции бывшие запреты на употребление чая, сахара, картофеля. Обычным явлением стали смешанные браки между русскими староверами и представителями других национальностей. Читатель найдет в книге В. Ф. Миловидова интересный материал о современном состоянии толка странников, или бегунов (с. 26—27, 52—53, 81—82, 88, 106, 110). Как ни странно, это крайнее течение беспоповщины (по существу секта) дожило до сегодняшнего дня. По мнению В. Ф. Миловидова, сохранению немногочисленного толка бегунов способствует его чрезвычайная замкнутость. Однако при всем стремлении бегунов отгородиться от окружающего мира они не смогли противостоять могучему влиянию реальной жизни. В наши дни этот толк быстро вырождается. Так как о нынешних бегунах известно немного,

воспользуюсь случаем подтвердить заключения В. Ф. Миловидова своими впечатлениями, полученными во время экспедиционных работ Ин-та этнографии АН СССР в Пермской области в феврале — марте 1981 года. В Чердынском районе я встретила несколько семей «бегунов». Характерно, что верующие, даже старые люди, живущие в кругу «мирских» не стремятся перейти в категорию «истинно-православных», так как им пришлось бы отказаться от общения с людьми, от радио, телевидения и целиком посвятить свою жизнь молитвам и постам, а это их уже не привлекает.

В книге делается обоснованный вывод о том, что крах старообрядческой идеологии, отказ от традиционной замкнутости, фанатизма и консерватизма приводит не только к секуляризации этого религиозного направления, но и к утрате им своей специфики. Между реформированным (официальным) православием и старообрядчеством в целом никогда не было каких-либо догматических различий, а расхождения в области обрядовой практики были несущественными. С постепенной утратой старообрядчеством религиозной специфики связан и наметившийся процесс сближения старообрядцев с русской православной церковью. Во многих городах и населенных пунктах страны стало обычным посещение старообрядцами православных церквей, нередко с целью совершить в них некоторые обряды; православные, в свою очередь, посещают старообрядческие храмы. Подобное явление наблюдается в Одессе, Иванове, Ржеве, Горьком, Ставрополе, Кисловодске, Ессентуках, Улан-Удэ и других городах. В определенной степени оно вызвано решением поместного собора русской православной церкви 1971 г. «снятия клятвы», наложенные в 1656 и 1667 гг. на «старые обряды». Однако процесс сближения старообрядчества с православием, как правильно отмечает автор, протекает очень сложно и противоречиво.

Книга В. Ф. Миловидова — первая монография, в которой дана всесторонняя характеристика современного состояния старообрядчества. Автор убедительно и глубоко вскрывает наиболее интересные и характерные признаки кризиса современного старообрядчества, выявляет главные тенденции в его эволюции. В. Ф. Миловидову свойственен лаконизм, умение сжато излагать суть дела, выбирать наиболее выразительные и существенные детали, избегать описательности, но последнее далеко не всегда оправдывает себя. Рецензируемая книга по существу представляет собой единственную обобщающую работу о современном состоянии старообрядчества в СССР, поэтому хотелось бы, чтобы текст был больше насыщен конкретным фактическим материалом, например, небольшими отрывками из труднодоступных и разрозненных публикаций. Желательно также, чтобы все приводимые автором данные были датированы. Так, на с. 69—70 помещены высказывания старика из заволжской деревни, но неясно, какой период характеризует этот материал. На с. 76 автор пишет о сделанных им наблюдениях в поселках Сизим и Эржей (Горная Тува) не указывая, в каком году это было.

Однако эти замечания не могут снизить общей высокой оценки книги. Большим достоинством работы В. Ф. Миловидова является то, что она предназначена не только для специалистов. Написанная легким и простым языком, она вполне доступна широкому кругу читателей и таким образом является научным исследованием, которое вносит свой вклад в важное дело атеистического воспитания трудящихся.

И. А. Кремлева

Л. Х. Феоктистова. Земледелие у эстонцев. XVIII — начало XX в. Система и техника. М.: Наука, 1980. 191 с.

Книга Л. Х. Феоктистовой восполняет пробел в изучении земледелия, главной отрасли хозяйства эстонского народа в период феодализма. Следует отметить, что история земледелия двух соседних прибалтийских народов уже давно рассмотрена в монографических трудах П. Дундулене и И. Лейнесаре¹. Отсутствие исследований по технике земледелия затрудняло изучение аграрных отношений в Эстонии.

Положительной стороной рецензируемой работы является широкое привлечение всех видов этнографических источников, а также результатов исследований как этнографов, так и представителей смежных дисциплин — археологов, историков, языковедов. Это позволило автору рассматривать изучаемые явления не только в развитии, но и в разных аспектах и, таким образом, создать своего рода «стереоскопическое» представление о предмете. Монография еще больше выиграла бы, если бы в ней были использованы неопубликованные письменные источники — наследственные дела волостных судов и правлений и протоколы Лифляндского экономического общества (ЦГИА ЭССР; ф. 1185 и др.).

Благодаря многолетней работе над картами по орудиям земледелия эстонцев для Историко-этнографического атласа Прибалтики Л. Х. Феоктистова получила богатый фактический (в том числе цифровой) материал о типах и ареалах орудий труда в Эстонии, а также сравнительные данные по земледельческим орудиям других прибалтий-

¹ *Leinasare I. Zemkopiba un zemkopibas darba riki Latvija klaušu saimniecības sairuma laikā. Rigā. Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas izdevniecība, 1962. 168 lpp.; Dundulis P. Zemdirbystē Lietuvoje (Nuo seniausiu laikų iki metų). — In: Lietuvos TSR Aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istroija V. Vilnius, 1963, 275 p.*

ских народов. Поэтому выводы рецензируемой книги значительно более обоснованы, чем выводы упомянутых латышских и литовских исследований, опубликованных до окончания работы над атласом.

Автор широко привлекает сравнительный материал по аграрной истории народов, близких эстонцам этнически, территориально или по социально-экономическому уровню. Земледелие у эстонцев рассматривается в контексте общих закономерностей, что исключает возможность говорить об особом пути развития в Эстонии этой отрасли хозяйства. Эстонские советские историки достигли крупных успехов в изучении аграрной истории, тем не менее ряд оценок, данных их трудам и отдельным выводам в рецензируемой книге, надо считать несколько преувеличенными (с. 38, 39, 42, 108 и др.), тем более, что они иногда относятся к еще не устоявшимся положениям отдельных авторов.

Положительной оценки заслуживает и широкое привлечение терминологии изучаемых явлений не только на эстонском, но и на немецком, шведском, финском и других угро-финских языках. Однако рецензент, не будучи специалистом в области этимологии названий, тем не менее склонен считать, что эстонское название смыка (*äes, ägel, ägli*) заимствовано не от балтских слов (*esėsas, akečios*, с. 89), а связано с латышским названием елки (*egli*).

Характерной особенностью труда Л. Х. Феоктистовой является насыщенность обобщениями. В связи с небольшим объемом работы это достигается за счет сильного сокращения фактического материала, что, однако, не всегда идет на пользу изложению.

Рецензируемая книга содержит ряд новых положений, которые впредь следует учитывать всем исследователям феодальной истории Эстонии и соседних стран. Это, прежде всего, заключение автора об эволюции в разных областях Эстонии основных типов древнейшего пахотного орудия Прибалтики — рала, а также сохи. Выводы Л. Х. Феоктистовой о возможном распространении рала у прибалтийских финнов в первой половине I тысячелетия н. э. и смене его в XII—XIV вв. сохой с полицей (с. 63, 64, 87), сделанные на основе тщательного изучения этнографического материала, а также археологических и этнографических исследований, весьма существенны. Весьма важны эти выводы и для ученых, занимающихся аграрной историей, тем более, что автор допускает замену в определенных условиях более развитых форм орудий земледелия менее развитыми (превращение подошвенного рала в бесподошвенное) в связи со сменной тягловой силы волов на тягловую силу лошадей (с. 88).

Следует отметить плодотворность вывода автора об одновременном сосуществовании отсталых и более развитых форм пахотных и других сельскохозяйственных орудий (с. 170 и др.), которые при новой системе земледелия и в новых социально-экономических условиях приобретали иные функции.

Как известно, длительное бытование традиционной земледельческой техники объясняется прежде всего социально-экономическими и природными факторами, а также состоянием тягловой силы. Поэтому неизбежными представляются попытки некоторых специалистов по аграрной истории доказать преобладание феодальных отношений во второй половине XIX в. путем подсчета числа употреблявшихся сох и плугов.

Весьма обоснованным выглядит выдвинутое во введении положение о необходимости изучать не отдельные орудия труда, как это нередко делают этнографы, а комплексы орудий (с. 3). В книге оно реализовано, к сожалению, недостаточно. Это тем более досадно, что развитие этого положения могло положить начало новому направлению этнографических исследований.

Как и во всех этнографических трудах, особенно советских, в рецензируемой книге большое место уделяется влиянию земледельческой техники русских, финнов, шведов, латышей и других соседних народов на эстонские земледельческие орудия. Как правильно указывает автор, основные земледельческие орудия у соседних народов Северной и Восточной Европы имеют сходные формы (с. 4). Однако досадно, что после прочтения книги читатель не получает ответа на закономерный вопрос — что же нового, собственного внес эстонский народ в течение почти тысячелетнего периода существования феодальной формации в орудия главной отрасли народного производства? На востоке Эстонии — русское влияние, на севере — финское, а какова же роль эстонского народа в развитии земледельческих орудий? (с. 90 и др.). Читатель-марксист, убежденный в творческих силах народа, видимо, вправе ожидать ответа и на этот вопрос.

Ряд положений книги вызывает сомнения. Нельзя согласиться с тем, что осушение полей до второй половины XIX в. велось только в мызных хозяйствах (с. 41, 42). В XIX в. началось применение закрытого дренажа глиняными трубами; без дренажа полей (о дренаже посевов неоднократно говорит и сам автор, с. 114 и др.) паровая система земледелия в Прибалтике, во всяком случае, не могла существовать. Недостаточно убедительно обоснованы автором причины применения волов в качестве тягловой силы (с. 42, 43).

Книга хорошо иллюстрирована обобщающими картами, содержащими большую научную информацию, а также документальными фотографиями и рисунками. Однако хотелось бы лучшего источниковедческого обоснования этих двух групп изобразительного материала (ссылками на архивы и этнографические коллекции).

После опубликования монографического исследования всегда остаются проблемы, требующие своего разрешения. Во введении сказано, что главный источник исследования — этнографические материалы — относится в основном к концу XVIII — началу

XX в., «когда сельскохозяйственные орудия были уже довольно усовершенствованы» (с. 3). Но в чем выражалось это усовершенствование и по сравнению с чем — в книге не раскрыто.

Автор исследует не только типичную сельскохозяйственную технику периода разложения феодализма, но по этнографическому материалу более позднего периода ретроспективно анализирует сельскохозяйственные орудия более ранних этапов феодализма в Эстонии. Л. Х. Феокистова, к сожалению, не пытается объяснить, когда, в какой степени это допустимо и как она сама использует новый этнографический материал для ретроспективной реконструкции сельскохозяйственной техники более раннего периода. Это тем более досадно, что эстонской сельскохозяйственной технике второй половины XIX — начала XX в. — периоду, к которому хронологически прямо относится большая часть этнографического материала, в книге уделено меньше места (с. 140—170), чем сельскохозяйственным орудиям более раннего периода.

В целом книга Л. Х. Феокистовой является крупным научным достижением и необходимой работой для каждого исследователя, который занимается этнографией и аграрной историей Прибалтики. Поэтому желательно работу издать и на эстонском языке, быть может, расширив описательный материал.

Х. П. Стродс

А. Д. Грач. Древние кочевники в центре Азии*. М.: Наука, 1980. 256 с.

Территория Тувинской Автономной Республики не является белым пятном на археологической и этнографической картах Советского Союза. Проведенные в конце 1920-х годов раскопки С. А. Теплоухова дали первый и достаточно богатый археологический материал, позволивший ориентироваться в последовательности археологических этапов на территории Тувы и составить предварительное представление о конкретном историческом содержании каждого из них. В дальнейшем разведки и раскопки С. Н. Астахова, С. И. Вайнштейна, А. Д. Грача, М. П. Грязнова, В. П. Дьяконовой, Л. А. Евтюховой, С. В. Киселева, Л. Р. Кызласова, М. Х. Маннай-оола и других исследователей дали возможность разработать археологическую периодизацию, начиная с эпохи палеолита и кончая поздним средневековьем (наиболее дробная периодизация принадлежит Л. Р. Кызласову), и сопоставив ее с результатами изучения письменных источников, восстановить основные исторические события на территории Тувы.

При исследовании этнографии тувинцев большое внимание уделялось этногенетическим аспектам, и поэтому итоги этнографических работ непосредственно смыкаются с результатами интерпретации позднесредневековых археологических памятников. Монографии С. И. Вайнштейна, В. П. Дьяконовой и Л. П. Потапова внесли весомый вклад не только в наше знание тувинской народной культуры, но и в наше понимание процесса формирования тувинского народа.

Однако даже на этом фоне достаточно хорошей изученности археологии и этнографии тувинцев новая монографическая работа А. Д. Грача читается с исключительным интересом. Это объясняется рядом обстоятельств. А. Д. Грач на протяжении многих лет вел раскопки на территории Тувы, открыв и исследовав памятники разных эпох. Его раскопки дали разнообразный археологический материал, неоднократно привлекавший к себе всеобщее внимание на всесоюзных археологических и этнографических сессиях, однако долгие годы он был известен специалистам лишь по предварительным сообщениям. Основные раскопки проводились А. Д. Грачом в труднодоступных западных районах Тувы, отличавшихся культурным своеобразием. Наконец, интерпретация результатов археологических раскопок всегда проводилась им с широким привлечением этнографических аналогий как из Тувы, так и из Центральноазиатского района в целом, что придает его работам значительный этногенетический интерес.

Значение новой книги А. Д. Грача прежде всего в том, что она представляет собою очень подробную публикацию собранных им археологических материалов скифского времени в западной Туве. Книга не перегружена описаниями. Автор дает только краткую характеристику основных типов вещей, сами же вещи представлены в фотографиях и отличных рисунках на многочисленных таблицах, составляющих половину объема издания. К сожалению, качество фотографий в ряде случаев оставляет желать лучшего, но это вина не автора, а издательства. Приведены планы раскопанных курганов, тщательные зарисовки каменных насыпок и деревянных погребальных сооружений в курганах, стратиграфические профили. В специальные таблицы сведены результаты измерений курганов в полевых условиях. Хорошим дополнением к таблицам с изображением вещей является четкая опись всех раскопанных комплексов, что дает возможность увязать особенности погребения с обнаруженным в нем инвентарем. (Эта операция, составляющая со времен О. Монтелуса основу археологического анализа, далеко не всегда, к сожалению, осуществима из-за суммарного описания во многих археоло-

* Во время подготовки рецензии к печати Александр Данилович Грач скончался в полном расцвете своей творческой деятельности. Это был крупный историк и археолог, неутомимый и увлеченный исследователь Древней Сибири, перу которого принадлежит много работ.

гических работах археологического инвентаря и недостаточно документированной привязки его к тем или иным погребальным комплексам). Наконец, и ландшафт, на котором расположены исследованные курганные группы, иллюстрируются в рецензируемой работе выразительными фотографиями.

Все сказанное очень выгодно отличает рецензируемую книгу, так как в ряде случаев авторы общих работ о древностях того или иного района минуя описательную часть или не уделяя ей достаточного внимания, сразу переходя к историческим обобщениям, так сказать, начинают рисовать широкое историческое полотно, не загрузив перед этим как следует холст. На это справедливо обращал внимание А. А. Формозов¹, подчеркивая исключительное значение источниковедческой базы исследования. А. Д. Грач представил добытые им археологические факты в исчерпывающе полном виде и этим дал возможность использовать и обрабатывать их под самыми разнообразными углами зрения.

Только после этого он переходит непосредственно к историческим реконструкциям, выделяя для них кардинальные явления в скифском обществе — динамику культуры во времени, характеристику хозяйственной деятельности и социальных отношений в той мере, в какой они поддаются реконструкции на основании археологических материалов, интерпретацию идеологической надстройки, отражающей как в ритуале и верованиях, так и в бытовом и наскальном искусстве. Разделам, в которых раскрываются все эти проблемы, предпосланы две главы (II и III), играющие роль вводных и посвященные истории археологических исследований на территории Тувы, а также методике полевых археологических работ, использованной самим автором и возглавляемыми им экспедициями. В главе II дан достаточно полный общий обзор исследований скифо-сибирских древностей. Жаль только, что в нем не упомянуты работы и наблюдения отдельных западноевропейских специалистов (скажем, Ж. Дюмезиля и К. Йеттмара). В главе III, посвященной методике археологического поиска и раскопок, описаны впервые примененные автором на территории Южной Сибири способы аэрофотосъемки, которые дали превосходные результаты при обнаружении новых групп памятников в условиях степного и горного ландшафтов.

Не касаясь в краткой рецензии большой и сложной проблемы периодизации скифской эпохи на территории Тувы, проблемы, которая дебатировалась уже много лет и по которой высказаны различные точки зрения, отмечу существенный вклад в изучение этого кардинального вопроса, сделанный А. Д. Грачем, показавшем на новом, свежем материале принципиальное отличие памятников V—III вв. до н. э. от памятников VII—V вв. до н. э. Собственно говоря, если следовать точно мысли автора, то нужно было бы в последнем случае написать VIII—V вв., так как ему, как и М. П. Грязнову², кажется вероятной возможность углубления ранней даты на столетие по сравнению с традиционными датировками. Следует, однако, помнить, что традиционные даты подкреплены солидными сравнительными изысканиями, часть из них опирается на письменные источники, и поэтому подавляющее большинство специалистов продолжает придерживаться даты VII в. до н. э. для начала скифской эпохи. Но момент этот, строго говоря, непринципиальный, и гораздо важнее то обстоятельство, что продемонстрирована достаточно исчерпывающая сумма различий в материальной культуре двух этапов, что закономерно привело автора к мысли о существовании двух культур, получивших наименование по наиболее типичным местонахождениям памятников, — алды-бельской и саглынской.

Опираясь на всю совокупность археологических наблюдений и рассматривая их в связи с этнографическими наблюдениями, автор убедительно истолковывает тип хозяйства древних жителей Тувы как комплексный скотоводческо-охотничий, но с решающей ролью кочевое скотоводство. Весьма отрадно, что А. Д. Грач в отличие от многих других археологов, исследующих древности кочевников, уделил много внимания реконструкции сезонного цикла кочевания и вообще элементам оседлости в кочевом быте. Интересными в этой связи представляются страницы, посвященные добыванию и использованию дерева для строительства постоянных зимников и сооружений погребальных камер, являющихся, по-видимому, прототипами зимников. Дальнейшие исследования должны внести в наши представления в этой области большую конкретизацию. До сих пор нет данных о составе стада, и о породах разводимых домашних животных, утверждение же о разведении жирнохвостых овец приведено со ссылкой на И. Т. Кызыл-оолу³, опиравшегося на исследование современного состава стада овец, и не является достаточным: в Центральной Азии разводили не только жирнокороткохвостых (это следует подчеркнуть: Южная Сибирь и Монголия были ареалом овец именно этого типа)⁴, но и курдючных овец.

Реконструируя систему социальных отношений, А. Д. Грач ограничивается характеристикой наиболее кардинальных и общих особенностей социального строя, оправданно полагая, что многозначность истолкования археологического материала в этой

¹ Формозов А. А. О критике источников в археологии. — Сов. археология, 1977, № 1.

² Грязнов А. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980.

³ Кызыл-оол И. Т. Овцеводство Тувинской АССР (историко-зоотехнический очерк). Кызыл, 1975.

⁴ См., например, Иванов М. Ф. Овцеводство. — В кн.: Академик М. Ф. Иванов. Полн. собр. соч. М.: Колос, 1964.

области растет прямо пропорционально детальности реконструкции. Опираясь на размеры и структуру погребальных сооружений, он выделяет высший слой общества — царей, князей, вождей (их можно называть как угодно), затем дружинную аристократию и зависимый слой населения — рядовых общинников, среди которых, возможно, какую-то прослойку занимали домашние рабы. Семейные отношения восстанавливаются предположительно в рамках гипотезы о так называемой неразделенной семье. Подчеркивается достаточно высокое положение женщины, что вообще характерно для кочевнического быта за пределами распространения ислама. Заслуживает внимания удачное, как мне кажется, объяснение ограбления погребений не действиями грабителей (ограбление по времени часто почти совпадало с сооружением кургана), а переходом территорий, на которых расположены могильники, в руки других, враждебных групп.

При анализе идеологических представлений общества ранних кочевников Тувы также сделано много интересных и новаторских наблюдений. К их числу относятся истолкование огромного кургана Улуг-Хорума как храма солнца, интерпретация орнамента на инвентарных поделках, семантическая расшифровка женских украшений, установление «сопричастности» мертвых и живых людей (поза спящих в курганных захоронениях), аргументация общенародного характера прикладного искусства при несомненном выделении прослойки профессионалов-художников, наконец, трактовка многих аспектов семантики наскальных изображений. Во всех этих случаях автор широко привлек разнообразные этнографические и общекультурные аналогии.

Резюмируя, должен сказать, что перед нами фундаментальное многоплановое исследование, далеко выходящее за рамки положенного в его основу археологического материала и представляющее собой прекрасный пример историко-этнологической работы широкого профиля. Его историко-теоретическое значение определяется дальнейшей разработкой методики интерпретации археологических памятников как источников информации о социальной жизни общества, глубоким анализом социальной специфики общества ранних кочевников, демонстрацией местных корней звериного стиля в искусстве, показом мощных пластов в народной культуре и фольклоре тувинцев, восходящих к скифской эпохе.

Сделанные выше критические замечания носят характер скорее мелких придиорок, а не принципиальных возражений. Несомненно, к книге А. Д. Грача как к источнику фактических сведений и стимулирующих идей еще много лет будут обращаться все специалисты, так или иначе соприкасающиеся с изучением древнего прошлого народов и культур Южной Сибири и Центральной Азии.

7 марта 1981 г., когда была закончена эта рецензия, Александр Данилович Грач скончался, но я не считал возможным что-либо менять в тексте, написанном при его жизни.

В. П. Алексеев

СОДЕРЖАНИЕ

С. А. Арутюнов (Москва), Ю. И. Мкртумян (Ереван). Проблема классификации элементов культуры (На примере армянской системы питания)	3
В. К. Соколова (Москва). К исследованию обрядового фольклора (На примере восточнославянского материала)	16
М. М. Громыко (Москва). Обычай помочей у русских крестьян XIX в. (К проблеме комплексного исследования трудовых традиций)	26
Г. М. Афанасьева, Ю. Б. Симченко (Москва). О брачных системах автохтонных народов Северной Азии	39
В. П. Алексеев (Москва). К палеоантропологии ананьинской культуры	53
М. де Леперванш (Сидней). Иммиграция в Австралию в 1947—1979 гг.	63

Дискуссии и обсуждения

Г. Е. Марков (Москва). Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология	83
---	----

Сообщения

Ю. В. Иванова (Москва). Тенденция развития этнических групп в многонациональной среде (На примере албанских поселений на юге Украины в XIX—XX вв.)	95
Ю. Д. Анчабадзе (Сухуми). Традиционные развлечения абхазского крестьянства в конце XIX — начале XX в.	108
С. Ю. Неклюдов (Москва). Новые материалы по монгольскому эпосу и проблема развития народных повествовательных традиций	119
А. Л. Налепин (Москва). Изучение и преподавание русского фольклора в университетах Великобритании и США	130
Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков (Москва). Этнографическая поездка в Японию	142

Поиски, факты, гипотезы

Н. П. Колпакова (Ленинград). На реке Онеге	154
--	-----

Наши юбилеры

Список основных работ М. К. Кудрявцева (к 70-летию со дня рождения)	166
---	-----

Научная жизнь

А. С. Мыльников (Ленинград). Симпозиум, посвященный столетию со дня смерти И. И. Срезневского	168
Е. Н. Студенецкая (Ленинград). Экспозиция по народам Закавказья в Государственном музее этнографии народов СССР	170
Коротко об экспедициях	173

Критика и библиография

Общая этнография

Г. Е. Марков (Москва). Ю. В. Бромлей. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории)	174
А. И. Першиц (Москва). В. П. Алексеев. Историческая антропология	178

Народы СССР

М. В. Мурзабулатов (Казань). Р. Г. Кузеев. Историческая этнография башкирского народа	181
И. А. Кремлева (Москва). В. Ф. Миловидов. Современное старообрядчество	183
Х. П. Стродс (Рига). Л. Х. Феокистова. Земледелие у эстонцев. XVIII — начало XX в. Система и техника	185
В. П. Алексеев (Москва). А. Д. Грач. Древние кочевники в центре Азии	187

SOMMAIRE

S. A. Aroutiunov (Moscou), Iu. I. Mkrtoumian (Eriuan). Le problème de la classification des éléments d'une culture (à l'exemple du système de nourriture arménien)	3
V. K. Sokolova (Moscou). Contribution à l'étude du folklore de rite (à l'exemple des Slaves de l'Est)	16
M. M. Gromyko (Moscou). La coutume dite <i>pomotchi</i> chez les paysans russes du XIX ^e s. (Contribution au problème d'une étude complexe des traditions de travail)	26
G. M. Afanassiéva, Yu. B. Simtchienko (Moscou). Sur les systèmes matrimoniaux des populations autochtones de l'Asie du Nord	39
V. P. Alexeiev (Moscou). Contribution à la paléanthropologie de la culture d'Ananyino	53
M. de Lepervanche (Sydney). L'immigration en Australie aux années 1947—1979	63

Discussions et délibérations

G. Ye. Markov (Moscou). Economie d'élevage et nomadisme. Définitions et terminologie	83
--	----

Communications

Yu. V. Ivanova (Moscou). Tendances du développement des groupes ethniques dans un milieu polyéthnique (à l'exemple des établissements albanais au sud de l'Ukraine aux XIX ^e —XX ^e s.)	95
Yu. D. Antchabadzé (Soukhoumi). Divertissements traditionnels des paysans abkhazes, fin XIX ^e — début XX ^e s.	108
S. Yu. Niekliudov (Moscou). Nouveau matériel concernant l'épique mongole et le problème du développement des traditions narratives populaires	119
A. L. Naliepina (Moscou). Le recherche et l'enseignement du folklore russe aux universités de la Grande-Bretagne et des Etats-Unis	130
R. Ch. Djarylgassinova, M. V. Kriukov (Moscou). Voyage ethnographique au Japon	142

Recherches, faits, hypothèses

N. P. Kolpakova (Leningrad). Sur le fleuve de l'Onéga	154
---	-----

Nos héros du jour

Liste des oeuvres principales de M. K. Koudriavtsev (pour le 70 ^e anniversaire)	166
--	-----

Vie académique

A. S. Mylnikov (Leningrad). Un Symposium consacré au 100 ^e anniversaire du décès de I. I. Sreznievski	168
Ye. N. Stoudienietskaïa (Leningrad). Une exposition traitant les peuples de la Transcaucasie au Musée d'Etat pour l'ethnographie des peuples de l'U.R.S.S.	170
Missions en bref	173

Notes de critique et bibliographie

Ethnographie générale

G. Ye. Markov (Moscou), Yu. V. Bromley. Problèmes actuels de l'ethnographie (essais de la théorie et de l'histoire)	174
A. I. Pierchits (Moscou), V. P. Aléxéiev. Anthropologie historique	178

Peuples de l'U.R.S.S.

M. V. Murzaboulatov (Kazan), R. G. Kouzéiev. Ethnographie historique du peuple bachkir	181
I. A. Krémliova (Moscou), V. F. Milovidov. L'Orthodoxie de vieux rite moderne	183
A. Strods (Riga), L. H. Feoktistova. Agriculture des Estoniens des XVIII ^e — début XX ^e s. Système et techniques	185
V. P. Aléxéiev (Moscou), A. D. Gratch. Les nomades anciens au centre de l'Asie	187

CONTENTS

S. A. Arutiunov (Moscow), Yu. I. Mkrtumyan (Yerevan). The Problem of Culture Classification (as Exemplified by the Armenian Food System)	3
V. K. Sokolova (Moscow). To the Study of Ritual Folklore (on East Slav Material)	16
M. M. Gromyko (Moscow). The « <i>Pomochi</i> » Custom among 19th Century Russian Peasants (To the Integrated Study of Work Traditions)	26
G. M. Afanasyeva, Yu. B. Simchenko (Moscow). On the Marriage Systems of the Indigenous Peoples of Northern Asia	39
V. P. Alexeyev (Moscow). To the Palaeoanthropology of the Ananyino Culture	53
M. de Lepervanche (Sydney). Australian Immigration 1947—1979	63

Discussions

G. Ye. Markov (Moscow). Animal Husbandry and Nomadism. Definitions and Terminology	83
--	----

Communications

Yu. V. Ivanova (Moscow). Tendencies in the Evolution of Ethnic Groups in a Multinational Environment (the Case of Albanian Settlements in Southern Ukraine in the 19th and 20th Centuries)	95
Yu. D. Anchabadze (Sukhumi). Traditional Amusements of the Abkhazian Peasantry in the Late 19th and Early 20th Centuries	108
S. Yu. Nekliudov (Moscow). New Materials on the Mongol Epos and the Problem of the Evolution of Folk Narrative Traditions	119
A. L. Nalepin (Moscow). The Study and Teaching of Russian Folklore in British and American Universities	130
R. Sh. Djarylgassinova, M. V. Kriukov (Moscow). An Ethnographic Journey to Japan	142

Searchings, Facts, Hypotheses

N. N. Kolpakova (Leningrad). On the Onega River	154
---	-----

Our Anniversaries

A List of the Main Works by M. K. Kudriavtsev (to his 70th Birthday)	166
--	-----

Academic Life

A. S. Mylnikov (Leningrad). A Symposium Devoted to the 100th Death Anniversary of I. I. Sreznevski	168
Ye. N. Studenetskaya (Leningrad). An Exposition Devoted to the Peoples of Transcaucasia in the State Museum for the Ethnography of Soviet Peoples Expeditions in Brief	170 173

Criticism and Bibliography

General Ethnography

G. E. Markov (Moscow). Yu. V. Bromley. Contemporary Problems of Ethnography (Outlines of Its Theory and History)	174
A. I. Pershits (Moscow). V. P. Alexeyev. Historical Anthropology	178

Soviet Peoples

M. V. Murzabulatov (Kazan'). R. G. Kuzeyev. A Historical Ethnography of the Bashkir People	181
I. A. Kremliova (Moscow). V. F. Milovidov. The Old Believer Faith in Present Times	183
H. Strods (Riga). L. H. Feoktistova. Estonian Agriculture in the 18th to Early 20th Centuries. Its System and Technology	185
V. P. Alexeyev (Moscow). A. D. Gratch. Ancient Nomads in Central Asia	187

Технический редактор *Беляева Н. Н.*

Сдано в набор 11.05.81	Подписано к печати 05.08.81	Т-09299	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}
Высокая печать:	Усл. печ. л. 16,8	Усл. кр.-отт. 49,4 тыс.	Уч.-изд. л. 18,9 Бум. л. 6,0
	Тираж 2894 экз. Зак. 5422		